

Виктория Мельникова

Невеста для дофина

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Все студентки магической академии в волнении: скоро придет дофин, чтобы выбрать себе невесту. Срочно! Срочно читать столичные альманахи! Срочно искать белила и косметику! Именно так думала Эвон, юная мечтательница с факультета книжной магии. Ведь ей нужно замуж за дофина не ради какой-то там любви! Только богатый муж способен помочь спасти родовое «Гнездо». А вот получится ли?

- [Виктория Мельникова](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

Виктория Мельникова
НЕВЕСТА ДЛЯ ДОФИНА

ГЛАВА 1

Глубоко вздохнула. Сейчас мне понадобится вся моя решимость. В конце концов, я полночи настраивалась!

— Спокойнее, Эвон! Спокойнее! Всего лишь фамилия и росчерк.

Сделала шаг вперед и замерла в нерешительности. Что-то уговоры помогли мало.

— Вы сегодня рано, мадемуазель Эвон.

Вздрогнула, едва не подпрыгнув. Классная дама. Впрочем, мадемуазель Луиза ободряюще мне улыбнулась, сразу догадавшись, что я делаю в холле перед стендом с объявлениями. Неуверенно растянула губы в ответ, радуясь, что классная дама не стала мучить меня разговорами и отправилась дальше по коридору.

«Запись на смотрины невест для его высочества». Вот так. Простой лист с такими важными словами. Ну как можно оставаться спокойной?

Сцепив пальцы, в отчаянии смотрела на доску объявлений. И что мне делать? Я, конечно, хороша, но не так, как некоторые наши девочки. У меня неплохие оценки, но до успехов Бланш и Армель далеко. Мой род насчитывает несколько веков, но богатства... Если говорить о приданом, меня переплюнет даже Виолет, чей папенька купил титул двадцать лет назад. А еще мне немножечко не хватает изящества и женской хитрости. Немножечко. Клянусь вам! Меня в академии называют «прямолинейная Эвон». Я не обижаюсь, но дедушка говорит, что слишком много позволяю подругам и просто одноклассницам. Считаю, что в этом и есть мое очарование.

Хотя если судить объективно, похвастаться мне особенно нечем: древний род, земли рядом с границей и гордость. Все. Ах, забыла! Магический дар. Девочкой я мечтала о даре целительства, но, увы, не повезло, и мне досталось умение обращаться с книгами.

Все магические академии устроены одинаково: около десятка факультетов, и только на два из них могут поступить девушки — на целительский, а также библиотекарей и архивариусов. Второй не такой уж многочисленный, своих отпрысков богатенькие аристократы пытаются пристроить на более престижные. К примеру, боевой факультет, откуда дорога сразу в гвардию его величества, алхимический — не менее почетная должность криминалиста в департаменте расследований. Да мало ли куда! Все лучше, чем прозябать в пыльных архивах или

библиотеках. Потому наш факультет самый малочисленный и, собственно, единственный, после которого почти никуда не устроиться представителю дворянского рода. Детям из богатых аристократических семей, конечно, не так важно получить работу с хорошим содержанием — есть диплом престижного заведения, и ладно. Особенно для девушек, нам-то и деваться некуда. Нет лекарской жилки — на целительский не попадешь, а значит, практики не будет.

Впрочем, нас, девушек, и обучают, особенно не утруждаясь, требуя значительно меньше, чем от парней. И если бы не приказ Луи Первого, почившего более трехсот лет назад, всех молодых особ по-прежнему учили бы домашние учителя, не умеющие распознать в своих воспитанницах магические способности. А магия, не раскрытая до конца, исчезает. Поэтому по достижении четырнадцати лет все юные особы разбредались по магическим академиям и университетам, чтобы не дать дару угаснуть.

Заведение, в котором учусь я, располагается на юге страны и не является самым известным или престижным, впрочем, и в хвосте мы не плетемся. Откровенно говоря, сюда поступали те, кто не добрал баллов в королевский университет. Но меня все устраивало: всего в шестистах лье от дома, привычный климат и не самое спесивое окружение.

Конечно, мне скоро предстоит выходить в свет, подыскивать мужа хотя бы потому, что семья не выживет без материальной поддержки. К тому же крестьян на наших землях разоряют постоянные набеги из соседней Испании и стычки на границе. Да и богатыми урожаями мы похвастаться не могли, наша семья всегда жила больше за счет рудников, чем урожая винограда, как наши соседи.

Дедушка еще держится, но я-то знаю... дела идут ужасно. Мне бы не помешал богатый и влиятельный муж. Так что отбор — мой шанс! Ведь на нем выберут не только невесту для дофина, но и для его окружения — графов и виконтов, а может, даже для младших сыновей короля. А что? Условно под все требования, устоявшиеся веками, я подхожу: из древнего рода со стабильной магией (и дедушка, и родители, и даже младший брат обладали даром), который всегда был верен короне. За последние двести лет моя семья не участвовала ни в одном заговоре против законной власти.

Остается только понравиться его величеству. Легко ли?

Вздохнула. Непосильная задача, если рядом будет Марго или Аврора. Они притягивающие взор блондинки с жемчужно-розовой кожей, которую оберегают от прямых солнечных лучей шляпками и вуальками, а я, как и все уроженки Басконии, черноволоса и смугла. Они с точеными, чуть вздернутыми носиками, у меня же, как и у всех в нашей семье, крупный,

немного хищный нос. У меня есть и достоинства: красивый разлет бровей, нежная линия губ и большие глаза. Миленькая, но не красавица.

Впрочем, я никогда не переживала по этому поводу до тех пор, пока во время последнего визита домой не увидела письма и отчеты на столе деда. Нам нужны деньги. Замку необходимо золото. Антуану еще рано жениться, чтобы надеяться поправить дела приданым невесты. Мне же... Можно было надеяться на хорошую партию и на то, что мои мольбы достигнут цели и супруг выделит на содержание замка несколько тысяч тарэ. Ведь родственникам нужно помогать, верно?

А брак по любви — ах, прошу вас, оставьте это для черни и наивных дурочек, которые верят в подобное. Ничего хорошего в этой любви нет. Это я вам точно говорю. Я уже была влюблена в восемь лет в сына графа. Когда я совершенно случайно — клянусь, что случайно! — утопила в озере дорогую вазу (мне было просто интересно, сколько воды в нее поместится), Анри выдал меня. Я надолго запомнила наказание розгами, которое получила по приказу папеньки, а любовь к графскому сыну ушла в тот же день.

А уж после поступления в академию мысли о замужестве из-за внезапно вспыхнувших чувств исчезли. Брак — это своего рода политика. Взаимовыгодный союз и надежда на мирное сосуществование. А я достаточно умна, ну или думаю, что умна, чтобы закрывать глаза на маленькие слабости будущего мужа. Особенно если мне позволят спасти «Гнездо».

Так почему бы не дофин? Морально я уже готова даже к фавориткам, всю ночь себя уговаривала, после того как прочла объявление об отборе. Впрочем, странно, что выбор невесты для наследника дошел и до нас: обычно, как говорят, он проходил в столичном университете, где принц выбирал лучшую из девиц. Неужели там не нашлось достойной герцогини? Или дочери графа? Хотя кто знает, какие сейчас требования к кандидаткам, нынешняя королева — дочь баронета и не отличается неземной красотой.

Никто не знает точных критериев отбора. Возможно, дело в совпадении потоков магии. А что, достаточно модное сейчас направление: гадалки на улицах предлагают их посчитать всем, кто заинтересуется и пожертвует на это парочку рё.

— Эвон! Ты тоже записываешься?

Вздрогнула и едва не выронила перо из рук. Армель, моя лучшая подруга, подкралась совершенно незаметно. И что ее заставило подняться в такую рань? Я привыкла встречать рассветы и потому пришла в этот ранний час, чтобы никем не замеченной оставить свое имя под

объявлением. Конечно, потом его увидят. Но мне не будет так мучительно стыдно, как если вписывать себя под взглядами сотни девочек.

— Тоже? — Я удивленно выгнула правую бровь. — И ты?

— Конечно. — Армель хихикнула и, забрав у меня перо, вывела свое имя в скудном пока перечне фамилий и титулов. — Отец сразу же прислал голубя, едва дошли слухи, что дофину в столичной академии невесты по нраву не нашлось.

Улыбнулась. Ну что ж... Рядом с нашей «каменной принцессой» шансов у меня еще меньше, но если отбор проводится не только по внешним данным? И к тому же я не стремлюсь к титулу будущей королевы. Меня вполне устроит князь или граф. Да даже барон, лишь бы из свиты дофина и с большим кошельком.

Армель скептически на меня посмотрела, после чего размашисто вписала и мое имя, заставив меня поперхнуться. Как же так? Почерк настоящей леди должен быть изящен и уборист, с обилием завитушек и черточек. Я полночи тренировалась. Ведь неизвестно, что может испортить впечатление. Вздохнула. Чего уж теперь.

— Мы теперь соперницы? — Армель улыбнулась, демонстрируя ямочки на щеках, и ткнула меня пальцем в ребра.

Улыбнулась как можно дружелюбнее — мужчинам же нравятся улыбочивые девушки. Значит, будем учиться излучать положительные эмоции везде и всюду.

— Еще какие! — кивнула, разглядывая подругу.

А что? Из нее выйдет хорошая королева: красива, умна, утонченна. Маркиза! Род, конечно, не такой древний, как мой, но семь колен насчитывает (для смотрин достаточно пяти). Хотя так о себе думает каждая вторая дворянка в академии. И я не исключение. Да что там говорить — мы все тут ради выгодных партий. Конечно, каждая училась на совесть, не будет диплома — магию опечатают. Для большинства это приговор, который поставит крест на удачном замужестве. Никто не захочет лишать своих потомков шанса попробовать силы в очередных королевских смотреинах. Ведь магию девушка передаст дальше своим детям. Поэтому дочерей отпускают учиться охотно, диплом с высокими оценками тоже часть приданого. А присматриваться к молодым талантливым магам в академии никто же не запрещает. Ведь так? Именно поэтому большинство дворянок к последнему курсу подходят с заветным браслетом на правой руке.

Вот они сейчас, наверное, искусили себе все губы от досады. Но заключенную помолвку просто так не расторгнуть, и получается, что

значительная часть титулованных красавиц «вне игры». Кстати, надо сказать, его высочеству весьма не повезло, последние два курса (на одном из которых я) почти наполовину «заняты» местными дворянами. Хотя не удивлюсь, если завтра пойдут волной расторгнутые помолвки. Впрочем, опасное это дело — мало ли, а вдруг ни дофин, ни кто-либо из его окружения тебя не выберет, что дальше? Для всех ты окажешься девушкой, отказавшейся от своего слова в надежде уцепиться за жениха побогаче. Кто возьмет такую невесту в дом?

А условия отбора оговорены четко: девица, достигшая шестнадцати лет, без предварительного договора о заключении брака, обладающая магическим даром, из дворянского рода, в котором на протяжении не менее пяти поколений рождались только маги, без малейшего намека на участие в заговорах или бунтах против короны. Внешних, неприятных глаз, изъянов у меня тоже не было, если не считать крупный нос, но, честное слово, он меня не портил.

Но самое важное требование: девушки должны быть сво-бод-ны-ми. Ни помолвок, ни замужества. Потому первые «богини» нашей академии могли наблюдать за отбором только со стороны, что откровенно радовало. Хоть с ними не придется соперничать.

Одна из таких сговоренных красавиц, Атенаис, прошла мимо нас с Армель и, толкнув меня плечом, подошла к объявлению. Несколько минут она изучала его, в том числе перечень необходимых «достоинств».

Увидев наши с подругой фамилии в списке, Атенаис лишь скривила губы и, бросив на нас презрительный взгляд, прошествовала дальше по коридору.

На правой руке красавицы поблескивал изящный золотой браслет, хотя большинство обходились серебром. Жених Атенаис был баснословно богат: вдовствующий герцог, правда, на целых десять лет старше ее. Почти старик! Впрочем, говорят, предыдущая его жена как-то странно ушла из жизни, но кому какое дело до женщины, которая не могла понести от мужа в течение восьми лет.

А ведь у Атенаис были все шансы стать невестой дофина, не обручась она пару недель назад: высокая, тонкокостная, словно эльф из легенд. Да и была одной из лучших на своем потоке в магии. Судьба!

Женская половина академии потихоньку просыпалась, в коридор выходили одетые и причесанные девушки. Те, что помладше — выглядели кое-как, на старших курсах уже научились обходиться без камеристок. Смирение и умение обслуживать себя — две важные составляющие обучения. По крайней мере, именно так говорит директриса.

Мы с Армель, прислушиваясь к шепоткам, поспешно отошли в сторону. Младшие девочки гудели и театральнo заламывали руки: каждая из них была уверена, что именно она могла быть достойна дофина, если бы не дурацкое правило о возрасте — участие с шестнадцати лет, старшие сетовали на свои обручальные браслеты. Стать королевой хотела каждая. Хотя к чему стенания, мне непонятно. Все знают, что в двадцатилетие наследного принца устраивают отбор, обычно в королевском университете, и весной играют свадьбу. Это правило непреложно. На этом держится одна из магических составляющих королевства.

Именно в двадцать. Не раньше и не позже. Другое дело, никто не предполагал, что дофин не найдет в главном учебном заведении среди цвета дворянства своей судьбы, а потому поспешили заключить довольно выгодные союзы.

Я даже испытывала некое чувство злорадства. У меня в свое время не было шансов попасть в столичный университет, и я даже не пыталась туда поступить, сэкономив нервы и, главное, деньги дедушки. Ведь конкурс был огромен. Особенно на «женские» места. А еще у меня не было вариантов для хорошей партии, потому и нечем хвалиться перед подружками в коридорах. Но! Зато теперь я смогла вписать свое имя в список, а ни одна из красавиц, называющих нашу академию «провинциальной дырой» или с превосходством показывающих мне браслет, не могла. Естественно, я злорадно улыбалась. Не обладаю я всепрощением и смирением, как учат святые отцы. Что поделать!

— Пойдем, Эвон, а то опоздаем либо на завтрак, либо на картографию. Месье Андрэ не интересуют причины, по которым мы задержимся, даже если это смотрины невест у дофина.

Поспешно кивнула, соглашаясь с подругой. Вот уж точно! Барон Андрэ Пуалье отличался склочным характером и считал свой предмет не только наиважнейшим среди всех преподаваемых в академии, но и наилучшим. Опаздывать на него запрещалось под страхом отработки. А отработка у месье Андрэ, скажу я вам... то еще удовольствие. Барон вечно находил самый пыльный, самый убогий и «мертвый» архив, где книги уже не откликались на магию и все приходилось делать вручную. Или заставлял собственноручно переписывать огромные фолианты. А как избежать помарки или кляксы? У меня лично не получалось никогда.

Так как мы опомнились вовремя, то могли позволить себе не спешить, путешествуя по галерее с решетчатыми ставнями, из-за которых скупо пробивался утренний свет. Коридоры нашего крыла еще были пустынно, ведь учениц на самом деле было не так уж много. Говорят, в последние

несколько десятилетий девочек рождается гораздо меньше, чем мальчиков. Вещуны предрекают близкую войну — мол, верный признак. Но какая война? На наших границах уже много веков стоит королевский купол, который надежно охраняет страну. Редкие набеги бывают, но это отчаявшиеся от голода крестьяне из соседней Спани, а не регулярные войска. Уж армию-то магия не пропустит.

Все завтракали в академии в общем зале. Что было едва ли не единственным местом общения девушек с парнями. Не могу сказать, что меня это радовало, так как все парни — вредные, шумные и глупые существа. Особенно те мальчишки, что помладше. С ними совершенно невозможно общаться. Я точно знаю, потому что только на нашем факультете обучают вместе, в нашей группе восемнадцать девушек и шестеро парней.

Обеденный зал был огромен, многочисленные столы ломились от яств. Девушки обычно занимали самые правые столы в помещении рядом с высокими, под потолок, окнами, это было неписаное правило, которое соблюдалось уже не одно столетие. На небольшом возвышении располагались места для преподавательского состава.

Сидеть около окна было плохо, изо всех щелей дуло. Когда-то королевский замок, отданный еще до смуты под академию, был старым, сложенным из огромных каменных глыб сооружением, а потому продувался всеми ветрами. И если к концу первого курса свои спальни ученики умудрялись заговаривать заклинаниями, то с учебными и техническими помещениями так не получалось, слишком обширны были площади.

Поежилась от очередного ветерка в спину и села на краешек стула, чтобы не так дуло, прислушиваясь к разговорам соседок.

Естественно, за столом было шумно. Девушки забыли о еде и перешептывались, изредка отпивая тыквенный сок или воду. Все обсуждали дофина и его свиту. Каков он — наследник трона? Амели, первокурсница с целительского факультета, в прошлом году ездила с матушкой в столицу и теперь, гордо надув щеки от всеобщего внимания, вспоминала, как выглядит дофин.

— А глаза? Глаза какие?

— Темные! — уверенно ответила Амели, намазывая тост гусиным паштетом. — Такие, что глянет, и ух! Сердечко затрепетало.

— А рост? Высокий?

— Выше меня уж точно! На шесть ладоней выше. Не меньше. А я еще в новых туфлях была, знаете, такие, на высокой подошве...

— На шесть ладоней! — возбужденно зашептались девочки, прекратив слушать Амели, пока та рассказывала, какие именно туфли были на ней.

— А дофин — брюнет или блондин? — хрипло поинтересовалась смуглая, как и я, Лиаль.

Все замерли в ожидании. Даже, кажется, дышать перестали.

— Конечно, блондин! Ты что, портретов не видела? — возмущенно зашипела голубоглазая Ильма, с негодованием посмотрев на Лиаль. — Нельзя спросить что-то более важное?

Портреты, естественно, видели все. Миниатюры дофина и все альманахи с изображениями королевской семьи были раскуплены еще позавчера, когда появился слух, что его высочество едет к нам. Но услышать хотелось от очевидца. Мало ли? Может, художник основательно польстил Луи-Батисту. А дофин кривой и косой. Впрочем, это все равно не уменьшило бы количество желающих выйти за него замуж.

— Блондин! — важно кивнула Амели. — И волосы такие длинные, до лопаток. И блестят! Словно на мед на солнышке глядишь.

— Липовый или гречишный?

— А правда ли говорят, что у него голос, как у соловья?

— Правда или врут, что он утончен и изящен, как девушка?

Вопросы сыпались со всех сторон. У меня даже голова заболела от галдежа.

Парни за соседними столами тоже прислушивались к нашим разговорам, но скорее с недовольством. Конечно, кому понравится, что они перестали быть центром внимания? Никому. Вот и парни с боевого факультета злились, но о завтраке не забывали.

— А свита? — Я впервые подала голос. — Говорят, у дофина есть «компания по интересам».

В свою возможность завоевать сердце принца я не верила. Куда уж мне. Может, у Армель и были шансы, а у меня точно нет. Но вот свита... богатенькие наследники родовитых семейств. Я же могу понравиться, скажем, наследнику герцога Акатанского? А что? Главное, очаровать, чтобы у него возникло желание помочь дедушке и брату.

Девочки, видимо придя к тем же выводам, жадно уставились на Амели. Первокурсница, чувствуя свою важность, надулась еще сильнее.

— Да! Рядом с дофином всегда пятеро юношей!

Пять! Великолепно! Конечно, и претенденток явно не три, но шансов-то гораздо больше, чем с одним. Ах, жаль, что мы все-таки не в столице — ведь можно было бы найти информацию о том, какие девушки нравятся спутникам дофина, возможно, ароматы... Никогда не любила эти

«вонючки», но для благого дела... можно и потерпеть пару недель.

— Амелия! Немедленно остановись!

Все дружно обернулись в сторону входа. Амелия, одна из главных красавиц академии, стремительно вбежала в обеденный зал. За ней, пытаясь ухватить девушку за руку, ворвался юноша с факультета некромантов, принадлежность к которому выдавали кушак и шарф на шее. Молодого парня знали все: талантливейший некромант Жан-Клод в этом же обеденном зале год назад сделал предложение Амелии, и она согласилась. У юноши были хорошие перспективы, несмотря на небольшой титул, — всего лишь барон, зато отца Жан-Клода король приблизил к себе. Дорогого стоит.

Сейчас же юноша был взволнован и возбужден, он пытался ухватить разозленную красавицу за руку или за край плаща. А в руках парня... Все в столовой ахнули. Обручальный браслет! Неужели Амелия разорвала помолвку, чтобы записаться на отбор? Невероятно!

— Между нами все кончено! Все! Точка!

Даже я не поверила словам девушки. Она говорила чуть не плача, отвернувшись от жениха, чтобы он не видел ее покрасневших глаз. Неужели Амелию заставили?! Я точно помню, что ей пришло письмо вчера вечером: наши с целительницей комнаты расположены по соседству, и я видела, как комендант (неслыханное дело!) принесла ей корреспонденцию. Неужели отец? Бедная Амелия!

Жан-Клод застыл статуей, сжав руки в кулаки. Впрочем, доставлять нам удовольствие разглядывать свое побледневшее лицо парень не стал — выбежал вон подобно вылетевшему боевому заклинанию. Несчастный влюбленный.

Амелия под взглядами всех студентов подошла к нашим, девичьим, столам и села, ссутулив плечи. Девочки, которые оказались поближе к целительнице, вскочили со своих мест и окружили убитую горем девушку, поглаживая по голове. Всем было жалко Амелию. Вот и первые жертвы еще до приезда дофина. Все вокруг словно с ума посходили.

Ни я, ни Армель со своих мест не поднялись. И не потому, что мы такие бессердечные, просто там все равно не было места еще для двух жалельщиц. Да и пары у месье Андрэ никто не отменял. Именно поэтому мы быстро закончили завтрак и направились к выходу.

В обеденном зале стояла тишина, парни подозрительно вглядывались в лица своих избранниц, обращая внимание на их руки, проверяя наличие обручальных браслетов, девушки тоже примолкли. Даже вновь радостно защебетавшая Амелия не вернула интереса к обсуждению персоны дофина.

На пару мы попали вовремя, чего не скажешь обо всем нашем потоке. В лекционном зале было занято лишь несколько рядов — половина наших задерживалась, видимо, заболтались, обсуждая его высочество.

Преподавателю благодушного настроения полупустая аудитория не добавила. Месье Андрэ, грузный мужчина лет сорока, разозленно захлопнул дверь, закрывая опоздавшим вход. Все, если двери закрылись, то теперь только отработка. Что странно — сегодня учитель не кричал, не топал ногами и не брызгал слюной, называя всех, кто не пришел, неблагодарными свиньями, на обучение которых он тратит свое драгоценное время, вместо того чтобы писать работу для Королевского научного центра. Все негодование месье Андрэ свелось к тихому бурчанию, которое мне удалось разобрать только благодаря тому, что мы с Армель сидели в первом ряду.

— Оболтусы! На кого я трачу свое время? Несчастливые студенты, которые не в состоянии оценить всей красоты картографии и архивного дела.

В чем заключалась красота, мне было не понять. Но я благоразумно молчала, как и остальные, кто слышал это тихое негодование. Никому не хочется получить два раза широкой линейкой по рукам за высказывание с места без разрешения.

— Итак, сегодня мы поговорим о картографии. Те из вас, кто решит избрать это своей специализацией в будущем, должны слушать предельно внимательно. Остальные же обязаны знать хотя бы азы, чтобы заставить карту ожить.

Помните, я говорила, что устроиться на работу после окончания моего факультета тяжело? На самом деле я лукавила. Трудностей нет. Магические карты, архивы и картотеки есть в любом серьезном заведении, государственном и частном, но оклады там достаточно маленькие. Так что на эти должности идут лишь младшие безземельные сыновья или же разорившиеся аристократы. Если, конечно, не повезет устроиться в приличное ведомство. Впрочем, девушек туда не берут. Да и кто позволил бы мне работать?

Месье Андрэ между тем разложил на столе карту Франкии и склонился над выделанной кожей. Легкое касание за уголки, дуновение в самый центр, и карта стала оживать: на юге поднялись горы, украшенные снежными шапками, с севера и запада заплескался океан, даже крошечные виноградники угадывались на юге Васконии.

Аудитория ахнула от подобной красоты. Далеко не все видели «живые» карты: не каждый лорд мог позволить себе подобное чудо. Ведь

для активации требуется маг-архивариус. И точность карты напрямую зависит от дара заклинателя. Тот, кто послабее, лишь оживляет картинку, а наиболее сильные способны показывать на ландшафте еще и фантомы людей и животных. Говорят, именно так придворный картограф видит засады разбойников в лесах.

— Запомните, господа, живые карты делают только из шкуры молодых, не старше двух лет, коров и телят. При ее выделке следят за тем, чтобы не использовались агрессивные щелочи. Существуют целые районы, специализирующиеся на выделке шкур для магических карт. На неделе, я думаю, мы с вами совершим экскурсию, чтобы посмотреть на процесс изготовления.

В абсолютной тишине скрипели перья. Это усердствовали мальчишки, оно и понятно: большинство уйдет на картографию после зимнего солнцестояния, а вот девочки были неестественно тихие. Неужели и их увлекло? Украдкой обернулась и посмотрела, чем заняты соседки. С облегчением вздохнула, почти каждая рассматривала альманах с описаниями родов высшей знати.

— Чернила. Для живых карт используются только с добавлением толченого фиалкового корня. Не менее унции! Мы с вами попробуем нарисовать несколько простеньких карт после того, как изучим процесс приготовления чернил на следующем занятии и посетим квартал кожевников.

Девочки поморщили носики. Еще бы! Вот-вот приедет дофин, а им тащиться в грязный рабочий квартал. Я подобными предубеждениями не страдала. «Гнездо на скале» — наш семейный замок очень старый, и в него зимой частенько загоняют домашнюю скотину. Мне не привыкать к плохим запахам, все нижние ярусы «Гнезда» пахли в холода совсем не розами. Подумаешь!

— Запишите состав чернил. Естественно, я имею в виду общую основу, помимо цветного красителя. А также закрепляющее заклинание.

Не могу сказать, что месье Андрэ вел занятия не интересно. Скорее, монотонно и скучно. Но сегодня мне хватило очарования живой карты, чтобы слушать лекцию с удовольствием. Обязательно сделаю карту прилегающих к «Гнезду» земель. В прошлом году на черчении мы проходили основы картографии, и я добилась определенных успехов. Уверена, все должно получиться! Если холст будет совсем маленьким, то, думаю, у меня даже поднимутся участки предгорий и потечет река. Надеюсь, дедушка будет счастлив.

Для меня урок пролетел незаметно, и потому звук колокола стал

неожиданностью. Жаль прощаться с живой картой. Украдкой погладила краешек свитка, когда мы с Армель уходили. Конечно, от учителя не укрылось мое движение, но он промолчал.

В коридоре стоял гомон — даже голова разболелась. Сегодня все были возбуждены больше обычного, обсуждали предстоящие смотрины принца. Девочки — с восторгом, мальчики — с досадой. Ведь через несколько месяцев, в день зимнего солнцестояния состоится бал, а попробуй найди себе пару, если у всех девушек на уме только дофин.

И подумать только — впереди еще три пары: этикет, библиография и азы алхимии. Возможно, нам сегодня расскажут о магических красках? Молодая преподавательница леди Анжелика, появившаяся в академии сразу после столичного университета, была хороша собой и рассказывала весьма увлекательно.

Этикет я не любила — тем более у нас тут, на юге, относились ко всем этим «расшаркиваниям» проще, частенько игнорируя не только реверансы. Например, в нашей академической форме отсутствовал корсет. Правда, как заверяли местные врачи, по иным причинам, но я видела столичных студенток — все сплошь в корсетах.

Сэр Шарль наверняка удивится моему послушанию и прилежанию. Он приехал в нашу глушь после какого-то скандала при дворе короля, с тех пор ведет у нас этикет и дуэльный кодекс у мальчиков. Самый нелюбимый мой преподаватель, но придется потерпеть. Из-за предстоящего приезда дофина я сегодня собираюсь быть самой прилежной ученицей.

А библиографию... ну, можно пережить. В конце концов, не самый скучный предмет, если нам снова разрешат взять любую из секций библиотеки и составить ее каталог. Я даже знаю, что выберу — историю королевской семьи. Во всем нужна система. Стоит хорошенько рассмотреть всех королей. По какому принципу их выбирали?

И окружение. Насколько я помню занятия по истории, фаворитов у дофина всегда пятеро. Что за магическая цифра? И правда ли, что их свадьбы играют на следующий день после брачной церемонии принца? Если это так, может, и для них есть какие-то требования. А какие? Надо подробно изучить, зря, что ли, эти сведения собирали веками? Умный — найдет. Я же умная? Умная. А значит, подготовлюсь лучше других.

Потом побегу в женский корпус посмотреть на список. Он провисит ровно три дня, после чего его «закроют», приедет дофин и начнутся испытания. Не зря девочки носятся как угорелые, посылая голубей родителям. Платья, фамильные украшения... Глупые! Будто в стенах академии им разрешат что-то, кроме формы и воротничков.

Улыбнулась, взглянув на подругу. Мне надо обязательно озвучить ей свою мысль: вдруг повезет и мы выйдем замуж за кого-то из свиты дофина? Тогда будем видеться регулярно. А то «Гнездо» уж очень далеко от поместья Армель.

Увы, разговор пришлось отложить. Мэтр Шарль Готье, естественно, знал о скором приезде дофина, а потому сегодня нас безбожно гонял.

— Глубокий реверанс, мадемуазель! Я сказал глубокий!

Через силу улыбнулась и попробовала повторить. Но, увы, скромное ученическое платье не способствовало подобным акробатическим этюдам. Хотя, может, проблема во мне? У Армель же получилось это совершенно дурацкое приседание. И кто придумал глупость приветствовать дофина глубоким реверансом?

— Итак! При личной встрече с его высочеством вам нужно запомнить несколько простых правил, — размеренным голосом начал мэтр Шарль, проходя мимо нас, застывших в глубоком реверансе. — В присутствии дофина запрещено сидеть без разрешения.

У меня толком ничего не получалось. Завидую мужчинам, они всего лишь склонились в поклоне. Достаточно низко, но не в реверансе же. У меня правда не хватает изящества для танцев и сложных па. Надеюсь, это не помешает мне найти достойную партию. Я буду стараться! Наверное, именно поэтому, вместо того чтобы прекратить свои мучения и распрямиться, заработав тем самым дежурство на голубятне, я пытаюсь уместиться удобнее. Возможно, если юбка будет пышнее, я смогу правильно поставить ноги.

— Если дофин будет благоволить вам, то разрешит присесть на табурет.

Вздохнула. Табуреты в академии жуть какие неудобные. Высокие, на тонких ножках. На такие никак изящно не забраться. Надо потренироваться на днях. Может, именно мне повезет заслужить честь посидеть на табуретке?

— Однако, играя в настольную игру, сидеть вы можете.

Учитель подошел ко мне и, вздохнув, постучал линейкой по спине. Ровнее? Куда уж ровнее-то?

Впрочем, мысли уже отвлеклись на игры. Я любила настольные игры «Юный граф», «Захват державы». Забавы подобного рода стоили огромных денег и были не хуже топографических карт. Ах, как смешно топтались в бочках с виноградом «ожившие» благодаря магии человечки. Или в трактирах можно было разглядеть выпивох-крестьян. Помнится, пока родители были живы, мы с папенькой любили играть в подобное. Пана был

сильным картографом, а потому его дар позволял оживлять целые участки холста настолько реалистично, что иногда я невольно пугалась хищников в лесах.

В академии тоже играли, но, увы, карты были самые обычные, неодушевленные, с простыми статичными картинками. Впрочем, это не мешало мне достаточно уверенно доходить до финиша. Правда, победителем неизменно выходит Анри Бошенар с факультета менталистики, но я уверена, он жульничает и пользуется даром. Конечно, на нем висит амулет, но слишком уж он хорошо играет. Разве так бывает, чтобы за два года ни одного проигрыша?

— Судя по тому, что с чердака вытащили живые холсты, вам выдастся возможность поиграть с дофином.

Оживилась. Вот уж где я могу проявить свои недюжинные таланты. Ведь чтобы хорошо сыграть, нужно неплохо знать экономику, стратегию, логику. Определенно, надо добиться игры с дофином.

— А пока отрабатываем реверансы и поклоны! Особенно те мадемуазели, кто записался на отбор.

При этих словах мэтр Шарль красноречиво посмотрел на меня. Что уж скрывать. Я и Армель в первой десятке.

Девочки, которые были обручены, а значит, в отборе не участвовали, естественно, заметили взгляд учителя и теперь похихикивали над моим реверансом. Подумаешь! Хотя, конечно, первое впечатление очень важно. Вздохнула. Попробуем еще раз!

ГЛАВА 2

Я стояла перед списком и не могла поверить. Сорок две претендентки! Думала, нас будет человек двадцать. А тут... Арно и Батьи вообще обручены. Или они поступили, как Амелия? Ужас какой! Как можно отказаться от своего слова? Придирчиво осмотрела список. И, как назло, для меня конкурентки почти все — кроме двух-трех девочек. А в свите дофина всего пятеро.

Я, кстати, недавно вернулась из библиотеки. Не могу сказать, что нашла там что-то конкретное, но, когда имеешь чуточку мозгов, все выстраивается вполне логично.

Итак, сразу же после своего двадцатилетия наследный принц объявляет отбор и отправляется в столичный университет. Если там невесты для себя не находит, выезжает в магические академии. И что примечательно — фавориты принца ищут себе невест тоже из числа конкурсанток. Значит, я поступила верно, записавшись!

Сделала выборку по восьми последним королевам и занесла сведения в общую табличку. Все именитые дворянки, оно и так понятно. Но всего две были маркизами, одна герцогиней, а остальные лишь дочерьми баронов. Ясно, что дело совершенно не в титуле. И явно не в неземной красоте претенденток. Я только двух назвала бы редкими красавицами, остальные обычные, одна вообще откровенно страшенькая. Богатый внутренний мир? Возможно. Отличницами тоже ни одна не была (я воспрянула духом).

Я даже составила звездные гороскопы для королев. Ничего общего — ни знаков зодиака, ни Юпитера в доме Венеры... Но должно же быть что-то! Подумаю за ужином.

Сегодня за столами было необычно мало народу. Что, все девчонки решили экстренно худеть? За пару дней? Бред какой-то. Оглядела собравшихся. Всего пара женских «островков».

Любое учебное заведение, а особенно то, где есть женский коллектив, обречено на появление «кружков» по интересам. В каждом из них время от времени одна из девочек решает, что она красивее, умнее, богаче, родовитее, чем остальные, и начинает задирать нос. Собственно, у нас такие группировки тоже были. И сейчас члены одной из них во главе с Атенаис разглядывали меня с ехидцей в глазах.

Украдкой осмотрела себя — костюм не испорчен, коса не

растрепалась, даже руки, против обыкновения, чернилами не испачканы. Что им от меня надо? Или это реакция на мое участие в отборе? Ведь сама Атенаис при всей своей красоте не рискнет отказаться от жениха.

— Амели, а фавориток дофина ты видела?

— О да! Фрейлину ее величества Луизу де Марсуа. Она блистала в позапрошлом сезоне, — охотно откликнулась первокурсница, ставшая сегодня центром внимания не хуже любой фаворитки дофина. — Но его высочество не слишком постоянен. Говорят, за прошедшие четыре года он сменил уже шесть любовниц, — шепотом сообщила девушка всем присутствующим.

Подумать только! Шесть. Я едва не поперхнулась. И замахнулся на фрейлин ее величества! Обычно для дофина и придворных повес на роль фавориток подбирали девушек из семей разорившихся мелкопоместных дворян, зачастую бесприданниц без надежды на хороший брак. Через год или два такие девушки покидали двор с солидным приданым и выходили замуж где-нибудь в провинции. Для них был придуман определенный термин — «не бывшие замужем вдовы».

По-моему, это унижительно. Лучше монастырь, чем продавать свое тело мужчине, выбравшему тебя, как игрушку! Безусловно, какие-то права у «вдов» были, но отказаться от покровительства мужчин, если они пришли ей не по нраву, девушка могла лишь дважды. Если она отказывалась и в третий раз, ее возвращали родителям. Фактически опозоренную. Кто же поверит, что, побывав при дворе в роли «вдовушки», она осталась чиста? А порченная, без приданого, кому нужна подобная девица? Вот и жили такие «бабочки» во дворце, пока не прогонят. Ужасно!

Фрейлин же отбирали более тщательно, поэтому как могла оказаться среди них фаворитка? Девушка с фактически подмоченной репутацией. Задумчиво уставилась на Амели, может, она не так поняла дворцовые слухи.

— И что? Среди них была хоть одна чернявая низкорослая девица? — вскинув бровь, поинтересовалась Атенаис, перебрасывая на грудь толстенную золотую косу.

— Что? Нет конечно же! — Амели звонко рассмеялась. — Все фаворитки дофина высокие голубоглазые блондинки. С безупречной алебастровой кожей.

Тайком поглядела на свою слегка загорелую руку. Говорил мне дед не сидеть на солнышке без зонтика. А теперь что? До алебастра мне никак не дотянуть, даже прими я молочную ванну, ноги не удлинить: я одна из самых низеньких на потоке. Да и черные кудри не выбелишь. Завидую

блондинкам!

Призадумалась, кто же из сорока претенденток отвечал вкусам дофина, и расстроилась — каждая вторая. Смену моего настроения заметила Атенаис. Красавица усмехнулась и сказала достаточно громко, чтобы слышали и за соседним столом:

— Надеюсь, ты понимаешь, Эвон, что у тебя нет ничего, что могло бы привлечь дофина. Даже имя скучное и невыразительное.

Я вспыхнула. Обидно, что она так — при всех. Тем более к нам начали прислушиваться и мальчики. Что я сделала лично Атенаис? Улыбнулась через силу (помнить, улыбочивые девушки более привлекательны).

— Может, дофина потянет на экзотику? В толпе блондинок я выгодно выделяюсь.

Задрала подбородок и стиснула зубы. Я не собираюсь сносить насмешки. Тут только раз позволю загнать себя в угол — не выберешься никогда. Я достаточно на это насмотрелась. С другой стороны, раньше я была довольно благоразумна, чтобы не нарываться на открытый скандал с девичьими группировками.

— О! У мадемуазель Эвон такие глаза! Огромные, блестящие! — восхищенно прочиркала Амели, не заметив напряженной ситуации. — Ей бы немного косметики, и дофин точно обратит на нее внимание.

— У Эвон глаза, как у глупой коровы, — перебила первокурсницу Атенаис. — Неужели ты настолько глупа, чтобы этого не видеть?

Амели притихла, испуганно разглядывая злую старшекурсницу. Весь день девочка была в центре внимания, а тут внезапно что-то изменилось, и Амели не сразу могла понять, с чем это связано.

А вспышка Атенаис заставила меня недоумевать. Почему именно на мне она срывается? Потому что сама не может даже попытаться стать невестой дофина? Почему не на Изабелле, своей подруге, которая также записалась на отбор, а на мне, никому не известной, ничем не выделяющейся девице. Неужели она видела во мне претендентку на трон? Глупо. Или ее бесил сам факт, что она, такая красавица, осталась не у дел, а любая «серая мышь» может попытать счастья.

— Но ведь... — Амели наконец сфокусировала свой взгляд на мне, кажется, с пониманием происходящего. — Нет, я уверена, у Эвон удивительные глаза. Как у лани.

— Ты совершенно точно глупа! — раздраженно бросила Атенаис и, скомкав салфетку, поднялась из-за стола. — Изабелла, Луиза, пойдете. Нам нечего здесь делать.

Я проводила Атенаис удивленным взглядом. Надо подумать над

причиной этой вспышки, заодно и над последствиями: эта гордячка не такой человек, чтобы просто так проглотить подобное. Я не параноик, но за здравую осторожность.

— Что это с нашим Цветочком?

Я оглянулась на только что подошедшую Армель и демонстративно пожалала плечами. Разве тут поймешь! Может, Атенаис знает что-то, чего не знаю я? Например, что наследник графа де Армарьяка обожает маленьких черноволосых девушек? И оттого злится, что из всех, подавших заявку, я одна такая, а значит, точно пристроена? Ну, так со свитой может попытаться счастья любая, главное, чтобы была свободна. Вдруг им понравятся и другие девушки. А черноволосых девиц у нас тут половина академии.

— Девочки, — между тем зашептала Армель, подманивая меня и Аврору — милovidную блондинку, которая тоже была претенденткой. — Я тут раздобыла альманах за прошлый месяц.

— И что? — Я удивленно вскинула брови, рассматривая подругу, которая торопливо намазывала мягкий сыр на тост.

— Эвон, ты балда! К нам приезжает дофин! А мы что?

— Что? — испуганно пискнула взволнованная Аврора.

— А мы провинциальные девчонки, — подытожила Армель, не прекращая жевать. — Ни платьев по последней моде, ни причесок, ни макияжа. Он приедет и так же уедет, решив, что поторопился с решением насчет девушек из столичного университета!

Определенная логика в словах подруги была. Дофин наверняка привык к редкостным красавицам и пресыщен женским вниманием, раз уж «вдовушки» его перестали устраивать и он перешел на фрейлин. Мы можем оказаться в невыгодном свете.

— В провинции так тоскливо, — шепотом согласилась Амели, придвигаясь к нам поближе, после вспышки Атенаис она явно чувствовала себя неуютно. — Ни новых шляпок, ни лент. Даже вышивают то, что модно было три сезона назад.

Я застыла как вкопанная. Ну конечно же! Мы совсем отстаем от моды, и искушенному дофину будет скучно среди нас. Как я об этом не подумала? Прислушалась к общим разговорам за столом. Девочки жадно обсуждали, как украсить шарфиками школьную форму: «Говорят, в столице нынче модны шарфы-банты». В общем, все обсуждали одно и то же.

— Ты думаешь, мы совершенно немодные? — поражено воскликнула Аврора, часто захлопав глазами. — И дофин разочаруется в нас?

— Как пить дать, — важно кивнула Армель, вставив фразу, которую часто повторяла повариха, когда мы приходили на кухню за порцией

сладких слоек с яблоками, — потому приглашаю тебя сегодня к себе. Будем втроем тренироваться делать прически, как на картинках. Только тайно.

— Почему тайно?

Иногда наивность Авроры раздражает. До сих пор не понимаю, зачем Армель привела ее к нам в компанию. Вечно мямлит и не сразу понимает, что мы задумываем.

— Потому что собираться после отбоя запрещено, милая.

Аврора смутилась и покраснела от покровительственного голоса Армель. Блондинка согласно кивнула, подтверждая намерение прийти посмотреть альманах.

Все-таки умная у меня подруга. Мне даже в голову не пришло, что нас могут принять за деревенщин, а наши наряды далеки от изящества. Все же вокруг так ходят: темно-синее платье с глухим воротом и съемными кружевными воротничком и манжетами. Не очень пышный, без украшений наряд символизировал смирение и, по замыслу директора, не отвлекал от учебы. Ни нас, ни мальчиков. А ведь мы юные леди! Должны быть полны грации и изящества. Мне шестнадцать, в конце концов, а я еще ни разу не надевала бального платья. Подумать только — кому Расскажи, засмеют.

Хотя есть у нас с Армель последний аргумент: все прошлое лето мы учились целоваться. На виноградниках. Об этом писали в столичном альманахе, утверждая, что любая уважающая себя девушка обязана уметь целоваться, чтобы не казаться полной дурочкой. Правда, там советовали брать персики, но персиков у нас не было, зато винограда в избытке, но разница ведь небольшая?

— Что у тебя, Жаннет?

После громкого вскрика все разом повернулись к Жаннет, которая, поглощая тыквенную кашу, с интересом изучала пергамент. Все девочки вытянули шеи, силясь разобрать, что же такое интересное рассматривает баронесса.

— Схема кружевного воротника. Думаю, за пару ночей свяжу. Последнее веяние моды!

Девочки вскочили со своих мест и, возбужденно перешептываясь, подошли к сидящей Жаннет. Кто-то запоминал, кто-то украдкой перерисовывал основные узлы прямо себе на ладонь. Я расстроилась. Ни вязать крючком, ни плести на коклюшках я не умела. Все мои воротнички делала Армель. И если себе она вполне успеет сплести новое модное кружево, то я точно останусь со старым!

— Плести ночью? А как же цвет лица, Жаннет? — глубокомысленно заметила первокурсница с целительского. — От недостаточного сна твоя

кожа может побледнеть, а под глазами появиться круги. И глаза покраснеют.

Студентки, как одна, отшатнулись от схемы Жаннет, будто от чумы. Все прекрасно знают, какими мы «красавицами» становимся после ночей перед экзаменами.

— А косметика на что?

Все ахнули и зашептались. Краситься нам запрещали даже безобидными белилами. Помнится, я очень страдала на первом курсе, когда не могла ими воспользоваться и осветлить кожу.

— Но ведь классные дамы... — Аврора испуганно обернулась на преподавательский стол, уже, правда, почти пустующий, а то бы нам никто и никогда не разрешил такое столпотворение.

— А что они? Появлюсь за пару минут до встречи с дофином. Умываться меня точно не отправят. Ведь его высочество обязаны встречать все претендентки.

Замерла с открытым ртом. Вот уж не думала, что Жаннет такая хитрая. И ведь она права. Кто отправит нас в ванные комнаты, если дофин уже на пороге? И у меня есть шанс предстать перед принцем набеленной и нарумяненной. И, возможно, даже с помадой. Если Армель поделится.

— Девочки! — приглушенно пискнула Аврора.

Мимо прошли классные дамы, и все поспешно расселись по местам.

А я лихорадочно думала. В свете сегодняшних событий мои и так невеликие шансы падают все ниже и ниже. Мало того что я не голубоглазая блондинка, а совсем наоборот, так еще мне не светит красивый воротничок или бант. Точно стоит сделать упор на прическе и косметике. Краситься я, откровенно говоря, не умею, но у Армель есть журнал. Надо сегодня попробовать, чтобы уж послезавтра все прошло как по маслу и быстро, осталось бы время выспаться.

Мальчишки за соседними столами посматривали на нас с досадой. Еще бы! Обычно ужин — это время флирта. Четверокурсницы кокетничают с юношами, присматриваясь к возможным партиям. Ведь когда заключать договоренности о браке, если не на последнем курсе? А вдруг бывший сосед за ближайшим столом приедет к папеньке просить твоей руки сразу после выпуска?

А так как наша академия вторая по престижу в стране и обучение здесь стоит недешево, у нас нет никого из обнищавших семей. Родители студентов уже на первом курсе знают все самые знатные фамилии и выгодные партии. Ну и любовь! Думаю, всегда приятнее, если дети женятся по любви. Дедушка мне всегда советовал смотреть в оба и найти

себе жениха по сердцу. Ничего, если не самого родовитого, зато хваткого и ладного. Я и искала. А чем дофин не хваткий?

— Мадемуазели. — Короткий кивок подошедшей классной дамы. — Я попрошу всех, кто участвует в отборе или только планирует записаться, пройти со мной.

Мы обеспокоенно переглянулись. Что это может быть? О чем с нами будут говорить? Мы нестройной толпой потянулись за классной дамой. Все те же сорок девочек. Неужели никто больше не желает побороться за место королевы? Я тайком оглядела соперниц. Не так уж все и плохо. Да, конечно, Армель красавица. И Аврора хороша, и Антуанетта, даже Луиза миленькая, но остальные не настолько хороши, чтобы привлечь к себе внимание дофина и его свиты. Хотя, конечно, я не знаю вкусов приближенных дофина. Возможно, кто-то любит рыженьких, таких, как Анна.

Нас провели в один из учебных классов, где предложили сесть за парты. Мы же, столпившись у входа в аудиторию, во все глаза рассматривали трех незнакомых мужчин в черных одеждах. На груди каждого из них красовались нашивки с черным вороном. Знак менталистов. Боже всемогущий! Кто-нибудь мне объяснит, зачем нас привели к взрослым магам, которые глядели на нас недружелюбно?

— Присаживайтесь, мадемуазель, — услышала я над ухом мужской шепот, пока раздумывала, зачем же нас позвали.

Испуганно вздрогнула и оглянулась. Все девочки уже расселись, боязливо поглядывая на магов. И было чего бояться! Одного свидетельства менталиста порой хватает, чтобы отправить на плаху. Не думать о плохом! А о чем? Например, о кружевах, прическах. Покорно прошла к свободной парте и опустилась на стул.

Мужчина за моей спиной, четвертый маг, не замеченный мной сразу, лишь хмыкнул и отошел к окну. А я... я не могла побороть любопытства — то и дело косилась в сторону закутанных в черное фигур.

— Как вы понимаете, мадемуазели, приезд дофина — это не только конкурсный отбор на место будущей спутницы жизни его высочества, но и определенные меры безопасности, — сказала классная дама.

Было видно, что ей тоже неуютно рядом с менталистами, но крайней мере, ее голос дрожал и она то и дело косилась в сторону мужчин.

— Поэтому завтра многоуважаемые месье, а также королевские врачи побеседуют с вами. Прошу обратить внимание, что разговоры пройдут в южном крыле на втором этаже после завтрака.

— Я попрошу прелестных девушек не надевать на встречи амулеты и

артефакты, которые могли бы скрыть ваши мысли, а также отказаться от украшений, — добавил один из менталистов.

Смотрел он почему-то при этом на меня. Непонятно. Никаких артефактов у меня нет. Украшений и подавно. Чем же моя персона так не понравилась мужчине? А может, у меня какая-нибудь врожденная защита от проникновений в мысли? Было бы здорово! Самое потрясающее качество для будущей королевы. Щит от ментального воздействия. С таким, поди, поспорь. Довольно улыбнулась менталисту.

Мужчина откровенно потешался надо мной. Но если у меня все-таки есть защита, то почему он так смотрит на меня? Может, меня выдает выражение лица? Дедушка говорил, что у меня очень выразительная мимика. Ну конечно же! Менталисты весьма опытные, начинающих специалистов к нам бы не послали, это точно, а значит, замечают малейшие движения бровей, губ. Да мало ли! Говорят, у нас тоже есть такие занятия. По крайней мере, Бошенар уверяет, что обыгрывает меня в настольные игры именно по этой причине.

— А зачем? — испуганно пролепетала со своего места Аврора.

Все четверо мужчин перевели взгляд на сжавшуюся девушку. Мне даже стало жаль подругу. Вот зачем было спрашивать? Если надо, значит, надо. Менталистов тоже наверняка не прельщает вслушиваться в мысли о шляпках, воротничках, балах и белилах. Как будто интереснее работы, чем влезать в головы провинциальных дурочек, им не придумали.

Один из «воронов», самый мрачный, хмыкнул, перевел взгляд в сторону окна и словно нехотя ответил на вопрос Авроры:

— Мы обязаны проверить, что имя вписано вами по доброй воле и вы не замышляете ничего плохого против дофина и его фаворитов.

Сразу стало понятно, кто главный. Интересно. Он сильнее всех или родовитее? Не то чтобы я уже планировала переключиться на начальника менталистов. Тем более он же старей! Нет, конечно, жених Атенаис тоже старше ее на десять лет, но мужчина в черном — лет на двадцать. Не меньше!

Трое младших менталистов так иронично улыбнулись, что я засмузилась. А что, если на мне нет врожденной ментальной защиты? Ученики в нашей академии с факультета мыслечтения носят специальные амулеты, блокирующие их дар. А на приезжих ничего подобного я не заметила. Значит, их дар работает на полную катушку? И каково это — оказаться в одной комнате с сорока девчонками, взбудораженными приездом дофина?

— Позвольте откланяться. — Мужчина поклонился и вышел.

За ним потянулись его спутники, и мы остались наедине с классной дамой. Девочки возбужденно зашептались. Армель, со своего места мне было хорошо видно, закатила глаза.

И ради этого нас собирали? Напугали до икоты (я не шучу, Жаннет силилась успокоиться) ради двух фраз. Или хотели проверить, сколько девочек носят амулеты. Любопытно! Может, они просто привыкли иметь дело со столичным университетом и его искушенными красавицами, которые, говорят, даже без маскирующих амулетов из комнат не выходят. Чтобы казаться свежее и более отдохнувшими. Или скрыть — о ужас! — вскочивший прыщик на лице.

Классная дама, поморщившись, отпустила нас жестом, и мы нестройной стайкой выпорхнули из кабинета.

— Как думаете, зачем нас будут осматривать врачи? — удивленно спросила Аврора.

— Конечно, чтобы проверить, что мы здоровы и способны родить наследника. — Я отмахнулась от такого глупого вопроса. Это же так логично.

— А еще проверить, девушки ли мы, — шепотом поправила меня Армель, порядком покраснев.

Мы остановились и синхронно перевели взгляд на Жаннет. Ходили слухи, что этим летом баронесса потеряла честь с одним из студентов боевого факультета. Правда, слухи распускал сам Квентин де Арнуа, который, как известно, тот еще сплетник и выдумщик, а значит, его слова нельзя считать истиной в последней инстанции, но Жаннет так до конца и не избавилась от грязных намеков. Изредка к ней подходили мальчишки с пошлыми предложениями, которые она отвергала с удивительным спокойствием.

Конечно, в академии следили за нравственным поведением своих студентов, ведь родители, отдавая девушек в учебное заведение, не могли контролировать дочерей. А иногда честь служила тем «решающим» приданым, которое могла принести мадемуазель в семью жениха. Впрочем, случаи, когда девушка лишалась невинности еще до выпуска из академии, бывали, но крайне редко. Обычно такие пары и женились. Не зря Квентин добивается Жаннет, хотя, возможно, эти слухи он распустил для того, чтобы быстрее склонить ее к браку? Тогда это очень жестокий вариант, потому что над бедной баронессой все подшучивают, даже другие девочки.

Я стараюсь не обращать внимания на сплетни, но иногда мне так и хочется спросить: «Каково оно?» — то самое томление и сладостная нега,

описанные и воспетые в книгах. Ведь если я пройду отбор, мне тоже нечто подобное предстоит. А там... ох, фантазия пасует. Щеки предательски покраснели, и я взволнованно оглянулась. Не видел ли кто? Не догадался о моих мыслях? А то позора не оберешься.

— Как думаете, что за конкурсы будут?

К нашей стайке прибилась Марго, которой было в ту же сторону, что и нам. Женское крыло большое, и нам с Армель повезло оказаться в смежных комнатах. Многие девочки были разлучены с подругами. Марго жила через две комнаты от нас, и потому неудивительно, что вечерами она частенько оказывалась в нашей компании.

— Наверняка поэтический, — уверенно сказала Жаннет. — Я слышала, королева должна обладать утонченным вкусом.

— А я думаю, на знание иностранных языков, зря мы, что ли, на каждом занятии мадам Жозель их учим. Судя по всему, программа составлена под требования дофина, — глубокомысленно изрекла Армель. — вспомните, ведь именно с подачи Луи Первого женщин обязали проходить обучение централизованно. И он же первый нашел себе королеву с помощью отбора.

Ох! Тогда нас ждет этикет, верховая езда, искусство, в том числе и рисование с вышивкой, которые мне никак не даются, танцы и риторика! Это если рассматривать все занятия, которые у нас идут независимо от факультета.

— Получается, тогда все общие предметы? — Я тяжело вздохнула.

Мой вздох поддержали остальные девочки. У каждой из нас были свои провальные предметы. Мне за вышивку не ставят удовлетворительно только из-за хороших оценок по другим предметам, в том числе профильным. Потому даже не знаю, что мне демонстрировать. Не петь, уж точно! Я пою неплохо, но на фоне остальных девочек неважно.

— Не забудьте, после отбоя, — заговорщицки напомнила нам Армель, показывая краешек альманаха из сумки.

Как можно забыть про прически! И шарфики. Ведь это пока единственное, на что я делаю ставку. Из богатств, которыми меня одарила природа, я могла похвастаться только густыми волосами да глазами. И чтобы я не подчеркнула хоть что-то из этого? Не бывать подобному!

Мы с девочками дружно переглянулись и кивнули. После отбоя, да!

ГЛАВА 3

Прежде чем отправиться на завтрак, остановилась ненадолго около списка. Все так же сорок две фамилии. Даже странно, ведь скоро лист станет «глух» к новым именам. Неужели нас на всю академию только сорок с небольшим отчаянных девиц? А если дофин не найдет себе королевы и здесь? Отправится в Бордо? Но та академия совсем маленькая. Вряд ли там наберется нужных девиц больше, чем у нас. Бедненький принц!

Вера в то, что у нас учатся одни красавицы, пошатнулась этой ночью, когда мы жадно листали альманах Армель. И мы никоим образом не походили на мадемуазелей, нарисованных на обложке. Те высокие, почти вровень с месье, ведущими их под ручку. А мы? Самая высокая Атенаис, но даже она тому же вчерашнему менталисту едва достала бы до подбородка. А я? Я, если встану на цыпочки, дотянусь до плеча. У Жаннет, конечно, было предположение, что на картинках просто мужчины низенькие или девушки в туфлях на высокой платформе, как раз на таких, какие описывала Амели. Но кто поручится?

И вырезы на платьях, что грудь чуть не выпрыгивала. И рюши, и веера! А корсеты? У мадемуазелей на картинках были такие тонкие талии, что, казалось, обхвати руками — переломятся. Мы с девочками осмотрели себя со всех сторон и вынуждены были признать: наши фигуры безбожно толсты, и уж точно в глазах дофина будем выглядеть деревенскими дурочками.

А прически! Мы с Армель час тарацились на изображения дам и недоумевали.

Мне в голову даже пришло, что повторить прически просто невозможно. Ну, посудите сами: на голове у дам были корабрики, странные арки, даже солнышки с лучиками-косичками. Разве подобное можно воссоздать? Мы с девочками нашли те, которые, как казалось вначале, будет легко сделать. Прицепили журнал к шкафу с помощью магической булавки и столпились вокруг сидящей на стуле Авроры. Подруга была ни жива ни мертва, пока мы втроем — я, Армель и Жаннет — обсуждали, как должны идти косы. Фигурки кораблика у нас не было, и мы решили использовать яблоко. Переплетем множество косичек поперх. Аврора даже станет чуточку выше.

Хорошо все-таки, что мы решили попробовать сделать прически

заранее: за какую бы мы ни брались — ни одна не получалась. Авроре даже чуть прядку волос не выдрали в попытке повторить увиденное. Она тут же предложила поменяться местами, и мы все по очереди посидели на стульчике, с тревогой вглядываясь в пришпиленный к шкафу альманах.

Нет, в конечном итоге что-то отдаленно похожее у Жаннет и Авроры получилось. Им даже шло — этакие взбитые, словно воздушное мороженое, локоны с основной копной волос, заколотой шпильками. Но мои кудри не держала ни одна шпилька, даже магически усиленная. Да и нельзя носить артефакты. Что тогда?

Армель из солидарности со мной сказала, что прическу делать не будет. Глупая, глупая девчонка! Ей же надо привлечь внимание дофина. И какие у нее волосы — мягкие, будто лебяжий пух, светлые, точно луговой мед.

Почему именно мне не повезло? Почему именно мне не пошел ни один тип макияжа, который знала Жаннет? Ну ладно, предположим, она могла накрасить только двумя способами. Но оба шли только ей и Армель с Авророй. А я? Неужели моя судьба — предстать в невзрачном виде перед дофином? Мне подошел только блеск для губ из пчелиного воска, и я страдала весь завтрак. Девочки никак не могли расшевелить меня.

Да и вид от недосыпа у меня наверняка тот еще. Хотя, возможно, нахлынула аристократическая бледность? Или легкая синева под глазами? Если так, вполне можно не поспать и перед приездом дофина, а то плохие белила у Авроры не замазывают моей смуглой кожи.

В обеденном зале кусок в горло тоже не лез. Во-первых, Атенаис как-то неуловимо накрасила свою подругу Луизу, отчего та выглядела потрясающей красавицей. И глаза лучистые, и губы, очерченные элегантно бантиком, словно стали больше. И даже осанка как будто изменилась. Во-вторых... менталисты. Нет, не три стола с гогочущими парнями, а сидящие рядом с преподавателями четверо мужчин. Мне казалось, «вороны» сверлят взглядами исключительно наш стол. Чем мы их так заинтересовали? Или не мы? А кто? Атенаис с Луизой? Или Изабелла? Все знали, что Белла искусна в зельях, может, она планирует подлить дофину приворотное? А что? Говорят, при дворе такое сплошь и рядом. Почему не у нас в академии?

Менталисты явно развлекались за наш счет. За счет провинциальных дурочек, в жизни не видевших высший свет. Мы же не столичные девушки, которые легко могли прийти на ежесезонные балы ее величества. Ко двору, конечно, полагалось выезжать всем в восемнадцать, даже провинциалкам, но по большей части девицы в этом возрасте были уже замужем или на

сносях. Помолвки разрешалось заключать с шестнадцати, а жениться уже на последнем курсе. Говорят, раньше сочетались браком в тринадцать, только в таких семьях частенько вырождалась магия, и королевским приказом запретили так рано создавать союзы.

На королевских раутах умудрялись бывать только учащиеся столичного университета. Остальных растили без призрачной иллюзии о привилегированном обществе. А там уже, если повезет, муж представит тебя ко двору. Но, говорят, не возят, ибо развратное это место — дворец. Тот же кардинал, представитель духовной власти, тонкий ценитель девичей красоты. И как такому лицу отказать? А ни одному мужику рогов не хочется. Хотя, думается мне, все зависит от девицы: коли кровь гнилая, так рога и дома вырасти могут, ведь так?

Менталисты осматривали зал, откровенно ухмыляясь, самый молодой из них даже неприлично скалил зубы. Старший только хмурился и поглядывал на наш стол. Неужели-таки Белла? А может, я? Впрочем, что я могла «такого» сделать? Мысли об иммунитете к ментальному воздействию заманчивы, но думаю, что нет. Да и как в таком всеобщем гомоне мыслей вычленили бы конкретно мои? Или кого-то другого за нашим столиком? Возможно, взгляды в нашу сторону обусловлены чем-то другим?

Повертела головой, оглядываясь, и тут меня пронзила догадка. Классная дама! Сегодня она аккуратно стояла около нашего столика. А что? Она еще не старая. Не старше двадцати пяти, миловидная, из рода обедневших баронов. Не пошла по пути «вдовушки», а тихо и смиренно зарабатывает на хлеб насущный в академии, следя за нашим нравственным воспитанием да разнося классные журналы по кабинетам. Неужели «ворон» положил глаз на мадемуазель Лауру?

Ведь это шанс для классной дамы. Я взволнованно оглянулась на Армель, сигнализируя глазами о чем-то необычном. Она моих подмигиваний не поняла и удивленно уставилась на менталистов. Ну же, подруга! Мы просто обязаны помочь мадемуазель Лауре. Сколько раз она выручала нас, не докладывая начальству о ночных посиделках. Или приносила теплый плед в гостиную, где мы вышивали лентами, выполняя задание к уроку.

— Слышали? — К столу подбежала взволнованная Адель, которая конечно же уже пропустила завтрак, но была так возбуждена, что забыла напрочь о нем. — Приехала свита дофина! Камердинеры, охрана, лекари. Все!

При словах «свита дофина» я едва не подскочила. Неужели пятеро

фаворитов тут? Но потом успокоилась. Всего лишь прислуга. Правда, все равно единым с остальными девочками порывом подскочила к окну. Во дворе действительно было многолюдно: сноровистые слуги распрягали лошадей и разгружали повозки, туда-сюда сновали люди с поклажей. Молоденькие пажи, похоже, те юные дворянчики, что не обладают магией (из запечатанных в свое время родов), брезгливо морщились, поглядывая на цветные витражи академии.

Меня несколько смутило, что одеты они были совершенно не так, как в нашем с Армель альманахе. Нет, конечно, менталисты тоже ничего общего не имели с картинками из журнала, но ведь на то они и... «вороны». А пажи? Разве не должны они следовать столичной моде? Или у них форма?

Узкие до неприличия брюки, удлиненные рубашки, перетянутые яркими кушаками, и распахнутые на груди жилетки. Именно такими предстали пажи перед жадно пожирающей их глазами девчачьей толпой. Они были настолько необычны, что мы все — две или три сотни учениц, облепивших окошки, разом, словно нам скомандовали, развернулись и удивленно осмотрели своих однокурсников-парней. Ничего общего!

У наших мальчиков были широкие синие штаны, просторные рубашки и курточки с накладными карманами. Все в выдержанной темно-синей гамме. И никаких ярких кушаков.

Так же синхронно мы повернулись обратно к окнам, вглядываясь в столичных, а от того втройне притягательных молодых людей.

— Вы видели пажей?

— Какие красавчики!

— Поглядите, это что, женский платок?

— Где? Где?

— Да у него на поясе, дурында!

Я глазела на суету во дворе не хуже остальных и так же жадно прислушивалась к шепоткам девочек. Женские шали на поясе. Как романтично! Неужели в столице, месте порока, есть место романтике? Нет, мне это, конечно, не надо — все эти бантики и слезливые речи под луной, им не место в жизни мудрой женщины (а я определенно к ним себя отношу). Однако любопытно.

Мельком глянула на преподавательский стол и устыдилась. Менталисты рассматривали нас хмуро, словно деревенских девок, вылезших посмотреть на дворянскую процессию. Выражение лица младшего было откровенно брезгливым. Учителя покраснели то ли от натуги, то ли от возмущения и сбивчиво пытались что-то объяснить важным гостям. А

что объяснить — простите, мы из провинции и такого никогда не видели?

Мадемуазель Лаура, оказывается, пыталась нас образумить и отвлечь от происходящего. Но мы почти не обращали внимания на уговоры. Естественно! Если сравнивать классную даму и молоденьких пажей, тем более из королевской свиты, понятно, кто интереснее юным девочкам?

Впрочем, я нехотя отлепилась от окна и села. Я все еще слышала шепотки, всевозможные охи и обсуждения нарядов, но не оборачивалась. Я — не дворовая девка! Я дочь виконта и буду вести себя соответствующе. И уж точно не пялиться на разбирающих вещи слуг. Даже если это слуги самого дофина.

Старший менталист, которого я окрестила «стариком», удивленно посмотрел на меня, выгнув бровь. Быстро оглянулась по сторонам — за столом сидела я одна. Даже сдержанная Армель подлезла к самому стеклу, чтобы получше разглядеть происходящее. Та же Атенаис, которая уверяла, что каждое лето гостит при дворе. И Амели, рассказывающая нам, что видела дофина.

Гордо подняла подбородок. Да! Я не такая, как все. Я виконтесса! От макушки до пяток. «Старик» усмехнулся и перевел взгляд на толпу девочек. Зато я удостоилась теплого взгляда директрисы женского корпуса.

— Мадемуазели! Помните о воспитании!

Когда над сводом обеденного зала пронесся магически усиленный голос директрисы, все девочки опомнились и нехотя отошли от окон. Армель с удивлением обнаружила меня сидящей на своем месте. Подруга хотела что-то сказать, но потом кинула быстрый взгляд в сторону менталистов и передумала.

— Пойдемте, девочки, а то опоздаем к первому уроку.

И пока остальные ученицы торопливо доедали завтрак, запивая кашу тыквенным соком, я направилась на выход. Кусок просто не лез в горло, как вспомню пренебрежение во взгляде «воронов», так становилось тошно. Я говорила, что все, что у меня есть, — это гордость? Вошедшая в анекдоты гордость уроженцев Басконии.

Едва мы вышли в коридор, Армель остановила меня, хотя я готова была нестись вперед. Я досадливо поморщилась.

— А теперь рассказывай!

Я удивленно уставилась на подругу. Что рассказывать-то? Как смотрели на нас менталисты? Как это выглядело со стороны? Набрала воздуха в легкие и закашлялась, едва подруга задумчиво выдала:

— Ты влюбилась в старшего «ворона»? Ах, я видела, как он на тебя

смотрит и ты на него!

— Что?

Наши с Авророй крики слились в один. Кошмар какой! Я и этот «старик»? Как Армель вообще могла подумать подобное? Я удивленно уставилась на нее.

— Ты же на него кивнула, разве нет?

— Но как же тогда? Ведь Эвон подала заявку на отбор! — испуганно воскликнула Аврора. — Ей теперь придется отказываться?

— Что? Это еще почему? — Моему возмущению не было предела.

— Если ты победишь, то будет тяжело вдвойне, — покачала головой блондинка, словно это было само собой разумеющимся: жить с одним, любить другого.

— Да вы с ума сошли! — воскликнула я, всплеснув руками. — «Старику» явно понравилась мадемуазель Лаура.

Пришлось рассказать подругам и про взгляды мужчины, и про его реакцию на наше столпотворение около окон. Мы дружно решили, что повода для насмешки больше не дадим. Правда, и не увидим ничего интересного, но лучше уж так.

С утра нас известили о внеочередном уроке этикета. Не удивлюсь, что его поставили из-за дофина. На нем будут отрабатываться правила поведения за столом и проговариваться допустимые темы бесед. Намечалось не самое приятное занятие. Хотя бы потому, что в классе этикета стоял огромный, накрытый к завтраку стол, за которым в шахматном порядке уже сидели молодые юноши-пажи.

Общую мысль я, конечно, поняла — дать нам возможность «попрактиковаться» с незнакомцами. Ведь и дофина мы ничуть не знаем. Хотя я бы предпочла весь курс наглых боевиков, лишь бы не этих щеголей. Все наши девочки уставились на пажей как на чудо, разве что рты не открыли.

Я досадливо дернула Армель за рукав, отвлекая внимание на себя и напоминая, о чем договорились в коридоре. Вздернула подбородок. Подумаешь — столичные франты. У них даже магии нет. А строят из себя как минимум членов королевских семей только потому, что сами они из столицы, а мы в провинции, да еще в одинаковых и совершенно немодных нарядах.

Нехотя опустила на одно из свободных мест и постаралась не смотреть ни на сидящих напротив, ни сбоку мальчишек. Впрочем, остальные девочки такой выдержкой не отличались: мои однокурсницы вертелись, силясь разглядеть всех пажей за столом. Армель тоже начала

вертеться, но, покосившись на меня, прекратила.

Хотя, сдается мне, пажи отвлекали наше внимание от менталиста, притаившегося в углу около шторы. Тот самый, молодой. То есть нас решили проверить, когда наши бедные скудоумные головы будут заняты этикетом? И что это даст? Неужели они думают, что мы замыслием что-то против дофина? То, что ни одна девица его не любит, и так понятно. Как можно влюбиться в человека, которого даже никогда не видел.

— Итак, мадемуазели, запомните: существует несколько тем, о которых допустимо разговаривать за столом, — начал мэтр Шарль, проходя мимо нас. — Погода, урожай, литература.

Да к чему принцу знать о прошлогодней засухе и неуродившемся винограде? Боюсь, дофин сбежит, как пить дать.

Видимо, подобные мысли посетили не только меня, девочки чуть смущенно оглядывались на вольготно развалившихся щеголей и молчали. Вот о чем с такими говорить? Все встревоженно посмотрели на Луизу, после заводицы Атенаис она считалась самой бойкой. Но и блондинка молчала, чуть испуганно разглядывая сидящего справа от нее пажа с необычной стрижкой.

— Ну же! Вы решили позавтракать в тишине?

Все девочки синхронно повернули головы к преподавателю. Какой завтрак? Желудок и так полный. А от жути перед столичными гостями комок в горле. Впрочем, месье Готье начал злиться, что тоже не предвещало нам ничего хорошего. В частности, мне. Пару часов глубокого реверанса — эту, пока самую страшную кару у преподавателя этикета, — мне не выдержать. И потом, если уж делать ошибки, то явно лучше перед пажами, чем перед дофином?

— Месье, а вы слышали, что наш Ланген — родина всех известных трубадуров. И знаменитый «сладкоголосый» Пейри родом из наших мест.

Надо сказать, тему я выбрала не случайно: на поясе пажа, к которому я обратилась, висела флейта. Юноша явно любил музыку, так почему бы и нет? Тем более эти края и впрямь могли похвастаться самым большим числом музыкантов и трубадуров. Мой расчет оправдался, паж оживился под недовольными взглядами друзей. Так! Я, кажется, поняла, вредные мальчишки хотели любыми способами провалить нам занятие. Ну, погодите!

— В самом деле? — с наигранным безразличием, словно стараясь скрыть свою заинтересованность, ответил мне паж. — И что же так благотворно влияет на людей?

— Ах! — Я рассмеялась, надеясь, что это не выглядело натянуто. —

Наверное, воздух и красоты этих мест. Ведь только тут растет особый клевер с голубыми соцветиями. Говорят, если съесть такой, то тебя обязательно посетит муза искусства.

— Волшебный клевер? А это идея! — оживился юноша напротив. — Надо обязательно подарить его Полю. Может, он на своей дудочке сыграет хоть что-то, отчего уши не будут болеть.

Все пажи дружно засмеялись, хотя мне показалось, что шутка какая-то злая. Поль, видимо, так звали юношу слева от меня, уткнулся в свою тарелку. Я опять попала впросак. Наши девочки испуганно притихли, совершенно потеряв всякое желание начинать разговор. Моя неудача подействовала угнетающе.

Оглядела мальчишек, находящихся в поле моего зрения. Всем своим видом они демонстрировали превосходство над нами, молча бахвалились модными одежками, считая каждую из нас деревенской дурочкой. Нет, я прекрасно понимаю, что нарываться не стоит. Все это на виду, а пажи потом наверняка расскажут о сегодняшнем дне по-своему. Но разве можно так с товарищем? Тем более в присутствии чужих. Уж на что я не люблю Луизу или Атенаис, но мне и в голову не придет унижать их перед пажами. Если они все поголовно считают нас простушками, то... почему нет?

— Если хотите, я могу попросить прислугу собрать много такого клевера, — «бесхитростно» начала я с легкой полуулыбкой. — Говорят, помимо вызова музыки, он делает человека духовно чище и добрее.

На лицах пажей отразилась работа мысли. Видимо, они осознали, что сказанное мной — дерзость, но по умыслу или нет? Паж слева усмехнулся.

Вздрыгнула от странного звука, долетевшего до меня со стороны штор. Стоило только скосить глаза, как увидела менталиста, смотрящего в мою сторону. Он же не догадался, что я его заметила? Молю Бога, чтобы это было именно так.

— Месье Поль, я уверена, вы прекрасно играете на кене. Это же кена?

— Да, мадемуазель. — Паж заинтересованно на меня посмотрел. — Откуда вы знаете? Этот вид флейт весьма редок, и я не знал еще никого, кто смог бы отличить ее от других.

Счастливо рассмеялась. Кто же знал, что увлечение трубадурами так сыграет мне на руку. В прошлом году академию захлестнула волна поклонения музыке. Ну или прекрасным мужчинам, которые эту музыку, собственно, и исполняли. К нам даже приезжали двое, месье Шарль выписал их из Луаны. Они играли на совершенно разных инструментах и пели, а мы часами могли слушать сладкоголосых певцов. Один из приезжих, Кантор де Алье, играл на трех видах флейт и мог бесконечно

рассказывать о любимых «дудочках». А мы, девочки, столь же бесконечно слушали красавца-мужчину, вздыхая и радостно хлопая в ладоши.

— Ах, мне довелось услышать месье де Алье. Он сыграл нам пару грустных лирических песен, в том числе и «Сонату скорби». Вы ведь знаете эту страшную легенду, что первую кену мастер-флейтист сделал из кости своей возлюбленной? И печальный звук флейты напоминал ему о голосе любимой.

Девочки синхронно вздохнули, теперь историю припоминали все. На нас она произвела неизгладимое впечатление.

Месье Шарль был просто счастлив, что благодаря его урокам я могу поддержать беседу. Тем более на уровне «редкости». Пусть одна девочка из всех, но и это уже кое-что. А я иногда бываю бойкая. Дедушка называет меня в таких случаях бунтаркой и пеняет, что девушка не должна себя так вести. Но... дурочкам же многое прощается, верно? Почему же я не могу воспользоваться тем, что все эти пажи считают меня глупой провинциалкой?

— Месье де Алье? Сын легендарного хромого из Луаны? О! Как я вам завидую. Месье Кантор терпеть не может столицу, а мы, увы, привязаны ко двору.

Склонила голову набок, рассматривая Поля. Юноша оживился, и его лицо буквально светилось. А он достаточно хорош собой и явно беззлобный, раз поддержал беседу, когда все пажи собирались саботировать общение.

Девочки, видя мой успех, оживились и попытались разговорить остальных. В большинстве это даже удавалось. Редко кто сможет остаться безучастным к десятку взволнованных девушек, особенно если есть приказ, как мне кажется, не грубить.

— А как вам служба при дворе, месье Поль? — Я отщипнула ягоду винограда.

Паж замялся и посмотрел почему-то в сторону шторы, за которой прятался менталист. Занятно. Им изначально было запрещено с нами разговаривать, и теперь юноша вспомнил об этом? Но пажи даже не маги, чтобы находиться в подчинении у «воронов». Разве могли менталисты повлиять на поведение юношей? Задумчиво посмотрела в сторону спрятавшегося «ворона».

— Любая служба — это ответственность, — увильнул от ответа парень. — При дворе порой бывает очень тяжело.

Я недоверчиво посмотрела на Поля. Мне казалось, что у пажей точно уж непыльная работа: отнеси записку в другое крыло дворца, подай

салфетку во время обеда. В чем сложности? Не понимаю. Может, есть что-то, чего я не знаю о службе пажей?

— А правда ли говорят, что наши лангенские девушки самые красивые? — подала голос Изабелла с противоположной стороны стола.

— Вы... весьма очаровательны благодаря своей природной красоте, — уклончиво ответил местье Поль.

Вот как. Не деревенщины неотесанные, а природная красота. Конечно, у нас ни кудрей, ни корсетов, ни модных вырезов. Только косы до талии у каждой второй. Естественно, они таких «монашек» отродясь не видывали. Не удивлюсь, если невесты божьи в столице выглядят более модно, чем мы. К приезду дофина надо как-то срочно решить этот вопрос.

А вот девочкам такой ответ понравился. Все сразу заулыбались, переглядываясь между собой. Неужели не понятно, что это просто куртуазный комплимент. Как можно на такое поддаваться?

Хотя не отрицаю. Возможно, стоит сыграть на контрасте: в столице дофина окружали разукрашенные белилами придворные дамы. А у нас сияющие чистыми личиками девицы, косы до пояса, свежий румянец на щеках. Говорят, вода в столице дорога, а потому ванну себе может позволить не каждая, а мы возьмем ароматами чистой кожи и волос. Экзотика! Все, что необычно, то и ценно вдвойне. Вон великий хромой трубадур не обладал красивым голосом, но отличался от остальных менестрелей. Он сочинял такие проникновенные, берущие за душу песни, что каждый хотел насладиться ими в его исполнении. Слушая непринужденную болтовню осмелевших девочек, задумалась.

ГЛАВА 4

Сразу после урока этикета всех девочек разделили на две группы: одну повели к целителям, вторую к менталистам. Я попала в первую, более того, все однокурницы единодушно вытолкнули меня на передовую. Вытолкнули в буквальном смысле слова: в кабинет я влетела, едва не споткнувшись.

— Присаживайтесь, мадемуазель Эвон, — кивнул мне седовласый старец.

Хоть меня и удивило, что лекарь знает, как меня зовут, я старалась не подавать вида. Как он мог угадать, что Луиза именно меня толкнет в спину, вынуждая быть первой? Вряд ли он успел бы выучить наши имена, опираясь только на словесные портреты. Любопытно!

Оглядела комнату, которую выделили для целителей, — небольшая кушетка, около стола высокий неудобный табурет, на который просто так с лету и не влезешь, и кресло в уголке. Судя по тому, что сам старец стоял, он займет место в зависимости от того, что выберу я. Испытание?

Если я попытаюсь влезть на табурет, ни о каком изяществе и говорить не придется. Значит, точно не он. Хотя его расположение как раз напротив стола, куда лекарю было бы удобно сесть. Тем более что на столешнице лежали документы и чистые листы для записей. Если я выберу кушетку, то поставлю в неудобное положение старичка, которому придется взгромоздиться на табурет. А если кресло? Лекарь тогда окажется сидящим на кушетке. Наверное, самое оно для старичка.

Решительно опустила на мягкую обивку и улыбнулась. Надеюсь, первое испытание я прошла. Лекарь удивленно выгнул бровь и задумчиво пожевал губу. Неужели ему не понравился мой выбор?

— Вы очень маленькая, мадемуазель. Вам действительно есть шестнадцать?

— Да, месье! — поспешно кивнула. — Мне исполнилось шестнадцать летом. В моем роду со стороны матушки все невысокого роста.

— Маркизы де Понмасье Наваррской?

Опустила голову, вздохнув. Помнится, их брак с отцом назвали мезальянсом, ведь маменька приходилась дочкой незаконнорожденной внучки короля. Мне же казалось это такой глупостью, что не стоило и выведенного яйца, однако матушкина родня так и не захотела видеть меня или брата, и после смерти родителей нас оставили на попечение дедушки.

Возможно, из-за чувства превосходства, что в их роду «наследила» королевская семья? Так, получается, и в нашем тоже, но я совсем не гордилась этим фактом. Быть любовницей короля! Родить от него ребенка! Естественно, король обеспечил дочке мужа и место при дворе, но разве это отменяло постыдный факт?

Мой вздох не укрылся от внимания лекаря, и он поспешил сменить тему разговора:

— Итак, мадемуазель Эвон, расскажите о своем здоровье.

— А что рассказать? — Я пожала плечами. Здоровье как здоровье. Носом зимой хлюпаю не чаще остальных, с лихорадкой не лежу, наоборот, зимой радостно ношусь по снегу во дворе, леплю снежки. Что именно хотелось ему узнать?

— Мигрень не мучает? Или, может, изжога после еды? А в боку не покальывает?

— Я же юная девушка, откуда такой набор болезней? — Я удивленно вскинула брови. — Мигрень? А что это?

— Любопытно. Может быть, его величество был прав: молодой, пышущий здоровьем организм, — задумчиво пробормотал лекарь. — А по лестнице, не запыхавшись, куда подняться можете? Скажем, вон на ту башню?

Проследила за рукой мужчины. Он указывал напрямиком на голубятню. Я, считай, туда через день бегаю — отсылаю брату и дедушке письма.

— Да на самый верх! — радостно сообщила я. — Там у каждой девочки семейные голуби. Они родным домой весточки от нас доставляют, а мы от них получаем. Их специально тренируют. Вот и бегаем.

— Любопытно, любопытно. Позвольте?

Лекарь подошел ко мне и спросил разрешение на осмотр. Кивнула, и мой подбородок оказался в цепких руках мужчины. Мне осмотрели зубы, оттянули нижнее веко и внимательно изучили уши. После чего попросили подняться и осторожно, будто я сейчас обвиню старца в похоти, ощупали ребра.

— У вас в академии не носят корсетов?

— Наш лекарь сказал, что это вредно для здоровья, — пояснила, не совсем понимая, считает ли месье это распущенностью или правильным решением.

— Любопытно, — в очередной раз повторил он. — Не могли бы вы надеть диагностирующий артефакт?

Подозрительно уставилась на изогнутый непонятной загогулиной браслет, от которого так и фонило магией, но в конце концов приладила

предложенный артефакт на руку. Ничего же не случится, правда? Вряд ли королевский лекарь желает причинить мне вред. Металл приятно охлаждал кожу и не вызывал никакого дискомфорта. Попросили надеть, я и надела. Вот, видите, какая я послушная?

— У вас в роду не было сердечных заболеваний? А желудочных? А может, заик?

Отрицательно качала головой на все предположения. Что же это за семья такая, где каждый чем-то болен, да еще загадочными мигренью и изжогой? Неужели столичные девушки болеют всем этим?

— А ваш дар?

— У меня дар книг, — несколько смущенно призналась я.

Конечно, для девочки быть целительницей почетнее, но я же не виновата. Никто не выбирает, какой магией обладать. А с даром необходимо свыкнуться и принять всем сердцем, чтобы раскрыть его полностью. Иначе так и до опечатывания недалеко.

— Продемонстрируете?

Встала и подошла к полкам с книгами. В конце концов, я умею еще не все: специализация у нас начнется только после зимнего солнцестояния и праздника излома зимы. Но определенная грань моего дара развита. Даже месье Пауль хвалил меня, у меня хорошо получалось оживлять сказки. Мне пророчили место среди так называемых «мастеров книжных иллюзий», но дедушка никогда не разрешит мне заниматься лицедейством, потому я больше склонялась к картографии.

Взяв томик со сказками, я поудобнее устроилась в кресле и раскрыла книгу. Бережно переворачивая пожелтевшие страницы, коснулась пальчиками почти выцветших букв. Впрочем, конкретно эту сказку я знаю наизусть.

— Жил когда-то король, и было у него три сына. Старший и средний были и собой хороши, и сильны, и здоровы. А младший вырос тщедушным. Целыми днями он сидел у очага, весь измазанный в золе. Его так и звали — Людуэн, что по-бретски значит Замарашка. Старый король был болен. У него перебивали все врачи королевства, но никто из них не знал лекарства от его болезни. Один знахарь, которого тоже позвали к больному, сказал, что исцелить короля могло бы только прикосновение к птице Дредейн, которая сидит в золотой клетке...

Едва я начала говорить, как над раскрытыми страницами книги появилось небольшое бледное облачко, на котором, как наяву, прорисовался трон с высокой спинкой, резными подлокотниками и красной бархатной подушечкой. Сидящий на троне король был стар, но по-

своему величественен: с армейской выправкой, аккуратным хвостиком белых, словно снег, волос. И корона. Изящная, ажурная, с россыпью рубинов. Перед тронем постепенно, будто мазками краски на холсте, появлялись силуэты трех юношей, такие, какими я себе представляла принцев: высокие, статные, в старинных нарядах.

Картинка менялась за картинкой, покорно подстраиваясь под голос. Фантазия у меня богатая, а значит, с образами нет никаких проблем. Не скажу, что это было сложно, но в целом мало кто занимался этим видом магии, ведь стоит отвлечься, и книга отобразит твои мысли, а не сказку. Мне было легко, я любила читать. Хотя это удавалось мне нечасто: библиотека в «Гнезде» была более чем скромная и сплошь состояла из серьезных книг дедушки.

— Великолепно, мадемуазель! — восхитился лекарь.

Захлопнула книгу. Что-то я увлеклась, совершенно забыв, что у меня был зритель.

— Огонь вашего дара горит ровно и ярко, вы, видимо, много учитесь.

Зарделась от такой похвалы. Я не самая прилежная ученица, скорее рассеянная, но не лентяйка. Во время урока я могу задуматься о чем-то более интересном, чем, скажем, какие области граничат с нашей и что там выращивают. География так скучна. Вот если бы нам рассказывали о других странах. Взять хотя бы таинственную Руссу. Говорят, одна из наших королев в далекой древности была оттуда. Именно от нее королевскому роду достались зеленые колдовские глаза, которые нет-нет да и засияют на лице очередного представителя королевского рода. Или про далекую Мерику. Приезжие менестрели рассказывали, что там живут особенные маги, чей дар пока не укладывается в нашу систему классификации. Оттуда во Франкию привозили редкие драгоценности для мощных артефактов и какао-бобы для шоколада. Ах, какая прелесть этот напиток! Чуть с горчинкой, тягучий, согревающий. Это же все так интересно. Лучше, чем узнать, что король приказал засадить тузовыми деревьями половину Журдана.

— Ага! Замечательно!

Удивленно моргнула, отвлекаясь от своих мыслей. Что замечательно? Правильно маменька говорила, что все беды мои от мыслей. Замечталась о Руссе и Мерики, совершенно не слушая старичка. А что он говорил?

Впрочем, целитель уже стягивал с моей руки браслет. Три камушка, украшавшие причудливую загогулину, светились ровным зеленым цветом. Интересно! Я же точно помню, что они были белыми.

— Всего хорошего, мадемуазель Эвон, не смею вас больше

задерживать.

О! И это все? А где та постыдная процедура, которую мы обсуждали с Армель? Ну, на «девичество». Или для невесты дофина это уже не важно?

На всякий случай кивнула и вышла, чтобы тут же оказаться в плену однокурсниц. Меня обступили со всех сторон, оттеснив в сторону, и засыпали вопросами.

— Страшно было?

— А что спрашивали?

— Раздевали? А то, говорят, в больницах до исподнего раздевают.

— А на то самое проверяли?

— Зубы смотрели?

— Нет, не страшно, — покачала головой, сияясь выбраться из создавшегося кокона. — Не раздевали. Спрашивали о здоровье. Зубы смотрели.

Аманда ахнула и схватилась за щеку. Все знали, что в прошлом году, когда у Аманды заболел зуб, старшекурсницы запугали ее рассказами о зубных врачах, и она к ним идти побоялась. Теперь на верхней челюсти у девушки зияет дырочка. Впрочем, Аманда научилась весьма таинственно улыбаться, и изъяна совершенно незаметно. Не могут же ее именно из-за этого отстранить от конкурса.

Все девочки жалостливо на нее посмотрели. Еще бы! Такая мелочь может стоять будущего. Даже если Аманда не станет победительницей отбора, за время соревнований она точно произведет хорошее впечатление. Свита дофина опять же. И дворяне в нашей академии... ведь если девушка была достаточно хороша для его высочества, чем плоха она для баронов и графов?

Я же, воспользовавшись заминкой, улизнула. Армель зашла к лекарю сразу следом за мной, и мне не из-за кого задерживаться. Аврора попала в группу, которую вначале отправили к менталистам. Надеюсь, она уже прошла и сможет рассказать, что же такого страшного там было.

До соседней группы добралась быстро, несмотря на то что задержалась в одной из галерей у портрета батюшки дофина. Постояла и у изображения того самого короля, который был отцом моей прабабушки. Я всегда останавливаюсь здесь, вглядываясь в лицо монарха, — красивый был мужчина. Жалко, наша ветвь ничего от него не унаследовала. Ни высоких скул, ни светлых волос, ни зеленых колдовских глаз.

Испытания менталистов проходили всего в двух лестничных пролетах от лекарей. Схема была та же: в маленькую комнату приглашали по одной девушке на собеседование. Но оттого, что «вороны» принимали втроем,

дело продвигалось быстрее. Да и двое мальчиков-пажей стояли около дверей, подгоняя претенденток.

Тихонечко пристроилась к девичьей толпе, когда заметила горько плачущую Жаклин. Баронесса сидела на лавочке, обхватив себя руками, и казалась такой маленькой и беззащитной, что невольно хотелось ее обнять. Плечи девушки часто-часто вздрагивали, и все это весьма походило на приступ истерики.

Столпившиеся вокруг девочки, как могли, утешали бедняжку, глядя по рукам и голове, отчего Жаклин заходилась еще сильнее. Что же произошло? Взволнованно искала глазами хоть одну вмняемую и, не найдя, подошла к лавочке.

— Что же ты так, Лина! Это же не приговор.

— Он же... он... сказал, что я склонна... к патологическому вранью, — захлебываясь слезами, выдала Жаклин. — А я же не хотела... я думала пофлиртовать, очаровать...

Я плохо ее понимала. Видимо, она плакала уже давно, и у нее порядком забился и распух нос.

— Ее завалили, — шепотом поведала мне стоящая справа от меня Полин. — Тот, который старший.

Ахнула. Неужели из-за простого флирта этот «старик» может так жестоко поступить с Жаклин? Это же позор! Хотя, конечно, баронесса достаточно красива. Но вот так... выбыть еще до приезда дофина. Это же... да я даже представить не могу, насколько это ужасно. Как она теперь замуж выйдет? С таким-то пятном на репутации. Нет, нет, даже «старик» не мог так жестоко обойтись с шестнадцатилетней девушкой. Ведь к вечеру об этом будет знать вся академия. А еще через пару дней весь Ланген.

— А как ты сама? — спохватилась Полин. — У лекаря очень страшно было?

— Нет, не страшно. — Я отмахнулась от уже раскрывших рот девочек, у которых даже глаза заблестели от осознания, что я прошла целительский отбор. — Жаклин, я считаю, что тебе стоит поговорить с месье менталистом еще раз, после того как пройдут все девочки. Возможно, он отменит свое решение.

— Но... он же сказал, я склонна к вранью. — Девушка зарыдала еще сильнее, уткнув лицо в ладони. — А я и не врала почти. Только самую малость, чтобы расположить к себе.

Подошла вплотную к баронессе. Не понимаю, чего церемонятся наши целительницы. У Жаклин настоящая истерика, и ее нужно прекратить, а не потакать ее слабостям. Не знаю уж, конечно, как бы я плакала, окажись на

ее месте, но это надо заканчивать.

Решительно взяла ее за руки и развела их в стороны.

— Жаклин, послушай. Если он обвинил тебя во вранье, будь честной с ним. И прекрати плакать. От этого только нос краснеет, а уж такой расплывшейся «красавицей» ты месье менталисту точно не понравишься.

Жаклин вопреки моим советам разревелась еще сильнее и горше. Девочки разом зашикали на меня и замахали руками.

— Ты проста, как тисовое дерево, в честь которого тебя назвали, Эвон! — разозлилась внезапно Луиза, отталкивая меня от плачущей Жаклин. — Ей сейчас и так тяжело, а ты говоришь гадости.

— Я? Неправда! Я хочу помочь.

— Иди лучше, вставай в очередь. — Полин подтолкнула меня под локоть. — Не всем легко быть честными, как ты, Эвон.

Отошла от девушек и надулась. Как будто для честности нужны особые усилия. И да! Я тоже не такая уж честная, какой пытаются меня выставить подруги. Скажем так, я недоговариваю. Но ведь этого никто не запрещает?

Однокурсницы после моей тирады около плачущей Жаклин странно косились в мою сторону. Будто бы это я довела баронессу до слез, а не мерзкий «старик»-менталист. И вообще, если задуматься, мы соперницы. И теперь у меня стало на одну меньше. Правда, чувство удовлетворения от осознания этого факта не появилось, было безумно жалко Жаклин. Ведь ее приданое может быть хоть в сотню тысяч тарэ, кто ее возьмет? Конечно, нам учиться еще полтора года, может, забудется?

— Следующий!

Я вздрогнула от грозного возгласа. Видимо, в одну из комнат никто так и не зашел, отвлеклись на рыдающую баронессу. И теперь один из менталистов, раздраженный нашей медлительностью, был зол. Ох, не повезет сейчас кому-то! Огляделась по сторонам, стараясь понять, чья же сейчас очередь. Как и на экзаменах, наиболее неуверенные девочки топтались у дверей, не решаясь зайти. Небольшая группа все еще успокаивала Жаклин и никак не желала отвлекаться от утешения девушки.

Не повезло, собственно, мне. Потому что один из пажей, дежурящий около дверей, подхватив меня под локоток, толкнул к дверям.

— Чего стоишь? Пош-ш-шла!

Это был тот самый паж, который за вторым завтраком сидел напротив меня и предлагал набрать волшебного клевера для месье Поля. Запомнил-таки, га-а-ад! И отомстил. Деваться-то некуда: дверь открыта, а я уже на пороге кабинета. Потому, высвободив руку, гордо подняла подбородок и

вошла. Я же виконтесса. Сама войду.

Но едва за мной закрылась дверь, как я растерялась. В маленькой классной комнате на десять парт сидел тот самый «старик», что довел Жаклин. Прямо напротив центральной парты. Что-то черкал на листе бумаги и явно злился.

Черный плащ, кинутый небрежно, лежал на соседнем стуле, а ворот рубашки был бесстыже распахнут. Ничего себе вольности! И даже классной дамы нет. А если этот «старик» позволит себе... лишнего? Мысленно дала себе подзатыльник. Мужчина сидел явно без закрывающего амулета, а потому наверняка если не читал мысли, то как минимум чувствовал эмоции.

Менталист поднял голову и с интересом на меня посмотрел. Тут же расплылся в гаденькой улыбке. Почему он так улыбается именно мне?

— А! Мадемуазель Эвон! Присаживайтесь.

Если он и Жаклин так улыбался, то понятно, отчего она всеми силами хотела ему понравиться. Баронесса, конечно, врушка, но безобидная и спокойная. Не понимаю, зачем этому «ворону» губить ее репутацию и шансы на успешный брак, пусть даже не с дофином. Разве плохо для женщины немного приукрашивать происходящее?

— Вы меня осуждаете за эту девочку, как ее... — Мужчина мельком глянул на лист, лежащий на столе. — Жаклин. Ну же, не молчите.

А я молчала. Глядела во все глаза на менталиста и не произносила ни звука. Страх у меня не было. Не знаю уж почему. Ну, выгонит он меня сейчас, и что? У меня и так шансов немного для выгодной партии. Я вполне могу выйти замуж и за барона. Да просто дворянина с деньгами. Даже без магии. Да, своим детям я испорчу жизнь, но брату помогу и «Гнездо» сохраню. Ну, живут же без дара? Живут. И не факт, что у моих детей дара не будет.

— Отвечайте!

Вздрогнула. И зачем было так кричать?

— Да, безусловно, — весьма честно ответила я.

Быть честной легко. У меня вот голова отключается, и я несу все, что думаю. Потом, правда, ужасаюсь и судорожно ищу способы исправить ситуацию, но в целом... Дедушка говорит, что моя импульсивность — явление временное, ведь, в сущности, мы еще дети в шестнадцать.

— Почему? — Маг удивленно вскинул брови, но я не поняла, к чему относился вопрос. То ли «ворон» допытывался, осуждаю ли я его, то ли удивился факту честного ответа.

— В натуре женщины кокетничать и добиваться внимания

маленькими уступками или ложью. Не верю, месье, что дамы при дворе иные.

— Я попросил отвечать ее предельно честно.

— Жаклин вас просто испугалась. — Я пожала плечами. Ведь менталист должен был чувствовать эмоции, неужели он не ощущал страха баронессы?

— Потому на простой вопрос, нравлюсь ли я ей, ответила да?

— Естественно! — воскликнула, удивленно уставившись на мужчину. — А что, она могла ответить иначе?

— А вам, мадемуазель Эвон?

— Что мне?

— Не старайтесь казаться большей дурачком, чем вы есть! Вам я нравлюсь?

— Мне? Нет, — покачала головой.

— Почему?

— Вы старше меня лет на двадцать. Вы обидели Жаклин. Вы спровоцировали пажей за завтраком. И вообще мы вам все не нравимся. Если вы недолюбливаете нас, за что мы должны любить вас?

— Я спровоцировал пажей? — Менталист с интересом на меня уставился. — А вы любопытная особа, мадемуазель Эвон!

— Какая есть, — пожала плечами, начиная чувствовать почти эйфорию оттого, что мужчина разговаривает со мной едва ли не на равных.

— Вы хотите замуж, мадемуазель Эвон?

— Хочу, — кивнула, сцепляя руки на коленях в замочек.

— За дофина?

За дофина, за графа, за герцога, за барона. Ах, какая разница за кого! Как девица может не хотеть замуж? Все равно придется же. Вслух, конечно, не сказала. Кивнула еще раз. Скажи я так — мне точно откажут.

По менталист, что-то явно почуяв, сделал стойку, словно охотничий пес: весь подобрался и подался вперед.

— Почему?

— Что почему? — переспросила, удивленно хлопая глазами.

— Почему вы хотите замуж за дофина?

— А почему девушка вообще хочет замуж? Муж. Дети. Этого же не избежать любой девушке, кроме той, что посвятит себя Богу. Не знаю. Просто.

— Вы хотите детей?

Мне уже надоело это перебрасывание вопросами, тем более менталист что-то время от времени записывал. Что там? От мнения этого

мужчины зависит мое будущее.

— Конкретно сейчас? Не знаю. Мне нравится возиться с младшим братом. Дедушка говорит, у меня хорошо получается.

— Если бы я сейчас предложил вам отдать ваше место этой плачущей баронессочке, вы бы согласились?

Я на минуту задумалась. С одной стороны, Жаклин жалко. Теперь можно поставить крест на ее будущей свадьбе. С кем бы то ни было. С другой... а я? Еще пять минут назад я не сомневалась, что готова выйти замуж за барона без магии, но... Ведь обо мне пойдут слухи не лучше. А «Гнездо»? Сможем ли мы поднять его без моего богатого мужа? Нет, увы, я не могу так рисковать.

— Нет, месье, но...

— Но?

— Я бы просила вас дать Жаклин, как и любой девушке, шанс. Ведь быть маленькой и слабой в окружении больших и сильных мужчин тяжело.

Я лукавила. Льстила этому неизвестному месье, чтобы помочь баронессе. А вдруг меня, как и Жаклин, сейчас выгонят... только за лесть?

— Зачем вам это? Ведь у вас станет на одну соперницу больше. Она бы вас не пожалела.

— Будущая королева должна обладать таким качеством, как сострадание, не находите?

Я просто решила пошутить. Как объяснить этому чурбану, что репутация Жаклин может быть погублена? Что ни одна из нас не думала о подобном исходе. Иначе каждая вторая просто побоялась бы. Возможно, там, в столице, получить отказ в конкурсном отборе на место невесты дофина ничего не значит, но у нас в провинции это смертный приговор. Вся округа уже знала имена и титулы из списка. Все сорок два.

Менталист внезапно расхохотался. Он смеялся, нисколько меня не смущаясь, запрокинув голову назад, открывая моему взору шею с крупным кадыком. Это было... несколько интимно, и я смутилась. Неужели это реакция на мою безобидную фразу?

— Да уж, королеве чувство сострадания не повредит. Можете идти.

Быстро поднялась со стула и двинулась к двери, благодаря всех святых за подобный итог. А ведь все могло закончиться, как у Жаклин! Мысленно отругала себя за беспечность.

— И, мадемуазель Эвон, — окликнул меня у самой двери менталист, — передайте баронессочке, что она может отправляться к лекарю, но пометку в личное дело я внесу.

Личное дело! Так вот что это за папочки и листочки. Значит, туда

заносят всю информацию о нас и наверняка отдадут дофину перед отбором. Хоть бы одним глазком заглянуть.

Но тут до меня дошел смысл последней фразы, брошенной мужчиной. Он все-таки дал Жаклин шанс. Счастливо захлопала в ладоши и тут же устыдилась своего порыва. Во-первых, менталист выгнул удивленно бровь. Во-вторых, внес какую-то пометку. Вот сейчас посчитает меня эмоционально нестабильной, и все! Прощай, дофин!

— Благодарю, месье!

— Идите, а то передумаю. От смены вашего настроения у меня уже голова болит.

Смущенно улыбнулась и выпорхнула за дверь в преотличнейшем расположении духа. В коридоре тут же оказалась в тесном кольце девочек, еще не прошедших собеседование.

— Ну что, сильно лютовал? Или досталось только Жаклин? Он страшный?

— Нет, девочки, не лютовал. Обычный. — Я хихикнула, покосившись на хмурого пажа.

Похоже, юношей уже достали претендентки, задавая вопросы о «страшных» менталистах. Потому они выглядели напряженными. Им бы меняться... а то против объединенных сил двадцати девушек им долго не выстоять.

— Ах, Жаклин! — Я вспомнила слова «ворона» и принялась пробираться к баронессе сквозь волнующуюся толпу.

Она все так же рыдала, видимо, от осознания того, что все вокруг ее жалели. Ведь когда жалеют, себя еще жалче. Вот дедушка в детстве, даже если я падала, подходил ко мне и говорил: «Поднимайся, Эвон! Мы падаем для того, чтобы уметь подняться. Посмотри на свое платье, юная мадемуазель. И как ты в таком виде покажешься на глаза прислуге? У тебя что, совсем нет гордости?» Гордость у меня была, потому я старалась не плакать на людях. А Жаклин... знай себе, рыдает. Уже глаза покраснели, и нос опух. А если бы сейчас к нам вышел дофин? Восхитился бы он «красоткой»? Да ни в жисть, как говорит мой младший братишка.

— Жаклин! — Подобрал юбки, присела на корточки рядом со скамейкой. — Месье менталист сказал, что ты можешь идти на собеседование к лекарю, но... — Я подняла вверх палец. — Об инциденте он запишет в личное дело.

— Что?! Он согласился пропустить Жаклин? — взволнованно переспросила Полин. — Но... как?

— Личное дело? Что за личное дело?

— Ты не шутишь? — пролепетала Жаклин, кусая губы. — Он... допустил меня?

Вопросы сыпались со всех сторон, и я едва успевала прислушиваться к ним. Впрочем, интерес со стороны пажа, заинтригованного сменой настроения вокруг ревущей баронессы, я успела заметить. Понизила голос до шепота, чтобы мальчишка нас не услышал.

— У него на столе лежит куча папок и листков. И о каждой они, менталисты и лекарь, оставляют заметки. Видимо, все ляжет на стол дофину. Или тайной канцелярии.

Последнее я произнесла еле слышно, потому что сама толком не знала, что это за тайная канцелярия и чем она занимается. Знаю только, что ею пугают всех взрослых. Девочки ахнули и испуганно покосились на замершего в нерешительности пажа.

— Так все-таки, Эвон, ты не шутишь?

— Жаклин! Ну конечно же я не шучу, — возмутилась излишне громко и тут же спохватилась, снова понизив голос: — Разве можно шутить такими вещами?

Девочки согласно закивали. Это было бы слишком жестоко. Баронесса же снова разрыдалась. Только на этот раз от счастья. Ну, я надеюсь на это.

— Но как тебе это удалось? — пролепетала Жаклин, растирая ладошками заплаканные и опухшие глаза.

— Не три глаза, Жаклин, — строго приказала, доставая из кармашка платок и протягивая его однокурснице, — а то будешь выглядеть ужасно.

— Но все-таки, Эвон! — возбужденно воскликнула Полин. — Неужели он просто так взял и согласился? Как ты... уговорила его?

Я с легким удивлением оглядела толпу застывших девчонок. И ведь ни у кого и мысли не возникло, что я тут ни при чем. Все прекрасно знают, что я пытаюсь всем помочь.

— Немного настоящего женского очарования. — Я легко улыбнулась и повела плечиком так, как это, на мой взгляд, должна была делать коварная соблазнительница.

— Следующий!

Вздрогнула от громкого голоса начальника «воронов». И хихикнула, заметив на лицах девчонок недоверие пополам с восхищением. Да уж, вот так! Коварная чаровница Эвон!

ГЛАВА 5

Теперь осталось дожидаться Армель. Не сомневаюсь, что подруга обязательно пройдет. И Аврора. А где, собственно, она? Оглянулась по сторонам в поисках традиционных наваррских кос, которые так любила заплетать Аврора. Ведь ее отправили в группу, которая проходит собеседование у менталистов. Как же так? Я не вижу ее в толпе заламывающих руки девчонок.

Повертела головой. Лица вроде все те же, неужели от целителей еще никто не пришел? Кажется, у «старика» я была целую вечность. За это время дюжина девчонок уже должна была пройти собеседование. Где хотя бы Армель? Она же к лекарю сразу после меня заходила.

Встала на цыпочки, вытянув шею. Может, не всех окинула взглядом? Кругом грустные лица. От менталистов все выходят в той или иной степени расстроенные, ни одной улыбки на лице. Хотя, возможно, «вороны» специально нас провоцируют. Помню, нам рассказывали, что у всех людей есть небольшая ментальная защита, которая нестабильна в момент сильных эмоций. Не исключено, что нас специально запугивают. Неужели верят, будто среди нас кто-то может покушаться на дофина?

Насколько знаю, за последние сто лет не было ни одного заговора. К чему нагонять столько менталистов? Или только поэтому и не было, что постоянно проверяют?

Распахнулась одна из дверей, и в коридор выбежала еще одна зареванная девица. Мы всей толпой чуть было не кинулись к однокурснице, как из кабинета вышел молоденький «ворон» и, холодно посмотрев на нас, злобно рыкнул:

— Под стражу. Увести. Доложить месье де Грамону о ситуации по уставу два-тридцать.

Девочки так и застыли, сбившись в кучку. Даже Жаклин прекратила всхлипывать, с ужасом уставившись на Марию-Элену, которую подхватил под локоть мальчишка-паж. Значит, «под стражу» предназначалось веселой хохотушке Марии? Но... почему?

Месье де Грамону? На секунду задумалась, было что-то знакомое в этой фамилии, будто бы помнила, а сейчас забыла. Знакомое и страшное.

Что-то этот отбор перестал походить на легкое увеселительное мероприятие, которым представлялся. Что такого могла сказать на собеседовании девушка, что ее прилюдно заключили под стражу и увели,

не дав успокоить?

Оставшийся в коридоре второй паж, метнув на нас подозрительный взгляд, прошел напрямик в комнату «старика»... Так, получается, старшего менталиста зовут месье де Грамон. Почему от этой аристократической фамилии с приставкой «де» мне становится так жутко? Такими щеголяли только те роды, которые были еще до великой смуты. Например, мой. Но отчего фамилия «старика» страшит меня?

— Что за ситуация два-тридцать? — шепотом спросила Жаклин, которой ее собственная ситуация уже стала казаться не такой страшной. Ее же допустили в итоге, а бедняжку Марию-Элену увели под стражей и будут пытаться.

— Может быть, Мария хотела приворотное подлить дофину? — пробормотала Белла, судорожно вцепившись в край лавки.

Весь поток знал, что Изабелла знаток в алхимии, и уж кто-кто, а она могла подумывать о таком. И саму девушку вопрос волновал не просто так: сама она не ходила еще к «воронам», а что будет, если на собеседовании у нее мелькнут подобные мысли?

— А может, хотела соблазнить месье менталиста?

— Глупости какие-то, — решительно возмутилась Луиза. — Да у каждой второй проносятся мысли, как лучше понравиться «воронам» и дофину. Что же, всех под стражу?

— Следующая! — раздалось из кабинета молодого менталиста, и девочки вздрогнули.

Паж, ходивший к «старикам», вернулся и цепким взглядом оглядел подавшаюся назад толпу девчонок. Схватил наугад одну и буквально затолкнул в кабинет молодого «ворона».

— Вы не смеете так обращаться с нами! — возмущенно выдала Полин, проследив за закрывающейся дверью. — Мы дворянки! А вы с нами, как с безродными девками! И что такого натворила Мария-Элена?

— Не вашего ума дело, — процедил сквозь зубы паж и издевательски добавил: — Мадемуазель.

Мы поперхнулись от возмущения. И как так можно? Что вообще сейчас происходит? Казалось, собеседования пройдут тихо и мирно: слуги короля проверят наше психологическое и физическое здоровье и отпустят. Совсем как на осмотрах в начале каждого учебного года. Но этот отбор уже проходит ужасно. Взять хотя бы Жаклин, рыдающую от грубых слов месье де Грамона, или заключенную под стражу Марию-Элену. И что будет дальше?

— Смотрите! — испуганно пискнула Луиза, прильнув к витражу.

Мы подбежали к широкому окну, силясь разглядеть, что же происходит во дворе. Тот самый паж, что увел плачущую Марию, помогал одному из людей де Грамона седлать лошадь. Рядом с животным суетился наш мастер артефакторики: ставил особые зачарованные подковы и надевал амулет-уздечку, что позволит лошади скакать без отдыха много лье. От луки седла вверх поднималась стальная струна с небольшим красным флажком.

Ахнула и испуганно отпрянула от окна. Специальный знак гонцов! Путешествующему с алым флагом обязаны были помогать все жители страны под страхом смертной казни. И сейчас паж отправлялся напрямиком в столицу с донесением. Что же такого натворила Мария-Элена?

Девочки подавленно молчали, не понимая происходящего. Заходить в кабинет было страшно. Еще угнетало, что из группы, проходящей испытания у целителя, никто так и не пришел. Неужели какие-то трудности и там?

— И что теперь будет с бедняжкой Марией? — пролепетала Жаклин, испуганно косясь на оставшегося у двери пажа.

— Лучше скажи, что теперь будет со всеми нами? — пробормотала Белла, решительно поднимаясь со своего места.

— Вы всегда можете сняться с отбора, — ехидно фыркнул паж у двери, прислушиваясь к нашим разговорам.

Все пораженно уставились на мальчишку. Что значит сняться? Это же позор! И самое страшное, прямое подтверждение — есть что скрывать. Нет-нет! Неизвестно, что хуже: Абаста — тюремная башня в столице, куда заключали дворян, или же сойти с отбора.

— Никогда! — почти хором ответили все девочки.

Я же промолчала. И не потому, что подумала об этом только сейчас, мне просто деваться некуда, но робу Абасты я на себя уже мысленно примерила. Мало ли что? Ляпну еще что-нибудь не то — как отреагирует на это Дофин и его фавориты? Буду, пожалуй, молчать.

Из-за поворота показалась русая голова Армель, она задумчиво шла по коридору, изредка оборачиваясь назад.

— Армель! — радостно воскликнула я, кидаясь к подруге. — Ну как все прошло?

— Это не Марию-Элену вели по коридору? Паж был с ней так груб.

— С государственными преступниками не церемонятся, — отрезал стоящий у дверей мальчишка.

Похоже, паж осознал, что сболтнул лишнее, потому что досадливо поморщился.

— Что? — заволновались девочки.

— С преступниками? Мария-Элена что-то натворила?

— Ее теперь казнят?

— За что?

На секунду я оглохла от поднявшегося гвалта. Неудивительно, что двери кабинетов открылись и в коридор выглянули один из «воронов» и месье де Грамон. «Старик» недовольно посмотрел на пажа, который не смог проследить за порядком. Второй «ворон» спокойно, без лишней суеты пропустил мимо себя Аврору и переглянулся с начальником.

С облегчением вздохнула. Аврора не выглядела заплаканной или взволнованной. Она сделала неглубокий реверанс и поспешила к нам с Армель. Я в нетерпении протянула руки к подруге, боясь, что проводивший собеседование «ворон» передумает и отдаст еще и Аврору под стражу.

Тонкие теплые пальчики девушки сжали мои руки, и я сразу успокоилась. Мы не были слишком близки, но ничего плохого подруге я точно не хотела.

— Тишина! — рявкнул старший менталист.

Шепотки и встревоженные крики прекратились. Страшно! После слов о «государственных преступниках» в возвращение Марии-Элены уже не верится.

— Произошла штатная ситуация. В ходе собеседования возник спорный момент, требующий тщательного расследования. Заключение мадемуазель под стражу временное, до выяснения всех обстоятельств.

— Но... паж сказал, — робко пролепетал кто-то из толпы.

«Старик» кинул уничтожающий взгляд на разом сжавшегося пажа.

— Повторяю, это временное решение. Всем остальным я настоятельно советую пройти собеседование быстрее, а то это грозит растянуться надолго.

Менталист внимательно осмотрел нашу притихшую толпу, весьма выразительно оглядел наше трио: я, Аврора и Армель буквально прижались друг к другу, сцепив руки.

— Мадемуазель Эвон подтвердит, что это совсем не страшно. Не так ли, мадемуазель Эвон?

Все девочки повернулись ко мне, словно ожидая, что я опровергну слова менталиста. Нет-нет. Я просто не могу себе этого позволить. Ведь месье де Грамон смотрит на меня так, будто, откажись я согласиться с ним, меня отдадут под стражу. Кивнула. Дважды на всякий случай.

— Надеюсь, мадемуазель Эвон, вы не откажетесь помочь Стефану с распределением девушек по комнатам, пока не придет Жан-Луи?

Еще раз кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Как откажешься при

такой формулировке? Перевела взгляд на хмурого пажа. Он сам не в восторге от подобной перспективы.

— Хорошо, — кивнул «старик», — я жду тишины в коридоре. Все-таки мы в магической академии, а не на базаре.

Пристыженно посмотрели вслед очередным «жертвам». То, что прошедшие в комнаты девочки — жертвы, сомневаться не приходилось.

— Было очень страшно? — шепотом спросила Аврору.

Девочки, услышав мой вопрос, пододвинулись поближе. Ведь от меня или Жаклин добиться чего-либо существенного не удалось, Марию-Элену увели в слезах. Кто знает, что на этом собеседовании?

— Нет, — покачала головой подруга. — Сначала меся менталист спросил о моих предках. Потом мы немного поговорили о моей лояльности короне, и он спросил, добровольно ли я решила участвовать в отборе. Сказал, что если родственники принудили меня, то я могу отказаться.

Все взволнованно переглянулись. Если об этом спрашивали и Марию-Элену, то совсем непонятно, почему ее увели. Разве может быть она «нелояльна» короне? Тем более девушка вчера прожужжала все уши тем, кто готов был слушать ее, о том, какой дофин красивый и что ей бы хоть глазком посмотреть на принца. Не верю, что решение Марии было продиктовано отцом. Даже если предположить, что желание девушки не было добровольным, разве отправляют под стражу за дочернее послушание?

А почему меня не спросили о родственниках и лояльности короне? Занятно.

— А у тебя? — встревоженно вернула вопрос Аврора.

Неужели подруга боялась, что менталист может стать для меня испытанием? Но почему?

— Все прошло гладко. Мне даже удалось попросить за Жаклин.

Армель и Аврора посмотрели в сторону зареванной баронессы. На лице подруг читалось явное недоумение. Совсем забыла, что девушки не были свидетельницами истерики Жаклин.

— Потом расскажу, — прошептала одними губами.

— А ведь меня могли, как Марию-Элену... — пролепетала баронесса, почувствовав на себе взгляды девочек. — Я была на волоске! Ужасно!

— Уж за флирт точно государственными преступницами не объявляют, — возразила бойкая Полин.

— Преступницами? — Брови Армель взметнулись высоко под челку.

— А как у вас прошло? — ответила я вопросом на вопрос, сердито

сверкнув глазами.

Я же говорила, что расскажу потом. А то начну повторять, Жаклин снова начнет бить истерика, а пересуды и разговоры опять не остановить.

— Ах да! У нас был скандал, — кивнула взволнованно Армель. — Я так растерялась от вида Марии-Элены, да и у вас тут странные разговоры, что...

— Скандал?

Вскрики слились в один, и я поежилась: что, если сейчас услышит месье менталист?

Теперь все обступили меня с подругами плотным кольцом, жадно прислушиваясь. Даже девочки, прошедшие испытание у «воронов», не спешили на половину, где предстояла встреча с целителями. Всем хотелось услышать о скандале, а потом еще и обсудить его в соседнем крыле.

Стефан у дверей тоже подался вперед, силясь услышать последние сплетни. Недовольно поморщилась и демонстративно гневно посмотрела на мальчишку. А говорят, что нам, девочкам, нравится послушать о чужом горе.

— Да. — Армель понизила голос до шепота. — Амелия не прошла собеседование с целителями.

Все молча переглянулись. Почему? Амелия на диво хороша. Никаких внешних изъянов у нее точно нет, здоровье у девушки преотличное: румянец так и горел на щеках. В чем же причина? Неужели у нее тоже недоставало зуба? Или, может, те самые мигрени?

— Я только из кабинета целителя вышла, девочкам рассказывала, как и что, потому что Эвон, — Армель кинула возмущенный взгляд на меня, — ничегошеньки не рассказала и убежала. А все же волнуются.

Одногруппницы посмотрели на меня осуждающе. Я пожала плечами. Почему не рассказала? Все же выложила как на духу.

— Да-да! Это в стиле Эвон, — кивнула, поморщившись, Полин.

Хотела было возмутиться, но Армель остановила меня жестом. Не стала спорить, тем более что мне тоже было интересно.

— А что с Амелией? — тихонечко пискнула Белла.

— Я же рассказываю! — Подруга недовольно посмотрела на Изабеллу и покачала головой совсем как классная дама. — Вышла, делюсь с девочками. Амелия зашла как раз следом за мной, но пробыла там совсем недолго. Двери открылись, а оттуда выпорхнула счастливая Амелия. Следом за ней вышел серьезный целитель.

Армель замолчала и обвела нас многозначительным взглядом. Как будто мы что-то должны были понять из этого молчания. Да у меня

вопросов появилось больше, чем ответов.

— И целитель говорит: «Надеюсь, вы понимаете, мадемуазель, что я обязан доложить об инциденте?» И пригласил следующую девушку к себе. Зашла Лиона, а Амелия такая счастливая! Мы к ней, спрашивать, что произошло, а она...

— Армель, не томи! Кто тебя учил так рассказывать? — всплеснула руками Полин.

Все девочки были солидарны с нетерпеливой Полин. Как можно говорить без умолку, а о самом интересном так и не сказать. Ума не приложу, в чем же причина скандала.

— Не нравится — я могу молчать, — обиженно надулась Армель, сложив руки на груди. — А если вы меня будете перебивать, я никогда так и не расскажу.

— Нет, нет! Продолжай, Армель!

— Да! Рассказывай!

Даже паж, прислушивающийся к нашим разговорам, казалось, был солидарен с мнением толпы.

— А Амелия так счастливо нам говорит: «На излом зимы — свадьба!» — и смеется.

Мы все просто рты открыли. Да, некрасиво, совсем недостойно дворянки, но... тут такие новости.

— Что? Свадьба?

— Неужели с дофином?

— Как? А отбор?

Вопросы посыпались со всех сторон, шум нарастал, и я всерьез забеспокоилась, что сейчас в коридор выйдет месье де Грамон. И спросит с кого? Меня же оставили за старшую, верно?

— Тише вы! — прикрикнула, с опаской косясь на дверь.

Девочки, проследив за моим взглядом, притихли. Встречаться со «стариком» не хотелось никому. Армель же наслаждалась триумфом, который произвели ее слова.

— Мы тоже так заволновались, а потом оказалось, что Амелия уже не девица.

Все разом ахнули. Даже я. Амелия не девица! Вот уж скандал так скандал.

— К-к-как... — начала заикаться Жаклин и в ужасе прижала руки к лицу. — Дофин обесчестил Амелию?

Девочки недоверчиво посмотрели на Армель. Что-то в этой версии не сходилось. Но голова от возбуждения и кучи сегодняшних событий

отказывалась соображать. Амелия участвовала в отборе? Да. Амелия говорила про свадьбу? Тоже да. Но...

— Дофин? — пораженно воскликнули из толпы. — Нашу Амелию?

— Дурочки! — разозлилась Армель. — Амелия выходит за Жан-Клода сразу после бала, приуроченного к дню излома зимы.

Смысл сказанного дошел до нас, и все наперебой завздохали. Еще бы! История как в романе. Зачем только Амелия пошла на отбор? Ведь она знала, что не пройдет собеседование, так как не отвечает требованиям. Или она сделала все, чтобы у ее отца не осталось выбора, кроме как согласиться на брак влюбленных.

— Хорошенькая академия, — фыркнул около стены паж. — Может, среди вас и не одна такая, кто ножки...

Договорить явно какую-то грубость паж не успел. Дверь из комнаты «старика» распахнулась, и в коридор вышла взволнованная, но явно спокойная Жаннет. Все скопом, почуяв новую жертву, ринулись к побледневшей баронессе.

— Девочки, следующая! Не заставляйте месье кричать, — напомнила я, впрочем, без всякой надежды.

Но однокурсницы внезапно прониклись важностью момента, и к месье де Грамону, перекрестившись, отправилась Полин. Жаннет обступили со всех сторон, чтобы узнать подробности.

— Как прошло твое собеседование? — тихонько спросила меня Армель. — У кого из месье ты была? И что произошло с Марией-Эленой?

Вздыхнула и кратко пересказала подруге произошедшее за последний час. Аврора качала головой, изредка поглядывая на Жаклин.

— Как думаешь, самое страшное позади?

— Не знаю, — пожала плечами в ответ Армель, — но кажется, что самое легкое должно было быть вначале.

— Пойду к целителям, — вздохнула Аврора и, сжав наши руки, одиноко двинулась по коридору.

— Аврора, погоди!

Следом за подругой кинулась Жаклин, которая немного успокоилась. Вот уже девочки пошли вместе, и, судя по доносившимся обрывкам фраз, баронесса делилась пережитым ужасом.

— А я достала белил, — заговорщицки протянула Армель. — Сильных! Даже твою смуглую кожу скроют!

— Белил! — взволнованно переспросила. — Где?

— У классной дамы.

— Что?

— Да тише ты. Мадемуазель Лаура вошла в положение и дала баночку. Я сказала, что для себя, и будет совсем незаметно. Но для себя или для тебя, какая, в принципе, разница? Вот немножечко не попиши сегодня, утром намажем, и дофина встретишь красавицей.

Да, если я не посплю полночи, то буду чуточку бледнее обычного. Даже белила справятся с моим цветом лица. Это же... великолепная новость! Благодарно сжала пальчики Армель, надеясь, что она по моим глазам догадалась, насколько она мне дорога.

— Правда, ты пропустишь приезд дофина, ведь появиться надо будет перед самой церемонией встречи в обеденном зале. Иначе классная дама отправит тебя умываться. Но ведь это мелочи, верно, Эвон?

Вздохнула. Да уж. Остаться в комнате и не увидеть приезд принца. Но ведь я смогу посмотреть с восточной галереи? Там почти никогда никого не бывает и хорошо видно весь двор. Разве могу я пропустить триумфальный въезд королевского картежа в академию? Вон и погодники вовсю стараются, проверяя прогнозы, артефакторы зал украшают. Даже классным дамам выдали новую парадную форму, а для нас достали нарядные плащи, которые уже разнесли по комнатам. Нет-нет! Я просто не могу остаться в стороне от такого зрелища. Да я еще внукам буду рассказывать о впечатлениях от приезда дофина.

Одним глазком с восточной галереи! А потом бегом в обеденный зал. Не отправит же меня классная дама в комнату, по регламенту встречать его высочество обязаны все претендентки.

— Знаете, где поселят дофина?

Обернулась к Луизе. Девушка вспыхнула от всеобщего внимания и покровительственно улыбнулась. А откуда ей знать? Разве что Атенаис слышала и поделилась.

— В преподавательском корпусе, в правом крыле. Туда и менталистов уже расселили. Говорят, этот старший «ворон» месье де Грамон — цепной пес короля.

Все разом ахнули и перевели взгляд за закрытую дверь. Если фамилия «старика» мне была почти незнакома, то вот прозвище Цепной Пес очень даже известно. Говорят, это самый верный и преданный слуга его величества, а еще брат королевы. Ходили страшные слухи, что невеста «пса» была замешана в делах против короны, и барон убил ее собственными руками. А я... я так опрометчиво...

— То есть Жаклин пыталась соблазнить Цепного Пса? — Белла испуганно прижала ладонь ко рту.

Все поехали. Лично я была счастлива, что сама баронесса не

слышала этого, а то обязательно рухнула бы в обморок. Подумать только!

ГЛАВА 6

— Ну что? — в нетерпении спросила я, когда подруга в очередной раз взмахнула кисточкой над моим лицом.

Армель вот уже час накладывала белила на мою кожу — баночка почти уже пустая. Так совсем ничего не останется на следующий раз. С другой стороны, первое впечатление самое важное. Маменька говорила, какой первый раз покажешься, такой тебя и запомнят.

Я точно должна быть беляночкой. Зря, что ли, полночи не спала? Уже в меру бледная, как мне кажется, белила должны ровно лечь.

Не спать легко: голова занята разными мыслями, а сердце млеет в предвкушении. Я плела косы и укладывала их над висками в особые сетки с камнями. Правда, такие прически были модны в прошлом году, но это единственное, что мне шло. А появиться с обычной я точно не могу. Вон у Авроры пышная коса на наваррский манер, у Армель прическа со взбитыми кудрями, как в альманахе. С простой гладкой прической я бы выглядела единственной простушкой. Нет уж.

Сейчас закончим с белилами, закреплю покрывало на волосах и буду красавицей. Белокожей. Ах, мечта детства. Кто знает, если бы у меня была белая кожа, моя любовь в возрасте восьми лет могла бы не закончиться так трагически. Была бы сейчас помолвлена с сыном графа и в отборе не участвовала.

Зевнула украдкой. Ночью было легче, казалось, голова пустая и легкая, а сейчас... как до вечера досижу? Подремала-то всего пару часов, теперь спать хотелось ужасно, хотя и задуманного добились: по уверениям подруг, я была бледнее обычного. Армель тоже не спала, но по ней не скажешь.

Глаза блестят, на щеках румянец, видимо, мадемуазель Лаура поделилась с ней не только белилами. Даже губы блестят. Мы их, по совету из альманаха, намазали пчелиным воском.

Легонько коснулась пальцами щек, рассматривая оставшиеся на подушечках белые разводы. Ах, себя не рассмотреть хорошенько со стороны.

— Эвон! Ты такая красавица! Как спустившийся с витражей ангел.

С ужасом посмотрела на Аврору. Конечно, подсмотренную прическу в прошлогоднем альманахе и описывали как вариацию на тему старинных, еще рыцарских времен, но не настолько же это плохо. Или?.. Кинулась к зеркалу, всматриваясь в отражение.

— Эвон, я же не закончила, — протестующе воскликнула Армель, которая в этот момент зачерпнула еще белил из баночки. — Тут и так мало будет!

— Я так старомодно смотрюсь?

В отчаянии оглядела себя в зеркале. Парадное платье с высоким воротничком скрывало разницу между тоном кожи лица и шеи, избавляя меня от эффекта маски. Да, прическа не нова, но сойдет. Да и камушки на сетке в тон к платью. Мне в любом случае трудно подобрать идеальную укладку, так что все не так уж страшно, как казалось вначале после слов Авроры. И да! Слава Всеединому. У меня белая кожа. Даже, наверное, излишне бледная, но это такая мелочь!

— Армель, ты мне бровь закрасила! — возмущенно закричала, отворачиваясь от зеркала. — Разве это красиво — с одной бровью?

— Зато точно не как все, — невозмутимо ответила подруга, смачивая краешек платка в воде. — Подойди сюда, сейчас поправлю. Думаешь, это так легко — нанести один тон на все лицо?

— Если дофин не обратит на тебя внимания, Эвон, он просто слепец, — закивала Аврора. — Ты такая красавица!

Скептически посмотрела на подругу. Ей легко говорить. Сама как раз во вкусе дофина: белокожая, голубоглазая блондинка. Даже на ладонь выше меня. Конечно, до столичных красавиц из альманаха недотягивает, потому что все равно ниже любого из менталистов, но раз уж его высочество любит высоких... весь мир против меня!

— И платье тебе очень идет.

— Аврора! У нас у всех одинаковые платья.

Я разозлилась. Меня точно успокаивают. А значит, с моим внешним видом все не так хорошо, как задумывалось. Может, пойти умыться, пока не поздно? Снова взглянула на себя в небольшое ручное зеркало — все-таки нет. Пойду так. У белокожей больше шансов, чем у смуглой.

— Ладно, отправляйся к себе, а то скоро классная дама начнет собирать претендентов.

Армель успокаивающе сжала мне пальцы и, подмигнув, вышла из комнаты.

Вдохнула. До завтрака, а значит, и до представления дофину еще целый час. Чем бы занять себя?

Я, естественно, волновалась. Не каждый день к нам в академию приезжает принц. И уж точно судьбоносные завтраки нечастое явление в моей жизни. Было бы потрясающе, окажись это любовь с первого взгляда. Вот я поспешно захожу в обеденный зал, под взволнованными взглядами

классных дам становлюсь в шеренгу девочек и жду. Даже мадемуазель Лаура, вспыхнувшая от осознания, кому достались все белила, ничего не может сделать. Да и что успеешь, когда двери распахиваются и входит дофин. В таких же узких штанах, как у пажей, только из парчи. Да! Блестящей синей парчи. Такой высокий, выше Атенаис. Да даже выше месье де Грамона.

Принц смотрит на меня, наши взгляды встречаются, и...

Вот что дальше этого «и», я пока представить не могла. В дамских романах обычно у девушек появляются бабочки в животе, а все вокруг видится в розовой дымке. Я не очень доверяю таким романам. Во время моей единственной влюбленности никаких бабочек не было. Избранник казался мне самым лучшим, я готова была отдать ему все ягоды, которые приносила мне нянюшка. Но бабочки? Нет, определенно, в животе были только пироги.

В коридоре раздалось радостное гудение: девочки отправлялись на инструктаж. Конечно, еще вчера все переживали из-за ситуации с Марией-Эленой, но высказываться вслух опасались даже между собой. Мало ли что решит месье де Грамон, менталисты они и мысли читать могут. В конце концов, даже «старик» сказал, что ситуация разрешится в скором времени.

Саму девушку поместили в одной из центральных башенок и, кроме ограничения свободы, никаких наказаний не применили. Может быть, все не так страшно? Да и как можно грустить, когда намечается такой праздник.

Приезд дофина — это событие не только для конкурсанток, но и для всей академии. Даже Атенаис нарядилась, я видела в щелочку двери. Хорошо, что она не участвует. А то шансов бы не осталось совсем.

И у многих девочек кружевные воротники. У Жаннет, Луизы, Авроры. Мы с Армель сплести не успели. Точнее, я даже не пыталась, а подруга из солидарности со мной не стала. И теперь все девочки такие красивые с кружевами, полностью закрывающими их плечи. И какие там цветочки, узоры... Я пропала! Как с подобным очарованием тягаться? Одна надежда на внешний вид — может, со светлой кожей я буду лучше смотреться?

Расправила полы светло-синего парадного платья и подошла к двери. Вроде бы тишина. Уже все ушли? Интересно, их сопровождала классная дама? Не хотелось бы столько времени потратить на приготовление и попасться, выйдя на пару минут раньше. А если не выйду? Пропущу приезд дофина. С какой стороны ни посмотри, все плохо.

Армель должна была сказать, что у меня живот разболелся и я пошла в целительское крыло. Туда идти далеко, и мадемуазель Лаура наверняка не

пойдет узнавать о моем самочувствии.

Задержала дыхание у двери и, открыв небольшую щелочку, осмотрела все проглядываемое пространство. Никого. Едва не захлопала в ладоши от радости. Чувствовала я себя странно. Во-первых, раньше я никогда настолько серьезно и сознательно не нарушала правил. Ведь все обязаны были явиться на инструктаж, да и белилами пользоваться нельзя — косметика запрещена. Это только Атенаис удавалось краситься так, что никто не замечал. А во-вторых... это же такое приключение! Пробраться незамеченной в восточную галерею. Живот свело от страха. А что, если меня поймают и решат, что я тут с целью покушения?

Выскользнула в общий коридор и свернула в один из боковых, по которым обычно ходили классные дамы. Встретить кого-либо я не боялась, не верю, что кто-то добровольно откажется увидеть приезд дофина. Так что все учителя сейчас во дворе, а ученики прильнули к окнам в обеденном зале.

Короткими перебежками добралась до восточного крыла и притаилась в галерее. Здесь, как и везде, были сплошь портреты членов королевской семьи, тех, что были еще до великой смуты. Когда-то его величество Луи Первый был милостив к своим предкам и приказал не снимать старинных портретов. Даже изображение своей сестры — Анны-Марии, статной брюнетки с горностаем на руках, которая и стала предводителем волнений тогда, много лет назад. Не каждый поступит так с предателями, готовыми всадить кинжал в спину.

Восточная галерея была так называемой «летней», только здесь имелись выходы на широкий, во всю стену балкон с узкими бойницами по обе стороны здания. Обороняться, наверное, легко. Притаился с арбалетом и пустил стрелу из окошка. Надеюсь, я не встречу тут убийц дофина. Хихикнула. Вот уж мысли так мысли! На всякий случай осмотрела весь балкон и, не найдя никого, устроилась около крайней бойницы.

Вовремя! Потому что стоило мне перевести взгляд во двор, как я заметила выстроившихся полукругом учителей и двух директоров. Все мальчишки с боевого и факультета менталистов взяли двор в кольцо и подозрительно посматривали по сторонам. Это они так во взрослую стражу играют?

Рядом с директрисой стояла Атенаис. Прекрасная в своем платье, с живым цветком в волосах. Как директриса могла так поступить с нами, записавшимися на отбор? Разве были у нас шансы после рослой блондинки? Очарует, околдует дофина и будет такова. Это же первая встреча! Самая важная. Я закусила губы и сжала пальцы. За что Атенаис

такая честь? Она даже не претендентка.

В руках блондинки традиционный ковш с вином. Счастливица! Будет встречать дофина. Сможет разглядеть его лучше всех остальных девиц. Близко-близко. Каждую ресничку и ямочки на щеках (у принца просто обязаны быть ямочки). И почему на месте Атенаис не я? Или Армель, да даже Жаклин достойна. Почему эта высокомерная девица?

Хотела было еще понегодовать, но ворота открылись и во двор потянулась процессия. Я насчитала не менее двенадцати всадников. Но где же кареты? И кто из них дофин? Досада какая, отсюда не разглядеть. От возбуждения вцепилась в краешек бойницы изо всех сил.

Старое дерево рамы под моими руками жалобно хрустнуло, и весь нижний узорчатый край окошка рассыпался в труху. Мне показалось, что в тишине внутреннего двора это прозвучало набатом. Сердце испуганно ухнуло в пятки и словно даже стучать перестало. С ужасом смотрела вниз на толпу людей, не в силах даже присесть, чтобы меня не заметили.

Но, кажется, хруст ломающегося гнилого дерева был только в моей голове, никто не обернулся и не задрал головы в мою сторону. Все были заняты приездом дофина.

Вот вся дюжина юношей на лошадях пустила животных по кругу, следуя друг за другом будто в дивном, завораживающем танце. А вот единым движением они отпускают поводья и мягко соскальзывают на землю.

Только сейчас мне стало понятно, что все наряжены в плащи разных оттенков синего: от темного, насыщенного — цвета грозового неба до нежного василькового. Шесть господ, шесть слуг. Дофин и свита. Пятеро фаворитов. Я жадно разглядывала юношей внизу, кусая от волнения губы. Наверное, уже весь воск съела, но как можно оставаться спокойной?

Дофин и его фавориты были одеты совсем не так, как пажи. Если те щеголяли в узких, обтягивающих штанах и смешных объемных шортах, то его высочество и свита были в костюмах, наглухо застегнутых до самого подбородка, похожих на военные мундиры. Я видела у дедушки что-то подобное, он в юности служил в королевском полку.

На головах у них были заливчатские островерхие шапочки с перьями. Все-таки каждый из дюжины был красив, даже издалека мне это видно. А какая выправка! Сабля на бедре. У меня просто нет слов, чтобы выразить восторг от происходящего, лишь рот открывался, как у вытащенной из воды рыбы.

Жаль, что никак не разглядеть лиц и узоров на одежде. Но утешает, что из обеденного зала девочкам видно не лучше. Что же сейчас будет? Ах,

надо еще рассчитать время, чтобы успеть добраться до остальных претенденток.

— Так-так... И что мы тут делаем? Заговор?

Вздрыгнула и, испуганно дернувшись, оглянулась. Сердце колотилось как бешеное, казалось, что даже не хватает воздуха.

В проходе, выделяясь на фоне темного коридора, стоял месье де Грамон собственной персоной. Почему не наш завхоз, вздорный старикашка? Почему не директор? Да почему не любой преподаватель школы, который наверняка понял бы причину? Почему этот страшный человек?

— Кто вы? С какой целью ведете наблюдение? Отвечайте!

Под конец менталист рывкнул так, что у меня зубы от страха застучали. Неужели меня сейчас арестуют, как Марию-Элену? Отправят в темницу, где я не увижу света до конца своих дней. А будут ли меня пытаться? Или отрубят голову сразу? Слезы брызнули, словно из дырявого меха с водой.

— Я-я-я... я ж-ж-же прос-с-с-то с-с-м-мотрела, — пролепетала, обхватывая себя руками в попытке остановить бьющую меня дрожь.

Слезы покатались по щекам. Он так напугал меня! И себя жалко, хотела всего лишь понравиться дофину и посмотреть на приезд важных гостей. А что в итоге? Абаста?

— Мадемуазель Эвон? — Менталист удивленно вскинул брови и осмотрел меня с ног до головы.

Он что, не узнал меня? Как это возможно? Неужели беляночкой я так разительно отличаюсь от себя настоящей?

— Выбирайте, виконтесса. — Он протянул мне руку. — Если вы не расскажете мне, что здесь происходит, я буду вынужден под стражей проводить вас в помещение для дознания.

Аккуратно вложила свои дрожащие пальчики в широкую ладонь мага и, уже простившись с белым светом, решительно сделала шаг вперед. «Старик» верно сказал. Я виконтесса! Я обязана быть храброй до конца. Даже если очень страшно, как сейчас.

— Я... я всего лишь хотела посмотреть на приезд дофина, месье де Грамон.

Он заинтересованно посмотрел на меня. Не ожидал, что я знаю его имя? Так я и не узнавала, достаточно было прислушаться к разговорам пажей.

— Все претендентки и большая часть академии в обеденном зале, отчего вы здесь? Мадемуазель Эвон, мое терпение безгранично. И что за

ужас у вас на лице?

— Это белила, — призналась упавшим голосом.

— Не слышу!

— Белила, — повторила чуть громче.

— Как мертвяк прямо, — едва слышно пробормотал де Грамон. — Зачем? — Менталист удивленно меня разглядывал.

— Ах, как тут не понять! — Казалось, моему возмущению не было предела, даже катившиеся градом слезы высохли. — Амели сказала, что все фаворитки дофина — блондинки со светлой кожей. А я? Вот и замазала всю черноту. Я теперь беляночка. А мадемуазель Лаура, наша классная дама, запрещает краситься. Что мне оставалось делать? Если я приду так к самому началу церемонии, никто не посмеет погнать меня умываться.

Месье де Грамон задумчиво на меня смотрел, будто не веря в рассказ. Может, потому что я постоянно сбивалась? Мысли прыгали в голове, будто убегая от сознания. Вот! Даже мысли боятся «старика».

— Предположим. А что вы забыли тут, у бойниц?

— Так посмотреть на приезд дофина очень хочется, — призналась, похлопывая себя по щекам, проверяя, не потекли ли белила от слез.

— Что это вы делаете, мадемуазель?

Удивленно посмотрела на Цепного Пса, не прекращая постукивать пальчиками под глазами. Неужели он действительно не понимает?

— Проверяю, не потекли ли белила.

— Вы всерьез верите, что я позволю вам оставить этот ужас на лице? Жуткую белую маску? Мне дорога жизнь племянника, а от вида такой утопленницы, как вы сейчас, ему станет дурно. Как будто русалка из пруда вылезла и зовет к себе, брр.

У меня даже открылся рот. Что это значит? Месье де Грамон не скрывал впечатлений от моего внешнего вида. Утопленница? Я? Разве похожа?

Но ведь Аврора и Армель, да и я сама посчитали, что результат идеален. Что не так? Расстроено посмотрела на менталиста. Да что понимает этот мужчина? Сам небось только преступников да шлюх ловит в столице, ну или тех, кто замышляет плохое против короны. Где ему увидеть подобную красоту?

Вот умоюсь я, и что? Стану снова обычной. Значит, от моего «нормального» вида дофину дурно не станет. Конечно, он просто не обратит на меня ни малейшего внимания. Даже не знаю, что хуже.

— Но я же могу опоздать! — попыталась я воззвать к совести де

Грамона.

— Это ваши личные проблемы, мадемуазель, не мои.

В отчаянии замолчала. Как я смогу умыться, не замочив узких рукавов? А если даже удастся, то волосы обязательно выбьются из-под сетки, а как убирать тяжелые пряди без зеркала, подруг и расчески?

— Туалетные комнаты, насколько помню, рядом?

Кивнула. Мне просто не оставили выбора. Как мерзко и подло со стороны взрослого мужчины.

— Вы меня ненавидите? — обреченно спросила, закусывая губу. Умоляюще заглянула в глаза де Грамона, встав на цыпочки. Из-за неудобства позы случайно коснулась пальчиками мундира.

— Не делайте так больше, — хмуро попросил де Грамон и отстранился.

— Как? — Склонила голову набок, ничего не понимая. Мне не позволено спрашивать? Или что? Даже слуги имеют право знать, за что их наказывают, а я дворянка. Виконтесса!

— Похоже, я ошибся в вас и вы прожженная кокетка, мадемуазель.

— Я? Кокетка? — Удивленно посмотрела на хмурого мужчину.

Да любой, кто знал меня, никогда бы не сказал подобного. Это надо же такое придумать. Вот Атенаис или Жаклин — кокетки. Умеют кружить головы мужчинам. Может, он назвал меня так из-за белил? Тогда вдвойне печально, если придется смыть их. Я растеряю все свое очарование.

— У вас кончается время, мадемуазель Эвон.

— Прошу вас, месье!

— Время!

Вздохнула. Даже молитвенно сложенные руки не помогли. «Старик» просто не хотел слушать моих просьб. Понутив голову, прошла вслед за менталистом в сторону туалетных комнат. Дядя дофина бросил искорку магии, подогрев холодную воду в одном из тазов, и вышел.

Тоскливо посмотрела в свое отражение. Прощай, красавица Эвон!

Белила смывались плохо. Приходилось долго тереть кожу, отчего щеки уже горели. Пока оттирала лоб, успела порядком намочить волосы. Со злостью сорвала сетки с волос, и тяжелые косы упали на плечи. Ни нитки жемчуга, ни лент! Что мне делать? Да и волоски надо лбом начали завиваться от влаги. Красавица! Поздравляю, Эвон, этот «старик» уничтожил твои последние шансы на победу в отборе.

Взгляд упал на тяжелые гардины в комнате. Минута — и я уже сдирала с них шнуры с кисточками, которыми подвязывали ткань. Потом верну. Сразу после представления дофину.

В результате в коридор я вышла с двумя косами, перевязанными шнурами, без покрывала на голове (какая уже разница, все равно мой вид далек от приличного), с идеально чистым лицом. Хорошо хоть гардины были темно-синие — не иначе из ткани на ученические платья, а потому мои импровизированные украшения смотрелись хотя бы в тон. Стянуть косы не получилось, потому казалось, что одно неловкое движение — и они расползутся, а я буду выглядеть непричесанной. Позор, бог всемогущий, какой позор!

Вскинула подбородок и посмотрела на менталиста, который, довольно хмыкнув, предложил мне руку.

Чем ближе мы приближались к обеденному залу, тем быстрее таяла моя злость. И что я теперь буду делать? Чернявая (в шапочках-сеточках из-за камней хотя бы не сразу разберешь, какой цвет волос), с косами, смуглая, маленькая... Можно долго продолжать список недостатков.

Перед входом в обеденный зал мы остановились, не дойдя буквально десяти шагов. Почему мы стоим? Менталист задумчиво на меня смотрел, будто раздумывал: а не поспешил ли он, освободив от пыток. Хотя по мне, так уж лучше пытки, чем такой позор.

Обреченно опустила голову. На плаху! Только смерть способна смыть такое убогое появление перед очами дофина.

— А, Луи! Рад видеть тебя.

— Доброе утро, месье Арно, я тоже рад встрече с вами.

Заинтересованно вскинула голову. Один из дюжины. Высокий, выше меня, наверное, ладоней на пять, рыжеватый блондин со спокойным взглядом голубых глаз. Одет он был в простой мундир черного цвета, за его спиной к нам медленно подходили еще люди. Я слабо пискнула, дофин уже совсем рядом, а я еще даже не зашла в зал.

Месье де Грамон несколько удивленно посмотрел на меня. Стоит тут, разговаривает с каким-то слугой, пусть и из свиты дофина, а мне еще пара минут — и не жить!

— Луи, проводи девушку в обеденный зал. Она немного перенервничала, опоздала.

— Мадемуазель? — Луи вопрошающе вскинул брови и предложил мне руку.

С благодарностью подхватила юношу под локоток, в нетерпении оглядываясь на приближающихся людей. Скорее! Скорее уже! Ведь дофин!

— Мадемуазель Эвон, — представилась шепотом. — Пожалуйста, пойдемте быстрее, а то ведь нас нагонят.

— Нагонят? — На лице Луи большими буквами читалось

непонимание ситуации. — Кто?

— Свита! Дофин! — слабо пискнула я. — О! Вы не понимаете, месье! Это вопрос жизни и смерти.

Менталист сбоку хмыкнул, словно я сказала что-то смешное, и выразительно посмотрел за спину слуги. Все ближе была свита дофина, которую я видела с балкона. Я занервничала и почти пританцовывала на месте от нетерпения зайти побыстрее в зал. Сама бы уже давно кинулась вперед и мышкой проскользнула в общую шеренгу девушек, но... неизвестно, что хуже: оставить за спиной менталиста и слугу, но успеть к встрече дофина либо пропустить встречу, навсегда потеряв шанс на сказочное первое знакомство. Я и так без покрывала мало похожа на дворянку, а еще прощай встреча взглядами и полет фантазии... Не везет мне в этой жизни!

— Если жизни и смерти, то пойдемте, — решительно кивнул Луи месье Грамону и двинулся в сторону дверей.

Я едва не сорвалась с места, стараясь подстроиться под шаг юноши. Впрочем, «старик» оказался все равно быстрее нас у дверей и, вместо того чтобы открыть аккуратно дверь, распахнул створки настежь.

Я перешагнула порог обеденного зала с широкой улыбкой. Успела! Я успела! Теперь тихонько пристроюсь во второй очереди и буду ждать, пока объявят дофина.

Жадно рассматривала девочек, я же никого, кроме Армель и Авроры, не видела с утра. Какие все красивые! Будет тяжело конкурировать с ними, особенно сейчас, когда пришлось умыться. А мне так хотелось, чтобы наши с принцем взгляды встретились первыми. Тогда бы у меня был шанс. Амели права, у меня очень красивые глаза.

Радостно рванулась вперед, но знакомый «старика» придержал мой порыв. Нахмурилась. Чего ждать-то? Сейчас придет дофин со свитой, и будет поздно. Потому мне надо встать в строй, пока процессия отстала. Возможно, мне даже удастся отдышаться. Пару минут. Или ударов сердца? Сделала шаг и...

— Его высочество Луи-Батист де Гостьес и виконтесса де Сагон!

Я споткнулась. Если бы не рука... дофина, то я бы упала. Юноша жестко придержал мою ладонь и обеспокоенно склонился ко мне с высоты своего роста.

— С вами все в порядке, мадемуазель Эвон?

— Я погибла! — пролепетала, сожалея, что не смогла, как положено благовоспитанной барышне, упасть в обморок. Только беспомощность могло уберечь меня от взглядов. На меня смотрели все — от преподавателей до

студентов, конкурсантки и девочки, не подававшие заявки. Даже нелюдимые мальчишки с некромантского тянули шеи, разглядывая меня под руку с дофином.

Я подгоняла принца! Говорила ему такие ужасные вещи!

Облизнула внезапно пересохшие губы. Мне конец. Это плаха.

— Что? Мадемуазель... — Казалось, дофин склонился еще ниже, словно намереваясь меня поцеловать.

— Я погибла, — послушно повторила.

Но вместо сочувствия юноша лишь улыбнулся мне.

— Позвольте, я провожу вас. Куда?

— К претенденткам, — упавшим голосом прошептала я.

Во время наших перешептываний в обеденном зале стояла звенящая тишина. Клянусь — все всё слышали!

— Вы одна из конкурсанток? Занятно!

Дофин провел меня по большому кругу к остальным девушкам и, поцеловав руку, отошел к «старикам». Я стояла ни жива ни мертва. Ну как я могла так опозориться? И где, где был мой спасительный обморок?

ГЛАВА 7

Проследила взглядом за удаляющимся дофином и вздохнула. Как теперь быть? Только сейчас пришло осознание, что «старик» меня подставил. Да, приди я перед появлением принца с белилами на лице, на меня, естественно, обратили бы внимание, но потом... Когда двери открылись, дофин и свита вошли бы и все разом обо мне забыли бы. А теперь? Кожей чувствовала взгляды всей академии. В спину неслись шепотки. Почему именно я попалась? Закрывает глаза, восстанавливая душевное спокойствие. Я же виконтесса! Я справлюсь.

И почему его высочество совсем не похож на свои портреты? Хотя, конечно, я могла догадаться: месье де Грамон назвал имя собеседника — Луи. Но кто же знал, что менталист будет так фамильярно обращаться к будущему королю, пусть даже он его племянник.

Открыла глаза и застыла. Высокий блондин, которого «старик» представил дофином, стоял все так же в центре и лучезарно улыбался. Рядом с ним, немного позади, полукругом выстроились пять фаворитов и вторым рядом слуги. От волнения я даже не могла хорошенько рассмотреть мужчин: картинка происходящего кружилась вокруг меня словно в пляске. Потребовалась вся моя выдержка, чтобы сфокусировать взгляд.

Дофин улыбался.

Смотрел на меня и улыбался, чего нельзя сказать об остальных его спутниках. В панике оглянулась и осознала весь ужас: строй претенденток присел в глубоком реверансе, одна я осталась стоять, так как не вовремя закрыла глаза, силясь отгородиться от мыслей о недавнем позоре. Получила, Эвон? Ситуация оказалась еще хуже!

Медленно повторила движение остальных девочек, мечтая, чтобы это не смотрелось слишком дерзко со стороны. Я низко опустила голову, надеясь хотя бы этим жестом показать смирение. Я не хотела бунтовать. Разве может дофину понравиться непочтение? А я очень, ну очень хочу оставить у принца только приятные воспоминания от сегодняшней встречи.

Украдкой старалась рассмотреть Луи-Батиста и его друзей. Дофин совсем не походил на свои портреты. И оказался не так красив, как я представляла, но все равно очень приятный и представительный. Хотя его шевелюра слегка отдавала в рыжину, привычных веснушек для такого цвета волос на его лице не было: кожа чистая, будто у ребенка, тонкие усики,

красиво очерченный рот.

Фавориты были как на подбор — высокие, не ниже дофина. Все юноши одногодки, если верить слухам, и весьма похожи между собой, точно близкие родственники, все как один светловолосые, голубоглазые. С отменной выправкой, что вкупе с военными мундирами создавало впечатление их принадлежности к королевской гвардии. Неудивительно, что я даже не заподозрила в простом на вид офицере наследника трона.

Юноши за спиной дофина разглядывали нашу разношерстную толпу с каким-то пренебрежением, кривя губы в презрительной усмешке. Неужели это из-за немодных фасонов платьев? Тайком оглядела ближайших ко мне девочек. Все чудо как хороши. Жаннет с белилами на лице тоже почти беляночка, совсем как Атенаис. У Луизы подведены глаза так, что кажутся огромными. А Аврора... У нее такое прекрасное голубое покрывало для головы с вышитыми бабочками по краям. Как мы могли не нравиться?

Возможно, в столице они привыкли к совсем иным девушкам, таким, каких мы видели в альманахах: высоким, изящным, тоненьким благодаря жестким корсетам.

Пока рассматривала принца и фаворитов, в какой-то момент встретила взглядом с месье де Грамоном. «Старик» усмехнулся и покачал головой, после чего весьма красноречиво опустил подбородок, показывая мне, что мое внимание неуместно. Вспыхнула. Поспешно уставилась глазами в пол. Может, из-за меня не было разрешения подняться из глубокого реверанса? Ноги затекли. Если я сейчас еще и упаду носом вперед, ничем хорошим это не кончится.

— Я рад приветствовать всех юных мадемуазелей этой академии.

Именно голос дофина послужил сигналом — наконец удалось встать нормально. За спиной принца один из фаворитов что-то тихо сказал, за что получил локтем под ребра от друга. Интересно, о чем они говорили? Мне казалось, в зале такая тишина, что можно полет мухи услышать, но, как ни прислушивалась, до меня не долетело ни фразы.

Впрочем, я ошиблась, едва заговорил дофин, остальные тоже решили, что можно поделиться впечатлениями. Студенты за нашими спинами возбужденно перешептывались, так что в обеденном зале нарастал гул.

— Мы рады приветствовать его высочество и его спутников, — присела в реверансе директриса.

Меня не сбил с толку нежный воркующий голос мадам — она метнула на меня рассерженный взгляд. Ох! Чувствую, могу заказывать карету домой. Если меня после подобной выходки не исключат, это будет чудом. Я никогда не проказничала столь явно: заявиться с дофином под ручку, без

покрывала на волосах, с почти распущенными косами, да еще не склониться в реверансе. Опозорила академию по полной программе.

Ах, дофин — сама любезность! Так искренен и открыт, так улыбается окружающим.

— Я отрываю вас от завтрака? Прошу, не стоит. Да и я, и мои люди совсем не прочь перекусить с дороги.

Оказалось, учителя об этом уже подумали: принцу со свитой отвели место за отдельным, установленным недавно столом. Увы, на возвышении для учителей, с противоположного от девичьего угла края. Совсем ничего не видно! Почему директора оказались так жестоки?

Хотя девочки ничего не ели. То ли сказывалось волнение, то ли правду написали в альманахе, что благовоспитанные мадемуазели едят, как птички. У меня же проснулся зверский аппетит, я полночи не спала, волновалась. Потому взгляд у меня, наверное, был безумный.

Завтрак!

Вдохнула запах свежее испеченного хлеба. Дофин и не глядит в нашу сторону, можно поесть без опасений. Протянула руку за паштетом и булочкой. Не тут-то было! Стоило только недовольной мадемуазель Лауре отойти в сторону, девочки накинулись на меня, как хищники.

— Что это было, Эвон?

— Вы уже обручились?

— Где ты встретила его высочество?

— Это правда, что когда он наклонился к тебе, то хотел поцеловать и говорил всякие нежности?

— Эвон, не томи! Ты потому на инструктаж не пришла? Но где вы успели договориться?

Я же перевела дух. Девочки отнеслись ко мне гораздо лояльнее, чем я уже себе нафантазировала. Думала, меня целенаправленно станут игнорировать. Такое уже было в прошлом году, когда учительница по рукоделию намеренно выделила одну ученицу (ну да, талантливую в вышивке) и на своих уроках уделяла внимание лишь ей. Бедняжка Эртран была вынуждена уехать из школы из-за тяжелой ситуации в коллективе.

— Нет-нет! Это произошло случайно. — Я с наслаждением откусила булочку. — Просто шла по коридору и столкнулась с его высочеством. Я вначале совсем не узнала дофина.

— Да, он совсем не похож на свои портреты, — закивали в знак согласия девочки. — Даже на описание Амели.

— А что он шептал тебе на ушко?

— Наверняка приказывал не строить из себя малахольную девицу, —

пренебрежительно фыркнула Атенаис.

За столом все разом загудели.

Удивленно посмотрела на красавицу. Не понимаю. Мы, конечно, не были дружны, но до подобной агрессии никогда не доходило. Почему поведение Атенаис изменилось именно сейчас?

— Какая же ты везучая, Эвон! — воскликнула Жаклин, привлекая внимание с соседних столов.

— Не сказала бы. — На ум пришла встреча с месье де Грамоном.

Огляделась по сторонам. Луиза и Армель сели неожиданно далеко. Неужели обиделись? На что? На то, что я пришла с дофином под ручку? Но ведь мы соперницы. Хотя в первую очередь подруги. Я бы вот только порадовалась за Армель, почему она не хочет? Разве это по-дружески?

— И что, вы совсем-совсем ни о чем не поговорили?

Выразительно посмотрела на девочек. Придумали целый роман!

— Ах, а если это была любовь с первого взгляда? Романтика!

Покосилась на всплеснувшую руками Жаклин. Что такое она говорит? Любовь с первого взгляда?

Задумалась. Я и правда очень рассчитывала на очарование своих глаз. Но в моих мыслях это происходило несколько иначе: вот стою я в толпе остальных претенденток, дофин проходит мимо нас, каждой целует ручку. А когда доходит очередь до меня, поднимаю взгляд от пола, томно смотрю на дофина и... ба-бах! Любовь с первого взгляда.

А получилось что?

Полутемный коридор, я вся покрасневшая и испуганная, а уж это мое «Пожалуйста, пойдете быстрее, а то нас нагонят!»! Кошмар! Как вспомню, так хочется плакать. Где уж тут трепет момента? Да и еще вид такой! Ни белил, ни блеска на губах, ни переливающихся камней в прическе — сразу видны черные кудри.

— У Эвон такие глаза, что немудрено влюбиться.

Уже раздраженно посмотрела на Жаклин. Что она заладила с этой своей любовью с первого взгляда. Ведь не знает же, как обстояло все на самом деле. Если было бы хоть на унцию так, как думала баронесса.

Девочки же, как по команде, обернулись в мою сторону — видимо, рассматривать глаза, «покорившие дофина».

— Да что он в ней нашел?

— Чернявая, как крестьянка, даром что виконтесса.

Поморщилась от шепотков. Угроздило же меня попасть в такую ситуацию. Перевела взгляд на стол дофина и замерла с вилкой около рта.

Его высочество с фаворитами, обернувшись, дружно смотрели в мою

сторону. Поспешно положила вилку и украдкой поправила волосы. Может, Луи-Батист действительно влюбился в мои глаза? А что? Я же миленькая!

Тут же оборвала себя: скорее всего, дофина привлек гул за девичьими столами. Все делятся впечатлениями от приезда гостей, хотя мужская половина сегодня необычайно молчалива, зато мы болтаем за всех.

Классная дама поднялась со своего места у крайнего стола в зале, но ее спокойным жестом остановил месье де Грамон. Нам давали выговориться, но зачем? Сплетни и шумные вздохи недостойны настоящих леди, а от наших столов сейчас столько шума, как от торговых рядов. Неужели это проверка?

Ах, мадемуазель Лаура, неужели вы ни жестом, ни словом не можете нам помочь? Ведь нас сейчас посчитают невоспитанными провинциальными простушками.

— Тише, девочки! — умоляюще попросила классная дама в тщетной попытке остановить сплетни, но куда там!

— А вы видели их военную форму?

— А ты не знала? Дофин — лейтенант в полку его величества.

— У него в подчинении десять человек. Особый отряд.

— Ты что, совсем альманах не читала? Не десять, а сто.

— Нет-нет, ты ошибаешься, Бланш, десять.

— А глаза, вы видели, какие у него глаза? Как небо.

Потерла пальцами виски, даже у меня уже голова болит от всех этих выкриков за большим столом. Переговаривались бы уж тихонько с соседками, зачем перекрикивать друг друга, что слышно на другом конце стола?

Поймала обеспокоенный взгляд Армель. Что случилось? Ах, я же схватилась за голову. Значит, подруга не так уж обижена на меня.

Сначала я злилась, что девочки сели так далеко от меня, — это похоже на бойкот, а потом подумала, как бы отреагировала сама, появившись Аврора под ручку с дофином. Конечно, мне было бы обидно. Ведь со стороны, наверное, кажется, что это была спланированная мной акция.

— Вспомните о своих дворянских корнях, — предприняла я очередную попытку. — На вас смотрит дофин!

Последнее прозвучало немного истерично, но возымело действие: все девушки мгновенно замолчали и слаженно повернули головы в сторону преподавательского подиума. Его высочество все еще продолжал с интересом изучать наш стол. Вот он отвернулся, сказал что-то своим спутникам, и они буквально взорвались смехом.

Я покраснела. Вот теперь я буду ассоциироваться с этой «базарной»

толпой. Как будто мало мне несчастий на сегодня.

Впрочем, смех со стороны стола дофина возымел свое действие, девочки успокоились, многие смутились. Разговоры, конечно, не затихли, наоборот, все с ужасом обсуждали причину смеха принца, но стали значительно тише.

— Минуточку внимания!

С места поднялась директриса и, взяв в руки хрустальный бокал, постучала по нему ложечкой.

— Сегодня и завтра занятия в классах претенденток посетит его высочество Луи-Батист де Гостьес со свитой. И уже послезавтра начнутся первые испытания по отбору. Прошу всех мадемуазелей, — взгляд директрисы уперся почему-то в меня, — быть более внимательными и ответственными.

Наступила звенящая тишина. Все понимали, что с отбором тянуть не станут, но что он уже послезавтра! Наверняка дофину передадут личные дела с исписанными менталистами и лекарями листками, он изучит их и после лично посмотрит на претенденток. Прямо посреди урока. Пожалуйста, пусть это будет не занятие по рукоделию. Я же провалюсь на месте от стыда, если его высочество увидит мою ужасную вышивку.

— А сейчас я хочу напомнить, что первый урок через пятнадцать минут.

Вздروгнули все. Неужели встреча дофина и наш завтрак так затянулись? Ведь обычно мы успевали закончить трапезу за полчаса до начала занятий и шли по коридорам прогулочным шагом. А сейчас еще, как назло, библиография, занятия будут в центральной башне, отданной под книгохранилище старых, списанных книг. Не очень мной любимый предмет, но один из самых нужных. Я мечтала о большой библиотеке, в которой смогла бы устроить все по своему вкусу.

Вместе с основной массой девочек поднялась и вышла в коридор. В отличие от многих на стол дофина не оборачивалась. Было у меня подозрение, что принц смеялся надо мной. Рассказывал своим фаворитам о нашем утреннем столкновении и как я причитала со страхом в голосе: «Нас сейчас догонят! Дофин! Свита!» Наверное, очень смешно было. Обхохочешься! Как же стыдно сейчас обернуться. А вдруг он в этот момент посмотрит на меня, и что тогда? Позор!

Притаилась в небольшой нише слева от обеденного зала. Надо дожидаться Армель и прояснить ситуацию. Неужели наша дружба закончится вот так, из-за принца?

Подруги вышли едва ли не самыми последними. Вздохнула. Если

разговор затянется, мы рискуем опоздать на урок. А если на нем будет присутствовать дофин? Нет, конечно, он сам не успеет вовремя, ведь от обеденного зала до башни не менее десяти минут быстрым шагом, а его высочество еще трапезничает.

— Армель, Аврора!

— Да, ты что-то хотела, Эвон? — холодно спросила Армель, не останавливаясь ни на минуту.

— Неужели нашей дружбе конец из-за случайности? — пораженно воскликнула, подстраиваясь под быстрый шаг девушек.

— Случайности? — Армель остановилась. — То есть ты совершенно случайно смыла все белила, которые я доставала хитростью у мадемуазель Лауры, совершенно случайно встретила и очаровала дофина, а потом заявила с ним под ручку? А косы? Почему ты сменила прическу? Признавайся, Эвон, я верю, ты не станешь врать. Что ты узнала? И если узнала, почему не поделилась с нами, а решила привлечь внимание принца сама?

Я даже опешила. Так я не ошиблась в своих мыслях! Хотя нет, подруги видели все в еще более мрачных тонах. Неужели я произвожу впечатление такой роковой оболъстительницы, чтобы ввести в заблуждение подруг, а потом единолично привлечь внимание его высочества?

— Клянусь, Армель, все совсем не так. И белила бы я никогда не смыла. Я была так хороша! И прическа! Разве можно было под сеткой сразу определить, что у меня далеко не светлые косы?

Девушки заметно успокоились. Вздохнули и переглянулись. Ну да, не зря меня называли «прямолинейной Эвон», в кои-то веки это сыграло мне на руку. Кто поверит, что я могу врать и изворачиваться? Тем более в моих словах действительно нет лжи.

— Так что же произошло? Как ты могла встретиться в коридоре с дофином? Ведь он достаточно долго разговаривал во дворе с директорами. Даже Жаннет успела прийти, и классная дама не стала ее отправлять умываться, хотя очень ругалась и даже заламывала руки в отчаянии.

— Девочки, если бы вы знали! Ситуация как в водевиле!

Мы зашагали в сторону старой библиотеки, занятий никто не отменял, а разговаривать можно и на ходу.

— Я за приездом его высочества наблюдала с балкона восточной галереи, там, где бойницы. Ну, знаете. — Дождавшись кивка, продолжила: — Только я хотела уже уходить, как меня поймал тот «старик»-менталист, месье де Грамон...

Аврора испуганно ахнула, прижав руки к груди. Да уж, дядя дофина

выглядит устрашающе, особенно черные бездонные глаза. Смотришь — как в бочку проваливаешься, а не смотреть не получается, будто он заставляет, подчиняет своим даром.

Рассказ о моих «приключениях» занял гораздо меньше времени, чем я думала. Последние мои слова о представлении нас с дофином были уже на пороге башни.

— Представляете, — возбужденно заканчивала я повествование, — он мне: «Вы что-то сказали, мадемуазель Эвон?», а меняхватило только на то, чтобы пролепетать: «Я погибла!» Думала, сквозь землю провалюсь.

— Какая ты храбрая, Эвон, — восторженно воскликнула Аврора, — я бы... свалилась в обморок, когда поняла, кто передо мной. Хотя нет. Умерла бы! От разрыва сердца. Позволить такие вольности перед дофином.

— Белила жалко, — вздохнула Армель. — Я их два часа выпрашивала у мадемуазель Луизы.

— А что я могла поделывать? — покачала головой. — Месье де Грамон заставил меня умыться. Я могла не попасть на встречу с дофином. И вообще менталист поступил подло, не представив меня принцу сразу. И потешался надо мной. Нашел себе развлечение.

— Действительно. Ведь могла пострадать твоя честь, — возмущенно закивала Аврора. — Сомневаюсь, что в таком случае месье де Грамон женился бы на тебе.

— «Старик»? На мне? Ты, верно, сошла с ума. Я бы никогда...

— Ты очень находчивая, Эвон. Если бы у меня растрепалась прическа, не знаю, что бы я делала, но уж точно до шнуров от гардин не додумалась. — Армель задумчиво взяла мою косу в руки. — Ты настоящая королева.

— Скажешь тоже. Я обычная. И вообще, девочки, давайте пообещаем друг другу не ссориться больше из-за дофина. В конце концов, есть не только он! У него в свите еще пятеро. Что мы, на троих шесть мужчин не поделим?

Смущенно хихикнула, поскольку самой сказанные слова показались очень взрослыми и... искушенными? Словно это говорила не я, а какая-то столичная кокетка.

На занятия в башню поднимались успокоенные и уверенные, что нашей дружбе уж точно не помешает этот отбор. Ну, приехал дофин, так точно так же и уедет. Может, даже не выберет никого в академии. Или выберет, но никого из нас. Что теперь, ругаться? Нам еще полтора года учиться вместе, жить рядом. Мужчина это не повод, чтобы ссориться, даже если он принц.

В помещении расселись на привычные места: мальчики слева, девочки справа. Внимательно посмотрела по сторонам в надежде увидеть дофина или его фаворитов. Увы. Никого из дорогих гостей не было. Видимо, они решили посетить сначала занятия целителей — их корпус был ближе, да и большая часть претенденток была оттуда. Но, возможно, это и хорошо. Библиография скучна. Его высочество мог бы решить, что мы не менее скучны, чем предмет.

Едва зазвонил колокол, в круглую аудиторию вошел преподаватель. Был он весьма неприглядного вида: тучен и низкоросл, даже ниже меня, отчего казался похожим на шарик. Но, несмотря на внешние недостатки, очень любил свой предмет и изо всех сил старался привить эту любовь нам. Но как можно любить пыльные архивы?. Или скучное описание правильного наименования технического адреса книг?

— Итак, месье. — Короткий кивок в сторону немногочисленных мальчиков, затем в нашу сторону. — Мадемуазели, начнем урок!

Хлопок — и двери закрыты. Теперь уж точно незамеченным дофин, даже реши он посетить наш урок, не появится. Как и любой опоздавший. Кстати, об опоздавших, куда делась Анжелика? Неужели осталась, чтобы подкараулить принца? Помнится, она говорила, что у нее есть просто беспрюргрышный план. Всем было интересно, но девушка так и не рассказала о нем никому.

— Ранее вы проходили основы книжного дела, но уровень ваших знаний растет, и мы постепенно расширяем программу. Так, на прошлых занятиях мы с вами рассматривали ключевые правила составления библиотечных каталогов. Сегодня начнем разговор о магической составляющей библиотечного дела. Дар, который достается нам при рождении, обширен и индивидуален. В том числе и умение обращаться с книгами. Многие считают, что другие способности на порядок выше так называемого дара «общения-с-книгами». А ведь магам нашего направления дано многое. Среди стеллажей, заполненных мудростью, мы почти всеильны.

Скептически посмотрела на месье Стефана. Как можно быть всемогущим в простой библиотеке? И если бы этот талант был настолько хорош, у нас не осталось бы такого ничтожно малого количества студентов. Что-то я не склонна верить в подобное. Вот боевой факультет, тот да! Конкурс на него огромен, не всем дано поступить, а о стоимости обучения я вообще молчу.

Да и пряталась я как-то от библиотекаря за стеллажами, ничем мне книги не помогли. Месье нашел меня весьма быстро и назначил отработку

в зверинце. А я всего-навсего хотела почитать баллады месье Пейри. Ну и пусть говорят, что они развратные. Так о любви же! Учителя берут, я сама видела, как мадемуазель Лаура читала их в парке на скамеечке. Почему ей можно, а нам нельзя?

Ну вот, опять отвлеклась на свои мысли. Решительно тряхнула головой и приготовилась слушать урок.

— Да-да! — Учитель снял очки и протер их платком. — Существует множество оттенков дара, некоторые из них развивают в разных ведомствах, доводя до совершенства. Например, есть дар, позволяющий в памяти хранить целые тексты. Обратите внимание, не запоминать смысл, не читать, а именно хранить, как если бы вы держали драгоценности в шкатулке. Вот представим, попался мне документ. Имей я определенную грань дара, мне достаточно было взглянуть на него буквально одно мгновение, и он прочно застрял бы в моей памяти. И при желании я вполне мог бы достать его из глубин сознания, хотя в момент запечатления текста я не осознавал бы, что вижу.

Вот это да! Удивленно уставилась на преподавателя. Но отчего учителя никогда не говорили об этом раньше? Почему описание магии «книжников» обычно так скупо?

— Это редкий дар. — Месье Стефан промокнул вспотевший лоб салфеткой. — И его очень любит тайная канцелярия. Впрочем, магия книг многогранна. Есть еще дар поиска. Например, вы четко представляете, что ищете. Предположим, нужна определенная информация периода Луи Первого. Совсем не обязательно разыскивать ее по каталогу, можно просто спросить у книг.

Все затаили дыхание. Просто спросить? Подойти к стеллажам и задать вопрос в пустоту? Как необычен, оказывается, мой дар. А я так переживала и терзалась. Пожалуй, это все может быть интереснее, чем я думала раньше.

— Граней нашей магии много, до конца года мы будем пытаться найти особенности у каждого из вас. Сегодня попытаемся почувствовать отклик книг. Для этого вам нужно подойти к стендам, положить руку на книгу и «позвать». Пока будете пробовать с той, которая вам приглянется. Позовите, как звали бы друга, пытаясь разбудить от сна.

Так вот как работают библиотекари и архивариусы в столичных «храмах книг». Я много читала о необычных умениях хранителей и теперь, кажется, начинаю понимать, что все не так просто, как представлялось. Так ли мы слабы, те, кто общается с книгами? Ведь какой простор для деятельности! Столько силы, знаний, власти! Не зря легенды

рассказывают, что Луи Первый во время одного из «разговоров» с книгами призвал к себе заклинание, которое до сих пор защищает границы. И теперь я поняла как! Раньше фраза казалась мне странной и непонятной, зато теперь вполне логичной.

Последовав примеру остальных, подошла к одному из стеллажей, заставленному книгами. Глаза разбегались, тут была подборка разных изданий. Романы, исторические хроники, тонкие методички по алхимии, даже альманахи с выгодными женихами за прошлые сезоны. Удивленно обернулась на месье Стефана — случаен ли такой выбор книг?

Положила руку на томик исторических хроник периода до смуты. Это было мое любимое время: рыцарские турниры, подвиги во имя прекрасной дамы и бесконечные войны. Нежно погладила корешок. И как тебя позвать? Отзовешься ты или нет, друг? Закрыла глаза, прислушиваясь. Ау! Тишина. Хотя, может, я плохо стараюсь?

Аврора сбоку от меня с трепетом коснулась корешка толстой книги сказок и восторженно вскрикнула:

— Месье Стефан! Она... отозвалась!

— Прекрасно, мадемуазель! — восторженно воскликнул учитель, подходя ближе к моей подруге. — Редко у кого получается с первого раза. Видимо, ваш дар достаточно силен, раз книга ответила вам сразу.

Завистливо посмотрела на Аврору. Вот повезло же ей! Такая потрясающая грань дара. А я? Почему у меня не получается? Я же талантлива. И папа у меня был сильным «говорящим с книгами», а уж какие карты он оживлял!

— Скажу сразу, почти любую грань дара можно развить до определенного уровня, вопрос только в силе вашего желания. Любой из вас сможет позвать книгу или попросить ее открыть тайну содержания. Но, возможно, не со всеми типами рукописей или лишь на небольшом расстоянии от стеллажей. Обычно этим даром в разной степени обладают почти все студенты.

Вспомнилось, как папенька искал для нас с братом книгу на ночь. Определенно, он звал историческую. А меня всегда удивляло, как быстро отец ориентируется в библиотеке. Жаль, что после смерти родителей дедушка распродал почти все книги.

Интересно, а какой дар у дофина? Я как-то не задумывалась об этом раньше. Может, об этом есть в альманахе? Надо изучить внимательно информацию, почему-то я упустила это из вида. А ведь особенности дара — отличная тема для разговора. Если нам доведется побеседовать. Ко всему надо готовиться заранее.

Задумчиво перебирала корешки книг, в руку сам лег альманах за позапрошлый год. Заинтересованно рассмотрела журнал со всех сторон. Совпадение или нет?

ГЛАВА 8

После урока все разошлись довольные. Оказывается, мы учимся не на самом скучном факультете. Отошли с подругами в сторону, пропуская девочек, выходящих из аудитории. На меня бросали любопытные взгляды, но заговаривать не пытались. То ли придумали уже свою историю, которая была слишком красочной и не требовала уточнений, то ли спешили на большую перемену в общий холл — вдруг посчастливится встретить дофина? В последнем я очень сомневаюсь.

Армель в укромном уголке плела мне одну косу на наваррский манер, не стоит ходить по академии с наполовину растрепанной прической. Ну да, с подобной косой щеголяет каждая вторая в академии, не только Аврора, и вообще это мне не очень идет, волосы пушатся, и я выгляжу растрепой-одуванчиком, но что делать, если ничего приличнее не соорудить?

Мысленно страдая от своего внешнего вида, я намотала на руку оставшийся ненужным второй шнур — надо не забыть вернуть.

Пока мне приводили волосы в божеский вид, отвечающий хоть каким-то приличиям, Аврора восторженно делилась впечатлениями от дара. Определенно радость от освоения его новой грани перекрыла впечатления от встречи с дофином. Хотя, как по мне, разве можно сравнивать?

— Девочки! Я руку протянула, а книга теплая и прямо ластится к ладони, как котенок. Открываю глаза, а там точь-в-точь как задумала, сказка о драконах и рыцарях.

Завистливо вздохнула. Нет, я рада за подругу, но почему не я? Ах, как хотелось бы похвалиться. Да и королевской семье не помешал бы сильный «говорящий с книгами». Уже был такой — Луи Первый. Если бы не он — враги до сих пор терзали бы всю территорию Франкии.

О временах до смуты не любят говорить, да и в книгах особо не найдешь упоминаний. Эра процветания страны началась с восшествием на престол этого самого Луи Первого, прозванного Мудрым. С тех пор соседи не рисковали отправлять к нашим границам войска.

Вспоминаю размеренный голос деда, читающего вслух мне, шестилетней малышке, что, «оказавшись в безопасности, Франкия пошла по пути торговли, не опасаясь больше набегов и разорения от соседей. Торговые караваны, груженные знаменитыми на весь мир вином и шелком, потянулись в сторону далекой Руссы, Варварики и Швейлы».

Так что разве умение говорить с книгами хуже, чем целительство?

Ничуть! По крайней мере, мне теперь так кажется. И, оказывается, есть столько неизведанных граней магии. Надо почитать о разных, чтобы вернуть в разговоре фразу-другую о какой-нибудь редкой стороне дара.

— А вы, случайно, не знаете, какой дар у дофина? — спросила задумчиво, когда Аврора на минутку затихла.

Судя по тому, как замолчали подружки, им это было не известно. Хотя мне казалось, что уж кто-кто, а Армель все выяснила про королевскую семью.

— Я смотрела в альманахе за позапрошлый год, но там сказано лишь о даре его величества. Самый редкий в мире — дар интуита. В статье было написано, что за всю зафиксированную историю Франкии он просыпался не более ста двадцати раз, — сказала Армель.

— Бедный его величество, — воскликнула Аврора, всплеснув руками, — представляете, как грустно ему было учиться? Ни соседа по карте, ни напарника.

— Никогда не слышала о подобном. — Я покачала головой. — Любопытно. Верно все-таки говорят, что магия каждого человека неповторима, а мы по глупости своей классифицируем ее. Ну а о дофине что-нибудь есть?

— Глухо, — пожала плечами Армель.

— Жалко, а вдруг помогло бы, — посетовала Аврора.

Кивнула. Полностью с ней солидарна. Мы могли почитать о даре его высочества и наверняка сумели бы увлечь его разговором. Ведь нам предстоит встреча с ним в приватной обстановке, как сказала по секрету мадемуазель Лаура на инструктаже. Кто знает, что поможет определиться юноше в окончательной кандидатуре невесты? Разве брак не предполагает «ежедневный диалог», как говорит классная дама? Возможно, дофин выберет в спутницы жизни наиболее легкую в общении.

— Как думаете, кто-то из девочек в курсе? Может быть, спросим?

— Нет! — решительно покачала головой. — Нельзя давать в руки соперницам козыри. А вдруг они пока еще не додумались до этого? А мы им дофина преподнесем на блюдечке. Нам скажут, что не знают, а сами воспользуются.

— И что ты предлагаешь?

— Мы поищем в главной библиотеке академии, — торжественно ответила я, важно посмотрев на подруг.

— Знаешь, сколько там книг? И месье Труа вряд ли согласится дать нам информацию не по учебе.

Приуныла. Да уж, месье библиотекарь был стар, а потому, как и все

старики, любил брюзжать. Нас с Армель он вообще недолго любил и со скрипом выдавал даже учебную литературу. Хотя, клянусь вам, в том случае на первом курсе, когда рухнул один из стеллажей, потянув за собой остальные, мы с подружкой совершенно не виноваты. Это все второкурсник с боевого, который вздумал к нам приставать, а после отказа решил показать молодецкую удачу. Но для месье Труа средоточием всех бед оказались исключительно девочки с книжного отделения. Жизнь несправедлива.

— А мы и не спросим, — осенило меня внезапно. — Придем якобы собрать материал для реферата по библиографии, а там Аврора «позовет» нужную книгу.

— Я? — Аврора пораженно застыла посреди коридора. — Почему я?

— Только у тебя книга сегодня откликнулась.

— Попробовать можно, — согласилась Армель, — все равно ничего не теряем. Сейчас сходим?

В принципе, после библиографии у нас большой перерыв, потом рукоделие, обед и внеочередное занятие по этикету, не иначе как из-за приезда дофина. Но стоит ли идти сейчас? Сможет ли Аврора сразу найти нужную книгу или, переволновавшись, потратит на это не один час? И рисковать не хотелось, ведь месье Труа может заподозрить что-то, и в следующий раз из вредности все время, что мы проведем в библиотеке, будет стоять над душой.

— Нет, вечером, а то вы же знаете, какой библиотекарь противный.

Девочки согласно закивали, да уж, из-за своего характера месье Труа вошел в легенды академии. Он мог сделать любую гадость ученикам, и большинство студентов предпочитали не злить старика.

— Интересно, дофин ходил на занятие к целительницам?

— Лишь бы к нам на рукоделие не пришел, — обреченно вздохнула я, отчего Аврора хихикнула.

Ну да, блондинке нечего переживать, она великолепно вышивает лентами. Может даже подол платья подшить так, что не отличишь от работы опытной мастерицы. Я вот не умею. У меня вообще плохо со всеми предметами, где нужно делать что-то руками. Не понимаю, зачем вообще уметь вязать кружево или вышивать. Я же дворянка! Мне в жизни это не пригодится. Но, увы, программу составлял лично Луи Первый, и с тех пор в перечне предметов, необходимых для юных особ, не происходило кардинальных перемен, разве что добавлялись дисциплины: наука не стояла на месте, раскрывались грани даров, а значит, появлялись новые направления. Увы, рукоделие приходилось терпеть.

Мимо нас, возбужденно перешептываясь, пронеслась толпа мальчишек с факультета некромантов. Хотела попенять студентам за то, что меня чуть плечом не задели. Но, как показала практика, это глупое и неблагодарное занятие. Такое чувство, что мальчишки не посещали уроков этикета или считали ненужным для себя предметом.

Наверное, только мое повышенное внимание к юношам и позволило невольно услышать их разговор, так как переговаривались студенты негромко.

— Не может быть! Прямо так и сказал? А он что?

— Вызвал де Армарьяка на боевую тренировку.

— Врешь!

— Да черт меня подери, если это неправда.

Поморщилась. Вот всегда мальчишки ругаются по поводу и без. И черта поминают всеу. За подобное вполне можно получить пять ударов линейкой по рукам, если услышит классная дама, но, похоже, им законы не писаны. Ругаются как сапожники. Правда, у меня в арсенале тоже есть парочка забористых словечек, подслушанных у конюха, но я же не употребляю их направо и налево. Неудивительно, что мы, девочки, предпочитаем обычно не вслушиваться в речи этих невеж.

Впрочем, встрепенулась, когда осознала, о ком говорят наши мальчишки. Граф де Армарьяк! Он же из свиты дофина. Высокий такой юноша, единственный из всех с короткой стрижкой.

— Девочки, вы слышали? — возбужденно дернула одну из подруг за локоть. — Пошли!

Кто же такой отчаянный? Ускорила шаг. Почему мальчишки всегда так несутся, словно на пожар?

— Что слышали? — воскликнула Аврора, подстраиваясь под мой шаг. — Куда мы спешим?

— Ноэль! Погоди, Ноэль!

Ноэль Армильи был единственным, кого я хорошо знала из компании ребят с некромантского факультета. Мы как-то, еще на первом курсе, вместе отработывали наказание в пыльном архиве библиотеки, и с тех пор, возможно, было еще несколько встреч... Ну ладно! Немало — но знать об этом окружающим совсем не стоит.

Некроманты были сплошь и рядом странные, носили только черное, несмотря на общий темно-синий цвет школьной формы. На запястье всегда повязывали женский платок, причем любой — льняной, батистовый, шелковый, цена или красота не имели значения. Важно, чтобы женский и не принадлежавший родственнице. Среди девчонок постоянно такой

испуганный визг поднимается, когда к ним подходят мальчики с некромантского, что меня тянет похихикать. В основном поставщиками платков для студентов становятся классные дамы, которые неохотно прощаются с лоскутами ткани, но не возражают. Я презентовала Ноэлю платок совершенно бесплатно. Чем, собственно, гордилась и подшучивала над одноклассницами, снисходительно называя их страхи перед некромантами «глупыми предрассудками».

Хотя с платком все было гораздо проще, чем мне бы хотелось. Во-первых, он был неказистого вида, я вышивала его на уроке рукоделия, и вряд ли бы стала пользоваться сама таким ужасом. Во-вторых, мне нравилось казаться храброй в глазах подруг. Хотя какая опасность может быть? Ноэль рассказывал, что платок символизирует благосклонность подарившей его девушки, и Тьма никогда ее не тронет. Вот уж где женская солидарность! Поэтому, если не хочешь магического безумия, коим пугают всех некромантов, забывать о платке не стоит.

Впрочем, все же это было определенным знаком благосклонности к парню, и одноклассницы нет-нет да перешептывались, видя меня и Ноэля рядом.

Юноши остановились и, удивленно посмотрев на нас, покраснели. Как мило! Хоть кто-то из мальчишек еще умеет смущаться. А то ругаться всякий горазд, даже в присутствии нас, девушек, а вот когда надо отвечать за поступки — так сразу в кусты.

— Мадемуазель Эвон! — радостно воскликнул Ноэль.

На этот раз покраснела я. Решив похвастаться знакомством с некромантом, обратилась к юноше без вежливого добавления «месье», сам же Ноэль оказался на высоте.

— Прошу прощения, а о чем вы говорили? Кто-то из наших студентов вызвал месье де Армарьяка на дуэль?

Аврора и Армель, которые не слышали разговора проходящих мимо парней, ахнули. И кто только додумался до такого. На дуэль! Графа из свиты дофина!

— На боевую тренировку, — поправил меня Ноэль, оглядываясь на своих спутников.

Было видно, молодые люди спешили, а мы их задерживали. Но студентам стало любопытно, нечасто ведь встретишь такое прямое общение противоположных полов, в академии подобное не особо поощрялось. Впрочем, и не запрещалось.

— Квентин де Арнуа, — продолжил за друга все еще краснеющий некромант за спиной Ноэля.

Мы с подругами переглянулись. Неужели боевик вспылит из-за Жаннет? Ведь баронесса — одна из претенденток. Но почему тогда графа? Или де Армарьяк вступился за дофина?

— Проводите? — решительно спросила юношей.

Пропускать такое зрелище я не намерена, даже если оно не для женских глаз. Ведь можно оценить принца и фаворитов исключительно в мужской среде. Там уж точно дофину и спутникам будет не до жеманства и прикрас. Дедушка всегда говорит — чтобы лучше понять соратника или слугу, с ним надо говорить по-мужски, без лишних расшаркиваний.

— Если поспешим, — кивнул после секундного молчания Ноэль.

Клятвенно заверила, что мы не отстанем.

Хотя это оказалось очень тяжело сделать. Мальчики неслись вперед, словно у них крылья за спиной. Мы едва-едва поспевали за ними, мне даже пришлось высоко подобрать юбки. Если увидит классная дама, меня накажут, ведь из-под рюшей платья виднелись даже щиколотки — верх неприличия. Но что делать, если, в сравнении с мальчиками, у меня ноги короткие?

Достаточно быстро стало понятно, куда мы идем — на тренировочную площадку за восточным крылом. Ах, сколько народа! Казалось, сюда стеклось все мужское общество нашей академии: боевики, алхимики, менталисты, некроманты и прочие выстроились плотным кольцом вокруг широкого огороженного поля. Относительно свободным от людей оказался участок, где расположился дофин со свитой.

Принц и фавориты окружили графа де Армарьяка, который, уже скинув мундир прямо на траву, разминал руки. Неужели будет банальная драка?

Пажи стояли недалеко от старших, поглядывая с каким-то превосходством на наших учеников. Были уверены в победе? Но ведь Квентин четверокурсник и, говорят, не самый слабый на потоке. Хотя, конечно, соперник де Арнуа достался непростой, ведь графу, как и дофину, двадцать, а значит, и учебное заведение он окончил несколько лет назад. Наверняка набрался опыта, не зря на фаворитах военная форма.

Взрослые на импровизированной арене тоже были. Недалеко от его высочества, облокотившись на ограду, стоял месье де Грамон с остальными «воронами». Пришли даже некоторые учителя, декан боевого факультета давал последние указания странно прыгающему Квентину.

Ноэль с приятелями подошел к толпе студентов и обменялся с ними крепкими рукопожатиями. Боевики с младших курсов, заметив меня с девочками, удивленно посторонились, освобождая нам небольшое

пространство у забора.

— Эвон, ты уверена, что нам сюда можно? — робко спросила Аврора, вцепившись в край моего рукава. — Здесь ни одной девушки.

Армель вопросов не задавала, но прижалась ко мне с другого бока.

Обвела взглядом собравшихся — девушек действительно не было, но уходить я не собиралась. Ведь не гонят же. Еще раз оглядела дофина и фаворитов. Граф совсем не казался опасным противником. Изящный юноша, даром что с короткой стрижкой, словно простой солдат. Высокие скулы, красиво очерченный рот. Картинка, а не мужчина. Вот бы именно он обратил на меня внимание.

Увы, мой интерес не остался незамеченным. Стоило перевести взгляд к ограде, как я увидела удивленно взирающего на меня месье де Грамона. Менталист нахмурился, но никаких попыток прогнать меня подальше от сомнительного зрелища не сделал.

— Из-за чего бой?

Сама не верю, что это мой голос. Я, кажется, охрипла от волнения. Шутка ли! Мы с подругами — единственные девушки в толпе мужчин. Раньше мы никогда не оказывались так близко к подобным местам без классной дамы.

Ноэль, которому я адресовала вопрос, странно засмутился. Неужели там что-то неприличное? Не верится, что граф мог позволить себе подобное.

— Армарьяк сказал, что наши девушки одна другой чуднее, — выдал внезапно тот парень, что чертыхался в коридоре. — Квентин это слышал и вспылел. Сказал, что это слова, недостойные дворянина.

Юноша специально опустил и титул, и фамильную аристократическую приставку «де», присущую только старинным родам, выказывая свое пренебрежение к свите дофина. Я сначала даже удивилась, как можно быть таким невоспитанным. А потом, когда Армель слева ахнула, до меня дошла причина конфликта. Мы чудные? Обидно такое слышать! Уж не про меня ли речь? Кажется, кровь прилила к моим щекам.

Ноэль зашипел на спутника и смущенно посмотрел в мою сторону. Видимо, друг не хотел, чтобы я слышала такие обидные слова, ведь списки претенденток широко известны. И мое имя стоит там едва ли не в самом начале.

— Ну что ж, — натянуто улыбнулась, — достойная причина для дуэли.

Перевела взгляд на дофина и его фаворитов. Неужели мы действительно смотримся чудно? Отчего? Из-за школьной формы? Но сомневаюсь, что в столичном университете студентки ходят в шикарных

нарядах. Принцип всех учебных заведений един — от количества факультетов до учебной программы, включая студенческую одежду. Тогда отчего? Ведь прически и макияж все сделали, как в столичных альманахах. И, по-моему, мы были на диво хороши. Все, кроме меня. Я явилась на встречу с полураспущенными косами, перетянутыми шнурами от портьер, без грамма макияжа, да еще попала в глупую ситуацию. Речь обо мне?

Почему вспылит Квентин, понятно, Жаннет была в числе претенденток, и слова о чудных девицах юноша наверняка воспринял как оскорбление в адрес возлюбленной. Он и подумать не мог, что речь не о баронессе, а об одной неуклюжей виконтессе. Покраснела.

— Господа! Позвольте напомнить порядок проведения тренировочного боя.

Услышав зычный голос декана боевого факультета, вздрогнула и подняла глаза. И тут случилось ужасное! Дофин, который обводил взглядом толпу, заметил угол, где расположились мы с девочками. Принц что-то сказал графу, мотнув головой в нашу с подругами сторону. Неужели прогонят? Едва не застонала в голос. Ну почему так не везет?

— Допустимо использование только магии. Артефакты и амулеты запрещены. Не допускаются атаки в голову, направленные удары в пах. Лежачего не бить. Бой до первой крови.

А между тем де Армарьяк уже двигался к середине поля. И вот теперь я видела разницу между ним и нашими мальчишками. Граф двигался мягко, словно большая кошка. Сейчас бы мне и в голову не пришло назвать этого парня тонкокостным и изящным. Хищным и опасным — пожалуй. Квентин смотрелся ребенком рядом с ним, несмотря на то что роста они были одинакового. Но внутренний стержень... разный. Что отличает мальчика от мужа? О, сейчас я это видела. Некое напряжение в позе вкупе с расслабленностью. Странное, нереальное сочетание.

Но вот граф, что-то сказав Квентину, обошел того по дуге и двинулся дальше. Я даже подалась назад в панике, поскольку пришло осознание, что де Армарьяк двигался к нам. Но ноги будто приросли к земле. Я была не в силах пошевелиться и с ужасом смотрела на приближающегося фаворита.

Армель, похоже, была солидарна со мной, вцепилась в мою руку так, что ей-ей — синяки останутся. Аврора тоже стояла ни жива ни мертва, удивляюсь даже, как она не упала в обморок.

— Мадемуазели. — Прямо перед оградой де Армарьяк остановился и склонился в поклоне.

Ах, какой голос у графа! У меня даже колени задрожали. Глубокий, тягучий, точно мед. Даже если он сейчас меня попросит удалиться, я

просто не смогу. Вот теперь ноги уж точно пустили корни. И сама я застыла, не в силах пошевелиться.

— В Провансе был такой обычай, еще в период до смуты, — обворожительно улыбнувшись, начал юноша, глядя при этом прямо на меня. — Прежде чем отправиться на бой, рыцарь просил у девушки платок или ленту... — Взгляд графа переместился на мою руку с намотанным шнуром. — На удачу.

Вздрогнула и опустила глаза. Все еще находясь под впечатлением от голоса графа, не совсем понимала, чего от меня хочет де Армарьяк. Неужели шнур? И ведь, как назло, ни платочка. Такого, знаете, с изящной вышивкой и кружевом по краям. Сегодня же начну носить с собой такой. Хотя разве выпадает подобный случай дважды?

— Позвольте?

Ах! Граф же так и стоит у оградки и внимательно смотрит на меня.

— Мадемуазель Эвон?

Все! Теперь сомнений у меня нет, что он хочет шнур с моей руки. Впрочем, моего согласия уже не дождались. Де Армарьяк самовольно взял мою ладонь и, коснувшись ее губами, легко распутал импровизированный бант.

Минута — и я уже удивленно смотрю вслед удаляющемуся рыцарю, который обматывал свою руку плотным жгутом. Господи, какая же я дурочка! Даже не смогла ни слова из себя выдавить. Теперь граф будет думать, что я непроходимо глупа. Впрочем, и Армель, и Аврора тоже пребывали в шоке и лишь ошарашенно смотрели в спину де Армарьяку.

— Можем начинать? — недовольно поинтересовался декан боевого факультета, которого не тронуло представление, устроенное графом.

— Вполне! — кивнул тот и встал в стойку.

Однажды мы с Армель видели тренировку боевых магов. Пробрались в восточную галерею и оттуда смотрели на дерущихся парней. Было в этом что-то волнующее, хоть и «животное», как говорит мадемуазель Лаура. Зрелище точно не для женских глаз. Но... как завораживает. Неудивительно, что до смуты рыцарские турниры устраивали несколько раз в год, и народ шел на них толпами — от благородных до крестьян. Разве можно не восхититься очарованием боя?

С непривычки мне едва удавалось следить за перемещениями магов. Если движения Квентина были резкими и словно рваными, то граф двигался плавно и уверенно. Казалось, он танцует с противником, охотно уступив место ведущего в танце. Отступает, позволяет боевику проводить ряд ударов. Почему? Не хочет поранить?

Со стороны Квентина летели огненные шары, которые, впрочем, не причиняли никакого вреда графу, разбиваясь о невидимый щит. Вскоре и фаворит дофина начал отвечать, в воздух взметнулась водная плеть. Теперь Квентин прикрывался щитом, стараясь продолжать атаку, но у студента не получалось.

На секунду мне даже показалось, что накрученный на руку мой жгут де Армарьяк использует как рукоятку плети. Получается, я сама дала в руки графа оружие против своего же однокурсника?

— Пресвятая Дева, страшно-то как! — взволнованно пролепетала Аврора.

Полностью поддерживала подругу. Казалось, щит Квентина вот-вот поддастся и разлетится на куски, а шипящие струи воды обрушатся на беззащитного юношу. Мне было очень страшно, но азарт боя... тот самый, о котором любил говорить дедушка, подхлестывал меня. Подалась вперед и вцепилась руками в ограду, которая была слишком высока для меня — почти на уровне живота.

— Давай же!

Вроде бы я сказала совсем тихо, сама себя едва слышала, но мальчишки, стоявшие вокруг нас, восприняли мои слова как призыв к действию. Толпа всколыхнулась, и вот почти звенящую тишину боя, которую разбавляли лишь ревущие звуки летящих огненных шаров, пронзили крики:

— Давай, Квентин! Давай!

— Сделай его!

— Вспомни петлю Дженклинса!

Казалось, я оглохла. Крики неслись со всех сторон, порядком пугая Аврору и Армель. А я... какая-то неправильная мадемуазель. Но мне совсем не страшно! Скорее, да, азартно. Я совсем забыла про аристократичный вид. Мое лицо покраснелось, а глаза бесстыже блестели. Да и губы были искусаны едва ли не в кровь. То ли дело Аврора! Бледна, взволнованна, испуганно прикрывает рот платочком.

Перевела взгляд на дофина и его свиту. Мужчины весьма напряжены. Пажи тоже что-то выкрикивают, сложив ладони рупором, но разве им перекричать нашу толпу? Вот вам! Знай наших! Как-то счастливо рассмеялась и в этот момент встретилась глазами с месье де Грамоном.

Менталист нахмурился и покачал головой. Считает, что я веду себя неаристократично? Улыбка медленно гасла на моем лице. Опыняющее ощущение схватки отступало, возвращая воспоминания, что я собиралась быть самой лучшей и воспитанной мадемуазелью, пока дофин на

территории академии.

Посмотрела на его высочество и окончательно смутилась, принц вместе с фаворитами смотрел в нашу сторону. Один из них что-то сказал дофину, и тот усмехнулся, потом коротко поклонился нам и продолжил следить за боем.

В кои-то веки у меня на лице, наверное, отобразился благоговейный ужас. Я пропала. Конечно, все видели мою невоспитанность. Я... я вела себя ужасно. Подначивала дерущихся, словно... крестьянка. Боже, позволь мне провалиться сквозь землю.

Между тем, пока я отвлеклась на дофина, граф успел закончить поединок. Квентин отлетел от соперника на пару метров и упал, гулко ударившись о землю. Вся рубашка юноши была залита кровью — определение победителя не вызывало сомнений. Де Армарьяк мог давно прекратить этот фарс, но предпочел дать поединщику шанс отыгаться. Увы. Не студенту сражаться с офицером королевской гвардии.

Пока я приходила в себя от перенесенного позора и поражения Квентина, граф и дофин успели скрыться. Даже менталист и пажи пропали, словно растворились. Удивленно оглядела поле боя, где однокурсники помогали Квентину подняться, а декан объяснял ученику ошибки.

— Если мы не поспешим, то опоздаем на урок рукоделия, — пробормотала приходящая в себя Армель.

Удивленно поглядела на центральную башню. Неужели уже прошло полчаса? Казалось, бой закончился за пару вздохов.

— Ты права, — решительно кивнула и, пока на нас никто не обратил внимания, поспешила к корпусу, где должно было проходить следующее занятие.

— Видели? Как де Армарьяк покончил с Квентином? А ведь он один из лучших на курсе, — взволнованно зашептала отчего-то раскрасневшаяся Аврора. — Граф вообще какой-то жуткий. И глаза такие...

Удивленно покосилась на подругу. По-моему, это совершенно неправильное определение фаворита. Опасный, хищный, быстрый, но... жуткий? Разве это так? Я почти влюбилась в этого мужчину. Ну, немножечко. Совсем чуть-чуть. Не так, как в детстве, но щеки предательски начинали гореть при воспоминании о де Армарьяке.

— А когда он у Эвон попросил шнур, я думала, что не могу дышать, — согласно закивала Армель. — Все-таки, Эвон, ты очень храбрая. Я бы не смогла даже слова вымолвить, а ты так царственно подняла руку.

Царственно! Придумают тоже. У меня душа ушла в пятки, пока он

разматывал «ленту» с моего запястья.

Остановилась как вкопанная.

— Что случилось, Эвон?

Часто заморгав, уставилась на подругу. До меня только сейчас дошло.

— Кажется, я не верну шнуры в умывальную комнату.

— Почему? — удивилась Аврора.

— Граф же... забрал один в качестве «ленты от благородной дамы».

Девочки посмотрели на меня в ужасе. Да я и сама не рада произошедшему. И как теперь подойти к фавориту дофина и потребовать шнур назад? Цирк какой-то!

ГЛАВА 9

К залу, где должны были состояться занятия по рукоделию, шла в смешанных чувствах. Надеюсь, дофин не решит посетить именно наш урок, хотя от восточной галереи было совсем недалеко. Иначе я провалюсь от стыда.

Девочки молчали, то ли находились под впечатлением от поединка, то ли не могли прийти в себя от действий графа. Я же мысленно пыталась собрать воедино происходящее.

С одной стороны, на меня обратил внимание де Армарьяк. Ведь обратил же? Попросил «платок» именно у меня, а не у Армель или Авроры. Должно же это что-то значить? С другой... в каком свете я выставила себя на тренировочном поле... Стыд и срам! Смотрела, словно... да даже придумать не могу, как кто.

— Значит, его высочество считает нас чудными, — неожиданно подала голос Аврора, легко касаясь пальчиками стены.

Была у баронессы такая привычка. Когда она волновалась, ей просто необходимо было выписывать руками невидимые узоры.

— Немудрено, — вздохнула я. — Наверняка мы очень отличаемся от столичных модниц. А уж то, как мы на него глазеем... Разве так смотрят благородные девы?

— А поступок Квентина? Вот это благородство! Заступился за Жаннет.

Хотела было возразить, что уж кто-кто, а де Арнуа рыцарским духом ни на грош не обладает, раз распускал о Жаннет грязные слухи, из-за которых ее едва не затравили. Да и ведет себя с баронессой хуже некуда, постоянно командует и злится, если что-то идет не так. А сам даже не пытался поговорить с родителями Жаннет. Или попросить ее руки.

Мельком взглянула на подругу и решила промолчать. Судя по всему, Авроре хотелось всеми силами отвлечься от произошедшего на поле, поэтому она уцепилась за упоминание о благородстве. Пусть уж будет Квентин рыцарем в сияющих доспехах, ведь поступков, «как в романе», в академии днем с огнем не сыщешь.

— А вы заметили, что граф подошел к нам только после того, как дофин указал в нашу сторону? — задумчиво проговорила Армель, изучая меня.

Мне даже не по себе стало от подобных взглядов. Что имела в виду

подруга? Да, что-то подобное я припоминаю, но разве это не было простым жестом покрасоваться перед толпой? Найти взглядом единственных девушек и вывести всех из равновесия, попросив у них платок?

— Думаешь, дофин обратил внимание на Эвон?

Таких огромных глаз у Авроры я еще никогда не видела. Подруга взволнованно обежала меня и, всмотревшись в мое лицо, кажется, расстроилась.

— Хотя на очарование Эвон можно поддаться, — с некоторой досадой выдала она, возвращаясь в наш импровизированный строй.

Я? Понравилась дофину? Да нет же. Нет-нет. Или да? Чем дольше я об этом думала, тем больше чувствовала, как кровь приливает к щекам. Как же так? Ведь я обычная. Да на мне даже белил нет и воротничка. И прическа странная. Почему, собственно, я? Вдруг Аврора или Армель. Его высочество же любит блондинок. Кивнули-то на нас всех, а не конкретно на меня.

— Обещай, Эвон, что когда станешь королевой, то вспомнишь и о подругах.

— Скажете тоже, — возмущенно побормотала, силясь скрыть покрасневшее лицо руками. Не то чтобы я подобные слова воспринимала всерьез, но само предположение заставляло щеки предательски гореть.

Ой! Едва не врезалась в преградившего наш путь пажа. Этого юношу я знала. Жан-Луи. Именно он увел бедняжку Марию-Элену.

Вокруг заточения девушки ходит много слухов, даже не знаю, каким верить, но причину недовольства менталистов так и не удалось узнать. Как уверяют шепчущиеся по углам мальчишки, ситуация два-тридцать — это государственная измена. Но как может быть замешана в измене девушка, которая за время обучения ни разу не выезжала из академии? Покушение на короля? Чушь! Никто не мог предположить два года назад, что отбор доберется и до нашей провинции. В общем, задавать вопросы относительно судьбы Марии-Элены не решился никто. Даже я при всей своей легкомысленности. Кому хочется в башню? Мне уж точно нет.

Паж с любопытством оглядел нашу троицу и склонился в глубоком поклоне. Точно так же, церемониально, кланялся дофину наш директор утром.

Мы с подругами растерялись. После памятного завтрака и уж тем более ситуации перед кабинетом менталиста, когда поведение пажей было нарочито грубым, я ожидала брезгливой гримасы или пренебрежения, возможно, смешков за спиной. Ведь о моем триумфальном выходе с

дофином не знал только глухой. Но... поклон?

— Мадемуазель де Сагон, граф де Армарьяк просит вас принять этот скромный подарок и приносит свои извинения за недавний инцидент.

Паж протянул мне сложенный квадратиком шелковый кусок ткани. Растерялась. Платок? Но разве это не привилегия женщин дарить возлюбленным изящные платочки? Неужели в столице так принято? Надо спросить у преподавателя по этикету. Или, может, граф посчитал меня излишне чумазой? Рука взметнулась к щеке, проверить, не осталось ли следов от белил, которые могли придать лицу неряшливый вид.

Остановилась на полпути. Нет, даже если у меня на лице слой грязи, нельзя допустить, чтобы я «созналась» в этом — даже грязь на щеках не повод выставлять себя на еще большее посмешище.

За недавний инцидент? Какой? Неужели, говоря про чудных девиц, граф все-таки имел в виду именно меня? А теперь извиняется... Совесть проснулась после поединка?

Густо покраснела и быстро взяла платок из рук паж.

— Благодарю, месье, — присела в реверансе.

— Ах, Эвон! Ты такая счастливица! — всплеснула руками Аврора, едва паж исчез, словно провалился сквозь землю.

— Счастливица? — Я шмыгнула носом. — Это извинение за то, что именно меня признали чудной, и я это услышала. И за завтраком вся их компания смеялась не просто так. Я... я посмешище!

Не выдержала и расплакалась. Слезы жгли щеки. Как теперь можно участвовать в отборе, смотреть на дофина с фаворитами и представлять, как гаденько хихикают мужчины, когда я этого не вижу. Лучше бы мы не ходили на этот глупый поединок. Вечно я попадаю в дурацкое положение. Как же стыдно!

— Что ты, Эвон! — поражено воскликнула Армель и принялась вытирать слезы с моих щек.

— Прости меня, Эвон, — залепетала Аврора, видя, какие эмоции вызвали ее слова.

Всхлипнула. Понимаю, что глупо, ведь участие в отборе в любом случае добавит мне «очков» на брачном рынке, но как теперь себя заставить идти на занятия?

— Он же извинился! — попробовала утешить меня Аврора. — Может, он раскаивается в своих словах и поступках? Не верю, что дофин и фавориты такие жестокие.

— Нет, — мрачно возразила, растирая глаза. — Они именно такие. Самое веселое — пошутить над провинциальной девочкой, которая даже

не красавица. Хорошо хоть назвали чудной, а не как-нибудь похлеще.

— Разве может быть что-то хуже этого?

Услышав «сомнительное» утешение от подруги, закусила губу, чтобы не разрыдаться еще сильнее. Армель возмущенно зашипела на растерянную блондинку.

— Прости, Эвон, я не хотела...

Зато платок пришелся очень к месту. Им хотя бы можно промокнуть глаза. Мысленно отругала себя. Дедушка никогда бы не разрешил мне плакать. Особенно прилюдно. И все равно, что вокруг только верные подруги. Ты же дворянка, Эвон.

— Идите в класс, девочки, я сейчас подойду. Умоюсь и приду. Мадам Тьюри скажите, что мне соринка в глаз попала и я скоро буду.

Подруги посмотрели на меня с сомнением, но перечить не стали. Проследила за их удаляющимися спинами и вздохнула. Я же васконка! А мы в Васконии не плачем по пустяк. Даже если очень хочется. Не хватало только, чтобы меня все видели в таком виде — с заплаканными глазами.

Свернула в восточную галерею, благо мы не успели далеко уйти. Поднялась на балкон, с которого утром наблюдала за приездом дофина, и вздохнула. Подумать только — утром приехал принц, а уже столько произошло! И мое... глупое знакомство с его высочеством, и боевая тренировка с Квентином. Столько событий в академии, бывало, и за месяц не случалось, сколько за сегодняшнее утро.

Присела на корточки и вытерла слезы. Обидно все-таки, что все так получилось. Я всегда знала, что далеко не первая красавица в академии, но ведь не урод же! Почему дофин так поступил со мной?

— Черт ногу сломит в этих коридорах. Надо было брать сопровождающего. Берт! Какого дьявола мы потащились сюда?

Едва не ахнула. Ну надо же сколько сквернословия! И голоса незнакомые. Аккуратно выглянула из-за балконной двери и тут же юркнула назад. Святые угодники! Это же дофин и фавориты. Что они здесь забыли? Заблудились?

И что мне теперь делать, разве они подумают, что я тут случайно? И никто не поверит, если я выйду сейчас и предложу проводить принца куда надо. Да и как быть с горящим от смущения лицом и с заплаканными глазами?

— Чуть что, так сразу Берт, — огрызнулся один из фаворитов голосом графа де Армарьяка. — Карта потайных ходов у тебя, Луи. И, между прочим, ты сам решил пройти незамеченным.

Потайных ходов? У нас в академии есть потайные ходы? Желание

выйти на свет и помочь мужчинам отпало, гораздо интереснее было послушать о карте. Хотя, если подумать, замок старый, принадлежал одной из ветвей королевской фамилии еще до большой смуты. Почему бы в родовом имени не быть секретным путям? И почему, естественно, совершенно случайно, карте с обозначением тайных проходов не попасть к дофину?

— Вы бы поменьше ругались и были менее эмоциональны, а то мы этак еще на одну дуэль нарвемся, — нехотя буркнул один из фаворитов.

— Кто же знал, что этот мальчишка выскочит как черт из табакерки! — возмутился граф. — Да еще начнет кидаться перчатками. Девушки тут и впрямь странные. У меня все утро кусок в горло не лез от любопытных взглядов.

— Деревня, что ты хотел!

— Деревня... Эх, сейчас бы в Ло-Ланш, на берег океана, — мечтательно протянул один из парней. — Отсюда же море совсем недалеко, может, съездим?

— Угу, а отбор оставим на дядюшку, — скептически отозвался дофин.

— Месье де Грамон — ответственный мужчина. Я в него верю.

Мужская компания взорвалась хохотом. Правда, мне что-то не смешно.

Вжалась в каменную кладку балкона. Голоса совсем близко! А если кто-нибудь из них захочет выйти на балкон подышать свежим воздухом? Ведь обязательно захочет, если разговор затянется.

— Чертов отбор, в округе одни недотроги и не менее чокнутые на этой почве мальчишки.

Прислушалась к голосу. Это тот, что сетовал на деревню. О чем это он?

— Ну, наверное, поэтому и набралось сорок претенденток, а не как в столице, десять, остальные оказались порченными, — ехидно парировал дофин. — Привыкли получать солидные отступные, дурочки малолетние. Так что держи штаны на завязках, Базиль.

Вспыхнула, осознав, о чем разговаривал принц с фаворитами. Разве воспитанным месье пристало вести разговоры о подобном? Перестала, кажется, даже дышать. Надеюсь, среди них нет менталистов, а если есть, на них надеты амулеты, защищающие от мыслей окружающих.

— Да какие из них претендентки? Ни одна при дворе не выдержит. То краснеют, то бледнеют, даже блеять не в состоянии. Молчат и смотрят.

— Но есть и достойные. Та девушка, видели? Как она смеется! Такая живая и яркая, выгодно отличается от остальных, — попытался возразить Армарьяку неизвестный голос.

— Что, Гастон, ты уже выбрал, и нам с Бертом даже не смотреть в ее сторону?

— Куда там смотреть, Луи? — вскинулся де Армарьяк, отвечая дофину. — Видели реакцию на поле? Две блондиночки стояли, будто сейчас в обморок упадут. Я думал, они наперебой начнут предлагать мне свои платки, а на деле сдирать шнурок с темненькой пришлось чуть ли не силой. Вот уж точно застыли как истуканы.

Парни расхохотались, потешаясь над нашим поведением. Разве так можно? Конечно, мы растерялись! Как будто нам каждый день приходится сталкиваться с дофином и наследниками главных домов Франкии.

— Сделайте скидку девушкам, — попытался воззвать к голосу разума фаворитов Гастон. — Они впервые видят дофина, отсюда небось в столицу ни одна не выезжала. Естественно, для них это целое событие.

— По мне, так со столичным отбором дело было нечисто, будто нас вынудили сюда явиться.

— Не заводи заново шарманку, — огрызнулся граф де Армарьяк, судя по звуку, простукивая камни кладки. — Луи, ты уверен, что проход где-то в этой стене?

— Уверен. У кого карта? У меня или у тебя?

— Нет, ну посудите сами, — не унимался незнакомый фаворит. — Не зря та тройка девиц подала прошение на физическое освидетельствование. С чего бы им идти на такой позор и при этом упорствовать? Да треть не помнила вообще, когда и с кем. Нас просто вынудили сюда приехать.

— Теория заговора против короля, — тоненько пропищал не своим голосом дофин.

— Что-то в словах Гая есть, — отозвался Базиль. — Но, возможно, тебе просто не хотят дать возможность найти невесту. Вспомни, все были удивлены, узнав, что отбор проведут и в этой глуши.

— Может, вы и правы, время первой крови приближается, а претендентки как не было, так и нет.

Первой крови? Неужели будущую принцессу приносят в жертву? Нет, глупость, все королевы точно оставались в живых после свадьбы. Даже участвовали в ежегодных парадах, когда королевская семья отправлялась в летнюю резиденцию.

— Может, чертов проход на балконе?

Побледнела. Я пропала! Сейчас они выйдут, и все. Мне конец. Закрыла глаза. Если дофин поймет, что я подслушивала, меня просто отправят в заточение. Ведь я услышала что-то важное.

Буду молить о монастыре, ведь там я тоже не смогу никому ничего

рассказать. Но честь и репутация семьи не пострадают. Прощай, дедушка! Мысленно заставила себя успокоиться. Быть может, я смогу разыграть обморок? Бешено стучащее сердце в этом не помощник. Спокойнее, Эвон! Возможно, впервые в жизни тебе потребуется соврать.

— Гай, прекрати психовать! Я еще не научился читать карты, лучше простучи левый угол.

— Я смотрю, вместо того чтобы знакомиться с претендентками и присутствовать у них на уроках, вы играете в тайную канцелярию, изучая ходы, — раздался в коридоре голос месье де Грамона.

— Дядя! — воскликнул дофин. — Мы как раз собирались посетить одно из занятий. Вот найдем короткий путь в южное крыло и сразу на картографию к последнему курсу. Там пять претенденток.

— Это не шутки, Луи, — резко оборвал племянника Цепной Пес. — Времени остается все меньше, а у вас не то что шести, нет даже ни одного варианта.

— Вы тоже верите в то, что это заговор, дядя?

— Я уверен в том, что кричать о государственных тайнах в коридоре неправильно.

— Месье де Грамон, вы считаете, что в этой глуши может быть шпион?

— Глушь не глушь, но это не помешало дочке Гильома Анори попасться на воспоминаниях о разговоре с папенькой. Что тот еще три года назад, когда отправлял сюда девочку, обещал ей место в отборе. И это притом, что у него хватило бы денег и на Парискую академию. Ведь знал же, получается, гад. А откуда?

Все мужчины разом замолкли. Неужели я действительно слышу о государственной измене? С такими знаниями точно долго не живут на этом свете. Тише, Эвон, тише. Даже не дыши! А то и тебя отправят в застенки тайной канцелярии. Анори? Так Марию-Элену забрали из-за каких-то слов отца? Может, он просто обещал, без задней мысли. Все же потакают дочкам. «Папа, а мы пойдем на прогулку?» — «Да, Эвон, завтра обязательно будет солнечно, и мы пойдем в парк». Родители часто соглашались со всем, о чем я спрашивала, лишь бы не расстраивать меня.

— Так что, Луи, прекращай заниматься глупостями. Ну, не нравятся тебе эти девицы, потерпишь годик, а потом заведешь фаворитку посмазливее для постельных утех. Безопасность страны важнее твоих «хотелок».

Чуть не ахнула. Разве можно говорить о подобном напрямую? Казалось, у меня уже горели не только щеки, но и уши, и даже руки. Это

же... ни в какие ворота! Мысленно я, конечно, примирилась с фаворитками, раз уж записалась на отбор. Но одно дело — предполагать и настраивать себя и совсем другое — услышать такое... как само собой разумеющееся.

Из коридора раздалось досадливое цоканье «старика», похоже, сейчас будет новый виток нотаций. Интересно, месье де Грамона так расстроило выражение лиц племянника и его фаворитов? Потому что я не услышала ни словечка оправдания.

— Нашел! — раздался радостный голос Гая. — Третий снизу во втором ряду.

— Лечу, дядя, лечу! На встречу с претендентками! — иронично отозвался дофин и, судя по звуку, шаркнул ножкой, как в цирковых представлениях.

Раздался странный скрип, словно открыли дверь с давно не смазанными петлями. Тот самый потайной ход? Любопытно, но высунуться нельзя. Опасно. Фавориты дружно хохотнули, но скоро звук смеха стал приглушенным, а потом и вовсе пропал. Ушли? Подождала для верности пару минут. Ведь что месье де Грамону делать в пыльном коридоре восточного крыла в одиночестве? Надеюсь, у него есть и более важные дела.

Аккуратно ухватившись пальчиками за край подоконника, поднялась, едва не кряхтя от покалывания в затекших ногах. Выглянула в коридор, чтобы нос к носу столкнуться с сидящим на корточках месье де Грамоном.

Побледнела. Темница? Абаста?

— Я... я...

— Вы, вы, мадемуазель Эвон, — вздохнул менталист и, распрямившись, протянул мне руку. — И зачем вы снова прятались? Подслушивали?

— Я случайно, месье, — пробормотала, сжавшись. Кто же мне поверит?

— Снова случайно? — Бровь «старика» иронично выгнулась. — А что же вы тогда тут делали? Ну же, мадемуазель, от вашего честного ответа зависит очень многое, вы же понимаете.

Вжала голову в плечи. Конечно, понимаю. Кто я, чтобы спорить с Цепным Псом короля? Соринка. Но ведь я действительно не специально! Хотя на сегодня странных совпадений со мной хватает: я пряталась в галерее при встрече дофина, попала аккуратно на дуэль, а теперь меня поймали за подслушиванием. Как можно еще истолковать эти случайности в свете того, что я услышала? Заговор.

— Мадемуазель!

Вздрыгнула от крика. Однако это зло брошенное «мадемуазель» подействовало на меня совершенно иначе. Я расправила плечи и задрала подбородок. Я дочь и внучка виконта! В моих жилах тоже течет королевская кровь, в конце концов. Да, пусть сильно разбавленная, но, говорят, и ее унция стоит дорогого. Посмотрела прямо в глаза менталиста, послушно раскрывая сознание. Что? Хотите правду? Так мне нечего скрывать!

— Я плакала, месье. И галерея — единственное место, где можно вдоволь поплакать в одиночестве. Кто же знал, что его высочество будет... прогуливаться именно здесь и решит вести разговоры?

Мужчина, удивленно вскинув бровь, поднял мой подбородок еще выше двумя пальцами. Еще немного, и я задохнусь. Менталист придиричиво оглядел мое лицо, в том числе и глаза.

— И почему же здесь? А не среди подруг?

— Я дворянка! Не пристало мне, виконтессе, размазывать слезы по лицу у всех на виду.

Я возмутилась самому абсурдному предположению Цепного Пса. Что значит «среди подруг»? Чтобы все увидели опухшие глаза и нос? Чтобы шептались и говорили гадости за спиной? Нет! Я должна быть сильной. Мой голос звенел от гнева, но мои интонации лишь позабавили месье де Грамона. Менталист расхохотался.

Пораженно застыла. Я ожидала не такого отклика на свое поведение. Когда грубые слова сорвались с моих губ, мне казалось, меня накажут за дерзость, но... хохот?

— Знаменитая васконская гордость, да? — Де Грамон отпустил мой подбородок. — Да, вы правы, мадемуазель, будущей королеве нужно обладать не только состраданием, но и стойкостью, плакать можно лишь в своих покоях.

Растерялась. Неужели он надо мной насмехался? Но я же... совершенно искренна! Отчего реакция этого мужчины на мои слова всегда такая странная?

— А почему вы плакали, мадемуазель?

Упрямо поджала губы. Я не буду жаловаться. Жалость ужасна. И недостойна дворянки. Помню, дедушка частенько ругал меня в детстве за порывы надавить на жалость слуг, чтобы мне дали то, что я хочу. Я же де Сагон!

— Из-за дофина?

Вспыхнула. Понимала, что эмоции говорят куда честнее о причинах

моих слез, чем могла бы сказать сама, но... как признаться? Тем более, наверняка и сам менталист будет согласен со словами графа, что мы тут все одна другой чуднее.

«Старик» вздохнул.

— Я надеюсь, мадемуазель, у вас хватит ума молчать об услышанном сегодня?

Кивнула. Конечно! Главное, не Абаста, а то тень бесчестия падет и на род. Я не могу этого допустить. Только не брат и не дедушка. Возможно, брату посчастливится взять в жены не самую родовитую дворянку, но с хорошим приданым. Все хотят аристократическую приставочку «де», но, увы, она только у старинных родов, берущих начало еще до смуты.

— Позвольте проводить вас до классной комнаты, чтобы вы уж точно не подслушали ничего лишнего.

Едва не застонала в голос. Что будет с моей репутацией, если увидят с менталистом? И так пошли слухи после моей неосторожной шутки по поводу внезапной благосклонности месье де Грамона, когда он оставил Жаклин в числе претенденток. А теперь еще и это! Атенаис, если узнает, не успокоится, пока не заключет.

— Не думаю, что...

— Я настаиваю! — грозно рыкнул менталист и тут же улыбнулся. — А то вдруг виконтессу обидят по дороге.

Хотела возразить, что до приезда дофина меня никто и не думал обижать в стенах академии, но вовремя прикусила язычок. Нельзя быть такой дерзкой. Тем более с такими высокопоставленными людьми, как месье де Грамон.

— Благодарю, месье! — присела в реверансе и оперлась на предложенную менталистом руку.

«Старик» был слишком высоким для меня, а потому идти было не очень удобно. Наверняка со стороны мы смотрелись комично. Почему Цепной Пес не стер мне намять? Говорят, подобное подвластно менталистам. А я... с меня даже клятвы не взяли.

— Интересный факт, мадемуазель. Среди васконцев никогда не было заговорщиков или предателей. Вы принадлежите к маленькому, но гордому народу. — Де Грамон внимательно посмотрел на меня сверху вниз. — Знаете, мадемуазель Эвон, вы мне нравитесь.

Обомлела. Какое признание! Что же мне делать? Сначала побледнела, потом покраснела. Я же претендентка на место невесты дофина. Я, в конце концов, младше его вдвое. Месье — совсем старик, а я... чуть не расплакалась, разве меня спросят? А мои возражения никто не услышит,

шутка ли: Цепной Пес богат и влиятелен, брат королевы. Если его величество решит, то даже дедушка не рискнет отказать такому высокопоставленному лицу.

Де Грамон остановился и после секундного разглядывания меня расхохотался. Смеялся он опять бесстыдно, как и тогда в кабинете, запрокинув голову, громко, ничуть не заботясь о приличиях.

— Черт возьми, отрадно, что в наше время девушки не разучились краснеть. Ваши эмоции — это нечто. Брачных планов я на ваш счет не строю, мадемуазель, боюсь, для вас я слишком порочен. Но мне нравится ваша открытость и гордость, не буду скрывать. Именно поэтому вы сейчас все еще остаетесь претенденткой на место будущей королевы. Пожалуй, стоит пригласить сюда старика Луи, вот он порадуетя вашему обществу.

Я покраснела еще больше. Какая же я глупая! Сразу подумала о матримониальных планах. Как я могла решить, что весь мир вертится вокруг одной меня. Прав был святой отец в «Гнезде» — гордыни во мне больше, чем гордости.

— И, несмотря на теплую осень, постарайтесь больше не сидеть на камне, мадемуазель, это вредно для здоровья.

— Обещаю, месье.

Мы свернули в один из коротких переходов для прислуги и оказались перед дверями в кабинет рукоделия. Удивленно оглянулась по сторонам. Даже я не поняла, как мы сюда попали. И ведь никаких тайных ходов. Удивительно! Как много я не знаю об академии, но откуда короткие пути известны месье де Грамону?

«Старик» открыл дверь в класс, даже не постучавшись. Мне ничего не оставалось, кроме как тенью пройти следом за ним. Тут был весь наш курс, в том числе и девочки с целительского. Мигом вспыхнула, — что подумают девочки о подобном конвое?

По залу, где сидели ученицы, пронесся шепоток. Впрочем, он стих моментально, едва месье де Грамон заговорил:

— Мадам, позвольте вернуть вашу ученицу. Мадемуазель была так любезна, что помогла мне составить список фамилий девочек по курсам, а теперь я ее отпускаю.

Мадам Тьюри удивленно посмотрела на меня и, молча кивнув, указала рукой на свободное место у окна.

— Мадемуазель Эвон... — «Старик» взял мою руку и поцеловал. Когда он поднял глаза, в них резвились настоящие чертята. Он это специально! — Мадам.

Короткий кивок в сторону учительницы, после чего менталист вышел.

В полной тишине прошла к своему месту и села. Цепной Пес умудрился-таки создать тему для пересудов. Да сегодня только ленивый не будет шептаться у меня за спиной. Что задумал менталист? Опозорить меня? Или это проверка? Не зря де Армарьяк сказал, что при дворе мы не выдержим. Ведь, если верить слухам, дворяне строят козни друг другу ради благосклонности короля и королевы. А фаворитки? Уж они наверняка не скрываются, раз о них знает вся Франкия. Не верю, что придворные дамы держат язык за зубами и в спину ее величеству не летят сплетни.

— Мадемуазель Эвон, мы сегодня занимаемся рисованием. Месье Андрэ просил вас всех сохранить рисунки для его урока. На них вы будете отрабатывать одну из граней дара.

Оглянувшись по сторонам — на меня смотрели все. Армель и Аврора несколько испуганно, остальные жадно, желая услышать подробности.

— К работе, мадемуазели! Я не слышала колокола об окончании занятия.

Вздыхнула. После не избежать разговоров. Хорошо хоть месье де Грамон позаботился о более-менее приличной легенде: я помогала составлять списки претенденток, кто на каком курсе и к какому направлению относится. С подругами, конечно, это не пройдет, но вот остальные должны поверить. Особенно если мой рассказ будет скучным: составила, отдала месье Грамону листы, он меня проводил до кабинета. Зачем проводил? Чтобы не ругали за опоздание. Все логично.

Врать, конечно, нехорошо. И не умею я. Но вдруг получится? Может быть, месье де Грамон преподавал мне урок? Не всегда стоит быть честной? Но разве это правильно? Разве это не будет предательством по отношению к себе? Вздыхнула. Как сложно все. Видимо, этот отбор будет гораздо труднее, чем я рассчитывала.

Задумчиво посмотрела на лист бумаги перед собой. Значит, месье Андрэ просит сохранить рисунок? Неужели мы будем оживлять его? Украдкой посмотрела, над чем трудятся остальные девочки: пейзажи, фрукты. Луиза даже пытается изобразить дофина. Впрочем, рисует она на диво хорошо, и принц получается как живой. Хотя Лу с целительского, ей рисунок не для учебы нужен.

А я? Рисую я терпимо, но не очень красиво. Что бы такое...

Фавориты дофина сегодня как раз говорили о морской глади. А если море? Оно действительно не так далеко от нас. По весне нас даже вывозят в летний корпус академии, чтобы ученики могли дышать целебным морским воздухом.

Море! Окунула кисточку в синюю акварель. Бурлящие волны я вполне

могу нарисовать. Это несложно.

ГЛАВА 10

Едва прозвонил колокол, учительница коротко попрощалась и покинула класс. Я оказалась в центре внимания, девочки обступили меня. Всех интересовали подробности моего внезапного появления со «стариком».

— Скажи честно, Эвон, вы с виконтом дали Цепному Псу золото, чтобы он продвинул тебя в отборе?

Удивленно посмотрела на Луизу. Что за глупости она выдумывает? Да и откуда нам взять денег, если даже пришлось заложить медные рудники? Впрочем прикусила язык, никто не знал о нашем бедственном положении, и лучше, чтобы так все и остались в неведении. Дедушка всегда говорил, что соседи коварны и обязательно воспользуются нашими неудачами. Не совсем понимаю, что он имел в виду, но, думаю, стоит промолчать, доверившись его опыту.

— Конечно нет! — воскликнула возмущенно. — Как вы могли вообще подумать такое обо мне и дедушке!

— Ты не первый раз попадаешься на странной связи с «вороном», — смущенно пояснила девушка, пряча глаза. — Что еще остается думать?

Едва не задохнулась от возмущения. Так-то оно так, не первый, но... И это они еще не знают, что совсем недавно была дуэль, на которой я присутствовала, и граф подарил мне платок. Боюсь представить, что начнется, если об этом станет известно. Мальчишки, конечно, не такие сплетники, как девочки, но если кто-то из них проговорится Атенаис?

— Вы все знаете мою репутацию, девочки, — решительно выдохнула, пытаюсь собраться с мыслями. Ни в коем случае нельзя давать повод поверить слухам, девушки мстительны, они обязательно припомнят и подстроят гадость. А нужны ли мне туфельки в дегте перед выступлением? Нет, конечно! — Я славлюсь честностью. Потому клянусь! Ни я, ни дедушка не делали никаких шагов, чтобы повысить мои шансы на победу.

Девочки слаженно вздохнули. «Прямолинейная Эвон» просто не способна врать. Это знала любая, даже Атенаис согласится с этим. Помню, на первом курсе я не смогла сказать неправду, даже когда решался вопрос о моем незаслуженном наказании. Как и все, просидела на хлебе и воде целую неделю. Хотя скажи я, что невиновна в краже классного журнала, то никто бы ничего мне не сделал, доказательств не было, своих оценок я не исправляла, отпечатка магии не оставляла.

Врала ли я сейчас? Нет. Я не стала подтверждать или опровергать информацию, предоставленную месье де Грамоном, но ведь и вопрос звучал иначе. И на него я, даже не вступая в сделку с совестью, ответила совершенно честно.

— То есть это все случайности?

Кивнула под слаженный вздох толпы. Завидуют? Да я сама бы себе завидовала. Если бы видела ситуацию со стороны, тоже решила бы, что какой-то девушке очень повезло. А на деле? Кажется, после подслушанных признаний свиты дофина и лично графа шансы мои упали еще ниже. Я, да и все остальные девочки, явно не вписываемся в столичные каноны ни внешним видом, ни поведением. Задевало ли меня? Немного. Но ведь это же дофин! И фавориты! Первые лица королевства. Они просто не могут быть не правы.

Девочки, недовольно ворча, стали медленно расходиться, прихватив с собой рисунки. Армель и Аврора делали вид, что чистят кисти и рабочие места, дожидаясь, пока самые яркие сплетницы покинут класс. Стоило последним ученицам закрыть за собой дверь, ко мне, сгорая от нетерпения, подбежали подруги.

— Эвон, рассказывай!

— Что? — Решила притвориться дурочкой, ведь, если подумать, я пока еще сама так и не поняла, что из разговора дофина с фаворитами можно рассказать, да и месье де Грамон был весьма категоричен: мне лучше молчать. Однако как я могу не поделиться с лучшими подругами?

— Ну, Эвон! — пораженно воскликнула Аврора. — Ты же ушла умываться плачущая и точно не могла остаться с менталистом для составления списков!

— Если бы все было так просто, — пробормотала, пряча глаза. — Месье де Грамон настоятельно советовал мне держать рот на замке.

Девочки дружно вздохнули, одновременно прижав руки к лицу. Еще бы! Я бы подобных слов тоже испугалась. Менталист — высокопоставленное лицо, наделенное властью. Захочет он, и я окажусь в Абасте, вряд ли дедушка сможет добиться моего помилования, даже воззвав к королевскому правосудию. У нашего рода, конечно, есть определенные заслуги перед монархом, но, сдается мне, это не поможет. Да и потом, на мой взгляд, королевская семья хочет поскорее забыть о позоре предка — признанном бастарде, последней прямой представительницей которого я являюсь.

— Обо всем?

— О чем?

Вопросы подруг слились в один выкрик. А о чем действительно просил меня молчать месье де Грамон? О причине, по которой арестовали Марию-Элену? Или, может быть, о странном «времени первой крови»?

— Я стала невольной свидетельницей разговора дофина со свитой, — обтекаемо выдала после минутного обдумывания. — Его высочество передвигается по академии потайными ходами.

— О! — Армель и Аврора одинаково смешно протянули букву, округлив при этом губы, словно забыли о своем дворянском воспитании.

— Хочешь сказать, они могут быть где угодно, подслушивать и подсматривать за нами? — Армель задумчиво огляделась по сторонам, подозрительно рассматривая стены.

И как только я сама об этом не подумала. А вдруг дофин сейчас сидит в одном из ходов и прислушивается к моим словам? А я рассказываю, что еще пару часов назад стала невольной свидетельницей их разговора. Было ли в их словах что-то важное? Не знаю, но разве иначе месье де Грамон переживал бы?

— Ах, что-то мне душно! — достаточно громко заявила Армель, подмигнув мне. — Может быть, выйдем на свежий воздух?

— Да, пожалуй! — не менее громко согласилась я и подтолкнула удивленную Аврору к двери.

— Эвон, у тебя от страха уши заложило? — наивно поинтересовалась Аврора, обеспокоенно вглядываясь в мое лицо.

Несколько недовольно дернула подругу к выходу. Я уже говорила, что она плохо соображает и каждую нашу с Армель идею приходится объяснять Авроре не по одному разу. Хорошо, что с Армель таких проблем не было.

Молчали всю дорогу до лавочек на улице. В конце концов, ведь тайные ходы могут проходить и вдоль коридоров. Лишь оказавшись под голубым небом, смогла выдохнуть спокойно.

— Рассказывай, Эвон!

Посмотрела на Армель и задумалась. Рассказывать все страшно. А вдруг менталист почувствует? Смену настроения и эмоций он очень тонко чувствует, судя по отдельным репликам. Смогут ли девочки сохранить секрет? И если в Армель я уверена, то в Авроре нет. Сложила руки в причудливую фигуру и удостоверилась, что Армель заметила. Да, она знак увидела и поморщилась. Обманывать Аврору никому не нравилось, но все понимали, что причины поступать так есть, и веские.

Об этом жесте мы договорились еще на первом курсе, когда стало понятно, что Аврора часто становится причиной наших неудач. И решили

отдельные вещи делать без нее. Да, пожалуй, это некрасиво. Но если, скажем, собирать ночью первую росу для умывания, что запрещено учителями, то с Авроры станется зашуметь в самый неподходящий момент, опоздать или проговориться. Поэтому лучше без нее.

— Я вышла подышать на балкон. Подумала, свежий воздух поможет мне успокоиться, а тут его высочество вышел из потайного хода...

Собственно, я рассказала все, что слышала, опустив ключевые моменты о непонятном мне самой «времени первой крови», о физическом освидетельствовании нескольких девушек и о предполагаемом заговоре от месье Гастона. Ну и, естественно, о причине, по которой увели Марию-Элену. Получился пересказ лишь наших недостатков и впечатлений от провинции.

Даже сама понимала, что мои сбивчивые воспоминания звучали странно, но наивная Аврора не заподозрила подвоха. Армель же, судя по выражению лица, заметила паузы в моем монологе и нахмурилась. Я еще раз переплела пальцы в нашем секретном жесте, напоминая о тайне. Подруга сдалась и кивнула.

— Мы не понравились дофину, — расстроилась Аврора. — И что теперь делать?

— Не конкретно мы, а все конкурсантки, — возразила я, успокаивающе поглаживая подругу по плечу. Пусть она меня порой раздражает, но иногда ее безумно жалко.

— Не все! — встrepенулась Армель. — Ты сама говорила, что одну они запомнили.

— Запомнили, — досадливо поморщила носик, — но имени так и не сказали.

Для меня так и осталось тайной, кого обсуждали фавориты. Об этом я думала весь урок. Кто та открытая девушка, чей смех так поразил воображение столичных гостей? Пока по всему получалось, что Атенаис. По словам девочек, именно она задорно улыбалась, поднося гостям ковшик с вином. Завидую. Мне бы чем-нибудь привлечь внимание фаворитов.

— Что делаем дальше?

Мы с Армель переглянулись. Если бы не приезд дофина, то было бы достаточно ясно, чем мы займемся, — отправимся в летнюю оранжерею. Обычно мы не обедали, нагуливая аппетит к полднику. Уставом академии подобное не воспрещалось, и мы пользовались такой возможностью, стремясь проводить время на природе. Только там, среди цветов и уютных «улочек» живого лабиринта из кустарников можно было отдохнуть и поболтать вволю, даже несмотря на то, что мадам Тьени предпочитала туда

же отправлять нарушителей дисциплины на исправительные работы.

Не то чтобы мы с Армель были главными шкодами курса или академии, но по рукам линейкой нам доставалось, да и пару-тройку раз сидели на воде и хлебе, а наказания в оранжерее и «цветочном крыле», как называли ученики южное крыло, отрабатывали без счета. Нет-нет! Мы не авантюристки, скорее, любопытные. Вот Атенаис проще и интереснее в мужской компании рассуждать о «поэзии» или на занятиях тайком перекидываться записочками сомнительного содержания. Видит ли это классная дама? Не знаю.

Нам же с Армель общество мальчишек не очень нравилось. Особенно запомнилось, когда один особо ретивый юноша поймал выходящую из аудитории Аврору и принялся ее целовать, с силой прижав к стене. Если бы не я с Армель, то даже не знаю, чем бы закончился «приятный вечер в мужской компании».

Судя по разговорам, дофин — большой ценитель женской красоты, и оставаться с ним наедине страшновато, хотя вроде бы придется. Так как отреагировать, если дофин захочет меня поцеловать?

Луиза, которая на волне дружбы с Атенаис стала весьма популярна среди юношей в академии настолько, что даже уже целовалась, советовала закрыть глаза и получать удовольствие. Мы же с Армель спрашивали у Авроры. Какое там удовольствие! Бедняжку до сих пор мутило от одних воспоминаний. Неужели это так противно?

Хотя та же Амелия была так счастлива, узнав о предстоящей свадьбе со своим некромантом. А уж им целоваться точно пришлось! Может, если любишь, то все совсем иначе?

— Эвон! Ты опять замечталась!

Виновато посмотрела на подругу. Да, был за мной такой грех. И не только на занятиях.

— Сегодня обед короткий, а потом сразу занятие по этикету. Может быть, стоит остаться в корпусе? Тем более я так не выспалась, что засну, едва окажусь на природе.

— Сходим на обед? Вдруг мы встретим дофина?

— Считаешь, сегодня мы мало его видели? — скептически поинтересовалась у воодушевившейся Авроры.

— Я тоже считаю, что лучше чаще показываться на глаза принцу, — вступилась за подругу Армель, осуждающе посмотрев на меня.

Вздыхнула. Наверняка Армель чувствует себя виноватой из-за того, что приходится что-то скрывать от Авроры, но что делать, если блондинка глуповата? Я совсем не против Авроры, но баронесса очень часто медленно

соображает. Посмотрела на подругу и устыдилась, Аврора преданно заглядывала мне в глаза и ждала решения. Как-то повелось, что, несмотря на постоянное заступничество Армель, Аврора предпочитала слышать подтверждение нашим совместным действиям от меня. Прав был святой отец, гордыни во мне больше, чем гордости.

Обеды я не любила. Во-первых, ничего вкусного не подавали. Одни супы! И если с сырным еще можно было смириться, то суп-пюре со шпинатом или луковый мне не нравились совсем. Да и казалось, что после посещения обеденного зала ты вся пропитывалась этими невкусными ароматами. А что это за юная мадемуазель такая, от которой пахнет гороховой похлебкой?

Во-вторых, на обед приходил младший курс боевиков, которые традиционно пропускали завтрак из-за ранних тренировок. И тогда в зале творилось нечто невообразимое. Всюду летали маленькие огненные шары, переворачивались тарелки и прямо на скатерти разливался сок. А если не повезет, то и на платья. Старшеклассников такой бедлам только забавлял, и они ничего не делали, чтобы прекратить его. А учителя... Даже постоянное дежурство классных дам у столов мальчиков ни к чему не приводило.

Я же говорю, все они несносные. Ни одного нормального. Хотя нет. Дофин вроде бы похож на такого. И фавориты. Нет, они, конечно, ржали, как кони, но это же принц и его ближайшее окружение.

Вышли с девочками в один из коридорчиков, ведущих в обеденный зал, и вспомнили прошедший урок. Любопытно все-таки, зачем сказали оставить рисунки. Какую грань дара мы будем изучать? Вряд ли это оживление, никаких специальных красок мы не использовали.

— Интересно, на каком уроке к нам придет дофин. И у кого он уже был.

— Может быть, в зале девочки поделятся? — воодушевилась Аврора.

Уважительно посмотрела на подругу — идти на обед до этого предположения мне не хотелось. Кому интересен невкусный суп? Но баронесса права. Девочки, занятия которых уже посетил дофин, могут рассказать об этом. Не подумала об этом совершенно. Настроение резко скакнуло вверх. Хорошо все-таки, что месье Луи первым пришел не к нам. Кто знает, что бы мы могли выкинуть или сглупить. А тут можно поучиться на промахах других девочек. Дедушка всегда советовал учиться на чужих ошибках, похоже, сейчас именно тот случай.

— Пока дофин почтил своим присутствием только урок картографии, — раздалось у меня над ухом.

Армель, взвизгнув, дернулась и повернулась к неслышно подошедшему парню. Меняхватило только на то, чтобы не закричать. Ноэль появился словно черт из табакерки. Вот уж где поверишь в слухи, что всех некромантов учат сливаться с тенью, чтобы бесшумно передвигаться по коридорам и дорогам. Дедушка говорил, что все это сказки, но вот же! Прямое подтверждение страшным рассказам.

— Простите, мадемуазели, не хотел вас напугать, — рассыпался в извинениях Ноэль.

— Но вам это удалось, месье, — возмущенно заметила Аврора на слишком высокой ноте.

Когда подруга волнуется, она всегда «пищит» так, что ушам больно. К чести некроманта, тот вроде даже не заметил, хотя при его даре не полагается, наверное, реагировать на любые внешние раздражители.

— А откуда вы знаете, месье Ноэль? — поспешно спросила, пока Аврора не прогнала ценный источник информации. Вот уж кто точно не станет сочинять или восторгаться дофином не по делу.

— Мне казалось, мы были на «ты», — лукаво улыбнулся юноша, подстраиваясь под наш шаг, хотя идти медленно, по-видимому, ему было непривычно.

Армель, едва не поперхнувшись, посмотрела на меня. У Авроры в глазах так вообще священный ужас. Ну да... почувствовала всю глубину моего падения. На «ты» с посторонним мужчиной. И все равно, что Ноэлю всего шестнадцать и до «мужчины» ему еще пару лет расти. Справедливости ради отмечу, что панибратское отношение было только с моей стороны. Сам некромант ни разу мне не «тыкнул».

Да, в одном из пыльных архивов, повязывая платок на руку Ноэля, я осмелела и достаточно вольно обратилась к нему, да и недавно, когда догоняла в коридоре, тоже. Но это же не значит... да ничего это не значит. Договаривались же!

Так и знала, что расплата за хвастовство: «Смотрите, я спокойно общаюсь с мальчиком», — настигнет меня. Как это прозвучало... Мы были на «ты»... Будто в крошечных комнатках архива мы не просто убирались, а... не знаю, что делали. Целовались!

— Месье Ноэль! — возмущенно воскликнула, краснея.

Чувствую, Армель просто так не отстанет от меня, требуя все подробности наших встреч. Вздохнула. В свое время я лишь мельком упоминала о факте знакомства с некромантом, да и было бы о чем говорить. Но подруга, обладая живым воображением, явно придумает что-то нетривиальное. Хоть бы не услышал никто посторонний — а то сплетен

не оберешься.

— Я пошутил, мадемуазель Эвон. — Ноэль поднял руки, изображая сдающегося.

Отчего-то смутилась, увидев на руке Ноэля краешек своего платка, обметанного нитками лавандового цвета. Надо все-таки подарить некроманту что-то посимпатичнее, а то узнает кто из свиты дофина, что это мое творчество, позора не оберешься. Завтра же соберусь и попробую что-нибудь вышить. Заодно и потренируюсь, может, когда у меня будет цель — платок для принца, получится что-то особенное? Такое, что не стыдно будет подарить тому же месье де Армарьяку. Хотя случай, подобный сегодняшнему, вряд ли выпадет еще раз.

— Так откуда вы знаете про уроки и дофина?

— Все просто. Первое занятие принц был у нас, а значит, не мог быть нигде в ином месте. Два спутника дофина, месье Гастон и месье Рауль, обладают даром некромантии. Они провели для нас открытый урок и рассказали о новых исследованиях в Высшем магическом университете столицы.

Мы с подругами слаженно вздохнули. В ВМУ девушек не брали. Даже целительниц. Предполагалось, что нам достаточно обычной академии. Женского мнения, естественно, никто не спросил. Хотя, может, дело в том, что к восемнадцати большая часть девиц если еще не замужем, то уже обручены, а мужья — это такие люди, которые не слишком рады видеть рядом хорошо образованных жен.

Значит, дофин и фавориты заканчивают университет. Они еще более умные, чем мне казалось. Говорят, учиться там очень трудно, программа намного сложнее, чем в академиях, а еще обязательны научные изыскания.

— А про другой урок? — поинтересовалась Армель, которая, похоже, перестала испытывать смущение от общения с юношей.

— Еще проще. — Ноэль улыбнулся во весь рот. — Не далее как двадцать минут назад директриса устроила выговор классной даме последнего курса за то, что девочки не подготовили урок и не смогли ответить ни на один вопрос по картам, чем опозорили всю академию перед дофином.

Мы дружно ахнули. Подумать только! Хотя все вполне логично, я тоже не подготовилась к занятиям, не до того было. Вот-вот должен был приехать дофин, какие уж тут уроки. Нам с девочками просто повезло, что на библиографии месье Стефан решил рассказать новую тему, а не спрашивал, как правильно составлять картотеку или какие книги нельзя ставить рядом с магическими одушевленными трактатами.

Конечно, классные дамы по правилам обязаны проверять готовность домашних заданий после ужина, но это такая формальность. Контролю подвергались только первые курсы, а нас оставили в покое. Ведь предполагалось, что мы уже взрослые и способны самостоятельно все выполнять.

Хорошо, что дофин был не у нас. А то мадемуазель Лауре досталось бы. Классная дама всегда шла нам навстречу, и было бы досадно, подвергнись она наказанию из-за наших пустых голов. Наверняка ей досталось из-за белил на Жаклин и за мое появление под ручку с дофином. А ведь мадемуазель хотела нам помочь. Белила она дала Армель, чтобы якобы замазать прыщик. Поверит ли она нам теперь?

В то же время недоверчиво посмотрела на некроманта. Откуда он мог узнать? Ведь мы встретились с ним в коридоре, а директриса вряд ли бы стала отчитывать преподавателя у всех на виду. Но разве такими вещами шутят?

— Что, прямо-таки ни на один? — пораженно воскликнула Аврора, даже сбиваясь с шага.

— Ни на один! — торжественно повторил Ноэль, улыбаясь.

Что-то он слишком улыбчив для подобного скандала, может, Ноэль разыгрывает нас? Будь это действительно так, мы бы уже услышали гул обсуждения, до обеденного зала осталось всего ничего. Почему не доносится ни звука?

— Говорят, дофин был недоволен, — продолжил между тем Ноэль, выходя немного вперед.

Еще бы он был доволен! Один из критериев отбора — контроль над своим даром, а какой уж тут контроль, если девицы учатся абы как.

Остановились на мгновение, пока Ноэль открывал дверь, пропуская нас вперед.

Обеденный зал встретил нас тишиной. Нет. Не так — гробовой тишиной, вдоль столов ходили классные дамы и наставники. Ни одного шепотка, ни переговоров между столами. Ни летящей записочки-«птички». Неужели это последствия скандала на картографии? Похоже, я начинаю верить некроманту.

— Благодарю, месье Ноэль. — Аврора присела в реверансе, заставив нас вспомнить о хороших манерах.

Поспешно повторила движение подруг, обводя взглядом зал. Ничего себе! А я так надеялась услышать подробности, заодно и уточнить, что такого сложного спрашивали на занятии. Завтра у нас картография, может, нам тоже будут задавать вопросы.

Зато учителя и дофин с удовольствием наслаждались относительной тишиной. За стол принца переместился преподаватель по некромантии и теперь о чем-то ожесточенно спорил с фаворитами. Значит, в этом Ноэль не обманул нас.

Ноэль довел нас до стола и, раскланявшись, под подозрительными взглядами наставников и классных дам ушел к своим.

Мы с подругами сели с самого края, прислушиваясь к происходящему. Лица у девочек были не самые веселые, значит, все-таки Ноэль не солгал. Страшно представить, как теперь накажут последний курс. И, похоже, совсем не имеет значения, кто ответил неверно, участницы конкурса или нет. А заодно и нас подвергнут всем казням египетским за компанию. Закатила глаза, злясь на старшекурсниц. Придется теперь сидеть и все зубрить.

Девушки нетерпеливо поглядывали на сидящих во главе стола девочек, опозорившихся на картографии. Сами без пяти минут выпускницы выглядели подавленными. Настолько, что молча ели суп, не торопясь делиться с окружающими подробностями. Такое было в последний раз... Да никогда подобного не случалось. За нашими столами всегда оживленно, настолько, что классные дамы частенько делают нам замечания. Но как можно не обсудить, скажем, новую форму ногтей у мадам Парше, наставницы последнего курса? Или что директор опять нет-нет да и поглядывает на мадам директрису? Та, конечно, уже не так молода и к тому же вдова, но и сам месье директор не мальчик, как говорит повариха, когда мы пробираемся на кухню. А как бы они смотрелись вместе!

— Эвон, ты видела?

Оторвалась от созерцания девочек и перевела взгляд на подругу. Что я должна была увидеть? Оказалось, листок с расписанием.

Удивленно перечитала написанное и едва не застонала в голос. Дополнительные пары по этикету, танцам, литературе и музыке с завтрашнего дня. Занятия займут почти все свободное время после обеда. Совсем грустно.

Надеюсь, ни на один из этих уроков дофин не придет. Ведь пою и играю на мандолине я чуть лучше, чем вышиваю. Неужели с нами могут поступить так жестоко? Точнее, со мной. Авроре вон нечего волноваться, у нее голос как у ангела. Армель тоже вполне сносно поет и играет на клавишине. А мне разве что отвлекать внимание от своего пения танцем. Придумала! Пусть дофин посещает танцы. Я неплохо танцую что групповые, что сольные партии.

Перевернула лист в надежде увидеть хотя бы намек на грядущее

испытание. Ведь конкурсный отбор начнется уже послезавтра. Надо подготовиться. Боюсь, я растеряюсь, если не буду знать, чего от меня хотят. Что уж говорить об Авроре. Увы. Обратная сторона была девственно чиста. Неужели с нами могут так обойтись? Даже словечком не обмолвятся о предстоящем конкурсе?

Повертела головой — пожалуй, Атенаис могла бы знать о сути испытаний. Эта девушка всегда в курсе всех тайных событий. Но поможет ли мне Атенаис? Сомневаюсь. Возможно, удастся узнать у Луизы, но тоже сомнительно. Взгляд сам собой уперся в классную даму. Если?..

— Мадемуазель Лаура, — тихонько позвала я проходящую мимо женщину. А что? Что предосудительного в разговоре с классной дамой? На мой взгляд, ничего.

— Да, Эвон, ты что-то хотела?

Весь наш курс любит мадемуазель Лауру. Во-первых, она еще совсем не старая, а следовательно, наверное, помнит, что значит быть студенткой и молодой девушкой. Теми же белилами поделилась с Армель. Хотя спорю на десять рё, та же мадам Парше не дала бы студенткам косметику, чтобы скрыть прыщик. Эка невидаль — прыщик на лице. И не понять «старухе», что это целая трагедия перед приездом дофина.

— Скажите, а это правда?

— Что ты имеешь в виду?

Смутилась. Даже голос у мадемуазель Лауры был уставший, возможно, ей крепко досталось за меня. Или за старшекурсниц. А теперь приходилось вместо обеда ходить между столами, контролируя учениц. Девочки с соседних мест заинтересованно повытягивали шеи, силясь оказаться поближе ко мне и классной даме.

— Что старший курс не смог ответить на вопросы учителя.

— Правда. — Классная дама кивнула, бросив взгляд в сторону учительских столов.

Посмотрела в ту же сторону и я. Директрисе было не до нас, она о чем-то беседовала с раздраженным месье де Грамоном. Судя по выражению лица, мадам оправдывалась. Неужели менталист решил высказать свое фи по поводу обучения?

Дофин продолжал увлекательный разговор с учителем некромантии, совершенно не обращая внимания на происходящее. Остальные учителя отчего-то с ревнивым выражением прислушивались к жаркому спору принца и месье Людовика, словно сами хотели бы поучаствовать в дискуссии, но стеснялись. В общем, уличить мадемуазель Лауру в общении со студентами было некому.

— Что, никто-никто? — шепотом спросила Аврора.

— Никто, — досадливо подтвердила мадемуазель Лаура.

Сдается мне, для классных дам тоже мало удовольствия в посещении всех тридцати подопечных и проверке у каждой выполнения письменных заданий. Первый курс вообще готовил уроки в обеденном зале в промежутки до ужина под неусыпными взглядами классных дам и наставников.

— А что, очень сложные вопросы были? — поинтересовалась со своего места Армель, украдкой косясь в сторону преподавательского стола, чтобы, когда директриса договорит, не причинять беспокойства мадемуазель Лауре.

— Сложные. Сам дофин задавал, но вполне из курса программы. Так что подготовьтесь лучше к занятию.

Сам дофин! Потеряла дар речи. То есть нас еще и проверять на знания будут. Думаю, студент университета знает значительно больше, чем мы, учащиеся простой академии.

— А еще месье де Грамон нашел недочеты в нашей программе. Вам не читали несколько рекомендованных курсов, хотя я, право, теряюсь, где бы вы могли применить их, — задумчиво протянула мадемуазель Лаура и спохватилась, явно сболтнув лишнего. — Мой вам совет: слушать на занятиях внимательно и искать во всех вопросах подвох.

Все с нашей стороны стола переглянулись. Получается, мы не просто студентки провинциальной академии, нас еще и учили кое-как. Наверное, после столичных умниц мы смотримся убого. Досадливо цокнула языком. Но ведь оценки не главное. А знания? Что, если нам преподавали из рук вон плохо? И как на нас это скажется?

ГЛАВА 11

Все-таки это самый странный день в моей жизни. Такая чехарда, что голова кружится до сих пор.

В обеденное время тоже никак не удалось прояснить ситуацию: ни рассмотреть, ни услышать чего-либо нового так и не получилось. Дофин был занят разговором с преподавателем некромантии и даже не обернулся в нашу сторону, а за столами по-прежнему не произносилось ни звука. Тишина действовала на меня угнетающе. Как будто это и не наша академия. Ну вот серьезно, где вы видели молчащих за столом девиц? Неужели в столичных учебных заведениях царит именно такая атмосфера? Тогда мне наша провинция нравится гораздо больше.

Наверное, именно поэтому, покидая обеденный зал, все мы — Армель, Аврора и я — вздохнули с облегчением. Хотя неизвестность, конечно, нервировала. Мадемуазель Луиза так и не смогла ответить ничего конкретного, что за вопросы задавал дофин на занятии. То ли не знала, то ли опасалась менталистов. Один из них, молодой, тот, что беседовал с Авророй, подошел к нам и отвел в сторону классную даму. Мы даже забеспокоились, а не стали ли мы причиной неприятностей для мадемуазель?

Хотя, судя по выражению лица классной дамы, ничего страшного менталист не сказал, и это обнадеживало. Удивлена, что мадемуазель Лаура до сих пор со мной общается. Я бы точно обиделась.

По коридорам шли так же молча. Кто знает, может, дофин уже закончил трапезничать и теперь идет одним из тайных ходов, прислушиваясь к происходящему за стенами?

Молчание утомляло, и состояние было гнетущее, непонятно, чего ждать. Все-таки в академии обычно более непринужденная обстановка. Как частенько говаривала Атенаис, «провинция». Так ли это плохо, если в столичных академиях все ходят угрюмые, зря не болтают и в каждом подозревают шпиона? Утверждать не могу, но по тому поведению, что нам навязывали гости, выходило именно так.

Остановились перед дверьми в бальный зал. Почему внеочередное занятие по этикету пройдет именно здесь? Будем повторять танцы? Я совсем не против освежить в памяти бранли. Да, конечно, раньше его танцевали крестьяне, но в последние годы он вошел в моду. Говорят, все вроде бы благодаря фаворитке короля, которая была из младшего,

настолько обнищавшего дворянства, что проводила больше времени со слугами и крестьянами, чем с людьми своего круга.

В кругах высшей аристократии танцы подобного рода знали плохо. Хотя в столице за десяток лет наверняка технику отточили до совершенства, у нас же, в провинции, поводов потанцевать выпадает немного. Точнее, их, общих для всех, всего три: бал в день излома зимы, церемония по случаю последнего учебного дня и, уж совсем из разряда сказочного, осенний бал дебютанток.

Несколько беспокоил один из менталистов, который шел за нами с девочками по пятам. Неужели месье де Грамон послал проверить, насколько я храню тайну? Хорошо, что я не успела ничего толком рассказать, а из того, что стало известно Авроре и Армель, уж точно не тянет на Абасту, ведь верно?

Здесь уже было шумно, все девочки нашего потока успели подтянуться и теперь толпились в небольшом холле перед залом. Классных дам не было видно, что вызывало недоумение. Нет, конечно, они и раньше не особо за нами следили, этого просто не требовалось, но ведь этикет... правила! А уж после скандала на уроке картографии вообще удивительно, что нет хотя бы внешнего соблюдения приличий. Разве допустимо оставлять столько девочек без присмотра? Или это очередная проверка, чтобы посмотреть, как мы будем вести себя без контроля старших.

Около окошка расположилась Луиза, хорошо, что без Атенаис, и, до неприличия вытянув ноги, так что из-под платья показались не только мыски туфелек, но и лодыжки, с каким-то превосходством рассматривала столпившихся девочек.

— ...И так как намечается бал, вполне естественно, что нас собрали, чтобы потренироваться в модных нынче танцах, — слышалось со стороны окна.

Мы не попали к началу монолога, но и так было понятно, что Атенаис что-то рассказала подруге, и теперь та выбалтывала секретки. Что поделать, Луизе всегда нравилось быть в центре внимания. Я совсем не против ей подыграть, тем более сейчас она делится данными, которых мы не знали.

— Бал... Разве отбор пройдет до бала в день излома зимы? — удивилась Жаклин.

Мы все были солидарны с баронессой: неужели конкурс продлится столь долго? Если сравнивать со столицей, то там обычно на отбор отводился месяц, иногда два, все зависело от количества претенденток. А затем шла подготовка к свадебной церемонии, ведь она тоже занимала не

один месяц. Конечно, сейчас нас сорок, но разве это так много?

— Вы как будто из деревни, — сморщила носик Луиза, покровительственно поглядывая на Жаклин. — Всем известно, что во время отбора будет два бала. Один через две недели после начала, на втором, знаменующем окончание, дофин огласит свое решение.

Из деревни! Я вспыхнула. Да Луиза сама родом из мест, где самое крупное поселение язык не поворачивается назвать городом. Ее папенька живет за счет прилегающих деревенок с виноградниками... А Луиза строит из себя вторую Атенаис.

Но... промолчала. Если уж Луиза что-то знает, а она на удивление осведомлена обо всем, что касается отбора — не иначе как благодаря подруге, — я готова промолчать. Как там говорится? Хитрость и умение видеть выгоду — прекрасные качества для королевы. Удовлетворенно улыбнулась своим мыслям, разглаживая складки на платье. Помолчу и послушаю. Именно так!

Сзади хмыкнул менталист, заставив меня обернуться. Значит, мысли читает. Высокомерно задрала нос. Да читайте сколько влезет! Как будто вам приятно слышать девчоночьи секреты и рассуждения о дофине.

Судя по мгновенно сбежавшей с лица улыбке, молодому менталисту это точно не нравилось. Он оглядел нашу толпу и, отвернувшись, остался стоять у дальнего окошка. Если верить книгам, ему, чтобы уловить общий фон настроения, достаточно быть рядом. И ведь все-все знает, но, поди, спроси такого.

— Как через две недели? — ахнула Изабелла, совсем неаристократично прижимая руки к лицу, но я ее понимала. Разве можно за две недели повторить все танцы, выбрать платье, необходимую прическу?

— Да б-б-быть т-т-такого н-н-не может! — заикаясь, согласилась с Беллой Лиаль.

Мне бы самой впору начать заикаться! Ведь такие сжатые сроки обязательно скажутся на стоимости работы портних. Разве смогу я себе позволить сшить платье за две недели? А потом еще одно? Едва не застонала в голос. Мне стоило подумать о таком важном вопросе заранее, а что теперь делать? Писать дедушке? Но что тогда будет? Придется заложить и вторые медные рудники. Это... плохо.

— Дофин не может быть столь жесток! Где сейчас найти хорошую портниху?

— А перчатки!

— А украшения, девочки! Разве что порталом переправлять из

дома! — возмущенно воскликнула Жаклин.

Я окончательно приуныла, перемещение порталами вещей стоило больших денег. Конечно, коробочка с украшениями маленькая, но ростовщики обязательно потребуют застраховать дорогую посылку, а это еще дополнительные деньги. Угрюмо посмотрела на Луизу. Вот не могла она посплетничать на эту тему раньше? Тогда бы я тщательнее обдумала возможность своего участия в отборе.

— Мадемуазели!

С появлением мэтра Шарля Готье мигом прекратился шум. Как оказалось, мы в очередной раз опростоволосились. Рядом с преподавателем стоял один из фаворитов — высокий молодой человек с длинными, до пояса, волосами, собранными в низкий хвост. Его шевелюра так же, как и у дофина, отливала в рыжину, однако в отличие от принца все лицо фаворита было усыпано веснушками, что придавало ему простоватый вид.

Девушки разом замолкли — никому не хотелось выставлять себя в дурном свете перед фаворитом. Только вот где сам принц? Все разом вытянули шеи, стараясь рассмотреть коридор за преподавателем и гостем. Увы. Дофина там не оказалось, только классная дама и паж, нагруженный несколькими десятками маленьких плоских коробочек.

Мадемуазель Лаура сделала реверанс перед гостями и, обойдя по дуге учителя и фаворита, скромно встала за нашими спинами, наверняка опустив глаза в пол, как и положено благовоспитанной мадемуазели. Мы мигом устыдились и поприветствовали фаворита как должно, тем более что мэтр Шарль прожигал нас недобрым взглядом. Преподаватель по этикету был отчего-то зол и раздражен.

— Месье Гастон! — Учитель поклонился фавориту, кинув на нас уничтожающий взгляд.

Тот самый юноша, которому понравилась смеющаяся Атенаис. Он пришел к нам, рассчитывая, судя по всему, увидеть красавицу, но, увы, целительница не с нашего курса, ее тут не увидишь.

Интересно, что случится, если принцу и дофину не приглянется ни одна из конкурсанток, а какая-то сторонняя девица? В целом, после того как первая эйфория и волнение от отбора прошли, в голове появилось множество вопросов. Свадьба дофина должна состояться до его двадцать первого дня рождения. Это следующим летом. А потом что? Если в отборе победит девушка с последнего курса, тут вопросов нет, но вдруг выбор падет на меня или Армель, которым, помимо этого года обучения, предстоит еще один курс? Нельзя не доучиться, академию заканчивают

даже беременные девушки. Правда, такое было всего раз за последний десяток лет, но классные дамы до сих пор страшат нас этим. Хотя, казалось бы, чего пугать? Амирель даже была замужем за виконтом де Варжерлоном. Первым придворным магом. И свадьбу устроил сам король.

Но что делать с обучением нам? Никогда не задумывалась над этим. Надо было внимательнее читать альманах. На секунду представила, каково это доучиваться в стенах академии, будучи невестой дофина. Наверняка появится куча лживых подруг, надеющихся оказаться ближе к будущей королеве. Хорошо, что у меня есть Армель и Аврора. Вот уж в чьей дружбе можно не сомневаться.

— Я рад присутствовать на вашем занятии, мэтр Шарль, — лучезарно улыбнулся меье Гастон.

Ах, какой приятный в общении молодой человек, еще и улыбается нам. Сразу видно, что эмоции настоящие, ни грамма лжи. Мне положительно нравится этот фаворит.

— Я еще более рад, что вы оказываете нам такую услугу.

— Полноте. Это в моих силах, и мне безмерно приятно помочь таким образом конкурсанткам, ведь одна из них, возможно, станет моей королевой.

«И невестой», — подумалось мне, но я, естественно, промолчала. Интересно, о чем разговор? И что в коробочках, которые держит паж? Вдруг там «волшебные палочки»? А что? Было такое заблуждение в ранние века, что некий предмет может служить проводником магии, усиливая потоки. Со временем теорию переработали, и боевые маги стали пользоваться всевозможными накопителями и амулетами. Может быть, у нас костюмированный бал-маскарад? Если уж первый пройдет через две недели после начала отбора, это как раз время «Ночи нечисти», когда, по преданию, рвется грань между мирами и нежить ходит прямо рядом с нами. Все это, конечно, сказки, на нечисть раньше охотились боевики и истребили уже, наверное, всю на территории Франкии... Но в деревнях по-прежнему наряжаются в странные костюмы, чтобы бродящие по улочкам мертвецы приняли честных граждан за своих. Неужели?! Ах, я совсем не против примерить что-то этакое, дар «говорящих с книгами» обычно не требовал такого сложного потока магии, потому и разных магических украшений мы почти не носили. Иногда мне даже жаль. Ведь украшения запрещены уставом академии, но это не касается тех, кому в учебе требуется большой расход сил. Та же Атенаис с ног до головы увешана различными побрякушками, а нашему курсу не положено.

Может быть, именно поэтому рослая блондинка привлекает

внимание? Говорят же, что драгоценности женщину красят.

— Пройдемте в зал, мадемуазели, месье, — пригласил мэтр Шарль.

Дверь распахнулась, впуская нас в преображенное помещение. То, что преподаватели постарались смоделировать великосветский прием, я поняла сразу: вдоль стен стояли столики, уже готовые к активному времяпрепровождению. Чего только не было на них. И «Захват замка», и «Успешный землевладелец», даже простые колоды традиционных карт. Около дальней находились столы, заставленные графинами с лимонадом. Видимо, мы все-таки устроим настоящий бал. Удивительно!

Девочки неуверенно столпились около входа, пока мадемуазель Лаура и паж проходили к столам с напитками. Именно там оставили коробочки, которые так заинтересовали меня. Что же это может быть?

— Итак, мадемуазели, прошу рассаживаться!

Удивленно оглянулись с девочками по сторонам и заметили ряд низких скамеечек. На них уже устраивались остальные наши одноклассницы. Занятно. Судя по всему, предполагается, что напитки должны подносить официанты и месье.

— Месье де Грамон указал нам на существенную брешь в вашем образовании. — Преподаватель по этикету несколько затравленно покосился на присутствовавшего здесь младшего менталиста. — Хотя ума не приложу, кому из вас это может пригодиться в будущем. Речь о языке балов.

Удивленно переглянулись с остальными девочками. О чем, собственно, речь? Разве на балах говорят иначе? Насколько я знаю, франкийский язык официальный и используется во всех провинциях, баронствах и герцогствах.

— Я говорю о веере. — Мэтр Шарль подошел к столикам со сгруженными коробочками и, открыв одну из них, вытащил простой веер.

Вскинула брови, ничего не понимая. Конечно, в столичном альманахе мы видели девушек с веерами, да и у каждой второй он был — как еще прикажете пережить летнюю духоту? Но... язык балов?

— За последние лет пять-семь существенно изменилась роль этого аксессуара, — продолжал между тем преподаватель, то открывая, то закрывая изящно расшитый предмет. — Как прекрасно сказал один из наших поэтов-современников, язык веера придумали женщины для мужчин. Именно благодаря заранее оговоренным правилам можно показать собеседнику свою заинтересованность, расстройство или, наоборот, пренебрежение и отказ от дальнейшего общения.

Пораженно уставилась на учителя. Получается, от нас скрыли такой

важный пласт межличностного общения. И все почему? Потому что мы вряд ли попали бы на настоящий королевский бал? А если бы... ну вдруг нам посчастливилось, что мы могли бы показать? Опозориться?

— Месье Гастон де Вилье был столь любезен, что предоставил нам пять десятков учебных вееров. Конечно же к балу вы сможете заказать любой, вам изготовят его в короткие сроки. Семья месье занимается их производством на территории Франкии.

Фаворит, на которого вся наша девичья толпа обратила взгляд, коротко поклонился и тепло улыбнулся.

Вздохнула украдкой, вне всякого сомнения, дело прибыльное, ведь веера так популярны у модниц. Улыбнулась, когда блуждающий по претенденткам взгляд фаворита остановился на мне.

Месье Гастон, заметив мой знак внимания, тоже изогнул полные губы в улыбке и слегка поклонился.

Против воли почувствовала, как щекам стало жарко. Могло ли быть так, что фаворит целенаправленно искал меня глазами? Мы с подругами сегодня частенько мелькали перед дофином и спутниками, думаю, поэтому наши лица мужчины должны находить в любой толпе первыми.

Да, бесспорно, месье Гастону понравилась Атенаис, но в претендентках же ее нет? А если фаворит обратит внимание на меня? Вроде бы он достаточно богат, чтобы помочь моей семье, и достаточно хорош, чтобы в него можно было влюбиться. Да и нас он защищал от других фаворитов. Определенно, это хорошая кандидатура; Мадам Эвон де Вилье. По-моему, звучит.

— При выборе веера, мадемуазели, вы не должны забывать о значении цвета как для этого аксессуара, так и для платья.

Удивленно заморгала. Опять прослушала? Стоило только немножечко замечтаться, как учителя обязательно сообщают что-то важное. Судя по шепоткам, нам предоставят на первый бал по наряду. Великолепно! Как камень с души!

— Итак, для юных мадемуазелей допустимо использование нескольких цветов: белый, розовый, голубой и зеленый. Допускается вышивка серебром и золотом, хотя, на мой взгляд, на предстоящих балах золотая нить неуместна. Каждый цвет символизирует одну из характеристик юных мадемуазелей. Голубой — верность и постоянство, розовый — любовь, зеленый — надежду и белый — целомудрие. Хочу отметить, однако, что в некоторых соседних странах используют другую цветовую гамму, но описанная мной была утверждена лично королевой Марией-Луаной, женой Луи Седьмого.

Интересно! Мы можем заказать любой веер, но как выбрать, не зная, какое у тебя будет платье? Непосильная задача. Хотя, если все платья действительно будут одинакового фасона, отличные лишь по цвету... нет, все равно, как тут не ошибиться? А если голубой совсем немоден в этом сезоне? Или, скажем, зеленый. И я буду казаться совсем уж провинциальной простушкой. И так уже мой образ в глазах фаворитов основательно пошатнулся.

— Существует тайный язык, разговор на котором ведут двое — мужчина и женщина.

Взгляд преподавателя подернулся дымкой, словно он вспомнил что-то волнующее и очень личное.

— Мадемуазель Лаура, помогите нам, пожалуйста.

Классная дама, изобразив легкий реверанс, взяла из рук пажа коробочку. Как только мадемуазель раскрыла веер, она тут же преобразилась. Я едва не открыла рот, будто какая-то крестьянка. Веер точно порхал подобно бабочке в руках классной дамы. Вот она развернула «опахало», махнула несколько раз к себе, лукаво поблескивая глазами поверх края веера, а потом вдруг с шумом захлопнула и несколько раз постучала сложенным аксессуаром себе по руке. Получается, каждый жест что-то да значил?

Вспомнились заголовки из альманаха, над которыми мы с девочками ломали голову: «Красный и сиреневый — лучшие цвета вееров для обольстительниц в этом сезоне!», «Какие цвета привлекают внимание?» и целая куча других, показавшихся нам тогда странными. Теперь становилось понятно, что имели в виду составители.

Удивленно перевела взгляд на учителя. И почему нам ни слова не рассказывали об этом искусстве? Так, значит... у нас по сравнению со столичными девушками, будь совместный отбор, совсем не было бы шансов. А что еще нам не рассказывали в должной мере?

— Обратите внимание на положение веера в руках мадемуазель Лауры. Движения должны быть легкими и непринужденными, чтобы у окружающих и мысли не возникло, что вы сосредоточены на общении жестами. Нет-нет! Должно быть ощущение естественности.

Мэтр Шарль взял в руки веер и обмахнулся, будто приманивая к себе собеседника.

Взволнованно смотрела на учителя во все глаза. Вот он, мой шанс! Я даже представила себе, что, томно прикрыв глаза, как это советовали в альманахе, легко и непринужденно, точь-в-точь как мадемуазель Лаура, подманю к себе дофина или одного из фаворитов. Осталось только

определимся с кандидатурой.

— Сегодня мы с вами разучим только базовые значения, на следующих занятиях перейдем к более сложным. Например, вот это означает «да».

Учитель, а за ним и мадемуазель Лаура слегка приложили веер к правой щеке. Казалось, движение настолько мимолетное, не иначе как захотелось кожей почувствовать прохладу шелковой ткани.

— Я попрошу месье Патье раздать ученицам «тренажеры» и приступим.

Пока паж обходил девиц, протягивая всем по коробочке, я лихорадочно вспоминала, что же писали в альманахе. Может быть, блеснуть и повторить что-то из советов столичного журнала? А что? Месье Гастон тут, и если я покажу себя искушеннее, чем остальные девочки, то уж точно сегодня закреплю свой успех. Не зря же фаворит улыбнулся именно мне. Даже если граф де Армарьяк смеялся надо мной, это не отменяет того факта, что в силу обстоятельств я успела примелькаться.

Взяв из рук пажа коробочку, сделала реверанс, выразительно поглядев в сторону месье де Вилье. В альманахе советовали «стрелять глазками»: быстро и заинтересованно посмотреть на объект внимания и тут же отвести глаза.

Увы! Месье не заметил моего маневра, именно в этот момент он склонился над ухом преподавателя, что-то ему говоря. Мэтр Шарль улыбнулся и кивнул.

— Мадемуазели! Давайте скорее откроем наши коробочки и достанем веера. Месье де Вилье говорит, что один веер будет отличаться по цвету. Именно эта девушка завтра первой отправится на совместный завтрак с дофином и фаворитами.

Все студентки застыли с удивленными лицами. Вот так рулетка! Взволнованно посмотрела на коробку в своих руках. Пусть мне повезет! Ведь это такой шанс! Однозначно первая девушка произведет неизгладимое впечатление.

— Да решит все фортуна! — громко провозгласил месье Гастон и коротко поклонился, с интересом рассматривая нашу нестройную шеренгу.

Девочки, впрочем, медлили. Каждая втайне надеялась, что пресловутая удача сегодня улыбнулась именно ей.

Вздохнув, одним движением открыла крышку и расстроено закусила губу. Мой веер был такой же беленький, как и у соседки. Мое фиаско послужило сигналом для остальных, зашуршала оберточная бумага открываемых коробок, и один за другим звучали разочарованные вздохи.

— Ах! — Аврора сбоку от меня едва не упала, у нее подкосились ноги.

Паж, кинувшийся вперед, вовремя подхватил девушку под локоть. Рванувшийся было де Вилье успокоился, увидев, что претендентка в надежных руках.

А в руках подруги... был светло-зеленый веер.

Если быть честной, меня захлестнула зависть. Отчего Аврора? Вот уж кто точно не сможет двух слов связать. Будет сидеть и даже глаз не поднимет на дофина. Почему такая честь — первая встреча с принцем досталась именно ей?

— Поздравляю, Аврора, — радостно прошептала Армель, сжав пальчики подруги, едва паж отошел.

Я же едва не расплакалась. Отчего не я? Ведь я же... судьба постоянно сталкивала именно меня с дофином. А теперь... несправедливо, что такой шанс достается... глупой баронессе.

Аврора смущенно посмотрела на подругу и остальных девочек. Со всех сторон посыпались поздравления, сказанные громким шепотом. Даже местье Гастон сказал, что удача благоволит Авроре. Все были рады за баронессу, а я... Меня хватило только на то, чтобы натянуто улыбнуться.

Отвернулась от подруги. Не могу сохранить лицо. Мне кажется, сейчас все прочтут мои злые, мерзкие мысли. Столкнулась взглядом с фаворитом, и щекам мигом стало жарко.

Мне казалось, сам вид местье де Вилье был как немой укор моему поведению. Он грустно мне улыбнулся, будто сожалея, что я такая плохая. Опустила глаза в пол. Я... я ужасна! Даже фаворит это заметил и теперь точно расскажет дофину.

— Итак, мадемуазели, на завтрак с дофином отправится мадемуазель Аврора, а мы с вами продолжим занятие. Начнем...

Мэтр Шарль подошел к противоположной от окна стене, в которую на всю высоту роста были вставлены зеркала. Это было единственное помещение в академии, где были зеркала, создающие эффект бесконечного зала. Даже в ваннных комнатах приходилось смотреться в отражение воды. Но здесь... Мы могли в деталях рассмотреть себя и свои движения.

Все девушки одновременно распахнули веера и попытались повторить жест учителя.

Это оказалось непросто. Руки были как деревянные и не желали слушаться. Движение запястьем в зеркале смотрелось тяжелым, словно нарочитым. Веер совсем не порхал бабочкой, как у мадемуазель Лауры. Или это я такая бесталанная? Украдкой подглядывала за другими девочками в отражении зеркал. Не получалось не у меня одной, и у Луизы, и у Лиаль, даже у Армель и Авроры не складывалось. Насчет последней я

порадовалась. Знаю, мелочно и некрасиво, но... ничего не могла с собой поделать.

— Замечательно, мадемуазель! — раздалось между тем откуда-то с хвоста нашей девичьей шеренги.

Я вытянула шею, чтобы посмотреть, кого же похвалил учитель. Жаклин.

Вздохнула. Я бездарь. Даже у баронессы получилось, а ведь я виконтесса. Разве я не должна делать все лучше простых дворянок? А хуже всего, что мой позор видит фаворит.

Украдкой посмотрела на месье Гастона. Взгляд мужчины блуждал по нашим рядам, не останавливаясь на ком-то конкретном. Естественно. Ему же нужно хорошенько рассмотреть всех и рассказать дофину. Надеюсь, месье де Вилье не запомнил меня с перекошенным от зависти лицом.

— Не отвлекаемся, мадемуазели! Повторяем за мной.

Глядя на то, как легко классная дама управляется с веером, подумала, что надо попросить ее дать несколько частных уроков. Мне и Армель. Да! Авроре совершенно не нужно. Ей и так уже повезло.

— Как здорово у тебя получается, — шепнула сбоку от меня Аврора. — Ты прямо как с картинки столичного альманаха.

Недоверчиво посмотрела в лучистые глаза подруги и устыдилась. Столько счастья, доброты и тревоги в ее глазах. Она искренне переживала за меня и следила за нашими с Армель попытками повторить движения преподавателя, а я!..

ГЛАВА 12

Занятие с веером продлилось до самого позднего вечера. Кто же знал, что этикет — это так сложно. И, судя по негодующему бормотанию учителя, мы потратим много времени на изучение всех положений аксессуара. Более ста «фраз», которые можно показать. А мы утомились от пяти, И как их можно все запомнить? Я в этих немногих, выбранных мэтром Шарлем для первого урока, уже запуталась.

В результате учитель раздраженно воскликнул, что у нас получается ужасно. Веера у нас отобрали, и мы сели за столики с конспектами. Было очень обидно, что подобные слова мэтр Шарль позволил себе в присутствии фаворита. Впрочем, сам месье Гастон глядел на нас сочувственно.

Все оставшееся до конца занятия время мы делали зарисовки основных положений вееров и тренировались в языке жестов, а потом был снова целый час реверансов.

Устала... бессонная ночь, насыщенный событиями вечер. Я просто без сил. Как столичные красавицы выдерживают подобный марафон?

На ужине сидела тихо, не отвлекаясь даже на созерцание фаворита. Всего-то пару раз и посмотрела. Сдается мне, что после сегодняшнего урока с веером у меня совсем мало шансов.

Каждый день дополнительные занятия по этикету и творческим направлениям. Значит, вероятность того, что дофин посетит именно их, возрастает. Но разве заинтересуется принц со свитой такой неумехой, как я? У меня даже с веером обращаться не получается. Хотя Армель ухватила общий принцип и постоянно бросала поверх веера кокетливые взгляды на месье Гастона. И где научилась?

Жизнь кончена! Шансы на удачный брак тоже. Придется выходить за какого-нибудь богатого старика. Я знаю свой долг перед семьей, но за ровесника было бы лучше, ведь верно?

Девочки же, немного отойдя от испуга после того, как старшекурсницы не ответили на вопросы его высочества, осмелели и тихонько перешептывались между собой. Выпускницы делились впечатлениями от дофина и предположениями, что же будет в конкурсе. Гул вокруг наших столов постепенно нарастал. Конечно же не обошли вниманием и зеленый веер Авроры.

Когда поднялись злые и завистливые шепотки, мне даже стало жалко

подругу. Да, такой дар судьбы достался Авроре незаслуженно, куда уж лучше мне или Армель, но каково сейчас девушке знать, что ее все обсуждают и осуждают? Участливо посмотрела в сторону Авроры. И пусть я сама завидовала баронессе, но остальные девочки явно меньше заслуживают цветной веер, чем она.

Поймав мой взгляд, подруга вымученно улыбнулась. Да уж. Не позавидуешь ей, тяжело быть первой. Ведь какая ответственность. И не знаешь, чего ждать от дофина, а что будет, если он решит задать ей какие-нибудь вопросы по академическим предметам? Да она вряд ли решится даже заговорить с принцем.

— Ах, странные вещи творятся с приездом дофина. То чумазые виконтессы заявляются с принцем под ручку, то малахольные девицы идут первыми к нему на завтрак. Говорят, дуракам отчаянно везет, — громко сказала со своего места Атенаис, в упор разглядывая наш угол.

Я сжала в руках салфетку. Как она смеет? Если уж на то пошло, то это выбор судьбы, а значит, она благоволит подруге. Разве кто-то из нас отказался бы от подобного поворота фортуны?

Аврора вспыхнула, без труда догадавшись, что Атенаис имела в виду именно ее.

— А у некоторых глупости столько, что им даже удача не поможет, — запальчиво отозвалась Армель, буравя взглядом первую красавицу академии.

Мне же оставалось только вздохнуть. Я не труслива, нет, я осторожна и считаю, что сталкиваться лоб в лоб с Атенаис не стоит. Заносчивая гордячка способна облить тувельки смолой или каким-нибудь зельем, с нее станется, — они на алхимии проходят разные составы, так что испортит обувь как пить дать. С Цветочком надо бороться тихо и из подполья, но если уж Армель вспыхнула...

За столом взволнованно загудели, невольно привлекая к себе внимание всего зала. Видела, как к нам заспешили классные дамы, поднявшись из-за преподавательского стола.

— Ты мне еще ответишь, ты и твоя подружка с глазами коровы, — процедила сквозь зубы Атенаис, бросив быстрый взгляд через плечо на приближающихся преподавательниц.

Даже наставники из мужских классов вытянули шеи, стараясь разглядеть, что за скандал у нас разгорелся.

Все вынужденно притихли, никто не хотел получать нагоняй, тем более день и так был беспокойный и богатый на выговоры. А я... трусливо опустила глаза. Не буду связываться с Атенаис. Я видела, что происходит с

девочками, которые переходят ей дорогу. Бедняжка Лиаль до сих пор не может опомниться после того случая, как ей подняло юбку до самых ушей при всей академии. И ведь не докажешь, что во всем виновата Цветочек, но накануне Лиаль посмела дерзить Атенаис, и вот... наказание.

И даже уже не важно, что изначально Атенаис хотела сорваться на Авроре, а в итоге виноватыми оказались мы с Армель. Что-то мне жутко.

На секунду представила, что стало бы с робкой подругой, задержись у нее так юбка. Она бы просто бросилась с крыши. Или уехала домой, похоронив свой дар. Нет, нельзя такого допустить. Не об этом ли говорил дофин с фаворитами, что нужно выдерживать натиск других девушек? Неужели двор вот такой — хищный и злой?

Распрямила плечи. Я васконка. У меня есть гордость. Я виконтесса, в конце концов. Дедушка не простил бы мне подобной слабости. Спокойно посмотрела в глаза Атенаис.

Почему-то мой невозмутимый взгляд окончательно ее разозлил. Атенаис встала, с шумом отодвинув стул. Верные соратницы целительницы поспешили за предводительницей. Мне даже стало смешно.

Девочки за столом опасливо косились в сторону ушедшей Атенаис, ведь все знали пакостный характер девушки. Каждая боялась стать объектом ее мести. Только мы, три храбрых дурочки... хотя нет. Две. Тяжело вздохнула. Вот уж точно нарвались на неприятности.

Оставшееся время трапезы прошло тихо, все доедали ужин и вяло переговаривались между собой, обсуждая произошедшее за день. Стоило только Авроре закончить с едой, мы тут же поднялись и вышли из обеденного зала. Я уже было собралась идти спать, как Армель дернула меня за рукав. Несколько раздраженно посмотрела на подругу.

— Эвон, ты, случаем, не забыла про наши планы?

Планы? Удивленно заморгала, ничего не понимая.

— А поиск книги? Дар дофина? — взволнованно спросила Аврора, заглядывая мне в глаза.

— Может, все-таки спать? — спросила я с надеждой, украдкой зевая в кулак.

Мы с подругами пристроились в нише справа от входа в обеденный зал, пропуская мимо остальных учениц.

Я уже и думать забыла. А, оказывается, предстояло решить вопрос о походе в библиотеку — поискать информацию, какой же дар у дофина, и это притом, что еще необходимо сделать уроки. Конечно, библиотековедение не такой страшный предмет, чтобы бояться, если дофин появится на занятии. Хотя, с другой стороны, принц может

спросить что-то заковыристое, например, какие размеры библиотек и архивов минимальны для городской ратуши города с населением в тысячу человек. Помнится, на экзамене в прошлом году я так и не ответила на этот вопрос, за что и получила хорошо. Это был коронный дополнительный вопрос учителя, который основательно подпортил оценки всем девушкам и даже парням в тот год. Леон, юноша с нашего потока, получил «выше ожидаемого», а подобные данные в таблице весьма снижают шансы на успешную должность в будущем. К слову, никто из нас так и не удосужился после экзамена посмотреть эти размеры.

Надо бы повторить, но... насколько же не хочется.

— В библиотеку? — взволнованно спросила Аврора, прижимая к груди злополучный веер. С самого занятия она не расставалась с подаренным ей аксессуаром, что начало меня немного раздражать.

— Эвон! Мы ждем твоего решения, — нетерпеливо напомнила Армель, провожая взглядом очередную студентку.

Зевнула в очередной раз. Спать очень хотелось, но завтра у Авроры завтрак, возможно, блеснуть знаниями о природе дара дофина выпадет именно ей. Взглянула мельком на подруг: Армель спокойна, а вот баронесса явно нервничает. Еще бы! Я бы тоже сейчас переживала, знай, что первой встречусь с принцем и фаворитами в приватной обстановке.

А еще предстоит поговорить с Армель по поводу подслушанного разговора, может, вдвоем мы сможем разобраться в сложившейся ситуации.

— Пойдемте, заодно возьму книгу на выходной.

Девочки согласно закивали: утром дня Солнца^[1] так и тянет поваляться с книжкой в руках допоздна. До самого выхода в храм на службу. Конечно, я в выходной пропускаю завтрак, но у доброй поварихи, к которой мы с Армель вошли в доверие, всегда есть для нас фрукты и лишняя порция каши. Разве нужно что-то еще?

А уж книга — достойный повод для похода в библиотеку. В день Сатурна^[2] девочки толпой валят в «храм книг» за чем-то для легкого времяпрепровождения. Даже мальчики там бывают, особенно если завозят новые технические альманахи. В коридорах еще потом шумно, обсуждают новые модели карет, артефактов для облегчения веса дилижансов и даже новые породы лошадей. Такие скучные разговоры.

Оглянулась украдкой, может, дофин вздумает выйти следом за нами? И мы пойдем, дружески беседуя, до самой библиотеки, а потом еще посоветуем принцу какой-нибудь модный роман. Наверняка же дофин читает современную литературу. Например, взять историю змеехвостой

феи. Ах, какие там приключения! И победа над драконом, и отвоеванное для принцессы королевство, и даже свадьба. Академия выписывает столичные альманахи, публикующие современных авторов, но к нам они приходят с небольшой задержкой.

— Эвон! Ты опять замечталась!

Виновато моргнув, посмотрела на подругу. Грешна! И Армель прекрасно об этом знает. Шутливо сделала приглашающий жест рукой в направлении лестницы на второй этаж, где располагалась библиотека.

— Я так волнуюсь, — внезапно призналась по дороге Аврора.

Будто мы не догадались по рукам, судорожно сжимающим веер. Держу пари, она и спать ляжет со счастливым аксессуаром.

— О чем мне с ним говорить? — спросила Аврора, застывая посреди коридора, словно парализованная.

Ухватили ее под локти с обеих сторон и насильно потащили вперед.

— Помнишь, мэтр Шарль рассказывал о трех вечных темах за столом?

— Погода, урожай, литература? — слабо отозвалась Аврора.

На минуту представила, как баронесса рассказывает дофину о дождях, что прошли в прошлом месяце, и граде, побившем весь виноград по весне. Да уж... какие шансы будут у блондинки после столь увлекательной лекции? С одной стороны, очень хотелось ей помочь, но с другой — разве мы не соперницы?

— Боюсь, я ни слова не могу вымолвить, — бросила в отчаянии Аврора.

Мне сразу стало стыдно. Какая же я подруга, если думаю столь... мелочно. За Жаклин, совершенно чужую мне девушку, я просила, а помочь дорогой сердцу баронессе — нет?

— Расскажи о море, — выпалила я совершенно неожиданно для девочек, — о нашем летнем корпусе, о купальне среди камней, что мы нашли в прошлом году. И... подари дофину тот гольщ, что ты подобрала там.

Пожалуй, море будет хорошим выходом из ситуации, ведь именно о нем вели речь фавориты и к нему стремились всей душой. И наверняка замечание Авроры по поводу летней резиденции придется совершенно к месту и совпадет с настроением мужчин. А уж если фавориты достаточно воодушевятся, то охотно поддержат разговор, и подруге будет легче. А гольщ!.. Это просто беспроигрышный ход.

Такие камушки на побережье встречались редко — овальной формы, гладкие, казалось бы, неотличимые от остальных, но с капелькой прозрачного хрусталя в середине. Такие гольщи местные называли

«счастливыми» и верили, что они появились благодаря магии океана. Если камень нагреть теплом рук, а потом приложить сложенные лодочкой ладони к уху, то можно услышать шум моря.

— Точно! — воскликнула Армель. — Море — прекрасная тема для разговора.

Судя по светящемуся от счастья личику Авроры, она согласна с нами. А уж от того, что у нее теперь есть примерный план на предстоящий завтрак, она в восторге! Покровительственно улыбнулась. Как мало человеку надо для счастья.

— Удачи завтра, Аврора! — сказали идущие нам навстречу девушки с целительского.

Баронесса покраснела и благодарно кивнула девушкам. Все-таки не все в нашей академии такие вредные, как Атенаис.

Остановились перед дверьми в библиотеку. И переглянулись. Заходить было жутковато, тем более последнее наше посещение прошло не так гладко, как хотелось бы. Ну, совершенно случайно мы разбили там вазу. Случайно. А вредный старик-библиотекарь написал на нас докладную записку мадам директорисе, и нас отправили на отработку.

Почему мальчиков так жестоко не наказывает их директор? Даже если ребята набедокурят, все, что их ждет, — дополнительные занятия по фехтованию и магии. Хотя нет. Представила себе на минутку, что нам с подругами поставили лишние часы этикета, бесконечные реверансы... Нет уж, лучше подрезать розы в теплицах.

Вздыхнув, толкнула дверь в библиотеку, потому что Аврора и даже Армель застыли в нерешительности. Старик, как и ожидалось, сидел за стойкой справа от входа. Читал какую-то книгу, тщательно обернутую грубой бумагой. Даже любопытно стало, что он там прячет.

— Добрый вечер, месье Труа. — Я почти пропела, вытягивая шею, чтобы разглядеть хоть краешек книги в руках библиотекаря.

Старик, сверкнув на нас темными глазами из-под густых бровей, сердито захлопнул томик, который мелькнул яркой картинкой. Поджав губы, месье Труа оглядел нас с ног до головы и скривился, словно наш внешний вид портил ему настроение.

— Чем обязан, мадемуазели?

Аврора мигом спряталась за моей спиной, будто опасаясь, что, говоря, библиотекарь забрызгает ее слюной. Армель тоже вздрогнула и прижалась ко мне теснее. А я... мне бы тоже хотелось куда-нибудь спрятаться, но разве могу я бежать, показав спину врагу? Никогда!

— Мы за книгами на день Солнца, месье Труа, — любезно пояснила,

улыбаясь как можно шире. — Вы не подскажите, свежие романы привезли?

— Новый выпуск «Рыцарей Чертога». Оформлять будете?

Едва не задохнулась от радости. Новые главы приключений короля Персефореста! Вредные старшекурсники ни словом не обмолвились, что на «обработке документов» копировали новенький альманах из столицы. Сами уже, наверное, до дыр зачитали новую главу. На этот раз губы против воли расплылись в настоящей улыбке. Хотелось сказать, что да, прямо сейчас и забираем, но запнулась на полуслове. Армель, заподозрив, что я сейчас оформлю альманах и уйду совершенно счастливая, начисто забыв о наших планах, дернула меня за рукав.

— Да, конечно, но пройдемся еще немножечко по читальному залу: может, есть еще что-то гораздо более занимательное.

Библиотекарь подозрительно на меня посмотрел. Чтобы я отказалась от романа о рыцарях? Да я даже сама не верила в то, что говорю.

— Возможно, книги с новыми схемами по вышиванию, — поддержала меня Аврора. — Вдруг выпадет шанс подарить дофину платок.

У меня даже ушам стало жарко от такой наглой лжи: где я, а где вышивание? Но месье Труа уж точно неизвестны мои более чем скромные заслуги в рукоделии.

Сделав нервный реверанс, прошли в общий зал к стеллажам под настороженным взглядом библиотекаря. Чувствовала, как спину между лопаток буквально жжет. Хотя в чем он может подозревать нас? Мы же не в какой-нибудь запретной секции будем искать информацию. Вдохнули с облегчением, только спрятавшись за одним из шкафов с книгами.

Аврора приложила дрожащую руку к груди, переводя сбившееся дыхание.

— Было так страшно! Я думала, он нас не пустит в общий зал.

— Только посмел бы! — возмутилась Армель, взглядываясь в корешки книг. Она протянула руку и взяла альманах в мягком переплете. — Может, в издании за этот год о завидных женихах есть что-нибудь о даре дофина?

Мы вдвоем выжидательно уставились на Аврору. Собственно, мы же рассчитывали, что подруга сможет «позвать» нужную книгу. Сама же баронесса, вытянув шею, старалась прочитать, что написано на страничках альманаха, который достала Армель. Спустя пару минут молчания Аврора подняла на нас глаза и даже отступила на шаг, оборачиваясь, чтобы удостовериться, что это мы так внимательно ее разглядываем, а не кто-то за спиной.

— Я должна позвать, да? — неуверенно уточнила Аврора, ежась под нашими взглядами.

— Из нас троих только у тебя получилось, — вздохнув, сказала я.

На самом деле, если бы вышло у меня или Армель, это избавило бы нас от целой кучи проблем. Аврора всегда так медлительна, что добиться от нее задуманного непросто.

Подруга закрыла глаза и вытянула вперед руку.

Я досадливо цокнула. И кого хочет позвать Аврора, раскрыв ладонь по направлению к коридору? Разве что месье Труа. Взяла ее за плечи и, наверное, несколько грубо повернула к стеллажам.

Пока Аврора стояла с закрытыми глазами, я обдумывала, как быть с нарядами. По всему выходило, что скоро привезут готовые платья, и там уж каждой девушке подгонят по фигуре. Видимо, сшиты все будут из одного и того же материала и даже по одним лекалам. Это же ужасно! Все в одинаковых вечерних туалетах.

Наверняка девочки их как-то украсят. А я? Как выделиться мне? Таких талантов у меня нет. Вон и Армель уже, в ожидании отклика от подруги, взяла с одной из полок альманах для вышивальщиц. Не сомневаюсь, что она успеет за две недели сделать что-то невообразимое. А у меня из способностей только и есть, что «прекрасно» по книжным иллюзиям.

— Не получается, — едва не плача выдала Аврора, открывая глаза.

Губы баронессы дрожали, словно мы ее сейчас ругать будем. Хотя хотелось. Я такие надежды возлагала на способности Авроры. И что теперь? Не начнешь же проверять каждую книгу.

— Может, все попробуем? — неуверенно предложила Армель, видя, как расстроилась подруга.

Я вздохнула. Выбора, собственно, не было, либо мы все еще раз пробуем, либо уходим. И не скажу, что мне нравятся оба этих варианта. Согласно кивнула.

Сделала все, как рассказывал учитель: ровно встала перед стеллажами, коснулась пальчиками корешков книг и, закрыв глаза, позвала. На минуту я представила, что бужу брата. Как ласково тормошу за плечо Антуана, который так похож на папу. Где же ты, книга, в которой рассказывается о даре дофина.

Казалось, по рукам и плечам прошла искорка, словно согревая изнутри. И стоило повести ладонью влево, как тепло усилилось. Может, это оно? Аврора же так и описывала — ощущение ласкового тепла. Побоялась открыть глаза, вдруг волшебство рассеется. Последовала за тянущим в сторону отголоском магии. Аккуратно, маленькими шажками, вытянув перед собой руку.

Идти было легко, ноги будто парили над землей, а ощущение восторга

переполняло грудь. Это же потрясающе, если у меня получилось. А то я уже начала переживать, что окажусь еще в чем-то хуже подруг — мне и вышивания хватает.

Рука уткнулась во что-то большое и твердое. Остановилась и удивленно открыла глаза, неужели магия привела меня к очередному стеллажу. Но все, на что меняхватило, когда я увидела, во что я уперлась рукой, — расстроено вздохнуть. Стена с гобеленом. А ведь дар так уверенно меня вел, я не могла ошибиться.

Отступила на шаг, оглядывая вытканную картину. Что-то из популярных исторических мотивов. Вгляделась с интересом, сейчас в городских домах такие масштабные работы не в моде, хотя в старых замках чем-то подобным сплошь и рядом завешены все стены. В тех, что еще остались со времен до смуты.

В правой верхней части были многочисленные войска, окружающие замок. Если я правильно помню из лекций мадам Тьюри, белый замок с красными башенками в искусстве часто олицетворяет Франкию. Тут все понятно: соседи, которые и до великой смуты часто нападали на нашу страну, пользуясь суматохой и неразберихой в королевстве, ввели в нее свои войска.

На второй картине, судя по всему, была изображена библиотека и Луи Первый. Младший сын короля, который и надеяться не мог на трон, но сумевший в период гражданской войны взять власть в свои руки и найти заклинание, которое до сих пор защищает границы Франкии. Поза «говорящих с книгами» очень узнаваема, его величество стоял среди стеллажей с протянутой вперед рукой.

В левом нижнем углу уже была свадьба: в храме король и королева венчаются. Какое смешное платье у королевы. И шляпа — высокий колпак-конус, отчего невеста смотрелась даже выше жениха. Чудная была мода. Хорошо, что нас не заставляют носить подобное.

Справа, на последней картине, неизвестная мастерица изобразила уже замок-государство в ослепительном блеске золотого купола и алыми розами над башенками. Обычно рушники с алыми розами вывешивают в день рождения первенца короля. Ах, как все прекрасно выткано. Даже бегущие в ужасе враги. Кажется, можно рассмотреть каждого.

С удовольствием оглядела полотно. Вот были же мастера раньше! Интересно, этот гобелен действительно с тех времен? Или его сделали совсем недавно? Жаль, что он ни капельки не может помочь мне с определением дара дофина. И все же почему магия привела меня сюда? Или я обманываюсь, думая, что у меня получилось.

— Эвон! — послышался приглушенный голос Армель. — Ты где, Эвон?

— Тише! Нас же услышит месье Труа, — взволнованно попыталась успокоить подругу Аврора.

Тряхнула головой, видимо, я надолго замечталась около гобелена, потеряв счет времени, раз уж подруги меня хватились.

Вздохнув, в последний раз коснулась гобелена рукой и стала возвращаться назад. Конечно, среди стеллажей легко заблудиться, как в лабиринте, но вышла я к подругам быстро.

Удивительно, но около них стоял Ноэль, и обе совершенно спокойно с ним разговаривали. Армель даже, на мой взгляд, была излишне возбуждена. Сам юноша сдержанно улыбался, пока взволнованная маркиза приплясывала на месте от нетерпения.

— Мадемуазель Эвон, — улыбнулся Ноэль, заметив меня.

— Эвон, твой друг, он нам такое рассказал! — Армель кинулась ко мне и, схватив мою руку, прижала ее к груди.

— Он знает, какое будет испытание, Эвон.

Пораженно посмотрела на некроманта. Откуда бы ему знать, какое задание подготовили для претенденток дофин и фавориты?

— Я лишь сказал, что услышал, как переговаривались месье Гастон и месье Рауль. Они после ужина спускались в наши подземелья поучаствовать в практическом занятии старшекурсников и разговаривали между собой. А тут совершенно случайно встретил вас, и мне пришло в голову, что вам было бы интересно...

— Не томите же, месье Ноэль! — воскликнула Армель, поворачиваясь к некроманту.

Сам же юноша перевел взгляд на меня, словно спрашивая разрешения. Ах, он еще сомневается, хочу ли я услышать. Поспешно кивнула.

— Они обсуждали, что первый конкурс будет о специфическом даре. Ведь огонь магии должен гореть ярко и ровно, рывки недопустимы. Правда, последнюю часть фразы я не совсем понял, но вам определенно стоит потренироваться. Конкурс все-таки состоится в день Солнца, в большом бальном зале.

Все-таки в выходной. Вначале, когда директриса сказала, что испытание состоится послезавтра, мы сомневались, но, видимо, так оно и есть. И что можно показать? Чтобы это было красиво и в то же время отвечало нашим способностям. Ладно еще последний курс, они уже большую часть программы прошли и уже наверняка изучили все грани дара, а мы?.. Да я только сегодня узнала, что любую книгу можно найти,

стоит только сформулировать вопрос.

Растерянно переглянулась с подругами, Аврора выглядела подавленной, а Армель задумчивой.

— Благодарю, месье Ноэль. — Я сделала реверанс, вспомнив о хороших манерах. — Вы нам весьма помогли.

Впрочем, что нам даст это знание — непонятно.

— Полноте, тем более что мадемуазель Атенаис уже в курсе, а значит, и ее подруги. Думаю, и другие конкурсантки тоже... — Ноэль остановил наши благодарности жестом руки. — Поэтому сообщить вам было вполне честно.

— Почему вы так решили? — удивленно вскинула брови.

Ведь это... серьезное обвинение. Атенаис наверняка рассказала Луизе, но та с нами не поделилась. Разве так можно поступать? Или все дело в том, что мы все конкурентки?

— Мадемуазель Атенаис узнала это от пажа, он сегодня получил от нее кошелечек с золотом. Как я уже упоминал, я услышал, о чем говорил месье Гастон со спутником, но с самого утра в нашем крыле ходят слухи об испытании. Их распускали пажи, потому, думаю, деньги, полученные мальчиком от мадемуазель Атенаис, — плата за информацию. Мадемуазель Жаклин рассказал Квентин. Откуда узнал он — не знаю. Мадемуазель Лиаль... — Ноэль запнулся и посмотрел на меня несколько смущенно, — поцеловала Андре Гилье со второго курса, чтобы узнать о слухах. Ведь наши корпуса рядом, да и пажи частенько около нас крутятся.

Ошарашенно посмотрела на некроманта. То есть получается, все девочки старались разузнать информацию, одни мы ничего не предпринимали. Досадливо дернула плечом. Конечно же это очередная проверка. Будущая королева не может полагаться на то, что будет официально озвучено, ей необходимо иметь свои уши везде и всюду, если надо — то подкупить для верности людей. Вот Атенаис поступила, как настоящая королева. Хорошо, что она не участвует. С другой стороны, она явно проталкивает вперед Луизу, что тоже плохо.

Хорошо, однако, что мне удалось подружиться с Ноэлем, а то испытание стало бы для меня шоком. А так... есть время хорошенько обдумать, что я буду делать.

— Благодарю, месье Ноэль, вы очень помогли нам, — улыбнулась как можно более спокойно.

— Я был рад помочь, тем более что сама судьба столкнула меня с вами.

Переглянулась с подругами. Да уж! Это определенно судьба. И у нас

всего сутки, чтобы придумать достойный конкурс. Даже спать расхотелось.

ГЛАВА 13

Услышав звон колокола, означающий время пробудки, застонала и спрятала голову под подушку. Не стоило вчера начинать новую главу «Рыцарей Чертога». И ведь знала, что затянет, но не смогла удержаться от искушения заглянуть в самое начало. Я же просто одним глазиком...

В конце предыдущей главы, опубликованной в альманахе, Персефорест вступил в заколдованную чашу, на которую были наложены темные чары. И было так страшно, что случится с рыцарем, когда тот останется один на один с колдовством.

Разве могла я утерпеть?

В результате, спрятавшись в самом дальнем углу, чтобы свет от свечи не проблескивал в щели под дверью и ходящие по коридору классные дамы не увидели, что я еще не сплю, захлеб читала о приключениях сподвижника Алексиса Адонского. И пока не домучила последнюю строчку, не успокоилась. Какой сон мог быть, когда Персефорест в одиночку шел через лес, где прятались огромные пауки размером с лошадь, и страшные твари смотрели из темноты.

Естественно, что вторая почти бессонная ночь не могла не сказаться на мне, утром с кровати я поднялась с трудом. Бодрости хватило ровно на то, чтобы опустить ноги на пол и, дотянувшись рукой до туалетного столика в поисках зеркала, открыть глаза. Мельком взглянула на свое отражение и ахнула. Вот уж точно мне не пошло на пользу чтение. Как там говорила нянюшка? «Все беды от учености и книг». И если разом побледневшее лицо меня устраивало, то вот тени, залегшие под глазами, — нет. Надеюсь, что, умывшись, я сотру с лица все следы усталости.

Нельзя показывать свои слабости. Тем более что сегодня у Авроры важное утро. Она наверняка разволнуется, когда увидит меня не в лучшем свете. Решит еще, бедняжка, что я не могла уснуть из-за нее. Надеюсь, подруга не догадалась, что еще вчера я ей безумно завидовала самой настоящей черной завистью, но Армель-то все поняла. И никто не поверит теперь, что я просто зачиталась. К тому же я обещала девочкам, что в день Солнца мы почитаем вместе вслух, но кто же знал, что я поддамся искушению?

И не пожалуешься же никому... Авроре сейчас, думаю, не легче. Не удивлюсь, если и она не спала. Будь я на месте баронессы, то точно бы ни на секунду не сомкнула глаз.

— Мадемуазель Эвон, просыпайтесь, — раздался за дверью голос классной дамы.

Прислушалась к удаляющимся шагам. Вот уже и мадемуазель Лаура совершает первый обход, стучась к девочкам.

Обсудить вчера с Армель подслушанный мной разговор так и не удалось, едва мы успели выйти из библиотеки, как оказалось, что всех учениц собирают в обеденном зале для подготовки уроков. Это же... стыд такой. словно первогодок. Второй и третий курсы давно уже занимались самостоятельно у себя в комнатах. Но, увы, свободы выбора нам не предоставили. Пришлось повторять наискучнейший из всей программы предмет — библиотековедение. Заодно пролистала учебник по геральдике.

Все-таки это новая дисциплина, нам ее ввели с этого года, и было всего одно занятие, на котором учитель рассказал только общие факты из истории.

У дедушки хранилась в библиотеке толстая книга с гербами всех дворянских фамилий, даже тех, кто прекратил свое существование после великой смуты. Я любила часами разглядывать картинки, и, как рассказывал дед, каждая черточка на гербе что-то значила. Удивительно! Жаль, что для девушек геральдику преподают факультативно.

После подготовки уроков времени, по сути, не осталось. Похоже, классные дамы решили реабилитироваться перед директрисой, так как не отходили от нас ни на шаг. Как в таких условиях посекретничаешь? Хорошо хоть в библиотеке мы подсказали Авроре тему для разговора. А то страшно представить, что бы бедняжка делала.

Поспешно вышла из комнаты, не дожидаясь повторного стука от мадемуазель Лауры. Судя по всему, классные дамы патрулировали коридоры всю ночь, потому, думаю, промедление с моей стороны не добавит им настроения.

— Мадемуазели, поспешите!

Удивленно оглянулась по сторонам, давно нас столько не выходило после первого стука. Да я сама обычно ждала третьего сигнала и только потом поднималась с кровати. Неужели это дофин на всех так действует? Вытянула шею, стараясь разглядеть, ушли ли подруги с первой группой девочек умываться. Мне повезло, Аврора и Армель стояли в стороне и так же, как и я, разглядывали толпу.

Вот маркиза увидела меня и помахала рукой, подзывая.

Армель тоже не успела причесаться. Она была в домашнем платье и коротком плащике, который все студентки, подражая столичным журналам, дружно прозвали «пеньюаром». Зато Аврора уже стояла явно

умытая и даже с заплетенной косой, перевитой яркими лентами всех оттенков синего. Умно! И в тон к школьному платью, и к нарядам фаворита подходит. И какая интересная коса. Раньше я не видела, чтобы подруга делала себе такую.

Была баронесса бледнее обычного, видимо, выспаться ночью ей, как я и думала, не удалось. Она нервно сжимала в руках бледно-зеленый веер и небольшой синий, расшитый яркими нитками кошелек. Я с интересом рассматривала вышивку, воспользовавшись заминкой. Неужели Аврора успела? Таким красивым аксессуаром подруга обязательно бы похвасталась, появившись он у нее раньше.

— Было не уснуть, — кротко улыбнулась баронесса, протягивая мне мешочек.

— Скажи же, Аврора — гений! — восторженно воскликнула Армель, которая, видимо, успела уже рассмотреть кошелек со всех сторон.

Да уж... мне никогда подобный рассвет над водной гладью не вышить. И ведь море совершенно как живое.

Распустила завязки, чтобы посмотреть, что положила Аврора внутрь. Ах, какая прелесть! Горсточка золотистого песка и гольш. Не удивлюсь, если песок прямо с пляжа у летней резиденции.

— Потрясающе, Аврора! — воскликнула совершенно искренне.

Хотя, конечно, червячок досады гложет. Почему же у меня не получается? Я же стараюсь. Отмахнулась от неприятной мысли и улыбнулась подруге.

Мое помрачневшее на мгновение лицо не укрылось от Авроры. Баронесса ободряюще мне улыбнулась.

— Я нашла очень простую схему, но выходит красиво. У тебя обязательно получится.

Ох, сомневаюсь. Но, чтобы не расстраивать Аврору, согласно кивнула. У всех свои таланты. У меня тоже определенно есть свои.

Оглядела еще раз подругу с ног до головы. Она прекрасна! Если дофин не обратит на нее внимания, он просто глупец.

Украдкой зевнула. И как Аврора так хорошо выглядит? Всю ночь вышивала, встала ни свет ни заря, уже успела одеться и сделать прическу. А сияет, словно начищенный золотой. Может быть, она влюблена? И это чувство дарит ей новые силы, ну, как в книгах пишут. А я никого из фаворитов не люблю и потому засыпаю на ходу.

— Прежде чем сядешь за стол дофина, покусай губы, — наставительно заметила Армель, рассматривая баронессу с каким-то необычным умилением, — и щеки пощипай, чтобы был румянец. Что? —

Маркиза вопросительно выгнула бровь в ответ на наши удивленные лица. — Я в столичном альманахе вычитала.

Аврора подозрительно посмотрела на подругу. Странный совет. Впрочем, это же совет из журнала. Разве там посоветуют плохое? Только последние модные тенденции и разные женские секретерики.

— Девочки! Поторапливайтесь! — раздался несколько раздраженный голос одной из классных дам.

Оказывается, пока мы стояли в сторонке, почти все группы успели уйти в сторону туалетных комнат. Спohватившись, сжали на прощанье руки Авроры и пожелали удачи, ведь мадемуазель Лаура уже ждала подругу в проеме арки, чтобы проводить на завтрак к дофину.

— Удачи, Аврора! — прошептала одна из девочек, провожая взглядом баронессу.

— Да-да, легкого слова, Аврора! — Остальные девчонки подхватили пожелание традиционной фразой, которой напутствовали друг друга перед зачетами.

Хотя если подумать, чем завтрак с дофином не экзамен?

Одна Луиза, посмотрев на баронессу, отвернулась, словно не желая видеть, как Аврора уходит. Я нахмурилась. Только бы сейчас какую-нибудь гадость не сделала. Судя по тому, как Армель сжала пальцы, подруга подумала так же.

Сил у «говорящих с книгами» немного. Мне, к примеру, почти недоступна даже простенькая левитация вещей, но, клянусь, я выложусь по полной, если опасность будет угрожать Авроре. Да, может, я и завидовала ей, но она моя подруга.

— Как думаешь, у нее получится? — вздохнула рядом Армель, провожая взглядом Аврору.

Пожала плечами. Трудно сказать, баронесса очень робкая. Зависит от атмосферы за столом. Если дофин с удовольствием поддержит беседу, то Аврора не пропадет. Тем более я такую тему ей подобрала. Просто идею от сердца оторвала. А ведь могла бы и сама воспользоваться. Хотя, конечно, если фавориты так уж жаждут увидеть море... Может, не грех и второй раз воспользоваться.

— Надо приглядывать за Атенаис, мало ли что они придумают.

Армель кивнула, соглашаясь со мной.

Складывается впечатление, будто я впервые попала в нашу академию. Все хитрят и изворачиваются, ни одна из девочек не обмолвилась и словом, что знает что-то об испытаниях в день Солнца. А ведь раньше мы дружно выбалтывали друг другу разные новости, ну, не считая секретов подруг.

Девочки, стоящие группками, о чем-то возбужденно шептались. Сдается мне, я догадываюсь о чем. Но стоило только подойти поближе, как разговоры стихли и на лицах однокурсниц появились какие-то глупые улыбки. Наверное, каждая думает, что мы с подругой не в курсе про испытание, а значит, меня как конкурентку можно исключить. Не дождетесь! Мне совершенно точно нужен богатый муж.

— Что будешь показывать на конкурсе дара? — пролепетала Армель, едва мы в очереди продвинулись вперед.

— Не знаю. — Я пожала плечами.

А действительно, что можно показать? В голову лезут всякие глупости. Призвать книгу? Вот уж зрелище так зрелище. Посмотреть, как девица с протянутой рукой ходит меж стеллажей. Однако если подумать, то и целительницам не изобразить ничего интересного. Разве что порезать руку и заставить рану исчезнуть.

— А в чем суть этого тура? — глубокомысленно изрекла Армель. — Очень часто они говорят о «ровности огня дара». Получается, можно показать что угодно, лишь бы это было сделано аккуратно.

Какой правильный вопрос. А ответ? Ох, чует мое сердце, как любила говорить повариха, не так просто с этим отбором. Возможно, вчера нам стоило искать книгу не о даре дофина, а о критериях, по которым отбирают невесту. А теперь попробуй вырвись из-под внимательного взгляда классных дам.

Неужели я не смогу придумать ничего дельного?

Впрочем, судя по хмурому взгляду подруги, у той тоже нет ни одной мысли. А испытание уже завтра.

Раздавшийся визг вывел меня из задумчивости. Мы с Армель, синхронно переглянувшись, вытянули шеи, чтобы посмотреть, что же так напугало девочек впереди. Может быть, крыса? В прошлом году, кажется, было такое, тогда завхоз завел кота. Очень красивого. Пушистого, с рыжей шерсткой. Неужели Ажур перестал ловить крыс?

Но нет, это оказался один из пажей. Мальчик, ничуть не смущаясь одетых в домашние наряды девушек, пробирался сквозь толпу, явно кого-то разыскивая. Классные дамы возмущенно поджали губы, но попытки остановить юношу не сделала ни одна. Еще бы! Кто рискнет преградить дорогу гласу дофина?

В панике оглядела себя с головы до ног. Простое платье в мелкий цветочек и легкий плащ до середины бедра, который ничуть не скрывал юбку деревенской расцветки. Едва не застонала в голос. Хорошо хоть не дофин, а то мои шансы упали бы ниже уровня травы.

Весь ужас происходящего я осознала, только когда увидела, что мальчик вроде бы направляется напрямиком к нам.

Некоторые из девушек едва ли не нарочно вставали на его пути, будто случайно поводя плечиком и привлекая тем самым внимание.

— Мадемуазели, позвольте! Пропустите! — слабо отбивался паж, пробираясь сквозь толпу.

Испуганно глядя на приближающегося юношу, попыталась натянуть полы плаща пониже. Господи, только бы он не разглядел моего наряда и не передал дофину. Подумала и тут же устыдилась. Да хоть гольшом я тут стой! Я же васконка! Виконтесса в конце концов, как я могу позволить себе трястись, словно мышь?

Распрямила плечи и спокойно посмотрела на пажа. Даже если он пройдет мимо или, наоборот, напрямиком к нам с Армель, это не повод паниковать.

— Мадемуазель Армель?

Все-таки паж шел к нам. Покосилась на тут же побледневшую подругу. Интересно, ей какое-то послание?

Все девочки вокруг затаили дыхание и рассматривали наше трио с возрастающим любопытством.

— Д-да, месье, — пролепетала обычно бойкая маркиза, с беспокойством поглядывая на классных дам.

Воспитательницы снова недовольно поджали губы (а казалось, дальше уже некуда), словно появление мальчика в наших рядах оскорбило как минимум всю академию. Хотя согласна, что поступок пажа неприличней. Он бы еще напрямиком к туалетным комнатам подошел.

— Его высочество просил передать, что был бы счастлив видеть вас сегодня на прогулке после завтрака.

Армель, глупо хлопая глазами, уставилась на протянутый зонтик в киданском стиле. В прошлом году вся столица, если верить альманахам, сходила с ума от этого заграничного аксессуара. Занятно. Авроре веер, Армель — зонтик от солнца, определенно дофин проявляет фантазию.

— Б-благодарю, месье, — пролепетала подруга, опускаясь в реверансе.

Паж, благосклонно кивнув, развернулся и снова принялся пробираться сквозь девушек в сторону галереи. Едва он скрылся за поворотом, вся наша девичья толпа загудела.

Подруга же взволнованно смотрела мне в глаза. Видимо, вспомнила мое лицо, некрасиво перекошенное от зависти в бальном зале. Но я, справившись с внутренним волнением, лишь ободряюще улыбнулась Армель.

Не знаю, заметила ли она мою улыбку, пришедшие в себя девочки разом кинулись к Армель и наперебой поздравляли маркизу, похлопывая ее по плечам и спине. Меня оттеснили, как бурный поток уносит щепочку.

Казалось, все забыли, что мы собирались в ванную комнату.

— Мадемуазели! Ведите себя прилично!

Однокурсницы разом затихли и отступили, а я наконец смогла пробиться к обескураженной Армель.

Мы снова выстроились парами и двинулись очередной группой к ванным комнатам. Покосилась на подругу. И чего она так вцепилась в этот зонтик? Совсем как Аврора с веером. Хотя, наверное, выпади мне такой счастливый билетик, я бы тут прыгала до потолка. Видимо, это одно из испытаний Бога на смирение.

— И о чем я буду с ним говорить? — шепотом спросила Армель, судорожно цепляясь за бумажное покрытие зонтика. — Ведь о море уже говорит Аврора.

Действительно. Разве мы придумаем достойную тему для разговора за столь короткий промежуток?

— Об урожаях? — неуверенно пробормотала, косясь на подругу.

Плечи Авроры поникли, словно она была марионеткой и кто-то перерезал веревочки, идущие к ее рукам.

Согласна, тема так себе, но что я могла сказать? Да к тому же в душе опять зашевелился злобный завистливый червячок — а вдруг следующей буду я? Раз уж дофин вызывает по одной прямехонько из нашей компании, то вполне вероятно, на обед могут позвать меня. И что тогда? Не окажусь ли я сама без мыслей о том, как поддержать разговор? Разве это не конкурс? Не каждый сам за себя?

Нет. Это определенно неправильно. Армель — моя подруга! А разве не в этом заключается настоящая дружба?

— А если о книгах?

Маркиза вздохнула и понурила голову. Чтение популярной литературы явно не было ее сильной стороной. Подруга предпочитала столичные женские журналы, начисто игнорируя столь любимые мной рыцарские романы. А уж дофина вряд ли заинтересует описание тонкостей макияжа или, скажем, модных в этом сезоне фасонов шляпок. Подозреваю, что принц и свита могут нам рассказать о новых веяниях больше, чем любой альманах.

Вот уж точно у Армель нет даже ночи, чтобы подготовиться, прочитать хотя бы пару глав о Персефоресте. Думаю, что дофин неравнодушен к подобной литературе.

— А если о стихах?

— О любви? — воодушевилась подруга, пропуская мимо себя классную даму.

Я поморщилась. Даже на мой вкус большинство из того, что читает Армель, просто ужасно. Сплошной сладкий сироп. А уж как это оценит мужчина?

Девочки, идущие впереди, так и норовили притормозить, чтобы послушать, о чем мы говорим.

Недовольно поморщилась. Вот как рассказать о том, что скоро состоится первый этап отбора, так все молчат. А как подслушать, какие темы предстоящей беседы с принцем обсуждаем, — все первые.

— О степи! — важно прошептала Диана, поравнявшись с нами. — Вы не знали, что дофин служил год в степях у Окрайны?

Мы с Армель удивленно замолчали. Уж кто-кто, а мы точно не знали. Хотя логично, что наши академические красавицы прочитали все известное о принце. А мы совершенно не подготовлены в сравнении с остальными.

— Ди! — возмущенно воскликнула подруга баронессы, дергая девушку за рукав. — Сама о чем разговаривать будешь?

Диана, осознав, что только что подсказала сопернице интересную тему для беседы, расстроено дернула плечом и досадливо цокнула языком.

А я... Мой отец был скромный картограф, но ему довелось служить в степи. Как раз, когда начались войны южнее Венгры, отца и отправили туда, на самую Окрайну. И хотя папа не раз повторял, что до Великих восточных степей тамошние красоты недотягивали, но я восторженно замирала, когда отец читал нам сказки тех народов и с помощью магии иллюзии оживлял их. Я была маленькой, но запомнила бескрайние поля с едва распустившимися бутонами маков, и казалось, что даже запах заполнял все помещение детской.

Мигом я преисполнилась уважением к принцу. А фавориты? Интересно, они воевали? Все-таки не то мы искали в библиотеке. Начать стоило с общей биографии дофина, и наверняка месье Труа ни словечка бы не сказал. Ведь сейчас на уме у всех девиц в академии только одно. И книг о его величестве не брала разве что ленивая. Или такие, как мы с подругами, — нехитрые и не подумавшие. Надо бы исправить упущение. Как только все успеть?

Диана, вздохнув, словно мы силой вытянули из нее тему для разговора, ускорила шаг. Пройдя несколько метров, она обернулась, недовольно на нас

посмотрев.

— Какая ты все-таки коварная, Армель! — притворно сладко воскликнула позади нас Луиза, невольно привлекая к нам внимание остальных девочек. — Бедная Ди даже опомниться не успела, как вы вывели ее у нее перспективную идею.

Девушки, идущие позади нас, заинтересованно вытягивали шеи, прислушиваясь к разговору. Некоторые смотрели на нас подозрительно.

— Как у вас все получается... А если вспомнить неожиданные победы Эвон накануне отбора... — Луиза многозначительно замолчала, пока мы с Армель в шоке уставились на сокурсницу.

Наша заминка не осталась незамеченной, в коридоре образовался затор. Понимаю, было глупо стоять и молчать, но от подобной возмутительной лжи горло перехватило, а ведь остальные студентки жадно внимали Луизе. Не секрет, что она заводила компании наравне с Атенаис. И если я прямо сейчас не скажу хоть что-то в нашу защиту, последнее слово останется за клеветницей.

— Знаешь что, Лу!

— Мадемуазели!

Осеклась от крика классной дамы. С мадам Трикс лучше не шутить, а то с нее станет отправит нас на дежурство в сад или на кухню. Последнее совершенно ужасно. Косы пропахнут запахами стряпни, не спасет ни один чепчик. А воды для промывки волос вечно нет, придется ждать бани. А если меня на встречу позовет дофин? Вряд ли он польстится на запах каши или солонины.

— Что за столпотворение? Мадемуазель Луиза. Мадемуазель Армель.

— Не знаю, мадам Трикс, мадемуазель Эвон внезапно остановилась и не дает нам пройти, — нежно пропела Луиза, посмотрев на меня сквозь полуопущенные ресницы.

Вот же! Я едва не ругнулась подслушанным у нашего конюха выражением. Срам, знаю, но Лу бессовестно на меня наговаривала, прекрасно зная, что у меня с классной дамой целителей напряженные отношения. Ну не любит меня эта женщина, даже сейчас обращалась исключительно к Армель, начисто проигнорировав меня.

— Мадемуазель Эвон?

— Прошу прощения, мадам, что-то попало мне в обувь, и я остановилась вытряхнуть сор, — пробормотала я, стараясь не смотреть на дородную мадам Трикс.

— Почему не отошли к стене, мадемуазель?

— Не подумала, — «виновато» покаялась, хмуро взглянув в сторону

улыбающейся Луизы.

— Вы вечно не думаете, мадемуазель Эвон! — возмущенно взвизгнула классная дама. — По вашей вине девочки останутся без завтрака. Ведь именно вы задержали всех.

Раздался слаженный вздох. Ведь в обеденном зале должен был быть дофин. Как не посмотреть? Да и голодными оставаться не хотелось, вдруг дофин посетит одно из занятий, а у каждой второй желудок будет выводить весьма неаристократические рулады.

Мадемуазель Лаура, увидев, что инцидент приобретает опасный поворот, быстрым шагом подошла к своей коллеге и что-то прошептала ей на ухо. Лицо мадам Трикс сделалось недовольным. Она поджала губы и возмущенно посмотрела на нашу классную даму.

— Но, так как его высочество хотел видеть на завтраке всех студенток, вы, конечно, попадете на трапезу. Однако вы, мадемуазель Эвон, будете отрабатывать два часа в оранжерее.

Тихонько перевела дух, оранжерей — это определено не кухня. Можно сказать, пронесло. Метнула злой взгляд на все еще улыбающуюся Лу и, отвернувшись от мерзавки, зашагала вперед. Не стоило связываться с этой наглой девицей сейчас, особенно когда половина присутствующих готова меня убить из-за слов мадам Трикс.

— Настоящий террариум, — пробормотала, поежившись, Армель.

Не могла не согласиться с подругой. И что нас ждет после завтрака? Ссориться с девочками точно не хотелось, но и прогибаться тоже. Это одно большое испытание, и менталисты наверняка наблюдают за нами. Если я покажу себя слабой, это тут же отразится в папке с моим именем. Надо ли мне это? Определено нет.

— По-моему, это только начало, — покачала я головой, не поднимая глаз от пола, мне казалось, что на нас смотрят все девушки.

Потихоньку напряжение спало, поднялся привычный гомон. Обсуждали моду (естественно, то, что вычитали в альманахах), танцы и фаворитов. Впереди, судя по тому, как оборачивались и бросали взгляды в нашу сторону, сплетничали обо мне с подругами. Ох, чувствую, выльется это во что-то нехорошее.

— Вы слышали? На большой бал приедут даже родители нынешнего короля, — между тем выдала заговорщицким шепотом Луиза за спиной.

Я же досадливо щелкнула языком. Вот откуда ей известны все самые последние сплетни? Несомненно, она всегда на шаг впереди нас, и не скажу, что мне это нравится. Раньше мы с подругами никогда не пересекались с компанией Атенаис, а теперь из-за дофина столкнулись

лбами. Ничем хорошим ссоры с этим серпентарием обычно не заканчивались, поэтому стоит подумать, как выбраться из «ловушки» с наименьшими потерями. Вот и будет мне репетиция перед тем, как попаду ко двору, я же всерьез рассчитываю на место королевы, ведь верно?

— Уж мадам Франсуаза сумеет подсказать внуку правильный выбор, ведь она наделена даром интуита, — продолжила между тем интриганка, словно намекая, что мне теперь точно ничего не светит.

Я вздохнула. Наверняка любящая бабушка будет искать невесту, которая будет любить ее внука. А я? Да, мне любопытно, но любовь? Точно нет. Разве такая она, любовь? Нисколечко на романы не похоже. Даже о Персефоресте. Так, чтобы жарко, ярко и ах! Чтобы ни есть, ни спать и жизнь отдать. Нет, конечно, любой васконец с детства готов пожертвовать собой ради короля. Без раздумий. И дедушка так учил. Он говорил, быть героем легко — надо лишь сделать шаг вперед и заслонить собой монарха. И я верила. Я же васконка. Если понадобится, я тоже так смогу, без лишних мыслей в голове. Но то ли это чувство?

— Может, и дофин обладает даром интуита? — шепотом, стараясь, чтобы ее не услышали, поинтересовалась у меня Армель.

— Почему ты так решила? — От удивления даже сбилась с шага.

Неужели принц интуит? Но нет же! Это безумно редкий дар. И потом, разве не заметил бы он меня на балконе? Да, интуиты не менталисты, мыслей и чувств собеседников не считывают, но верный путь находят всегда. Исходя из этой точки зрения, разве разумно было разговаривать о важных вещах в коридоре?

— Ну как же, — пожала плечами Армель, — княгиня, бывшая королева, — интуит, отец дофина — тоже. Может быть, это семейный дар?

Задумчиво посмотрела на подругу. А ведь и правда. Редким даром интуита обладает ограниченное количество людей, найти имя дофина в списках будет нетрудно. И если это так... то надо будет скорректировать линию поведения.

Хихикнула над своими мыслями, думаю как прожженная интриганка. Не это ли путь к трону? Ведь королеве положено уметь ускользать от интриг.

ГЛАВА 14

Вот уже десять минут все девочки за столом сидели, вытянув шеи. Что скрывать, я и сама, даже зная, что Аврора обязательно расскажет, о чем был разговор, нет-нет да и посматривала в сторону учительского помоста. Может, удастся разглядеть, что там происходит. Ах, как я беспокоюсь за подругу! Увы, не было видно ничего, в этот раз стол дофина поставили в глубине, в дальнем углу, отгородив от любопытных девичьих глаз дополнительным «заслоном» менталистов.

Вот уж кому сейчас весело. Ни разу за все это время не видела на «воронах» блокирующих амулетов, а значит, их дар работает в полную силу. Вон самый молодой то и дело морщится. Говорят, ментальная магия самая страшная и причиняет боль владельцу. Наши мальчишки, несмотря на юный возраст и, казалось бы, желание подслушать, что же творится в головах девочек, комнаты не покидают без незатейливых украшений, блокирующих дар. Однажды Фанто, старшекурсник, с которым я столкнулась на отработке, признался, что чужие мысли похожи на шквал, все эмоции такие сильные, что сбивают с ног. А уж «вороны» совершенно точно «читают» всех нас, а не наблюдают за общим настроением.

Встретилась глазами с месье де Грамоном и улыбнулась. Всегда надо улыбаться, верно? Ведь никаких плохих мыслей у меня нет, чего мне бояться «старика»? Определенно нечего. «Доброго утра, месье!» — почти пропела про себя. В мечтах у меня есть голос, потому, думаю, ничего плохого нет в том, чтобы петь, не открывая рта.

Тем более я решила стать хитрее, а потому негласная поддержка месье Грамона мне не повредит. И раз уж о ней говорят все вокруг, пусть хотя бы эти обвинения будут обоснованными. Разве помешают будущей королеве связи, тем более среди родственников дофина?

Менталист хмыкнул, а его свита заулыбалась. Считают меня смешной? Да, пожалуйста, хоть трижды, если я удачно выйду замуж и помогу «Гнезду». Ведь как ни крути, а я хорошая партия. Ну, я так думаю. Правда, и Армель, и Луиза, и Лиаль кандидатки не хуже.

Как жаль, что не видно Авроры. Все ли у подруги хорошо? Впрочем, что я могу изменить? Ничего.

— Мне даже каша поперек горла встала, — пожаловалась Армель, сжимая в руках вилку.

— Представляю, — легко согласилась с подругой, продолжая

разглядывать менталистов. Если уж не увидать фаворитов и дофина, то почему не отвлечься от злых взглядов однокурсниц. «Вороны», конечно, не образцы красоты и обаяния, но их лица я вижу значительно реже, чем Атенаис или Лу.

— Совершенно не представляешь! — возмущенно выдала Армель, дергая меня за рукав. — Вот о чем мне говорить с принцем?

Вздохнула. Если бы я знала. Ни одной мысли в голове, а ведь я считала себя находчивой.

— Держу пари, что Эвон уж точно придумала тему для беседы, но с тобой не поделится, — пропела Атенаис, которая сегодня будто специально заняла место напротив.

Причину, по которой она пересела, я могу угадать. Во главе стола Атенаис оказалась бы спиной к помосту, и шансов разглядеть стол дофина у нее бы не было. Но девушка не учла, что сегодня принца посадили в глубине учительского помоста.

Зла ли Атенаис на подобное стечение обстоятельств? Думаю, да. И теперь первая красавица академии намеревалась поссорить меня с подругой.

Армель вспыхнула. Неужели поверила? Я было встрепенулась, чтобы ответить, но подруга примирительно опустила ладонь на мою руку.

— По себе людей не судят, Атенаис.

— Ну конечно! А Эвон у нас агнец божий! — пренебрежительно фыркнула она, не желая сдаваться.

— О картах, — решительно предложила я, осененная внезапной мыслью, — я бы поговорила о живых картах. Граф Армарьяк-старший является главным картографом страны, думаю, эту тему охотно поддержит и дофин, и фавориты.

— Откуда ты...

Лицо Атенаис некрасиво перекошилось. Ух! Неужели я выглядела так же в бальном зале, завидуя Авроре. Тогда остается надеяться, что месье Гастон меня не видел. Потому что если я предстала перед ним подобной красавицей... мои шансы упали ниже некуда.

— Спасибо, — ласково улыбнулась подруга.

— Я же говорила, — фыркнула Атенаис, — тему придумала, а лучшей подруженьке сказала, только когда ее к стенке прижали.

Я пожала плечами, пусть думает, что хочет. Мне не доставляют удовольствия перепалки с ней, но за нами следят менталисты. Может, нас в очередной раз проверяют на стрессоустойчивость.

— Не все такие, как ты, Иса, — покачала головой,

покровительственно, по-взрослому посмотрев на «соперницу».

Целительница скомкала салфетку, с ненавистью глядя на меня. Да, не стоило сокращать ее имя, все знают, что Атенаис ненавидит эту «крестьянскую» кличку. Но ведь и ко мне она обращается более чем вольно. Я же виконтесса, в конце концов. Да, пусть в школе не приняты титулы, пусть род Исы богаче моего раза в три, но титул... старинная приставочка «де». Это ведь что-то да значит! Дедушка говорил, что за пределами академии не дадут об этом забыть и мне самой тоже — не стоит. Хотя в народе и ходят наглые шуточки о нищих и гордых васконцах, у которых за душой ничего нет, кроме воспоминаний о былом величии и пресловутой «де» перед фамилией. Но все это злые сплетни, мой род один из тех, кто всегда поддерживал короля. Что бы ни говорили новоявленные дворяне — для меня это важно.

— Безусловно, — «промурлыккала», сладко улыбаясь, Атенаис, — для всех этот отбор — соревнование, а для вас, подружек, посиделки за вышиванием. Да, Эвон? А что будет, если твои подруги приглянутся дофину, а ты нет?

— Мадемуазели! Соблюдайте тишину! — решительно прервала нашу перепалку классная дама.

Девочки за столом, которые и до этого молчали, жадно вслушиваясь в нашу с Атенаис ссору, разом опустили глаза в тарелку. Никому не хотелось попасть под горячую руку.

Я же стусевалась. А действительно — что? Мысленно помотала головой, нет-нет, не думать. Как я могу не приглянуться? Даже «старик» сказал, что я очаровательна. Как же ответить этой выскочке, чтобы за ней не осталось последнее слово? Но классная дама...

— Мадемуазель, позвольте вас проводить.

Я вздрогнула, услышав за спиной голос младшего из менталистов. Пора? Мужчина протянул руку подруге, будто боясь, что она сейчас откажется от встречи.

— Уже?.. — слабо воскликнула Армель.

— Завтрак заканчивается, — улыбнулся краешком губ менталист.

Маркиза, беспомощно оглянувшись на меня, вложила в руку мужчины свою узкую ладонь и поднялась. Я мысленно пожелала Армель удачи.

Все девочки не сводили взгляда с Армель и менталиста. Ах, какая сейчас подруга! Аристократическая бледность, глаза блестят, легкая рассеянность во взгляде. Вот какой должна быть дворянка. Украдкой посмотрела на свое отражение в высоком медном кувшине. Разве я такая? Румянец во всю щеку, красные губы и глаза какие-то бешеные. Есть ли у

меня хоть один шанс против девочек?

На секунду мне показалось, что «ворон», покосившись на меня, словно усмехнулся. Прочитал мои мысли? Стыдно-то как. Вскинула голову, поднимая подбородок. И пусть! Я же васконка.

Проводила взглядом все еще оглядывающуюся подругу и улыбнулась ей. Все будет хорошо. Это же всего лишь прогулка. Что может грозить там бойкой Армель? Ни-че-го. Она же душа компании.

— Мадемуазель Жаклин, принц будет счастлив, если вы разделите с ним обеденную трапезу.

В очередной раз вздрогнула, вот уж точно не стоило садиться спиной к проходу. Совершенно не вижу, кто подходит к столу. Вот и сейчас не заметила пажа. Так можно и зайкой остаться.

Но почему Жаклин? Я, право слово, была уверена, что пригласят меня. Ведь Аврора и Армель были первыми. Разве это не разумно — поговорить сразу со всем нашим трио? Даже учителя опрашивали нас совместно. Улыбнулась через силу, глядя сквозь опущенные ресницы, как баронесса встала и присела в реверансе, принимая из рук пажа розу, перевязанную синей барханной лентой.

Я почувствовала приступ совершенно неуместного злорадства. Подругам достались зонтик и веер, которые при любом раскладе останутся девушкам на память, а роза? Она увянет через несколько дней, не оставив после себя доказательства благосклонности дофина.

Раздраженно скомкала край салфетки. Все так искренне радуются, можно подумать, что никто не завидует и одна я такая плохая. Хотя нет, Атенаис и Лу просто перекосило. Остается надеяться, что я выгляжу лучше. Помотала головой. Нет-нет! Не думать о плохом, я же не такая, как Луиза. Я не подлая и не противная.

Правда, совсем избавиться от ехидных мыслей не удалось, невольно в голове пронеслось: хорошо все-таки, что роза досталась не мне. Я рассчитываю получить нечто более весомое, чтобы, даже если не пройду отбор, потом показывать внукам и рассказывать о встрече с дофином. Отчего-то старенькой я себя не представляла, зато теплый плед и кресло-качалку — очень даже. И внуки. Почему-то внуки были похожи сплошь на фаворитов, только уменьшенные копии. Досадливо закусила тубу. И ведь у меня не было проблем с фантазией. Я же прекрасно создаю книжные иллюзии.

— Благодарю, месье, — тихо прошептала Жаклин, всей своей позой выражая почтение.

Паж скрылся. А девочки, памятуя о классной даме, поздравляли ее

шепотом.

Перевела взгляд в сторону учительского помоста, младший менталист помог Армель подняться по ступенькам. Месье де Грамон предложил маркизе руку и, словно невзначай поглядев в мою сторону, скривился. В замешательстве огляделась. Что бы это значило? Неужели это была оценка моим мыслям. Или отголоскам эмоций окружающих меня девочек. Или, может, Цепной Пес приветствует так всех кандидаток на встречу с дофином. Надеюсь, Аврору утром он не напугал. А то с нее станется, упадет в обморок от такого зверского выражения лица.

Кстати... а где Аврора?

Если Армель увели на встречу, то завтрак должен был уже закончиться. И куда дели подругу? На секунду я похолодела от мысли, что баронесса могла сказать что-то... что поставило бы ее на одну ступеньку с Марией-Эленой. Но вот что? Разве могла тихая и скромная Аврора чем-то разозлить дофина.

Однoгруппницы, которые также намеревались подкараулить Аврору и расспросить, что же происходило за завтраком, не менее удивленно переглядывались. Похоже, мысли по поводу отсутствия баронессы посетили не одну меня.

Задумчиво посмотрела в сторону учительского помоста. И где она? Скоро урок, но как уйти? Возможно, подруга расплакалась и ей просто необходима моя помощь. Мало ли... может, разговор не заладился. Взволнованно вертела головой, пока не встретила взглядом с Ноэлем.

Некромант, словно поняв мое замешательство, указал глазами на коридор. Что он имел в виду? Приглашает меня выйти? Или указывает, что подруга уже там? Но возможно ли? Разве могли Аврору вывести из зала незаметно? Но если я сейчас поспешу выйти, то не заподозрят ли неладное девочки? Неужели они поверят, что я брошу Аврору. А так хочется первой услышать от подруги, что же было. Должна же дружба давать какие-то преимущества? Нет-нет! Определенно! Я должна быть первой, кому баронесса расскажет, что же было за завтраком.

— Мадемуазель Эвон! Вас разыскивает мэтр Шарль, позвольте вас проводить.

Радостно улыбнулась такой продуманной лжи. Вот ведь хитер некромант. И не заподозришь неладное — учитель по этикету частенько просил прийти на дополнительные занятия девочек, которые, на его взгляд, плохо старались, и даже отправлял за студентками младшекурсников. А меня после не совсем удачного занятия с веерами вполне могли пригласить. Кошмар какой! Я веду себя как опытная интриганка,

соглашаясь на такую ложь.

— Благодарю, месье Ноэль.

Аккуратно вложила пальчики в ладонь некроманта, позволяя увлечь себя к выходу. Моргнуть не успела, как оказалась в боковом коридоре. Щекам мигом стало жарко. Почти свидание, как в романе. Правда, Ноэль... мог ли сокурсник желать моего внимания... как мужчина? Рассмеялась собственным мыслям, конечно же нет. Предположи я даже чувства со стороны некроманта, разве стал бы он помогать мне в конкурсе с дофином. Вон Квентин всячески мешает Жаннет, сразу видно, что де Арнуа влюблен. А Ноэль? Нет-нет!

Наша дружба с Ноэлем завязалась в пыльных архивах за составлением картотек. Разве можно было выбраться оттуда врагами? Хотя будь на месте юноши Атенаис, думаю, мы бы передрались там.

Заозиралась по сторонам в поисках Авроры. Неужели некромант позвал меня просто так? Да быть такого не может!

— Мадемуазель Аврору увели тайными тропами к классам библиотековедения, так что вам надо поспешить, мадемуазель Эвон, если хотите застать подругу первой.

— Тропами? — оторопело поинтересовалась, пока некромант тянул меня за руку в сторону балконов и ванных комнат. — Вы имеете в виду тайные ходы?

Ноэль остановился на мгновение и заинтересованно посмотрел на меня. Я даже смутилась. Наверное, он думал, что произведет впечатление подобными речами, я же удивилась только тому, что некромант заговорил о подобном. Разве это не большой-большой секрет?

— Не думал, мадемуазель, что вы в курсе.

— Это же элементарно, Ноэль, — покровительственно дернула плечиком, рисуясь перед собеседником. — Замок старый, принадлежал королевской семье до смуты. Естественно, здесь есть ходы. Вот, например, у туалетов в восточной галерее. Удобный ход. Широкий.

Некромант посмотрел на меня с любопытством, точно раздумывая, продолжать ли расспрашивать.

— А вы откуда знаете о тайных ходах? — поинтересовалась я у Ноэля.

Мне казалось, что только дофин в курсе, но, похоже, моя уверенность сейчас пошатнется. Ну не могут же в академии абсолютно все знать о них. Получается, пока мы в аудиториях весело делились мечтами и мыслями, нас никогда не оставляли одних. А что, если «троны» лежат мимо умывален или спален?

— У некромантов уроки построены так, что некоторые наши занятия

заканчиваются поздно... и после них у нас несколько... неподобающий вид, поэтому мы возвращаемся незаметно для остальных, чтобы не смущать юных дам и однокурсников.

На секунду мне представилась вереница студентов в темных балахонах, измазанных кровью и кладбищенской землей, медленно гуськом бредущих по узкому коридору. Даже головой помотала. Ну откуда у нас тут кладбище? Разве что монастырское, но сильно сомневаюсь, что даже академии разрешили бы запустить туда некромантов.

— Вы могли бы провести меня к классам?

— Я вас?

Кажется, Ноэля не воодушевила перспектива моего предложения.

— Возможно, Аврора в слезах, а вы... Ради нашей дружбы, Ноэль.

Второй раз я обращалась к нему так панибратски и неучтиво, но на удивление, кажется, это смягчило его сердце. Он задумчиво покачал головой, словно торгуясь с собственной совестью, и решительно кивнул.

— Хорошо, мадемуазель, я готов вас проводить в обмен... на поцелуй.

Удивленно заморгала. Что? Разве это поступок аристократа? И разве Ноэль не мой друг? Внимательно посмотрела на него, но взгляд так и не поймала, некромант упрямо смотрел на мои руки. Возможно, Ноэль хочет поцеловать мне запястье? А что, это весьма куртуазно. Персефорест в книгах, помнится, частенько целовал руки дамам, да и при дворе такое сплошь и рядом. Это же... допустимо? В конце концов, я же будущая королева, разве не могу уделить своим подданным толику внимания?

— Хорошо, — решительно кивнула, — я позволю вам поцеловать мне руку.

Едва не отшатнулась испуганно к стене, так стремительно поднял голову Ноэль. Некромант задумчиво склонил голову к плечу, словно раздумывая над моим предложением. После чего, хмыкнув, то ли толкнул мыском сапога один из камней кладки около самого пола, то ли споткнулся. Со стороны могло показаться, что это был раздраженный жест, полный гнева, будто бы Ноэль срывал злость на ни в чем не повинной стене.

Но одно мгновение — и перед нами разверзся темный проем хода, куда меня не очень вежливо подтолкнули. Я даже заметить не успела, куда именно нажимал некромант. А ведь надо было запомнить. Разве разбрасываются знаниями о тайных ходах?

Стоило только переступить порог в неизвестность, как Ноэль, сделав еще одно неуловимое движение, закрыл «невидимую» дверь.

Испуганно и излишне шумно сглотнула. Страшно-то как! В потайном

коридоре в отличие от моих фантазий совершенно не пахло сыростью или затхлостью, а из стен не торчали корни. Впрочем, за последнее нельзя поручиться, темнота стояла хоть глаз коли. Казалось, она ощущалась физически — тяжелая, давящая на грудь, опускающаяся колючим покрывалом на плечи. Жутковато. Споткнулась о камень. Как же я смогу перемещаться во тьме по такому ужасному месту?

— Не оступитесь, мадемуазель Эвон, — прошептал мне почти в самое ухо Ноэль.

Смущенно попыталась отодвинуться. Мне уже перестала казаться такой замечательной идея оказаться вдвоем с мужчиной в темном коридоре. И о чем ты только думала, Эвон. Не секрет, что все совместные занятия проходят только в присутствии классных дам или хотя бы в компании не менее двух подруг, иначе о репутации можно забыть. А тут... темный коридор, теплое дыхание над ухом и настоящий мужской запах, который, казалось, окутывал меня со всех сторон. К стыду своему, мне нравилось, как пах Ноэль — мятными пастилками и почему-то медом. Вот оно, начало грехопадения. Что бы сказал дедушка? А классная дама? И подруги.

Стоило вспомнить о подругах, как я поняла весь ужас ситуации. Бедняжка Аврора! Если ее повели тайными тропами, то вряд ли в присутствии мадемуазель Лауры. Какое испытание для нежной баронессы. Я сильная и вполне могу притвориться, что меня совсем не волнует пикантная ситуация, а баронесса?

Сделала шаг вперед, намереваясь как можно скорее добраться до кабинета библиотековедения, Аврору наверняка сейчас накроет истерика.

Туфелькой запнулась о небольшой порожек и обязательно упала бы, если бы не Ноэль. Почувствовала, как меня обхватили за талию сильные руки и прижали к себе. Был некромант очень горячий, словно в бреду. А может, так оно и было. С чего бы еще ему требовать моего поцелуя за подобную пустячную услугу? Если юноша действительно болен, разве не стоит быть более снисходительной? Какая же я плохая. Всегда подозреваю в людях худшее.

— Осторожно, мадемуазель. Дайте глазам немного привыкнуть к темноте.

Смущенно улыбнулась. Неужели это я себя накрутила? Вздохнув, Ноэль отпустил мою талию и, обойдя меня, потянул за руку, точно на буксире. Я немного отставала, так как не понимала, куда следует идти.

— Зачем вы участвуете в отборе, мадемуазель Эвон? Хотите замуж за дофина?

Я пожала плечами и спохватилась, что этого движения Ноэль не может видеть.

— Все девочки хотят замуж. Да и придется.

— Вы могли бы найти жениха в академии.

Я промолчала. Может, и могла бы. Это не возбраняется. Даже, наоборот, родители поощряют сближение с родовитыми семействами, дети которых обладают даром. Не то чтобы договорных браков совсем не было, но они не являлись единственным вариантом для девушки. Говорят, до смуты было иначе и девицу могли отдать замуж за совсем дряхлого старика, но сейчас более просвещенный век.

Могла бы, да... но вставал вопрос денег. И «Гнезда».

— Отбор — плохая идея для вас, мадемуазель Эвон, — продолжал между тем Ноэль, не оборачиваясь и ведя меня вперед.

— Почему?

— Потому что сама идея... мерзкая, отвратительная.

— словно аукцион овец, — мрачно кивнула темноте, совершенно соглашаясь с сокурсником.

Мне не нравилось, что устраивали конкурс, да еще с этим унижительным осмотром и проверками. Но как еще найти достойную девушку среди сорока претенденток? Да и меня никто не заставлял участвовать, если уж на то пошло. Хотя куда мне деваться?

— Не в этом дело... — досадливо начал некромант и замолчал.

— А в чем?

Ноэль резко остановился, и я врезалась в его спину, больно ударившись носом.

— Мы пришли, мадемуазель, — любезно уведомил меня он.

Так быстро? Неужели вот так можно пересечь почти всю академию всего за пару минут? Удивленно моргнула. Надо же!

Ноэль повернулся и блеснул глазами в темноте, словно мог это контролировать. Хотя кто знает особые отношения некромантов с тьмой? Не зря про них ходят различные слухи.

— Моя награда, мадемуазель.

Снисходительно улыбнулась. Награда конечно же. Насколько могла, царственно кивнула. По спине побежали мурашки. Мне впервые вот так целуют руку. Да и сама обстановка...

Однако Ноэль поступил совершенно не так, как я ожидала. Вместе того чтобы склониться и поцеловать кончики пальцев, как это предполагалось по этикету, некромант поднял мою руку к своему лицу и прильнул губами к ладони, там, где была ямка. Казалось, маг пил меня,

забирая губами аромат кожи.

Я ахнула и даже не догадалась вырвать руку. Это было так... неприлично. Казалось, мне даже уши заложило от испуга и стыда. Разве можно так? Оставалось благодарить Бога за темноту, которая скрывала мои горящие щеки. Сердце стучало где-то в висках, а ноги стали будто ватные. Как я решилась на подобное? А если бы... если бы Ноэль потребовал что-то большее? Моя репутация!

— Поспешите, мадемуазель, — пробормотал Ноэль, отпуская меня.

Я даже не успела заметить, куда нажал некромант, как меня подтолкнули в образовавшийся ниоткуда, зияющий белым святящимся прямоугольником проход. Скрипнула дверь позади меня. И я отчаянно пыталась проморгаться, соображая, где оказалась. После подобного поцелуя весьма сложно прийти в себя.

Я подумаю об этом потом. Или завтра. Но не сейчас. Коснулась ладонью горячих щек. Стыдно-то как! Оглянулась по сторонам.

О! Это ниша у окна рядом с кабинетом библиотековедения. А я еще все гадала, кто придумал в тупике сделать углубление, точно специально для милующихся парочек. Теперь стало понятно, что это всего лишь незаметный выход для тайного прохода. Выглянула в коридор и удовлетворенно кивнула — на лавочке сидела Аврора, обмахиваясь веером. Видимо, ей пришлось нелегко, потому что в помещении было несколько не душно.

— Аврора! — воскликнула, кидаясь к подруге.

— Что? Эвон, но откуда?

Баронесса удивленно моргнула, переводя взгляд за мою спину, не понимая, как я попала к кабинету и, главное, как прошла мимо нее.

— Как ты, милая? — быстро ушла я от ответа, хватая Аврору за руки. — Как все прошло?

Баронесса в очередной раз удивленно оглянулась в сторону коридора. Да знаю я, знаю, что тут единственный проход к учебным залам, но говорить о тайных ходах, каким путем я вышла сюда и уж тем более в какой компании, не хотелось. Предстояло хорошенько поразмыслить, прежде чем признаваться подругам в своем грехопадении. И избегать встреч с менталистами.

Подумать только, какие гадости про меня они теперь могут рассказать дофину. А что скажет месье де Грамон! Последнее меня беспокоило больше всего, «старик» дал высокую оценку моим моральным качествам, а что теперь? Я падшая женщина. Совсем как Атенаис, целующая пажей за информацию.

— Ужасно, — обессиленно ответила Аврора, отвлекаясь от подозрительных мыслей по поводу моего появления.

— Милая, — взволнованно пожалела я подругу, — их не заинтересовал разговор о море?

— Они задавали вопросы, — пожаловалась Аврора. — Странные вопросы.

Удивленно изогнула бровь, не понимая. О чем это, например?

— И говорили все разом. Я так растерялась. А еще граф Армарьяк. — Подруга раздраженно захлопнула веер. — Спросил, так ли крепок мой дар и смогу ли я посвятить себя вышиванию, если он вдруг пропадет. — Аврора возмущенно поглядела на меня, словно это я была фаворитом. — И кошель с гольшом забрал себе. Я дофину хотела! А еще...

— Аврора!

Из-за поворота показались девочки, которые, заметив баронессу, радостно взвизгнули. Вся толпа кинулась к ней за подробностями.

Я же досадливо поморщилась. И стоила ли эта пара фраз, которыми я перекинулась с подругой первой, того откровенного поцелуя?

ГЛАВА 15

Несмотря на такой волнующий момент — Аврора же была первой, с кем разговаривал его высочество, девушки в целом вели себя сдержанно, если не считать первого порыва. Я даже удивленно вытянула шею, стараясь рассмотреть, что же могло их так держать «в узде». Впрочем, как оказалось, все гораздо проще, чем думалось: в рядах одноклассниц был месье Гастон. Невольно поморщилась оттого, что Луиза шла с фаворитом под ручку, совершенно неприличным образом прильнув к плечу мужчины грудью. По-моему, это просто... возмутительно.

Впрочем, сам месье Гастон никаких возражений не высказывал. Еще бы... мужчины! Я скривила губы, вспоминая крики деда, когда он рвал очередной номер столичного альманаха из-за описанного безнравственного поведения придворных дам. С тех пор виконт, собственно, и не выписывал для меня журналов из столицы, сказав, что книги, полные разврата, не могут меня чему-либо научить или просветить. Не то чтобы я полностью поддерживала мысли деда, все-таки в академии уже довелось видеть даже поцелуи, подаренные воспитанницами мужчинам, а недавно и сама почти превратилась в падшую женщину, но сейчас... Глядя на то, как Лу прижималась к фавориту, я почти жалела, что не читала столичных журналов, чтобы суметь вернуть что-нибудь этакое.

Остальные девочки тоже недовольно поглядывали на более удачливую соперницу, но жадно слушали. Судя по обрывкам фраз, месье Гастон рассказывал о модных придворных нарядах. Даже присутствие Авроры, которая только-только от дофина, не смогло перебороть желания оказаться к фавориту поближе.

Аврора как-то испуганно и затравленно посмотрела на фаворита и, казалось, вся сжалась. Я же нахмурилась. Конечно, подруга робкая, но не настолько же. Здоровое любопытство присуще и ей. Чем ее напугал месье? И о чем еще шла речь за завтраком, что поразило Аврору до глубины души? Позы мы не меняли, баронесса сидела на скамейке, я стояла сзади, а потому слегка сжала плечо подруги. Что бы ни произошло за завтраком, Аврора должна знать, что я на ее стороне.

— Мадемуазель Аврора, мадемуазель Эвон! А вы быстро добрались, — как-то неискренне восхитился фаворит, разглядывая нас с ног до головы.

Мне показалось или месье Гастон прищурился, внимательно

осматривая меня? Дернула плечом, молясь, чтобы на юбках не осталось паутины после тайного хода, а то объяснить ее появление будет непросто.

— Когда долго живешь в одном месте, знаешь все короткие тропки, месье, — улыбнулась как можно обворожительнее, не давая Авроре сказать лишнего. Еще не хватало, чтобы она призналась, что я появилась из тупика. — А в хорошей компании, — стрельнула глазками в нахмурившуюся Лу, которой явно не нравилось, что я начала этот разговор, — говорят, не замечаешь, как замедляешь ход.

Со стороны девочек послышались смешки, а Луиза покраснела от злости.

Я же почувствовала воодушевление. Подумать только, я уже научилась пикироваться в разговоре точь-в-точь как придворные дамы в рассказах, которые публикуются в альманахах. И это притом, что я читаю их только в академии. Как там говорили фавориты на балконе? Девушки абсолютно не подходят для двора? Их съедят? Знайте наших!

— Да, вы правы, мадемуазель, — примирительно согласился месье Гастон, высвобождая руку из захвата Луизы. — Приятная компания определенно скрашивает любые тяготы пути.

Юноши, фыркнув, отошли к подоконнику. Фаворит точно не интересовал наших мальчишек. Девочки же вокруг настолько увлеклись устроенным нами представлением, что совсем забыли об Авроре, которая, казалось, только с облегчением перевела дух. Недовольной выглядела только Луиза — ее фаворит оставил позади.

Месье Гастон, от которого не укрылась наша с Авророй поза — подруга до сих пор судорожно сжимала мою руку, опустился на скамейку рядом с баронессой, задумчиво нас разглядывая. Конечно же! Если о проходе Авроры тайным ходом он явно был в курсе, то мое появление у кабинета библиотековедения, видимо, оказалось для него загадкой.

— Месье Гастон, вы обещали рассказать, какие рюши в моде. — Лу, почувствовав, что внимание фаворита от нее ускользает, попыталась вернуть лидирующие позиции.

Я недовольно посмотрела на баронессу. И ведь не успокоится же. Хотя, если смотреть глазами мужчины, диво как хороша! Бледная кожа, губы узкие, совсем как на страницах альманахов, где рот обозначен тоненьким мазком. Высокая, в конце концов. Уж точно выше меня. А значит, и шансов больше.

Я даже пожалела, что у меня нет веера. Так бы и стукнула вредную девицу по голове. Неужели так трудно уступить факел первенства? Она всегда в центре внимания, разве это честно?

— Может быть, тему разговора предложит мадемуазель Аврора?

Удивленно посмотрела на подругу. Да что такого произошло за завтраком, что фаворит с нее взгляда не сводит? Неужели он уже определился с кандидатурой? Так быстро? Не поговорив с остальными девушками? Ну где справедливость? Мысли роились в голове, не позволяя сосредоточиться на одной. Все казалось... нечестным.

Аврора ожидаемо смутилась. Мою руку, к слову, баронесса так и не отпустила, а теперь сжимала пальчики, словно ища поддержки или спрашивая совета.

— Возможно, наш бал? Вы в курсе бала претенденток?

Меня, несомненно, волновала эта тема. Ведь слухи ходили противоречивые. С одной стороны, говорили, что платья всем дебютанткам предоставят за счет короны... С другой — представить, сколько могут стоить услуги по столь срочному пошиву, когда нужно не мне одной, а портних в ближайшем городке не больше пяти, я не могла. Не жаловаться же деду. Тот до сих пор молчит, хотя я и написала ему письмо, что участвую в отборе, но ответа с одобрением или порицанием так и нет. И что делать с украшениями? Если я хочу уложиться в рамки разумной суммы за доставку, посылать курьера нужно уже сейчас.

— Эвон! Тебя никто не спрашивал, — раздраженно воскликнула Луиза.

Впрочем, судя по общему настроению притихшей толпы и шепоткам, мой вопрос интересовал многих. Не я одна была стеснена в средствах. Все-таки в нашей академии не учились родовитые мадемуазели, родители которых могли себе позволить сорить деньгами. Подобные семьи предпочитали столичный университет, а не нашу провинциальную академию.

— Мадемуазель Аврора?

Вспыхнула. Меня нагло проигнорировали! Неужели месье Гастон сражен красотой подруги? Ах, неужели один из фаворитов уже влюблен и мои шансы на приличный брак упали? Ведь я, если честно, делала ставку на него.

— Я была бы счастлива, месье, расскажи вы о том, как пройдет бал претенденток, — едва слышно пролепетала Аврора.

Я испытала странную гордость за подругу. Ах, как она говорит: на грани слуха, с опущенными ресницами, словно трепетная лань. Все по альманаху. Вот уж точно Аврора читала не бессмысленную книгу вчера ночью, а занималась делом. Неудивительно, что фаворит выбрал ее. Такая жена в будущем — всем на загляденье!

Бросив быстрый взгляд на собеседника, удивленно выгнула бровь, мне показалось, на лице месье Гастона мелькнуло раздражение. Ему не понравилось, что подруга поддержала мой выбор? Но разве это не ожидаемо? Однако я почувствовала какое-то волнение: не делаю ли я сейчас только хуже, настраивая мужчину против себя? Вряд ли он рад, что я влезаю в его разговор с Авророй. Но, с другой стороны, мы же подруги, разве я могу бросить баронессу. Дофин приехал и уехал, а дружба, она на всю жизнь. Дедушка всегда говорил, что надо дорожить друзьями больше, чем собой.

Несмотря на сумятицу в душе, я не могла отделаться от мысли — как хорошо все-таки, что тут фаворит. Ведь не будь его, вряд ли девушки ограничились бы жаркими взглядами в сторону баронессы. Бедняжку давно бы засыпали вопросами, вызвав у скромной Авроры приступ паники. Но тут находится месье Гастон, при нем особо не спросишь, о чем шла речь за завтраком. Счастливая случайность. Хотя и жаль, с другой стороны. Вдруг на прогулку после ужина пригласят меня, а я знать не знаю, о чем дофин спрашивал Аврору.

— Значит, бал, — задумчиво протянул месье Гастон, разглядывая отчего-то меня. — Полагаю, у нас есть немного времени, чтобы рассказать в общих чертах.

Все девочки, которые до этого весьма тихо слушали наш обмен любезностями, шумно выдохнули, и начался галдеж.

— А правда ли, что он уже через две недели?

— Говорят, у всех будут одинаковые платья?

— Месье Гастон, месье Гастон, а верны ли слухи, что на балу появится королевская чета и бабушка дофина?

— А я слышала, будет маскарад. Это правда?

— Месье Гастон, а пригласят только претенденток?

Мне казалось, я оглохла от гомона, что уж говорить о фаворите. Наверняка он просто в шоке от происходящего. Совсем наши девочки забыли о правилах светского общения. Я даже досадливо цокнула языком, невольно привлекая внимание месье Гастона. В его глазах «прыгали чертики». Я готова поклясться, что, несмотря на суровый вид, фавориту было весело.

— Мадемуазели! — смеясь, воскликнул месье Гастон. — Я не могу ответить на все вопросы одновременно.

Девочки разом притихли, смущенно улыбаясь. Была бы тут классная дама — нам бы досталось за подобное поведение. Потому можно было только радостно перевести дух.

— Да, действительно, бал проведут спустя две недели от начала отбора. Прибудет король с королевой вместе со свитой, туда допустят всех студенток.

Я едва слышно фыркнула. Чего уж гадать — ярмарка невест. Дедушка частенько называл так балы, которые устраивались при дворе. И хотя приглашения нам приходили регулярно, мы ни разу туда не выезжали. Виконт говорил, что мне рано выставляться на аукционе перед богатенькими хлыщами. Что он имел в виду, не знаю. Но разве мог меня кто-то принудить? Я же магичка! Дар не так уж часто встречается среди аристократии, но это не повод, чтобы навязывать брак. Ну и не прошлый же век сейчас! Просвещенное время. Даже в альманахе писали, что сейчас «золотой век Франкии».

Девочки, обступившие полукругом лавку с Авророй и фаворитом, жадно слушали, тихонько перешептываясь между собой. Каждая уже оценила перспективы замужества, даже если ты не претендентка.

— И да, вы правы, всем кандидаткам предоставят наряды: платья из легчайшего белого атласа, сшитые в соответствии со старинными традициями. Что касается остальных студенток, они свободны в выборе кроя и цвета. Любого, кроме белого.

Некоторые разочарованно вздохнули. Действительно несправедливо. Если столичные красавицы знали, что им предстоит отбор и бал, а следовательно, шили платья заранее, девушкам из академии предстоит подготовиться в кратчайшие сроки. А что дельного может получиться за оставшиеся полторы недели? Разве что переделать имеющееся.

— Одеться вам помогут фрейлины ее величества, которые придут накануне бала. Сделают вам самые модные прически и макияж, — продолжал между тем месье Гастон, совершенно не давая времени обдумать то, о чем он говорит, и вволю пофантазировать.

Фрейлины! Я ахнула. Значит, среди них будет и фаворитка дофина. Ведь нынешняя дама сердца месье Луи-Батиста из свиты королевы. Легко ли это — столкнуться с «возлюбленной» принца? Посмотреть в глаза своей главной сопернице?

Девочки возбужденно зажестикуют. Луиза была довольна, будто ей одной будут делать изысканную прическу. Нельзя же так явно показывать свое превосходство над другими. Остальным девочкам, не участвующим в отборе, наверняка неприятно.

— Что касается бала-маскарада, то вы тоже отчасти правы. Хотя не знаю, откуда у вас информация, право слово...

Я едва слышно хмыкнула, недооценивает он женское очарование и

жадных до внимания пажей. У них, похоже, можно узнать все что угодно. Особенно для Атенаис это не представляет труда, она легко раздает поцелуи налево и направо.

— Его величество и мы, свита, наденем специальные зачарованные маски, и ни одна из претенденток не будет знать, с кем танцует, — пояснил фаворит в ответ на недоуменные взгляды девушек.

С сомнением посмотрела на месье Гастона. Как минимум двоих фаворитов можно исключить — темные волосы графа де Армарьяка и месье Гая ни с кем не спутаешь, хотя, конечно, мы не знаем возможностей королевского чародея-иллюзиониста. Говорят, особые иллюзии можно даже пощупать, настолько они реальны. Не чета нашим книжным. Завистливо вздохнула. Я бы хотела и дальше совершенствоваться в мастерстве, но я девушка... а девушкам не положено обучение в университете. Обидно.

— Что за собрание? Почему столпотворение?

Услышав дребезжащий голос месье Гюра, я вздрогнула. Что сейчас начнется! В понимании учителя девушкам надлежало быть скромными и тихими, как в старых рыцарских романах, а уж никак не радостно галдеть в коридоре. Месье Гюра частенько вспоминает прошлые времена, когда обучение студентов было отдельным, особенно мужскую школу, где ему довелось преподавать. Судя по влажным блестящим глазам, когда месье говорил про розги и порки, основы библиотековедения нам преподавал явный садист. Но, увы, у месье было слишком много регалий, и как бы мы ни возмущались, он по-прежнему оставался в стенах академии. А требовательность к знаниям студентов, с точки зрения попечительского совета, не порок. Хотя иногда мне казалось, лучше порка, чем отвечать ему у доски. Месье Гюра мог так унижить несколькими фразами, что до конца вечера ходишь красная как рак.

Потому обычно перед уроками библиотековедения мы предпочитали сидеть на лавочках около кабинета. Тихо, не рискуя даже переговариваться в полный голос. Только присутствие в коридоре месье Гастона могло сыграть с нами подобную шутку, что мы напрочь забыли о негласных правилах. Как теперь отыграется на нас вредный старик, даже думать не хотелось. Вероятно, кому-то опять придется краснеть у доски, что особенно унижительно в присутствии фаворита.

— Совсем стыд потеряли! — процедил сквозь зубы месье Гюра, пробираясь к двери, около которой так опрометчиво сидели Аврора и фаворит.

Казалось, что меня обдало холодом, — не удивлюсь даже, если я

побледнела. Прямо чувствую, как кровь отлила от щек и, кажется, вообще перестала бежать по венам. Больше всего месье Гюра недолюбливал меня. И все из-за той самой бабушки со стороны матушки, которая приходилась незаконнорожденной дочкой королю. Почему за грехи предков приходилось страдать именно мне, не ведаю, но так или иначе именно меня чаще других вызывали к доске. И, несмотря на то что сегодня я действительно выучила урок, не думаю, что меня это спасет.

— Месье Гастон!

Стоило месье Гюра увидеть фаворита, как лицо его преобразилось. Я даже недоверчиво уставилась на старика. Неужели у него бывает выражение доброжелательности и искреннего восторга от встречи. И хотя неприятная внешность месье Гюра в академии давно стала притчей во языцех, сейчас я бы назвала ее почти нормальной — даже крючковатый огромный нос, способный дать фору любому васконскому, не портил впечатления.

— Наслышан, наслышан, как вы пристыдили наших девиц вчера. — Казалось, счастьем учителя нет предела. — Ни на один вопрос не ответили. Что поделать, в голове у оных просто ветер. Надеюсь, вы внесете это в отчет королю? А к нам, к нам с инспекцией? Боюсь, несмотря на все мои труды, головы этих девиц так и остались пусты, как тыквы в нашей оранжерее. Да. Несмотря на все мои труды. Вот если бы мне разрешили использовать розги, думаю, до учениц доходило бы лучше.

Девочки, которые и до этого монолога разом притихли, едва месье Гюра появился в коридоре, будто разом прекратили существовать.

— Ну что вы, месье, сейчас совсем другой век. Знания требуется прививать посредством поддержания интереса в студентах, — улыбнулся месье Гастон, поднимаясь с лавочки. — Но, думаю, мой отец согласился бы с вами.

С ужасом уставилась на фаворита. Неужели его батюшка садист? Кошмар! А если я все-таки стану его женой? Какой свекор мне достанется?

— Увы, увы, — закивал старик как болванчик, видимо, не расслышав последней фразы.

— Но, месье Гюра, вам совершенно нечего опасаться, девушки под вашим чутким руководством, без сомнения, хорошо подготовлены. Даже в столице нет учителя вашего уровня, а потому, уверен, мы не столкнемся с проблемами.

Я чуть не ахнула. Неужели месье Гастон пришел к нам с проверкой? И так мило с нами разговаривает. Хотя, на мой взгляд, информация о бале стоила любых повторений домашнего задания.

— Ну-с! Пройдемте, пройдемте, — заторопил нас месье Гюра, которому явно по душе пришлась неприкрытая лесть, загремел ключами, отпирая дверь.

Девочки послушно заходили в кабинет, рассаживаясь по привычным местам. Пятеро парней, обучающихся на нашем факультете, которые во время творившегося бедлама вокруг месье Гастона просидели на подоконнике в коридоре, облюбовали крайний левый ряд у окна и с каким-то злорадством поглядывали на нас. Ну да. Нам сегодня придется отвечать на разные заковыристые вопросы.

Месье Гюра я боялась до икоты, еле сдерживаясь от ужаса. Естественно, опасалась, что под опрос попаду снова я. Попыталась вспомнить домашнее задание, но память спасовала перед парализовавшим меня страхом. От былой, пьянящей пикировки в коридоре не осталось и следа. Зато ярко вспоминались отрывки из романа о Персефоресте. Эх, Эвон, надо было учебники читать.

Фаворит сел около окошка, с интересом рассматривая кабинет. Было видно, что месье Гастон прекрасно понимает причины, по которым большинство девушек сидит, сжавшись от страха, и ему не доставляет радости эта проверка.

Ах, а ведь если бы не присутствие месье Гюра, то наш класс можно было бы назвать самым красивым в академии. На стенах висели красочные плакаты с чертежами зданий и книжных хранилищ, всюду были макеты библиотек, начиная от городских и заканчивая частными. И большинство этих плакатов рисовала я. Именно такие отработки придумывал месье Гюра нерадивым студентам.

— Так-так... я вижу сегодня не всех. Что ж, видимо, мадемуазель Армель решила, что знает мой предмет слишком хорошо... — Он недобро улыбнулся и занес руку над журналом.

Все дружно вздрогнули. Бедняжка Армель! Если учитель заносил в графу «прогульщик» кого-то из студентов, то на экзаменах тому ничего хорошего ждать не приходилось. Ему обязательно достанутся самые ужасные и каверзные вопросы.

— Месье Гюра, прошу прощения, мадемуазель не виновата, она на прогулке с дофином, — вклинился в разговор фаворит, привлекая внимание учителя.

На мгновение мне показалось, что месье Гюра произнес: «Да хоть с самим королем!», но перо в сторону отложил. Несколько криво улыбнувшись месье Гастону, старик задумчиво пожевал губу, словно раздумывая, как же ответить фавориту, но потом передумал. Видимо, даже

у вредного преподавателя было чувство самосохранения — ссориться с дофином и свитой не стоит.

— Итак, сударыни, на прошлом занятии мы с вами проходили требования к герцогским и виконтским библиотекам. Поэтому я хотел бы проверить, насколько вы усвоили материал.

Месье Гюра, сияющий, точно новенький золотой, довольно оглядел всех, отмечая испуганные взгляды. Да уж, должно быть, фаворит отметил разительную перемену в нашем поведении — от сыплющихся со всех сторон вопросов до гробовой тишины в кабинете, где каждый боялся поднять глаза, чтобы учитель не посчитал это желанием ответить.

— Ах, я и забыл, среди нас же присутствует виконтесса, которая должна все знать.

Внутренне застонала. Насколько знаю, я — единственная виконтесса на потоке, если, конечно, за ночь его величество никому не пожаловал титула. Нет, конечно, у меня была робкая надежда на это, но настолько призрачная, что спустя несколько мгновений, когда никто так и не поднялся, пришлось признать, что моя мечта тщетна.

Встала на негнущихся ногах и робко улыбнулась. Как говорил дедушка, никакого кислого выражения лица. Я же учила, верно?

Остальные в классе притихли, никому не хотелось попасть под горячую руку месье Гюра. Вредный старик вполне мог довести кого-нибудь до слез. Держу пари, каждый вздохнул с облегчением, услышав мой титул.

Вышла к доске и послушно повернулась лицом к классу. Пока шла, мысли летели в голове одна за другой и ни одной о требованиях к помещениям. Да и кому какая разница, какого размера комната, отведенная под книги в замке. Половина дворян не бывает в южном крыле, где предписывалось устраивать библиотеки. А полет фантазии, в конце концов. Вот у папы был отведен огромный зал под книги в западном крыле, чтобы можно было читать у окна во время заката.

— Ну-с, мадемуазель...

— Помещение под библиотеку в герцогских и виконтских замках должно быть площадью не меньше сорока на шестьдесят локтей,^[3] в два уровня. Причем важно даже количество ступенек на второй этаж, их должно быть не менее двенадцати, — бодро отрапортовала, вспомнив цитату из учебника.

— Хорошо, — несколько разочарованно кивнул учитель, задумчиво постукивая пальцами по столу. — Отчего стандартизация помещений была узаконена еще Альфредом Восьмым пятьсот лет назад?

Мой взгляд заметался по классу. Наверняка ответ лежит на

поверхности. Месье Гюра любил задавать такие вопросы, а еще больше сетовать потом на «недогадливость» молодежи. Может быть, все дело в нас, девочках?

— До великой смуты волшебников было меньше, дар девушек условно опечатывали и уж точно не развивали, а иметь в каждом доме «говорящего с книгами» было достаточно накладно. Королю отправляли прошение, и замок посещал книгочей. Чтобы ему было удобно работать, не подстраиваясь под новую обстановку, и был принят закон о стандартизации. И Луи Первый этого правила не отменил, оставив в силе.

— Замечательно, мадемуазель Эвон! — воскликнул со своего места месье Гастон, заставив учителя поморщиться.

Я же заулыбалась. Действительно знала эту тему, а потому странные вопросы мне нипочем. Не сомневаюсь, что месье Гюра вызвал меня, надеясь, что мне суждено опозориться, я никогда не была особенно прилежна в изучении его предмета, но сегодня он попал впросак.

— О! Мадемуазель Эвон сегодня в ударе, — наконец приторно-сладко произнес учитель, заставляя мою улыбку погаснуть. — И наверняка много времени провела в нашей библиотеке, готовясь к занятиям...

Я нерешительно кивнула. Ведь обязательно задаст сейчас какой-нибудь провокационный вопрос. А смогу ли я на него ответить? Не зря же здесь сидит фаворит. Репутация академии и так излишне подпорчена тем, что девочки вчера не смогли ответить на уроке картографии.

— Тогда мадемуазель наверняка в курсе, соответствует ли нормам наша библиотека? Ответите, поставлю «превосходно», нет — только «ожидаемо».

— Сложный вопрос, — озвучил собственные мысли месье Гастон, с удовольствием кивнув.

Боже, я погибла! Откуда мне знать?

Думай, Эвон, думай! От этого зависит не только оценка, но и мнение фаворита о тебе.

Надеяться на поддержку месье Гюра глупо, ему совсем не хочется, чтобы я ответила правильно, скорее уж учитель мечтает, чтобы я опозорилась.

— Так как наша библиотека переделана из замковой, то по размерам она значительно уступает помещениям, предусмотренным для образовательных учреждений, — осторожно начала я, следя за лицом фаворита.

К неудовольствию старика, фаворит кивнул.

— Еще! — требовательно выкрикнул месье Гюра, опасаясь, видимо,

что фаворит засчитает мой ответ.

Я же закусила губу. А что еще-то? Все остальное вроде бы по правилам: расположение в южном крыле, два уровня и даже закрытая секция, где хранились самые жуткие книги. Внезапно меня осенило.

— В библиотеках не допускается украшений, кроме тех, что одобрены и занесены в список. Это канделябры, бра, портреты авторов книг. У нас же в библиотеке за стеллажами есть гобелен, на котором изображено одно из событий великой смуты.

— Все верно, присаживайтесь, мадемуазель, — кисло отозвался месье Гюра, нехотя ставя мне «превосходно» в журнал.

Сделала небольшой реверанс и, довольно улыбаясь, села на свое место.

— Молодец, Эвон, — прошептала Аврора, украдкой быстро пожимая мои пальчики.

— Разговоры! — зло крикнул месье Гюра, поднимая взгляд от журнала. — Записываем тему сегодняшнего занятия: планировка секций в библиотеках виконтских и герцогских замков, а также в загородных домах.

Я, открыв тетрадь, незаметно для окружающих покосилась на месье Гастона. Интересно, он оценил мою эрудицию? Фаворит смотрел в мою сторону несколько задумчиво, словно, сказав про гобелен, я открыла какую-то тайну.

Увы, обдумывать было некогда, месье Гюра начал диктовать материал:

— В родовых замках положено иметь двенадцать тематических секций...

ГЛАВА 16

— Рассказывай, Армель!

— Да-да, Армель! О чем вы разговаривали?

— Было страшно?

— Армель, ах, какие они?

— Он тебя поцеловал?

— Что ты говоришь, дурочка? Кто?

— Дофин! Ну, только подумай, Лиаль, парк, цветы... и зонтик. Зонтиком можно отгораживаться от любопытных взглядов и целоваться. Я в альманахе читала.

— Действительно! Не зря же дофин подарил Армель именно зонтик.

Вопросы сыпались на подругу со всех сторон, начиная с обеда, а ведь прошел уже час. Казалось, все разом забыли про Аврору, которую так и не удалось расспросить. Да и что могла сказать баронесса? Все знали, что Аврора стеснительна и при напоре едва ли свяжет несколько слов. Армель же совсем другая. Она может рассказать, да еще добавить собственные впечатления. Всем интересно послушать, что скажет маркиза.

— Армель, не томи!

Мне чудилось, что я начинаю гложуть. Неужели никто из классных дам не видит этого безобразия. Раздраженно оглянулась по сторонам. Ну как можно быть столь беспечными. Ведь на нас смотрит дофин. Будто неподобающее поведение у кабинета библиотековедения их ничему не научило. Мы же дворянки.

— Девочки, не кричите, — примирительно-покровительственно заметила Армель, намазывая на тост паштет. — Мы говорили о Кидане.

— О-о-о! — протянула Луиза, многозначительно поиграв бровями. — Только Армель могла выбрать такую скучную тему.

— Какая ты умная, Армель, — совершенно искренне заметила Жаннет. — Я бы ни словечка не вспомнила о Кидане. Кроме того, что там делают такие модные нынче зонтики.

От меня же не укрылось, как подруга переглянулась с Авророй. Как они могли говорить о Кидане, если маркиза никогда не интересовалась географией. Я бы скорее поверила, скажи подобное Аврора. Но... Армель? Глупость какая-то. Подозрительно посмотрела на подруг. Неужели все так и есть? Кажется, я начинаю сомневаться в том, что именно с этими девушками дружу уже больше года.

— А Аврора? О чем говорили вы?

— Тоже о Кидане, — кротко улыбнулась баронесса. — По-видимому, его величество очень заинтересован этой страной.

Ничего не понимаю. Еще урок назад подруга говорила, что встреча прошла ужасно и ей задавали странные вопросы, а сейчас... То было все плохо, а теперь так хорошо, что у Авроры улыбка до ушей. Неужели за длинный сдвоенный урок библиотековедения она изменила свое решение? Дофин и правда увлечен географией? Или... возможно, это отговорка для остальных барышень? Но когда успели Армель с Авророй договориться?

— Ах! А что ему там нравится? Архитектура?

— Может быть, поэзия? Я читала, что там совершенно непостижимые правила написания стихов. Надо было ходить на факультатив на первом курсе.

Девочки дружно закивали. Да уж, в прошлом году были дополнительные занятия по стихосложению. Там учили красиво говорить и складывать вирши. Возможно, и сейчас мы смогли бы что-то показать, но толку вздыхать о несбыточном. Я вот честно посещала все уроки, но сейчас не вспомню ни словечка. Мы с подругами ходили, чтобы не отрабатывать наказание на кухне. Ведь всем известно, что отработка за провинности допустима только с пяти до семи вечера, перед последним чаем. Именно в эти часы преподавали стихосложение. Я с подругами едва не засыпала под монотонный голос месье Серро, специально приглашенного из столицы. Первое время у него было много учениц, но, оценив скучную атмосферу, остались единицы, включая нас. Мы же часто бывали замечены в комнатах друг у друга после отбоя или даже попадались на мелких проказах, и, чтобы не отправиться на кухню, слушали месье Серро.

— О разном, — уклончиво отметила Армель, с удовольствием вгрызаясь зубами в тост. — Ах, девочки, я такая голодная, мы с дофином столько ходили.

— А фавориты? Они были с вами?

— А ручку, ручку целовали? Ну, это же так куртуазно.

— Ли, ты даже не знаешь, что значит это слово! — возмущенно воскликнула Жаннет.

— Ну и что! Зато во всех альманахах об этом твердят.

— Все же, Армель, разве можно молчать? — раздраженно и одновременно возмущенно воскликнула Луиза. — Если бы я была на свидании с дофином, давно бы уже все рассказала.

Все девочки за столом на мгновение замолкли и скептически посмотрели на подругу Атенаис. В последнее верилось мало. Хотя... разве

могла бы Лу не похвастаться?

Перевела взгляд в сторону стола, где сейчас обедали дофин и Жаклин. Что же происходит на свидании с наследником и фаворитами? Возможно, это государственная тайна и ее не стоит ни в коем случае оглашать? Вот, например, Аврору спросили, что будет, если она потеряет дар. Но как такое может быть? Полное выгорание, то, чем пугают всех волшебников, возникающее после сильнейшего магического переутомления. Говорят, что организм сам сообщает, что ты у черты, и переступить оную фактически невозможно. И как на это может ответить претендентка, если ей задают такой вопрос?

Некстати вспомнился подслушанный на балконе разговор. «Время первой крови». Может, ради блага королевства будущую королеву распинают и лишают дара? Зябка поежилась. Похоже на многочисленные страшилки, которые рассказывают девочки друг другу вечерами в комнатах. Вроде той, о месье Алье, легендарном хромом из Луаны. Говорили, у него было множество возлюбленных, у которых он отбирал магию, выпивая ее, как молоко перед сном. Слухи же на пустом месте не рождаются, ведь верно?

Странный этот отбор все-таки! Вроде бы о нем все знают, альманахи каждый год освещают это событие, а вот конкретики — ни унции! Рюши, платья, какие наряды на кандидатках, а критериев отбора нет, только с десяток общих требований, а сколько там их еще?

Наверное, я слишком увлеченно думала, потому что месье де Грамон внезапно повернулся и посмотрел, казалось, мне прямо в глаза. А я... поступила очень самонадеянно — вскинув подбородок, ответила прямым взглядом. Тут происходят странные вещи, в которых вольно-невольно замешаны все девочки, и я в том числе. Хочу ли я потерять дар? Нет, конечно! Это же конец всему. В том числе и для моих потомков. Хуже, чем смерть. Удивленно моргнула, увидев, как месье де Грамон приложил палец к губам, словно призывал меня думать осторожно.

Тут же стушевалась. Ну хотя бы не Абаста. Раз уж меня предупредили, значит, пока все не так страшно.

— Так о стихах, Армель?

— Да, немного о стихах, — покладисто согласилась подруга, отпивая тыквенного сока.

— Или о драконах?

— Каких драконах, дурочка, это же сказки!

— И о драконах немножко, — кротко улыбнулась Аврора, наблюдая за перебивающими друг друга девушками.

Против воли отвлеклась снова на происходящее за столом. Странные

разговоры, уж точно. Аврора лжет? Я определенно перестану понимать происходящее. Может быть, девушек подменили? С подозрением покосилась на подруг. Они или нет?

Однокурсницы зашептались, разом вспоминая все, что слышали о Кидане. Каждая спешила поделиться знаниями, жадно слушая других и стараясь запомнить все до мелочей.

А я задумалась, могли ли действительно говорить об этой восточной стране? Да, конечно, там много легенд и сказок, совершенно не похожая на нашу культура. Поговаривали, что жена генерала Франкии — киданка. На рисунке в альманaxe она была невысокой, темноволосой и в странном платье. Пожалуй, это и правда модная нынче тема для разговоров. А что я знаю о далекой стране? Ни-че-го. Помнится, мне всегда была более симпатична Мерика с ее дикарями и жестокими богами. Так жутко и одновременно интересно было читать про них. И дедушка постоянно ругался на безбожников-американцев, которых следовало бы хорошенько проучить, но... Вот это неозвученное «но» придавало Мерике дополнительный флер таинственности.

Встретилась глазами с Армель. Хотелось бы мне знать, что происходит. О! Баронесса сложила пальцы в причудливую фигуру и удовлетворенно кивнула, уверившись, что я обратила внимание на ее руки. Условный знак! Так, значит, дело нечисто. И Армель показывает, что нам надо поговорить. Как только вырваться? Вряд ли девочки сейчас отпустят подруг. Вон как их пытаются. Я сейчас умру от любопытства. Все-таки Армель хранит какую-то тайну.

Бросила быстрый взгляд в сторону учительских столов, не видит ли месье де Грамон. Тайком сделала под столом фигу. Знаю, неприличный жест. Очень! Но, говорят, он мешает менталистам прочесть наши мысли. Только бы меня не увидели классные дамы, а то отработка на кухне мне обеспечена. Казалось, «вороны» посмотрели в мою сторону, я поспешно сделала и вторую «фигуру». Так же надежнее, верно?

— Нет, Луиза, дофин не пытался меня поцеловать, — покачала головой Армель в ответ на неоднократные намеки подруги Атенаис. — Как ты себе это представляешь? На глазах у свиты?

— Ну кому захочется целовать Армель, — ядовито вставила Атенаис, которой явно не нравилось, что сегодня в центре внимания не одна она. — И да... Аврора провела на встрече времени значительно меньше, чем Армель. Неужели наша баронессочка наскучила дофину так быстро?

Аврора побледнела разом и замолчала. Куда только делся задорный голосок. Она уткнулась носом в тарелку и не ответила мучительнице. Да

как вообще посмела Атенаис говорить так? Почему она решила третировать именно нас? Раньше мы были для нее «невидимками». Неужели из-за отбора? Но ведь Цветочек даже не участвует.

Все девочки в нерешительности остановили обсуждение и, часто заморгав, уставились на местную «королеву». Перечить этой выскочке никто не хотел. Даже Армель, которая обычно за словом в карман не лезла, вспыхнув, уставилась на Атенаис, но молчала. Я же вспыхнула. Разве имела право Иса так говорить? И как-то странно вытянулись у всех лица, словно они мадам Тьюри увидели.

Нет! Хамство так оставлять нельзя. Дедушка всегда говорил, что, отступая, мы лишь даем злу силы и возможность встать на ноги. Почему Атенаис считает возможным оскорблять моих подруг? Набрала в грудь воздуха, но сказать что-либо не успела.

— Мадемуазель Эвон, как хорошо, что вы здесь и не успели никуда уйти...

Вздрогнула, услышав за спиной голос месье де Армарьяка. Обернулась и испуганно уставилась на фаворита. Может быть, он пришел отругать меня за поведение? Но почему лично? Да я ничего плохого еще и не сделала. Или, может, вернуть шнур? С надеждой посмотрела на запястье мага — так и есть, его до сих пор обвивал темно-синий шнурок от портьер. Неужели он отдаст прямо тут? Быстро бросила взгляд на притихших девочек. Щекам мигом стало жарко. Получается, все узнают, что произошло на тренировочном поле. Как неудобно. Атенаис обязательно найдет повод поддеть меня, особенно когда поймет, из-за чего вышла «дуэль». Взволнованно посмотрела на графа, мне казалось, что я не могу сказать ни слова — во рту пересохло, в смятении облизнула губы.

— Я был бы счастлив пригласить вас на встречу с нашей дружной компанией сразу после обеда.

Де Армарьяк протянул мне бархатный мешочек, расшитый пайетками. С трепетом приняла тяжелый... что же это? Кошелек? Неужели мне дарят деньги? Недоверчиво уставилась на подарок. Золото, оно, конечно, неплохо, пойдет на восстановление «Гнезда», но что я покажу внукам, рассказывая про отбор?

— Вы согласны?

Мне совершенно нелогично пришло в голову, что остальных претенденток не спрашивали, желают ли они на самом деле отправиться на «свидание». Клянусь, в душе запрыгали просто сотни демонов.

— А если я откажусь? — Я склонила голову к плечу, потому что солнышко, светящее сквозь витраж, немного слепило глаза.

— Я буду опечален, а моя миссия провалена, — смеясь, развел руками де Армарьяк. — Пожалейте меня, мадемуазель, ведь мне предстоит еще держать ответ перед принцем.

В наступившей тишине отчетливо было слышно возмущенное сопение Луизы.

Я же быстро поглядела на подруг. Армель показывала мне сцепленные кулачки, прижатые к груди. Да я сама в восторге от своей смелости. Так разговаривать с фаворитом. Прямо как в рекомендациях альманаха по соблазнению мужчин.

— Месье Армарьяк, если наша глупышка Эвон откажется, вы всегда можете пригласить других конкурсанток. Например, Луизу, — решительно встряла в нашу куртуазную беседу Атенаис и, дернув баронессу вверх, зашипела: — Поднимайся немедленно, Лу.

Де Армарьяк удивленно перевел взгляд на побледневшую баронессу, которая пыталась всеми силами остаться сидеть.

— Я слышал, что главное достоинство женщины — это скромность, — усмехнулся граф после секундного молчания, во время которого рассматривал Атенаис и Луизу, и снова повернулся ко мне: — Ну все-таки, мадемуазель Эвон?

Я натянуто улыбнулась — реплика Исы подействовала на меня сильнее, чем я хотела бы показать. Зачем она так перед фаворитом? «Наша глупышка Эвон». Можно подумать, что я местная юродивая.

Поддавшись внезапному порыву, не отрывая глаз от де Армарьяка, потянула завязки бархатного мешочка. Граф улыбнулся, словно подбадривая меня. Было что-то бунтарское в этом, все в зале уже смотрела на наш стол. Мужская часть академии, что бы там ни говорили мальчишки, с интересом следила за отбором, пусть и не столь навязчиво, как женская, а потому подобный «затор» у нашего стола привлек всеобщее внимание.

Я не была дурочкой и понимала, что оказалась в эпицентре события. И на этот раз выгляжу не глупой смуглой растрепой. У меня аккуратно заплетенная коса и по-настоящему бледная кожа — я же не спала полночи. И что бы я ни сделала сейчас — это запомнят. И ни Атенаис, ни Луиза не испортят моего триумфа. Даже фаворит, словно признавая за мной право на кокетство, молчал, ожидая ответа и рассматривая мое лицо.

А я не могла бороться с любопытством и, так и не сказав «да», засунула руку в мешочек. Пальцы нащупали тонкие прямоугольники. Танцевальная книжка для бала? Потянула одну из пластинок на себя, но не спешила вытаскивать наружу, наслаждаясь волнующей неизвестностью. И едва не вскрикнула от неожиданности, когда смогла рассмотреть

пластинку. Карты? Какие странные, это даже не бумага. Я с интересом посмотрела на фаворита. Мне предлагали партию в настольную игру? Любопытно!

— Так я могу услышать ваш ответ?

Все девочки, затаив дыхание, следили за мной, даже Луиза сидела, вытянув шею, и старалась рассмотреть, что же в бархатном мешочке. Нет уж! Это мой секрет и моя минута славы.

— Это может быть интересно. — Я улыбнулась фавориту, как учили на уроках этикета, одними уголками губ.

Мои пальцы слегка подрагивали, когда вложила руку в широкую ладонь графа. Неужели я сейчас пойду на свидание с дофином? А я так и не успела поговорить с Авророй и Армель. Казалось, голова закружилась от переживаний. Граф легонько дернул меня, словно опасаясь, что я сейчас возьму и передумаю, и, словно в паване,^[4] повел меня к учительским столам. Все взгляды были обращены на меня, но мне это даже нравилось, я впервые была в центре внимания по благопристойной причине. Обычно меня прилюдно только ругали.

Когда мы проходили мимо столов некромантов, скосила глаза туда, где сидел Ноэль. Раскаивается ли он в своем поведении? Понимает ли всю глубину своего морального падения? Похоже, что нет. Ноэль с мрачным выражением следил за мной с фаворитом, будто намереваясь вскочить и преградить нам путь. На мгновение я испугалась, что именно так и будет, но, слава Всевышнему, этого не произошло. Вот мы миновали маленькую лесенку к учительскому столу, поднимаясь на возвышение. Я кожей чувствовала напряженные взгляды всего зала.

Остаток пути я прошла, не отрывая глаз от пола. Во-первых, именно так и полагалось идти благородным дамам, по альманаху, а во-вторых, я банально боялась сбиться с шага. Когда смогла идти свободно, без боязни ступить не в такт паваны, и посмотрела наконец на учительский стол, то первым, что я увидела, было лицо месье де Грамона. Он задумчиво посмотрел в зал и усмехнулся. Я почти слышала что-то вроде: «Будущей королеве нужно уметь держать спину». Решительно улыбнулась Цепному Псу. Пусть его боится вся академия, но я... не имею права. Я васконка. Да я, может, будущая королева. Менталисты подозрительно заулыбались, тайком поглядывая на своего начальника. И фигу не сложить, чтобы эти вредные «вороны» не читали мыслей. Один из менталистов поперхнулся разбавленным вином, только подтверждая мою теорию о том, что непристойно копаться в чужих головах.

Но обдумать хорошенько эту ситуацию мне не дали, фаворит вел меня

вперед к столу, за которым сидел дофин. А я с каждым шагом теряла уверенность. И о чем мне говорить? Паника захлестнула меня с ног до головы. О Кидане? Да я ни словечка не знаю про эту далекую страну. Когда на уроках географии старенький учитель рассказывал нам о восточных народах, я самозабвенно читала второй том о Персефоресте, потому что в день Солнца мне не досталось книги в библиотеке. И разве могла я тогда дожидаться вечера? Все равно месье Дюкре ничегошеньки не заметил. А на втором занятии мы с Армель перебрасывались записочками, в которых спорили, у кого же соберемся после отбоя, чтобы погадать на суженых.

И что я теперь скажу дофину?

Месье де Армарьяк легонько потянул меня к себе, освобождая проход для напуганной Жаклин, которую уводил паж назад к девочкам, и я едва не вскрикнула, граф почти прижал меня к груди. Тревожно посмотрела на удаляющуюся девушку. Сколько знаю Жаклин, она постоянно улыбается. Что могло заставить ее выглядеть вот так? Некстати вспомнилась и Аврора с ее «Ах, все прошло ужасно!». Может, меня прямо сейчас лишат дара? Тревожно оглянулась.

— Идемте, мадемуазель.

Удивленно перевела взгляд и часто заморгала, дофин и его свита буквально исчезли в маленькой двери сбоку. Из общего зала ее совершенно было не видно, а потому, оказывается, мы всегда зря ждали до последнего, чтобы посмотреть, как дофин спустится с постамента после трапезы. Хотя стоит отметить, учителя тоже появлялись в отведенном для обеда месте неожиданно. Проход для слуг? И почему мне раньше в голову это не приходило.

Граф пригнулся, мой же рост позволял миновать проем беспрепятственно. Принц и фавориты ждали нас в небольшом холле сразу за дверью. Сколько ни оглядывалась, не могла понять, где мы находимся, а ведь считала, что нет уголка в академии, которого бы я не знала. Впрочем, могла догадаться хотя бы после истории с потайными ходами, что старинный замок хранит гораздо больше тайн, чем кажется на первый взгляд.

— Мадемуазель, я счастлив снова видеть вас, — улыбнулся дофин.

— И я, ваше высочество, — присела в реверансе, не зная, куда девать глаза, принц явно намекал на нашу встречу в первый день.

— Полно! Я уже был представлен вам — Луи. Помните?

Фавориты, не скрываясь, усмехались, слушая наш разговор, особенно старался де Армарьяк. Он неприлично скалился, словно конь. Смущенно улыбнулась. Но ведь это уже произошло. Смысл меня стыдить, будто я могу

изменить ситуацию.

— Хорошо... месье Луи, — улыбнулась. — Спасибо за подарок.

Прижала мешочек с картами к груди и снова присела в реверансе. Нянюшка, пока дедушка ее не выгнал, любила повторять, что стоит благодарить за дары. И еще она говорила, что девушка всегда может привлечь внимание мужчины улыбкой, взором или поведя плечиком. Теперь я это понимаю, и мне бы сейчасгодились все ее наставления.

— Я рад, что вам понравилось.

— Луи, время, — нехотя буркнул один из фаворитов, протягивая принцу черную ленту.

Голос этого мужчины я узнала, именно над ним подшучивал дофин, говоря о «теории заговора против короля». Я не нравлюсь месье Гаю? Но почему? Или все-таки я путаю фаворитов?

— Прошу простить моего друга, но он прав, время... Проведем нашу встречу в библиотеке, вы же не против?

Помотала головой, хотя, по сути, моего мнения не спрашивали.

— Мы пройдем коротким путем, известным только преподавателям, потому прошу прощения, но вам придется завязать глаза.

Я представила на секунду, что будет со мной с завязанными глазами в полной темноте тайного хода. Да и зачем? В любом случае ничего не увижу. Чтобы я не узнала, где начинается проход? Резонно. Возможно, именно этим пугали Жаклин и Аврору. Ну, я не буду пугливой дурочкой. Чинно кивнула, расправляя складки на платье.

— Как скажете, месье, я готова.

Надеюсь, они не позволят себе ничего неприличного. В любом случае даже это свидание совершенно противоречит этикету. И как только руководство академии допускает подобное: незамужняя девица, одна, в компании шестерых мужчин. Боже, что скажет дедушка! Хотя можно ли упасть ниже после поцелуя Ноэля? Если только дофин не вздумает меня поцеловать в губы, пока я ничего не вижу. Но это же... это... ведь принц так не поступит? Целовать положено только невест.

Граф де Армарьяк взял протянутую месье Гаем ленту и ловко завязал мне глаза. Я почувствовала некоторое смущение, когда пальцы мужчины коснулись моих волос. Не слишком ли я легко соглашаюсь на столь неприличные действия со стороны дофина и фаворитов?

— Не давит?

— Нет, месье, — послушно сказала, чувствуя себя неуверенно от того, что совершенно ничего не видно.

— Один из нас проведет вас, мадемуазель. Вы же не возражаете?

— Я думаю, мне это жизненно необходимо. — Я рассмеялась, скрывая смущение.

Неужели я смогла бы пройти сама? Станный вопрос. Интересно, кто поведет меня? Неужели сам дофин? Против воли почувствовала, как вспотели руки. О боже, только не это! Вот сейчас принц возьмет меня за руку, а у меня липкие ладошки. Холодные, как у жабы. Я буду опозорена. Конечно же дофин скажет: «Фу!», а верткие вездесущие пажи растрезвонят по всей академии о подобном конфузе. До скончания века прозвище «лягушка» приклеится ко мне, и все студенты академии будут кричать вслед: «Смотрите, вон пошла Эвон! Наша почти принцесса-лягушка!»

— Вы можете выбрать, мадемуазель, — услышала я вкрадчивый голос де Армарьяка. — Просто протяните руку.

В ступоре выполнила приказ графа и коснулась пальцами мужской ладони. Стоило повести рукой вбок, как я нащупала еще одну. Неужели все фавориты поставили руки рядом? И что теперь? Предлагают «пощупать» всех и выбрать? Мне почему-то стало казаться это очень... интимным и неприличным. Разве так ведут себя достойные люди? Право слово, если подобному подверглась Аврора, неудивительно, что она назвала это ужасным. Я сама готова сказать почти то же самое.

И тем не менее я послушно водила пальчиками слева направо, стараясь прислушаться к ощущениям. Что можно почувствовать? Как выбрать? И я, похоже, совсем потерялась в пространстве, потому что мне стало казаться, будто ладоней семь. Но так ведь быть не могло? Только если один из фаворитов не выставил обе руки. Наконец я наугад вложила пальцы в мужскую ладонь и улыбнулась.

— Пойдемте, месье?

Мне почудилось, что фавориты разочарованно вздохнули. Интересно отчего? Кого я выбрала? Впрочем, обдумать мне не дали, послышался легкий шорох, и вот меня уже увлекали вперед.

Было немного страшно от ощущения неизвестности. Я вспомнила, как мы шли с Ноэлем, в земляном полу повсюду торчали какие-то выступы и лежали то тут, то там камни, о которые ничего не стоило запнуться. И если выглядеть глупо, растянувшись на земле в присутствии Ноэля, было совершенно не страшно, то падать перед фаворитами было стыдно.

— Вам нравится учиться в академии, мадемуазель?

Я плохо ориентировалась на слух, к тому же отчего-то голоса казались более глухими. И если раньше я более-менее различала только дофина, месье де Армарьяка и месье Гастона, то сейчас, боюсь, мои выводы относительно говорящих персон могут быть ошибочными.

— Нет, — честно ответила я и тут же прикусила язык.

В очередной раз отключилась голова, и правда показалась самой логичной. Но... Не стоило так говорить.

— Мне нравится узнавать новое, но предметы в академии скучные, — пояснила я, раздумывая, не станет ли мне хуже после этих слов. — Вот, например, у нас всего одно занятие в неделю и только на втором курсе по книжным иллюзиям, а потом их преподают только мальчикам. Почему? Или геральдика. У нас она идет факультативно и поверхностно. Нам всего лишь немного рассказывали про цвета старинных родов. Это же так интересно!

— Программа вашей академии наиболее консервативна, — охотно согласился дофин откуда-то слева. — Тут девушек больше учат вышиванию и основным азам живописи.

Мне показалось, что принц был недоволен этим фактом.

Я же обдумывала его слова. Получается, только нашей академии? А в Парисе? Стало даже обидно. То есть со столичными девушками мы не можем состязаться не только в нарядах и манерах, но и в знаниях.

— А разве программа для всех учебных заведений не общая, утвержденная Луи Первым?

— Да, вы правы, мадемуазель, но у нас множество факультативных занятий, которые девушки посещают более чем охотно.

Завистливо вздохнула. Понятно теперь, почему дофин и его свита так реагируют на нас. Для них мы действительно провинциальные дурочки. Я бы с удовольствием посещала все факультативы.

Оступилась и едва не упала, но мой спутник помог удержаться на ногах. У мужчины были теплые руки, и, несмотря на то что он лишь поддержал меня за предплечье, мне показалось, что бы ни случилось, упасть я, в принципе, не смогу. Меня поймают и защитят.

Незряче повернула голову в сторону моего сопровождающего, словно стараясь разглядеть его в вынужденной «слепоте». Увы. Зато я чувствовала аромат его кожи. От моего «рыцаря» пахло польнью и ночью. Не вру! Именно звездную ночь я представляла, вдыхая. Бескрайнюю степь, как ее описывал отец... с гуляющим в высокой траве ветром.

— Не останавливайтесь, мадемуазель Эвон.

Итак, это точно не дофин. И не один из трех незнакомых мне фаворитов, ведь я слышала непривычный для себя голос, когда меня спросили про учебу.

— Нам еще далеко? — поинтересовалась, надеясь услышать и других, чтобы понять, кто же меня сопровождал.

Интересно все же, кто мой спутник. Так легко с ним, я даже не чувствую неудобства от того, что иду под руку с чужим мужчиной. Последний раз столь же спокойно мне было рядом с отцом и так же не хотелось отпускать руку. Это, конечно, ужасно. Но так... поразительно!

— Мы уже пришли. Порожек, мадемуазель.

Снова шорох, и меня отпустили. Я боялась пошевелиться, так как была еще дезориентирована в пространстве. Интересно, где мы. В какой части библиотеки? Рядом с входом? Едва не хихикнула, представив, как удивится месье Труа, увидев меня с дофином. Возможно, тогда библиотекарь прекратит подозревать меня во всех смертных грехах?

— Минутку.

Дверь сзади снова зашуршала. Неужели кто-то ушел? Но кто? Обдумать не успела, так как месье де Армарьяк развязал ленту и снял ее. Оглянулась и едва не ахнула. Мы около самого гобелена. С интересом еще раз окинула его взглядом. Почему месье Гастону так не понравилось, что я его упомянула? Сдается мне, место нашей встречи выбрано не случайно, но чем примечательно это полотно? Похоже, мне предстоит поломать голову над этой загадкой.

Около окна стоял круглый стол, за которым с легкостью бы уместилась вся наша компания. Пажи уже перестелили кружевную скатерть и теперь раскладывали столбики фишек. Все-таки настольная игра! Но я совершенно не знаю правил. На уроках этикета мэтр Шарль неоднократно говорил, что мы изучим парочку, однако время шло, а за новомодные игры мы так и не селились. Говорили, что церковь против таких развлечений, но реальной власти духовенство не имело, а потому не могло запретить подобного времяпрепровождения. В нашей же глуши немного больше прислушивались к словам святых отцов. Может, потому нас так и не научили.

— Присаживайтесь, мадемуазель. — Граф пододвинул мне стул.

Я с интересом разглядывала стол. Несколько стаканов, стопочки фишек и свободная серединка. Видимо, тут и предполагалось раскладывать карты.

Напротив меня сел дофин, по правую руку от него месье де Армарьяк и месье Гастон, самыми ближайшими ко мне оказались незнакомые фавориты. Судя по платку, выглядывающему из-под рукава, — один из них месье Рауль, тот самый некромант, который был на открытом уроке у Ноэля. Любопытно. И с кем я шла? Если я сейчас пощупаю их руки, это будет смотреться странно?

— Может быть, воды? — предложил месье Гай, наливая мне в бокал

воды из графина.

Я благодарно кивнула и немного отпила. В горле пересохло от волнения. Я на долгожданной встрече с дофином!

— Итак, мадемуазель, доставайте ваши карты, и я объясню правила игры.

Послушно положила мешочек на стол и выложила пластинки на скатерть. Это были тонкие костяные прямоугольники с ажурно вырезанными на них растениями и цветами. Каждая картинка была раскрашена яркими красками, и без магии тут явно не обошлось. Не знала я красок, которые бы держались на кости. Я разложила веером карты и с интересом рассматривала разные «масти» — множество карточек с различными растениями и разноцветными колбами. На основах алхимии мы проходили эти травы: болотный ус, змеевик (его толченым добавляли в разные эликсиры правды), морозник. Любопытно! На тех карточках, где были изображены колбы с жидкостью, были написаны названия зелий.

Странно, что подобную игру предложили мне, «говорящей с книгами», а не любой девочке с целительского. Хотят проверить, насколько хорошо я усвоила основы целительства и алхимии? Или, может, у дофина дар составителя зелий и он сам алхимик?

— Это будет очень популярная игра этой зимой, мадемуазель. Ее привезли из Кидана и перевели совсем недавно.

И снова Кидан. На всякий случай кивнула. Мне намекнули, чтобы я не паниковала и не смущалась, игра новая, и потому я могу не знать правил.

— Видите, у каждой карточки есть два значения: ингредиент и зелье. Только от вас зависит, как вы используете его. В самом начале игры на руки вы получаете карты, которые будут использованы как зелья. Вот эти, — дофин указал на уже разложенные пластинки с названиями растений, — в «шкафу», ингредиенты. Если в «шкафу» есть нужные карты, вы можете собрать одно из зелий, воспользовавшись карточками в руках. Например, морозник и ключевая вода собираются в зелье красоты, как и нарисовано на карточке.

Дофин подтянул к себе две пластинки и накрест сложил их на «рецепт».

— Это собранный рецепт, его я кладу к себе поближе, видите? И получаю две фишки. Выигрывает тот, кто наберет больше всего фишек. Понятно?

Я кивнула. Действительно все ясно. Правила пока казались простыми. Интересно, для чего эта игра? Разве встречи не дают дофину возможность познакомиться с нами и нашим даром? Возможно, мне предстоит оживить

рисунки. Краски ведь явно магические. Накрыла ладонью одну из пластинок и послала тоненькую искорку магии, «ключевая вода» тихо зажурчала, а изображение в колбе заблестело яркими бликами.

Улыбнулась дофину и молчащим до сих пор фаворитам. Это же то, что от меня хотели? Разве нет?

— Мило, — кисло отозвался месье Гай.

Я даже стушевалась. Получается, я сделала что-то не так. Ожидали от меня не этого, но чего?

— А эта игра в Кидане популярна?

Чем не шутят бесы, может, действительно принца интересуют только разговоры об этой далекой стране.

— Вам понятно все в зельях и ингредиентах? — словно не заметил моего вопроса дофин, пока месье Гастон раскладывал карточки перед всеми фаворитами.

— Да, месье, мне всегда легко давалась алхимия, — призналась, внимательно разглядывая, что досталось мне. Какой-то скудный набор. Разве с ним выиграешь? — Я иногда даже жалела, что девушкам нельзя поступать на другие факультеты, кроме целительского и книжного. Но говорить с текстом мне все равно проще.

— Это потому, что оттенков магии много, — улыбнулся дофин. — И иногда у некоторых людей, если сравнивать с красками, кроме основного дара, просыпается легкий оттенок второго. Бывает и так, что второстепенный талант ярче первого. Вас же не удивляет, что некоторые юноши поступают на другие факультеты, хотя их явный дар — «говорящие с книгами»?

Я кивнула. Меня всегда смущало, как люди, считающие наш факультет непрестижным, записывали своих чад на некромантский или алхимический. Как можно учиться, не имея Дара? А получается, что они учились благодаря своему другому таланту. Раньше, будучи малышкой, я не задумывалась, а потом это превратилось в данность, и я уже не ломала голову над этой загадкой.

И если бы не глупый запрет, и будь у меня деньги, я вполне могла бы учиться на алхимическом? Прелестно. Всю жизнь мечтала узнать, что лишилась чего-то важного. А иначе и не скажешь.

Фавориты молчали. Вопреки словам Авроры месье де Армарьяк не задавал никаких странных вопросов. Может быть, подруге почудилось.

— Вам нравится ваш дар, мадемуазель? — поинтересовался дофин и тут же без перехода кивнул окружающим: — Начинаем игру.

— Раньше я всегда сетовала на него. Казалось, что мне могло

достаться что-то поинтереснее, — откровенно призналась я и тут же на секунду замолкла, не ожидая от себя подобных слов. — Но сейчас я в восторге от того, что можно создавать с помощью иллюзий.

Запнулась. Я не собиралась этого говорить. Ведь аристократке пристало восторженно пропищать что-то в стиле: «Конечно же! Как можно не восхищаться таким даром?» Нас же оценивали на «ровность света магии», а без принятия дара всей душой невозможно показать хороший результат. Но почему тогда? Какой-то артефакт истины? Я оглянулась. Уметь бы еще определять.

Похоже, я сказала пусть и правдивую, но величайшую глупость в своей жизни. Надо что-то срочно придумать, чтобы показать свой уровень силы, что дар полностью подчинен мне, без белых пятен. Но что? На глаза снова попался рисунок на гобелене. Поддавшись внутреннему порыву и обозначая тем самым то, что хорошо владею даром, я начала по памяти читать легенду.

— И брат пошел на брата, баронство на баронство, междоусобная война началась, воспользовался этим король Леопольд из Испании, послал он войска к границам Франкии, намереваясь покорить нашу страну...

Казалось, гобелен ожил. Воздух библиотеки наполнился криками женщин и детей, тяжелыми стонами раненых солдат и перезвоном мечей. Все пространство перед гобеленом словно подернулось легкой дымкой. С дуновением ветерка это изображение разрушилось, и появилось новое: пограничный форт и кричащий мальчишка-дозорный. Из-за излома реки, служащей границей со Испанией, поднималось войско. Могучая лавина людей. Мне чудилось, что я слышала ржание лошадей и голоса людей. Но разве можно воссоздать человеческую речь? Это же иллюзии высшего порядка. У меня определенно нет таких сил.

— Даже мурашки по коже, мадемуазель, — воскликнул де Армарьяк, но, клянусь, он прервал меня нарочно. Почему? — Вы хорошо знаете историю.

Я удивленно моргнула, и мое видение рассыпалось, словно песочный замок. Иллюзионисту нельзя отвлекаться от своего творения.

— Граница совсем близко от академии, — пояснила я. — Всего в нескольких часах езды. Сложно не знать, что происходило. Некоторые оборонные рвы до сих пор существуют. Когда я еду на северо-запад домой к дедушке, мы их проезжаем.

— Продолжаем? Я собираю «зелье истины». — Месье Гастон проворно притянул к себе карточки с ингредиентами, словно проигнорировав мои последние слова.

Мне показалось, это была какая-то подсказка, слишком уж выразительно на меня глянул фаворит. Но разве могли быть тут, за этим столом, интриги? Для чего? Я бы и так все рассказала дофину. Внимательно посмотрела на свой бокал, единственный с рисунком по горлышку.

ГЛАВА 17

— А у вас два дара, ваше высочество? — спросила дофина для поддержания разговора. Сейчас был ход месье Рауля, который раздумывал над картами, не спеша забирать ингредиенты из «шкафа».

Фавориты странно переглянулись между собой, словно я задала какой-то запрещенный вопрос. Может быть, у месье Луи какой-то очень секретный дар? Правда, фантазия пасовала перед вариантами. А вдруг он заставляет вскипать море?

— Увы, мадемуазель, всего один, зато редкий. Я целитель.

Удивленно и самым неприличнейшим образом уставилась на дофина. Не то чтобы лекарей-мужчин не было, но выучивались единицы. Ситуация с ними была примерно такой же, как с книгочеями: все старались уйти на другой факультет. Собственно, целительницы — единственные среди женщин, чья работа поощрялась, и некоторых, наиболее талантливых, даже заставляли работать особым королевским указом.

Получается... у девочек с целительского много общего с дофином. Я проиграла заочно? Лучше бы его высочество был «говорящим с книгами».

Все юноши снова разом посмотрели на меня, будто ожидая реакции. Но какой? Улыбнулась. Меня не покидает чувство, что все разговоры с кандидатками — часть большой проверки. А значит, исходить надо из этого, не так ли?

— Редкий дар, ваше высочество.

Судя по недовольным переглядываниям, ожидали чего-то иного. Удивленных охов? Так я удивлена.

— Мадемуазель Эвон, правда ли, что ваша матушка из рода де Понмасье Наваррских?

— Правда, — спокойно ответила я.

Это ведь не секрет. Да и в папке с моим именем наверняка есть. Помню, что даже приглашенный академией трубадур говорил, будто бы историей любви моих родителей восторгался весь двор. Как и гибели. Но для меня они не герои баллад, а мама и папа, которых я почти не помнила. Зачем об этом интересоваться дофину?

— Вашу матушку лишили наследства, насколько я помню.

Щекам мигом стало жарко.

— И это верно, — кивнула, стараясь сохранить невозмутимое лицо.

Честно говоря, никаких негативных эмоций, кроме досады, что имя

моей матушки до сих пор обсуждают на всех углах, не было. Я этих де Понмасье и не видела-то никогда. И они никогда не интересовались нашей с братом жизнью.

Месье Рауль наконец сделал свой ход, забрав из «шкафа» нужный мне ингредиент. А я так рассчитывала на лист лопуха и пятичковое зелье, которое помогло бы мне вырваться вперед. Поморщилась. Вот это обидно.

— И вас это не возмущает? Ведь земли были дарованы короной.

— Это просто участок земли, которым откупились от фаворитки, — ляпнула я первое, что пришло в голову.

Дед воспитал меня в строгости, потому я не могла представить, что моя прабабка могла лечь с королем на ложе, зная, что у того жена и ребенок. А потом еще понести и хвалиться крошечной королевской короной с бубенцами, знаком королевского бастарда на гербе. О какой чести здесь можно говорить?

— Вы против фавориток? — усмехнулся граф де Армарьяк, откидываясь на спинку стула и разглядывая меня, словно я посмела сказать что-то смешное.

Хотя... весь этот разговор определенно постыден. Узнай классные дамы, что я так открыто обсуждаю статус любовниц дофина, мне бы попало. Это не просто наряд на кухне, это еще как минимум неделя отработки в розарии и библиотеке. И линейкой по рукам! Но... это так... волнующе.

— Зелье скорости, — победно улыбнулась, утягивая из-под носа дофина собранный им рецепт, отложенный на «полку». За него давалось вдвое больше баллов, но, увы, принцу достались очки за то, что я использовала его рецепт. — Ваш ход, месье Гастон.

Я медлила отвечать на вопрос о фаворитках. Он глупый. Ну какой женщине понравится делить любимого мужчину. Но разве могу так сказать? Да, дофина я пока не люблю, но, конечно, воспылаю к нему любовью, едва выйду замуж. Как же иначе? Ведь в церковной книге сказано: «Возлюби мужа своего».

Но сейчас, по совету из альманаха, стоит проявить широту взглядов, принятых при дворе. Там любовники и любовницы никому не в новинку, и бедняжек даже не закидывают тухлыми овощами.

— Естественно, — услышала как будто со стороны свой возмущенный голос. — Как можно опуститься до подобного бесчестья?

И едва не ахнула. Это я сказала? В панике посмотрела на дофина и свиту. Неужели все-таки зелье истины? Облизнула губы. Так моя встреча превратится в полный провал.

В кои-то веки я решила быть хитрее ради будущего «Гнезда», а дофин подложил мне свинью. Ведь я уже приготовилась сказать что-то вроде: «Увольте, какие предрассудки в наш просвещенный век!» Принц бы восхитился широтой моих взглядов и тут же сделал бы предложение, а я бы приняла. И уже потом воспитала бы его высочество в нужном ключе. В альманах пишут, что правильно «настроенный» мужчина не станет смотреть налево. Да и нянюшка так же говорила. В детстве из-за возраста я не понимала фразы, но теперь, по прошествии стольких лет и почти на пороге свадьбы, я начинаю осознавать, сколько бы полезного могла мне рассказать нянюшка, не выгони ее дед.

Итак, дело даже не в моей легендарной прямолинейности. Вот уж дурочкой я никогда не была. Значит, зелье. Не удивлюсь, если это очередное завуалированное испытание. Вспомнить бы, как обойти малые дозы выпитого, я ведь сделала пару глотков.

— Отчего же? — уже откровенно смеялся граф.

— Это кошмарно — обманывать двух влюбленных женщин, — возмутилась против воли. Стоило мыслям только оформиться в голове, как я сразу произносила ту самую, настоящую истину, что мы прячем в душе. Не думать теперь, что ли?

— Влюбленных? — задумчиво поинтересовался дофин.

— Конечно! — убежденно кивнула. — Разве можно не любить своего мужа?

Фавориты переглянулись с улыбкой. Мне показалось, они потешались надо мной. Неужели их что-то не устроило в ответе?

— А если, предположим, муж совершил что-то ужасное и любовь ушла.

— Что?

— Что-то ужасное, — повторил Луи и сделал непонятный жест руками, будто очерчивал в воздухе петли. — Вы бы смогли простить?

— Предал свою страну? — удивленно спросила, не понимая, что же такого кошмарного еще можно совершить.

Ведь если муж меня будет любить, он не станет целоваться с другой. Или... даже больше. Ведь есть же что-то больше. Дети точно не рождаются от поцелуев, как намекал дедушка. Вон и Атенаис целуется с мальчиками, но детей у нее, несмотря на наши с Армель ожидания, так и нет.

А прочие, даже совсем ужасные вещи можно же простить. Например, если дофин забудет, когда мой день рождения. Есть ведь государственные дела. С рождением наследника корона переходит принцу, и он начинает править. Не все же монарху быть около моей юбки. Это логично и понятно.

Дедушка всегда говорил, что не может бросить управление имением, чтобы поиграть со мной в куклы, а Франкия гораздо больше нашего «Гнезда». Естественно, что времени на меня у дофина будет мало.

А вот предать свою страну — тяжкий грех. Виконт всегда говорил, что нельзя щадить тех, кто стал врагом своей родине. Я представила на секунду, что мой будущий муж вот такой мерзкий предатель, и содрогнулась. Нет-нет! Быть такого не может. Я бы сама умерла, только бы скрыть позор.

Дофин же в ответ на мое предположение лишь рассмеялся.

— О нет! Предать Франкию невозможно. Вся моя жизнь во благо страны.

Мне показалось, что последнее он сказал с некоторой горечью. Но как такое может быть? Разве принц несчастлив, что Франкия процветает благодаря усилиям королевской семьи? Ничего не понимаю.

— Вы совсем не пьете, вам не понравилась вода? Возможно, сок?

То есть мне предлагали выпить еще зелья. Им кажется, я недостаточно честно отвечаю. Посмотрела на месье Гастона и задумалась. Почему-то мне кажется, это очередная подсказка. Зачем вообще эта проверка? Ну, кроме того, что я сейчас скажу лишнего и на меня точно не захотят даже смотреть.

Я и так говорю всегда правду. Без всяких зелий. Ну почти. Во всяком случае, не лгу, лишь недоговариваю, если не спросить прямо. Но это же не ложь, верно?

Предположим, дело не в воде, всем наливают из общих графинов и воду, и сок, а фаворит с дофином что-то не отличаются простыми и честными ответами. Тогда где отгадка? В стакане?

Посмотрела с надеждой на месье Гастона. Взятся же он мне помогать, может быть, подскажет. Хоть намекнет.

— Так все же... мадемуазель, если ваш муж совершит что-то ужасное, вы будете продолжать любить его? — настаивал де Армарьяк, буквально спасая меня, ведь теперь не нужно отвечать на вопрос месье Гастона, почему я не пью.

— Например, если из-за него вы потеряете дар разговаривать с книгами.

Я удивленно уставилась на месье Гая, слишком уж резко и раздраженно он это сказал. Но как можно утратить дар? Даже выгорание... в теории обратимо. И Авроре они задавали этот вопрос. Неужели это грозит будущей королеве?

— А есть реальная опасность? — спросила осторожно, наблюдая за

лицами собеседников.

— Для женщины всегда существует опасность потерять дар родами, — уклончиво ответил дофин, задумчиво поглаживая край костяной карточки. — Вам должны были рассказать.

— Так это только у мадемуазелей со слабым даром и чаще всего из-за опечатанных родов, — убежденно ответила, мысленно вспоминая заклинания из алхимического курса.

— Ну, все-таки предположим.

— Как можно винить мужа в случайности? — Я удивленно вскинула брови. — Только себя. Значит, дар был не до конца раскрыт, если ушел.

Граф де Армарьяк поморщился, словно я говорила не так, как они планировали. Или просто я плохо понимаю, что от меня хотят. Возможно, от меня ждали слез. Или негодования.

Молчание затянулось, мужчины только переглядывались да изредка сообщали об очередном собранном зелье. Я тоже опасалась говорить, боясь в очередной раз сказать что-то не то. Лично меня тишина не тяготила, дедушка не любил, когда мы с братом шумели, и потому я скоро привыкла играть молча. Но в альманaxe не советовали допускать долгие паузы в разговоре, иначе «у собеседника может создаться впечатление, что вы нелюдимая особа». Но это совершенно не так. Когда мы собираемся с Армель и Авророй, мы болтаем без устали о книгах, о воспитательницах, вышивке, Атенаис, да о чем угодно.

— А как будет проходить завтрашний конкурс талантов? — поинтересовалась между делом, выкладывая карточки использованного мной зелья в «шкаф».

Лица фаворитов вытянулись. А я испуганно закусил губу. Неужели я что-то вновь сказала не так? Или мужчины думали, что это секрет, но они никак не старались скрыть эту информацию, если о ней знали даже пажи.

— Откуда вы, мадемуазель... — начал было дофин и смолк.

— Предполагалось, что это станет неожиданностью для конкурсанток, — рассмеялся де Армарьяк.

Смутилась. Для нас с подругами и стало бы. Мы были бы единственными глупышками, которые не подготовились. Остальные же девочки, я уверена, придумали, как удивить дофина. Хотя чем тут удивишь? В книжной магии более-менее красочные лишь иллюзии, у целителей — возможность повелевать жизнью. Вон Лу часами могла заставлять деревья распускаться. Жестокосердная! Ведь это сокращало срок их существования.

— Ах, месье, это же легко! Здесь все про всех знают.

— И много конкурсанток в курсе? — недобро прищурился дофин.

— И сколько это стоило и кому? — поддержал друга граф де Армарьяк.

— Кто-то откупился полновесным кошельком, — пробормотала, вспоминая слова месье Ноэля. — А кто-то получил и поцелуй.

Сказала и сжалась под взглядом мужчин. Ничего не могла с собой поделаться, я не в состоянии молчать или обманывать. И зачем только задала этот вопрос. Я пропала!

Мужчины переглянулись. И месье Гай мерзко усмехнулся, будто задумал что-то плохое. Однако на меня это произвело совершенно обратный эффект, я распрямила плечи и встретила взгляд фаворитов прямо. Я же васконка и должна отвечать за свои слова и поступки.

Да, мы схитрили, но не будут же нас за это пытаться. Это же такой... совершенно логичный поступок. Сами фавориты поступают так же, узнавая все про каждую из кандидаток.

— Разве это не показывает качества, так нужные при дворе? — несколько угрюмо поинтересовалась у дофина.

— Например? — удивился принц.

— Хитрость, напористость, умение добывать информацию, просчитывать варианты, — старательно перечисляла, загибая пальцы.

Как раз насчет отсутствия этих черт характера сетовали сами же тогда на балконе, когда мне удалось подслушать разговор. А теперь совершенно нелогично возмущаются тому, что мы узнали тайну конкурса.

— Да, пожалуй, при дворе хитрость не повредит, — нехотя согласился месье Рауль, переглядываясь с остальными фаворитами.

— Мадемуазель Эвон, а какие качества, по-вашему, нужны королеве?

— Королеве? — переспросила у де Армарьяка. Станный он. Как граф может не знать, какую девушку они ищут.

— Именно!

— Ее величество должна быть доброй, такой, чтобы быть матерью всей Франкии, умной, терпеливой, верной душой и сердцем стране, — горячо сказала я. Именно такой, как говорилось в старинных сказках, я представляла себе будущую королеву. Потом подумала и добавила: — И красивой.

— Почему же тогда в вашем втором описании нет ни слова о хитрости и напористости? — усмехнулся де Армарьяк.

Растерянно замолчала. Действительно, почему? Может, потому, что первое — общепринятое мнение, а второе — мои собственные мысли. Пожала плечами, не зная, что ответить.

— Так все же, как пройдет конкурс талантов?

— Почему мы должны отвечать вам, мадемуазель, о том, что должно остаться секретом для всех?

— Вероятно, потому, что у меня хватило храбрости спросить, — улыбнулась как можно обворожительнее дофину.

Мужчины же, переглянувшись, дружно засмеялись.

— Это весомый аргумент, — согласился граф.

Я переводила взгляд с одного мужчины на другого и не могла отделаться от мысли, что они смеются надо мной. Но почему? Разве я сказала что-то смешное? Всего лишь спросила. И сколько в голове этих вопросов! И про «время первой крови», и про потерю дара, и главное, отчего девочки, прошедшие собеседование, все выглядели расстроенными. Все эти страхи как-то слабо стыковались с тем, что нынешняя королева — сестра месье де Грамона. Разве позволил бы «старик» причинить вред своей сестре? Мне кажется, Цепной Пес будет до последнего стоять за семью, в бараний рог скрутил бы короля, окажись все это эпизодом страшной сказки. По крайней мере, именно так представляется, стоит лишь взглянуть на старшего менталиста. Значит, определенно не происходит ничего кошмарного. Все это девичьи глупости и предубеждение. Ведь верно?

Позади меня раздался какой-то странный звук, и я обернулась. Неужели кто-то из учеников? Или для такого дела библиотеку закрыли? Может быть, месье Труа ходит между стеллажей и теперь наткнулся на нашу компанию? Не то чтобы я боялась библиотекаря, но когда месье увидит нас в «храме книг» с водой и печеньем... Старика точно удар хватит.

— Вас что-то беспокоит, мадемуазель?

— О нет! — улыбнулась, снова сосредоточившись на столе.

Мой бокал снова полон, но на этот раз соком. Все надеются, что я буду пить? Неужели я мало правды сказала? На всякий случай, опустив руку под стол, сложила фигу, может, кто-то из фаворитов ментальный маг и сейчас нагло читает мои мысли. Хотя зачем в таком случае поить меня зельем?

— Вы волнуетесь... — протянул молчавший до сих пор фаворит, имени которого, единственного, я пока не знала, по-своему истолковав мое поведение, и покровительственно улыбнулся.

На всякий случай кивнула. На самом деле вся эта ситуация приводила меня в восторг, вот они — дворцовые интриги и тайны! Кровь бурлила от предвкушения — я в самом центре непонятого заговора. Эта была чистая эйфория от ситуации, веду себя как искусенная дама королевского двора.

Легко устраиваю пикировки с дофином и фаворитами, делаю разные выводы и подкрадываюсь к тайне. Какой, я пока, правда, не знаю.

Перед глазами уже маячила статья в альманахе, что-то вроде: «Уроки интриг от Эвон де Гостьес». И мемуары, как я стала королевой. Каждая повлиявшая на ход истории мадам должна написать историю своего жизненного пути.

За спиной снова раздался непонятный звук, похожий на смешок. Обернулась. Неужели за нами кто-то следит? Но...

— Так вы интересуетесь конкурсом талантов, мадемуазель Эвон? — подал первым голос граф де Армарьяк после продолжительного переглядывания с остальной компанией.

— Безусловно. — Важно кивнула, переключая внимание на графа.

— Но вы же понимаете, что это будет не совсем честно по отношению к остальным конкурсанткам, — продолжал де Армарьяк, поглаживая край оплетки шнура на запястье.

Я же замаялась. Не думала в таком ключе. Разве могу я поступить бесчестно? Нет-нет! На мгновение слова де Армарьяка поколебали мою уверенность. Чтобы васконка бросила тень на честь? Даже помотала головой, отгоняя непрошенные мысли.

— Не понимаете? — по-своему истолковал мой жест граф.

Губы буквально жгло, хотелось рассказать все-все, что только творится на душе, и я только прикусила язык. Понятно же, что действует зелье. Не то чтобы мне было что скрывать, но это как-то унижительно... говорить правду не потому, что ты действительно честен, а оттого, что ты под управлением магии.

Замахала руками, чтобы хоть как-то сгладить впечатление, и неуклюже опрокинула свой стакан. Прокатившись полукругом, он упал со стола и, жалобно дзинькнув, разбился, наверное, на тысячу осколков. Мужчины переглянулись, а я чуть не расплакалась. Теперь они будут считать меня неуклюжей девицей.

— Простите, я не специально, — виновато призналась, глядя на вытянувшиеся лица фаворитов.

— Не специально? — подозрительно переспросил месье Гай.

Не знаю, что такого произошло, но взгляды всех мужчин разом изменились, словно я совершила что-то плохое. Они так из-за стакана расстроились? Или что на ковер пролился желтоватый тыквенный сок? Виновато вздохнула и протянула руку по направлению к полу. Мне плохо удавалась бытовая магия и левитация легких предметов, но был у меня один талант, которым я втайне гордилась. Алхимия мне давалась легко, а

уж управляться с жидкостью я мастерски научилась еще на первом курсе, на занятиях зелья будто ластились к рукам, перетекая в воздухе от ладони к ладони.

Вот и сейчас капельки влаги одна за другой поднимались в воздух, будто кто-то выжимал поверхность ковра. Остатки сока собирались в один большой шарик, мерно покачивавшийся в воздухе. Солнечные лучи бликовали на его блестящем боку и, казалось, жили своей жизнью.

— Потрясающе, — выдохнул месье Гастон, ободряюще мне улыбаясь.

— Но стакан... — многозначительно произнес месье Гай, не прекращая хмуриться.

И хотя мне жутко хотелось то ли похвастаться, то ли похулиганить, разбив сок на сотни крошечных водяных капель и заново собрав, я отправила шарик за окошко, надеясь, что тыквенный дождь не обрушится ни на кого из студентов или учителей, и задумчиво посмотрела на пол. С осколками было сложнее. Стекло обычно не подчинялось мне, и опозориться не хотелось. На помощь мне пришел месье де Армарьяк, взмахнув рукой. Бытовая магия давалась графу не в пример лучше моего, потому как на ковре не осталось ни единого упоминания о недоразумении.

— Мы поставим мадемуазель Эвон другой, — кивнул граф другу.

— Такой же стакан? — возмущенно воскликнул месье Гай, заставив остальных мужчин поморщиться.

Похоже, фаворит совсем мне не доверяет и готов воспринимать мое общество, только пока я под зельем правды. Это может стать серьезной проблемой. В альманахах писали, что путь к сердцу мужчины лежит через его друзей. То есть стоит не понравиться месье Гаю, как он рано или поздно убедит дофина, что я плохая партия для будущего короля. Мужчины же глупы. И рассуждают как единый организм, а что кто-то может ошибаться (как я сейчас), им, конечно, в голову не приходит. И вот, видя, как возмущен месье Гай, я поняла всю правдивость слов журнала. И если я что-то срочно не предприму, то плакал мой статус королевы.

— Можете добавить эликсир прямо в напиток, я не возражаю, — дружелюбно улыбнулась, сверкая зубами, как учили в альманахе.

В статье говорилось, что так обязательно появятся ямочки на щеках, и, хотя я за все время тренировок перед зеркалом ни разу не увидела вожделенных ямочек — украшение каждой женщины, я старательно растягивала губы в улыбке.

Реакция мужчин была неожиданной, дофин и граф де Армарьяк громко расхохотались, совершенно не заботясь о приличиях. А месье Гай покраснел, словно я сказала что-то обидное. Остальные фавориты явно

растерялись.

— Что? — едва не заикаясь от смеха, спросил де Армарьяк. — Эликсир?

— Эликсир правды, — согласно кивнула.

— Почему вы решили, что мы что-то добавили вам в питье, мадемуазель? — подался вперед месье Гай.

— Вы мне его не подливали, — терпеливо пояснила, — но в краску рисунка на бокале добавлено специальное зелье, чтобы любой отпивший отвечал только правду. Я знаю только единственный аналог — эликсир правды. Конечно, я понимаю, что бокал из-за орнамента был уникальным. Возможно, его даже использовали на допросах в Абасте, но... я не специально.

— Мадемуазель Эвон, вы просто чудо! — еще громче расхохотался дофин. Смеялся он точь-в-точь, как месье де Грамон, запрокидывая голову и обнажая шею. Столь же неприлично и... завораживающе. Вообще казалось, что именно после моего признания его высочество стал вести себя более свободно. Можно подумать, что полчаса назад это был не дофин, а какой-то другой Луи. Более «холодный», более закрытый.

Я же растерялась. Такие слова от принца. Я — чудо? Это значит, что победа уже у меня в кармане? Воображение мигом нарисовало изящную корону на моей голове и крупные заголовки в столичных газетах и альманахах. А еще как я еду во главе свадебной процессии на белой лошади, и множество придворных дам осыпают нас с дофином зерном и рябиной. И конечно же Атенаис в первых рядах. Я ее лично приглашу, чтобы она могла полюбоваться на меня в подвенечном платье. И дам ей в руки самую большую корзину, чтобы Иса долго-долго шла за нами, разбрасывая все новые и новые порции пшеницы.

— Но можем ли мы доверять вам, мадемуазель? — зло бросил месье Гай, который, по-видимому, не разделял веселья друзей.

Видение мигом рассеялось. Непонимающе захлопала ресницами. Почему? Я же, наоборот, согласилась на зелье.

— Алхимики легко могут обойти эффект эликсира, — обвиняющее бросил фаворит.

Остальные уже с некоторым раздражением смотрели на друга. Я и сама готова была возмутиться, но, боюсь, образ ругающейся дамы вряд ли покорит сердце дофина. Юным мадемуазелям надлежит быть кроткими и смиренными.

— Но зачем мне врать? — удивленно всплеснула руками.

Мне показалось или месье Рауль подавил смешок?

— Иногда такое случается, мадемуазель Эвон, когда кандидатки хотят казаться перед дофином лучше, чем они есть, — пояснил мне некромант после минутного молчания, видя, что остальные просто не в состоянии говорить, их плечи мелко тряслись от смеха.

Неужели это я так позабавила? Плохо! Альманахи всегда указывали на то, что нельзя быть посмешищем в глазах мужчины. А потом до меня дошел смысл ситуации — они потешаются надо мной! Я не циркачка! Вскинула подбородок и расправила плечи, прекратив выдавливать ямочки на щеках. Я благородная дворянка. Наверное, что-то изменилось в моем взгляде, потому что даже месье Гай как-то стушевался.

— Я не лгала! — возмущенно выдавала. — И, возможно, мне бы хотелось казаться лучше, но вокруг вас целый отряд менталистов. Разве можно рядом с ними притворяться?

Я все выпалила на одном дыхании и насупилась. Виданное ли дело так издеваться над девушками? И лишь спустя минуту, глядя на все еще весьма веселые лица фаворитов, я поняла, что и кому говорила. Едва не застонала в голос. Все. Мои испытания закончены. Я могу прямо сейчас идти и вычеркивать свое имя из списка претенденток. Кому понравится открытое хамство? Тем более от женщины. Да, общество за последние несколько сотен лет стало терпимее, но это не значит, что нам позволено все.

— Не сердитесь, мадемуазель, — примирительно поднял руки дофин. — Вы совершенно правы. Рядом с менталистами совершенно невозможно притвориться. Особенно рядом с дядей и его специалистами.

Принц задумчиво посмотрел куда-то поверх моей головы и улыбнулся.

— Но все равно, увы, я не могу вам сказать, что будет завтра на конкурсе. Согласитесь, что так нечестно, ведь это очень важный момент в определении королевы. Понимаете?

Конечно, я понимала. Вздохнула и кивнула. Глупо было надеяться, но я рассчитывала, что наглость города берет. И мне может повезти, если дофин и свита растеряются. Но интрига не удалась.

— И я надеюсь, вы осознаете необходимость молчать обо всем происходящем здесь. Когда остальные конкурсантки спросят вас, о чем мы беседовали, скажите, что о Кидане. Думаю, с вас, мадемуазель, я могу не требовать клятвы.

— Но ведь мы ни о чем так и не поговорили! — удивленно воскликнула, мысленно прокручивая в голове наш диалог. Неужели со мной так скучно проводить время, что наше «свидание» уже явно закончилось? Может быть, Атенаис была права? С Армель его высочество долго гулял и наверняка сказал не пару фраз, как мне.

Или... все, что хотел дофин узнать, он уже выяснил? Например, то, что я скучнейшая особа, которая не умеет себя вести в обществе.

— А о чем бы вы хотели побеседовать?

Заволновалась. Я неоднократно представляла этот момент, но сейчас в горле пересохло. Действительно, о чем? О Кидане? Мерике? Персефоресте? Живых картах? Все казалось таким глупым в свете нашей беседы. Мои плечи против воли поникли. И почему я решила, что буду легко и непринужденно болтать с дофином? Что общего у его высочества со мной?

Я не способна даже на такую малость, как удержать внимание собеседника. Как я могла вообще надеяться выиграть в отборе, если не могу заинтересовать дофина? Осознание собственного бессилия сдавило грудь.

Судя по настроению, принц готов из вежливости поддержать любой разговор, но будет ли ему интересно?

— О книгах? — неуверенно предложила я, комкая в руках ткань платья.

Мужчины переглянулись, словно мысленно переговариваясь насчет моей глупости. Неужели я произвожу такое впечатление?

— Каких?

— Может быть, о Мелюзине, — совсем тихо прошептала, не заметив энтузиазма во взгляде дофина и фаворитов. — Или Персефоресте...

Последнее добавила едва слышно. Дофина не интересовали модные романы. Совсем! Я видела явную скуку в его глазах. Месье Гастон смотрел на меня как-то извиняюще, будто он лично подставил меня, предложив глупую тему. Действительно... о каких книгах? Что может интересовать принца? Какие темы я могла еще предложить? Мысленно перебирала один за другим свои интересы. Ни одного мало-мальски приемлемого варианта. Я... я пустышка?

— Вы правы, месье, — натянуто улыбнулась. — Мы говорили о Кидане. Древняя страна с удивительной историей.

Встала, с шумом отодвигая стул, он был слишком тяжелым и громоздким для меня. Жестом остановила поднимающихся со своих мест фаворитов.

— Не нужно, месье, я прекрасно знаю академию и библиотеку.

— Но, мадемуазель Эвон, вдруг остальные девушки... — неуверенно начал вскочивший месье Гастон.

Только сейчас я поняла, что фаворит сделал для Авроры. Он появился под ручку с Лу, переключив все внимание на себя. Какое благородство!

Но... мне это определенно не нужно, я не собираюсь появляться в общем зале.

— Я могу постоять за себя. — Упрямо мотнула головой, избегая смотреть на мужчин. Мне казалось, что стоит мне поднять глаза, как слезы хлынут ручьем.

— Но ваше состояние...

— Я в порядке, ваше высочество! — натянуто улыбнулась. — Прошу простить меня.

Сделала поспешный реверанс и пошла к выходу из библиотеки. Надеюсь, ни один из фаворитов не пойдет следом за мной. Еще немного, и я окончательно расплачусь. Слезы жгли глаза, но я упрямо сжимала губы, почти до боли, не позволяя себе слабости. И так... я глупая провинциальная девочка, у которой нет ни одного шанса увлечь дофина разговором. В столице он привык к иным женщинам, к непринужденному щебетанию, как неоднократно говорил мэтр Шарль. Там искушенные взрослые дамы! У них, возможно, тысяча любовников была (от подобной мысли щеки опалило словно огнем), и уж они-то точно знают, как завлечь мужчину. А я... не смогла предложить ни одной темы.

Невольно всхлипнула. Возможно, плачущие Жаклин и Аврора были также расстроены именно этим фактом? Ощущением безнадежности?

Казалось, ноги отказываются идти. Но я шла с неестественно прямой спиной, не оборачиваясь назад. И только когда прошла мимо очередных шкафов с книгами, которые точно скрывали меня от глаз мужской компании, я позволила себе остановиться. Сделав шаг в сторону, прислонилась лбом к стеллажу. Закрыла глаза и едва не застонала. Отчего реальность так жестока? Еще пару часов назад мне казалось, что, назови один из пажей мое имя, я буду счастливейшей из девушек академии... а на деле выставила себя на позор.

Наверняка дофин уже позабыл про меня и про то, что я являюсь одной из претенденток. Кому нужна глуповатая девица, открывающая и закрывающая рот, словно рыба? И что мне теперь? Смириться? Но... как же «Гнездо»? Дедушка? Рудники? Будущее брата?

Закрыла глаза, приводя мысли в порядок и успокаиваясь. Нет уж! Топнула ногой. Я просто так не сдамся. Надо стать лучше — я стану. Надо уметь говорить на взрослые темы — научусь. Васконка я, в конце концов, или нет?

ГЛАВА 18

Восстановила дыхание и прислушалась. Ушли ли уже фавориты и дофин? Может, они делятся впечатлениями от нашей встречи? Я уже несколько раз становилась невольной свидетельницей частных разговоров, так почему не подслушать намеренно.

Хотя меня не покидало чувство, что собеседование я провалила, слишком мало времени провели со мной, ничем из моих личных предпочтений не интересовались. Я скучная? Ведь должен же дофин был бы узнать мои увлечения, мысли, чувства, понять, что я за человек. Не куклу же он ищет в жены, а лучшего друга.

Дед всегда говорил, что супруг — это в первую очередь верный соратник и надежный партнер, с которым есть ощущение защищенного тыла. А любовь, она вторична. Я была солидарна с бабушкой, ведь я влюблялась много раз, целых три, и каждый раз ничего хорошего. Поэтому я строго-настрого запретила себе думать о романтике.

В детстве меня наказали, когда граф рассказал про ту самую вазу. Потом, уже в юности, меня посадили на хлеб и воду, когда месье, приведенный нянюшкой, не понравился деду. А ведь мы с месье всего лишь играли в фанты. Мужчина обещал взять меня в жены и принес красивые штаны в подарок. Знаю-знаю. Не пристало мадемуазелям принимать столь личный предмет гардероба, но у меня никогда не было таких: шелковых, с отделкой из изысканного кружева. Разве хотел месье сделать что-либо плохое? Мы всего лишь разговаривали. Да, на мой взгляд, он был совершеннейший старик и задавал странные вопросы, например, боюсь ли я темноты или боли, но я тем не менее в него и правда влюбилась. Ведь месье приносил сладости и разные украшения, говорил, что бабушка обязательно позволит нам сочетаться браком. Только бабушка не разделял его убежденности и сказал, что это гадкий человек. Поскольку родному деду я верила больше, чем себе, то с загадочным месье больше не встречалась, а нянюшку виконт выгнал.

Третий раз, уже будучи взрослой, я влюбилась тут, в академии, спустя два года после ухаживаний того месье. Но, увы, я выбрала неправильную цель, старшекурсник Агюст не разделял моих чувств и высмеял мое письмо с признанием. Хотя именно благодаря тому скандалу мы и подружались с Армель. Так что если из любви и получается что-то хорошее, то к мужчинам оно не относится.

Но дофин... не искал себе верной спутницы и соратницы. Неужели его интерес ограничивается наличием дворянского титула и магии и отсутствием внешних изъянов? Странно это. Ведь с женой принц проживет до самой старости. Или, как говорил месье де Грамон, фавориток еще никто не отменял. Эта мысль неприятно царапнула душу. Как-то все... неправильно. И отбор этот странный. Вкупе с вопросами на собеседовании и подслушанным разговором на балконе получается что-то жуткое.

Определенно не хватает информации. Как мне поможет знание секретов принца, пока не знаю, но хуже точно не станет, ведь верно?

Подобрав юбки, на цыпочках прошла вперед и обошла один из стеллажей. Зря я, что ли, столько времени провела в библиотеке, пусть и не в подготовке домашних заданий, а обычно в поисках романов на день Солнца. Я прекрасно представляю, как пройти к дальней комнатке с гобеленом. Но отчего такая тишина? Разве не должны мужчины бурно обсуждать встречу со мной? Мы бы с подругами поступили именно так.

Выглянула из-за стойки с книгами и разочарованно вздохнула — никого. Видимо, ушли тайным ходом. И что теперь?

Пнула один из стеллажей. Такой шанс был услышать информацию из первых уст. Может, фавориты ищут кого-то уж совсем особенного. И какие у меня теперь варианты? Можно подумать, в академии на каждом шагу люди из столицы.

Осознание пришло мгновенно... а ведь есть! Мэтр Шарль. Приехал прямиком из Париса, скрываясь от какого-то скандала. Учитель, несомненно, должен знать об отборе все, тем более готовиться к нему начали еще два года назад, когда мэтр жил в столице.

Поспешно подобрав юбки, наверняка до неприличия сверкнув лодыжками, побежала к выходу.

Миновать месье Труа удалось без приключений. Старика не было на месте, судя по всему, ушел расставлять по полкам принесенные книги. Потому, выскользнув ужом из библиотеки, я направилась не на занятия по геральдике, а прямиком к мэтру Шарлю. Мне просто необходимо с ним поговорить до начала уроков. Потом меня обступят девушки, и будет не до душевных разговоров, а ведь нужно еще придумать, что говорить, правду-то не расскажешь.

Застыла на мгновение как вкопанная. Это что получается: и Аврора, и Армель тоже все придумали? Ох, никогда бы не думала, что Армель способна так врать в лицо одноклассницам. Прямо... прожженная интриганка, как говаривал дедушка, неодобрительно поглядывая на кокеток на герцогских балах.

Пожалуй, именно этот мгновенный ступор и спас меня, я остановилась перед поворотом в коридоре, обдумывая «talанты» подруг. И когда, встряхнув головой, отгоняя мысли, пришла в себя, собираясь сделать шаг, услышала впереди шум.

— Как можно вести себя так глупо, Лу? До сих пор не могу успокоиться! — слышался возмущенный голос Изабеллы. — Атенаис же все сделала!

— Можно подумать, оттого, что она выступила перед графом, тот захотел вызвать меня, — начала оправдываться Луиза.

Я же замерла, испуганно озираясь. И что теперь делать? Если меня заметят, то обязательно накинута с расспросами. Плакали мои намерения расспросить мэтра Шарля, пока никто не додумался до этого. А значит, рушатся и все планы на преимущество перед остальными конкурсантками.

Отступила к глубокой нише, где обычно хранили метлы и ведро с тряпкой, молясь, чтобы меня не услышали и не увидели. Пришлось даже высоко подобрать юбки, дабы не запачкать подол о грязный инвентарь, и встать на деревянную скамейку, чтобы однокурсницы не заметили моей обуви со стороны коридора.

— По-моему, он был очарован этой выскочкой Эвон! — продолжила между тем Лу.

— Ничего... эта «деревяшка» еще пожалеет, — буркнула недовольно Белла. — Помнишь, что сказала Атенаис? Завтра на представлении талантов... Не зря всем девочкам запрещено говорить этим троим, что завтра будет первый этап отбора.

Так мы не случайно оказались единственными, кто не в курсе. Вспомнились шепотки однокурсниц, смолкающие, едва мы подходили, и виноватые взгляды в спину. Но как Цветочку удалось запугать всех?

— Помню-помню, — раздраженно оборвала подругу Луиза. — Но, на мой взгляд, этого недостаточно.

— А мне кажется, это слишком. Испорченное платье в момент появления перед дофином, — слышался взволнованный голос третьей девушки, знакомый мне весьма смутно.

Испорченное платье? Я побледнела. Это действительно чудовищно, ведь на конкурсе важно все, в том числе и первое впечатление. И какой эффект я произведу, выйдя грязной замухрышкой? Атенаис собирается зайти слишком далеко.

— Ужасно? Ужасно? Кошмарно то, что эти выскочки вытворили. Уверена, это Эвон уговорила дофина провести встречи с ними тремя сразу, иначе почему принц вызвал этих страшилищ, когда есть другие девушки?

Луиза, говорящая столь гадкие слова, показалась из-за поворота. Баронесса была некрасива, перекошенное злобой лицо еще никого не украшало. Я вжалась спиной в стену, боясь, что меня заметят. Девушки никогда не простят мне, что я слышала все их гадкие слова. Страшно представить, что тогда будет.

— Или Цепного Пса. Заметили, как все менталисты улыбаются вслед этой чернавке?

Похоже, Луиза распалилась не на шутку. Но... почему? Наши интересы никогда не пересекались. Неужели все из-за внимания дофина? Хотя я совсем недавно тоже завидовала Авроре, но подобных гадостей мне на ум не приходило.

— Вот пусть и помучается в грязном платье. И туфельках. Посмотрим, как дофин оценит ее красоту, — хихикнула Белла. — И эта тихоня Аврора тоже заслужила репей в косу.

Я едва не ахнула. Вот уж на такое они точно не пойдут. Что станет с робкой подружкой, если ей попадет колючка в волосы. Ведь даже с помощью магии ее тяжело выпутать из кос. А уж перед самой встречей с принцем это вызовет у нее просто истерику. Да что там Аврора, боюсь, мое выступление, которое и так не готово, в испорченном платье окажется просто провальным.

— Хотя эти фавориты такие жуткие, — поежилась спутница Беллы. — Вы видели, какой взгляд был у месье де Армарьяка, когда он пришел за Эвон?

— Да просто эта выскочка его разозлила, когда попыталась строить из себя кокетку. Конечно же у глупой, словно тисовое дерево, простушки ничего не получилось, и граф разозлился, — возмутилась Белла, даже замедляя шаг.

Я замерла, девушки остановились, чтобы обсудить фаворита, прямо напротив моего укрытия. Вот сейчас одна из них посмотрит в сторону и заинтересуется, что же такое цветастое в темном углу за полупрозрачной шторой. Казалось, я даже не дышала, несмотря на очень обидные слова свиты Атенаис.

— И потом, мама всегда говорила, что совершенно не важно, какая внешность или характер у мужа, — продолжала между тем Белла. — Ведь его все равно почти не будет дома. У него дела, охота, карточные игры. Какая разница, каков твой муж, лишь бы исправно выдавал золото на наряды. А де Армарьяки богаты. Опустит глаза, Анжелика, и не смотри в лицо графа, если тебе так страшно.

— Пойдемте! Надо еще вылить зелье на туфельки этой выскочки, пока

все на занятиях.

Лу потянула застывшую Анжелику за рукав, принуждая двигаться вперед. Девушки продолжили путь, а я...

Я была в шоке. Неужели они собираются испортить мою парадную обувь? Красивые, обтянутые голубым атласом балетки, которые дед привез из Париса этим летом? Да я надевала их всего два раза. Берегла, каждый день аккуратно гладила носки с драпировкой в виде тонких складок ткани и ждала случая.

Первым порывом было, конечно, выйти из укрытия и высказать все, что я думаю, но с другой стороны, а если они придумают что-то пострашнее? Так я хотя бы предупреждена. Вздохнув, мысленно попрощалась с прекрасными туфельками. Интересно, что делает это зелье. Просто пачкает? Но я тогда их не надену. Да, будет обидно, но не настолько ужасно, как задумали девушки. В чем же тогда будет конфуз перед дофином? Надо внимательно осмотреть все свои вещи. И рассказать подругам. Мало ли какие еще сюрпризы выкинет Атенаис со свитой.

Но даже такой вопиющий момент, как порча одежды, не мог скрыть моего волнения от слов Беллы. Ее мама могла сказать такие слова? Но... своей матушки я почти не помню, она умерла, когда я была совсем малышкой. И всегда страдала от того, что мама не могла поболтать со мной на разные девичьи темы. Я знала, что девушки, у которых есть родители, значительно опытнее меня в любовных делах. Но если такое сказала баронесса, взрослая, умудренная жизнью женщина... Это раскололо мой мир! Неужели дедушка мне врал? Или сам не догадывался, как его слова далеки от реальности. Получается, я делаю ставку не на то в общении с дофином и фаворитами.

Задумчиво спустилась со скамейки, поправляя складки юбки. Мне не хватало рядом мудрой и хитрой женщины. Вот у Атенаис и Беллы советчицы под рукой.

Ах, знать бы еще, кого спросить... может быть, мадемуазель Лауру? Но она сама не замужем. Студенты говорят, что отец классной дамы пустил по ветру все ее приданое. Да и род у мадемуазель Лауры из опечатанных, никаких преимуществ перед остальными.

Выглянула из-за шторы, осматривая коридор. Пожалуй, стоит вечером посоветоваться обо всем с подругами. Матушка Авроры совсем недавно ушла в монастырь. Возможно, подруга успела перенять у мамы ту самую женскую мудрость и сможет поделиться. На секунду задумалась, вспоминая кроткую баронессу, и разочарованно вздохнула. Вряд ли. Иначе бы у Авроры было кавалеров не меньше, чем у Беллы или Атенаис.

От греха подальше свернула в узкий коридор, которым пользовалась прислуга. Да, благородной мадемуазели не пристало ходить путем экономок и поваров, но что поделать? Я очень спешу. И у меня совсем нет желания снова столкнуться с подружками Атенаис или, чего похуже, с ней самой.

Мне повезло, и я больше никого не встретила, что неудивительно, в день Сатурна идут уроки, и прогульщиков не так уж много. Видимо, высшие силы были на этот раз благосклонны ко мне, потому что мэтр Шарль сидел в пустом классе и читал книгу.

Несколько раз вдохнула и выдохнула, мигом прикрыв дверь в кабинет. И что я скажу учителю? Подумать времени не было, да еще эти откровения Беллы и Лу выбили меня из колеи. Что может быть хуже? Может, я была не права, поспешив сюда?

Представила на минуту, как дедушка отпускает домой слуг, потому что не хватает золота их содержать, как медленно и верно пустеет «Гнездо», а брат женится на девушке из опечатанного рода. Да, безусловно, невеста брата будет мила и очаровательна, но шансов на дар у будущих поколений не будет. Вдобавок к этим ужасам (как будто их было мало) перед глазами встал образ Луизы под руку с одним из фаворитов. Если я сейчас не решусь, то можно смело смеяться в лицо тем, кто верит в знаменитую васконскую гордость и храбрость, потому что во мне трусости...

Решительно тряхнув головой, постучала.

— Мэтр Шарль, позвольте?

Учитель поднял голову, отрываясь от чтения, и несколько недовольно посмотрел на меня. Все знали, что мэтр Шарль каждый день уединяется с книгой и не любит, когда его прерывают. Но у меня совершенно особый случай, куда более важный, чем те, с которыми обычно к учителю приходят другие ученицы.

— Мадемуазель Эвон? Ну что ж, проходите.

Мэтр Шарль отложил в сторону пухлый томик, и, если бы не секундное выражение досады на его лице, я бы подумала, что только моего появления и ждали.

Юркнула в приоткрытую дверь и на секунду замерла, собираясь с мыслями. То, что я сейчас делаю, разве не косвенная подтасовка результатов? Или тактическая хитрость? Выдохнула, успокаиваясь. Сбор информации — это ведь не жульничество, верно?

Учитель, видя мои «приготовления», удивленно выгнул бровь.

— Все в порядке, мадемуазель?

Решительно подошла к учительскому столу и села за парту прямо

перед мэтром Шарлем. Некогда сомневаться, Эвон. Ты уже тут, смотришь в глаза учителю. Осталось совсем чуть-чуть — спросить, но только как сформулировать? «Мэтр Шарль, помогите мне соблазнить дофина». Хотя нет, «соблазнить» — это, наверное, неправильное слово. Веет от него чем-то... из запрещенного. В академии строго порицали «запретное», я даже не представляю, какой разнос устроили Амелии. Ведь она уже не девица. Но более-менее могу предположить, что придумают для меня, от отработок на кухне я не избавлюсь до окончания учебы.

Мысли снова против воли метнулись к Амелии и ее жениху. Вся школа шепталась, что они предались пороку. Что это значит, я догадывалась смутно. Вероятно, то же самое, что «продавать свое тело», «наставила рога мужу» и подобные фразы, которые иногда говорили окружающие. Я не могла понять, зачем мужчинам женское тело. Ну, губы-то понятно, все мальчишки охочи до поцелуев, но... Матушки у меня не было, нянюшка не успела рассказать, так как я была слишком мала, а в академии... Армель и Аврора тоже не знали. Баронесса, мать Авроры, оттаскала дочь дома за косы, стоило подруге по нашей с Армель просьбе только заикнуться на тему отношений между мужчиной и женщиной. Вот и получалось, что это нечто неприличное, ни в академии, ни дома не спросишь. Девочки даже в стенах общежития не шептались об этом, услышит классная дама — не оберешься проблем. Безусловно, что-то знала Атенаис: целуется же она с мальчиками, но спрашивать ее напрямую было стыдно. А сама Иса ни с кем своим знанием не делилась, лишь, поводя плечиком, покровительственно улыбалась. Еще, без сомнения, информацией владели мальчишки, уж больно у них на последнем курсе улыбочки гаденькие, но обычно и они молчали.

— Мадемуазель? — настойчиво позвал меня учитель, словно напоминая, что это я пришла и навязалась, пока он тихо-мирно читал книгу.

— Мэтр Шарль, у меня к вам личный и деликатный вопрос, — осторожно начала, сцепив руки в замок и глядя только на столешницу дубовой парты.

Учитель досадливо цокнул и вздохнул.

— Мадемуазель Эвон, прежде чем вы начнете свою речь, давайте посмотрим на все это с другой стороны. Вы еще очень юны, и увлечения мужчинами старше вас, конечно, естественны, однако хороши ли они? Я как ваш учитель просто обязан попробовать отговорить вас от этой пагубной страсти.

На мгновение я растерялась. Неужели мэтр Шарль вот так с лету

понял, о чем я хотела поговорить. Или, может, я не первая, кто приходит к нему с подобными разговорами. Ох! А я мнила себя самой умной, единственной, кто додумался узнать о дворе и дофине у дворянина, прибывшего к нам из столицы. Но чем плохо желание стать королевой? Не для того ли отбор? Да и не так уж старше меня дофин. Всего-то на четыре года.

— Конечно, некоторые мужчины могут воспользоваться этим интересом. — Мэтр Шарль многозначительно замолчал на мгновение. — Но будут ли они честны? Оценить прекрасную юную душу смогут единицы, остальные охотно поиграют, не заботясь о ваших чувствах. Возможно, вам стоит обратить внимание на однокурсников?

— А разве это такая огромная разница? — недоверчиво поинтересовалась, поднимая глаза на собеседника.

— Целая жизнь, — убежденно кивнул головой мэтр Шарль. — Подумайте только, мы даже музыку слушали разную, читали разные книги. Ничего не имею против современной литературы, тот же Персефорест неплох, но... до баллад ему далеко. И не только в искусстве. Это еще и разные взгляды на ту или иную ситуацию.

— Думаете, за четыре года можно так отдалиться от моего поколения?

Никогда бы не подумала. Получается, искать жениха нужно только среди одногодков. Но как же так? Отец был старше мамы на целых пять лет. Неужели он снисходительно относился к матушке и играл с ней? Помотала головой. Нет-нет! Невозможно!

— Мне лестно ваше мнение, но, увы, цифра более значительная, — мягко улыбнулся мэтр Шарль. — Скорее, двадцать четыре.

— Вы что-то путаете, мэтр Шарль. — Я нахмурилась. — Дофину всего двадцать. Но даже будь ему двадцать четыре, это, конечно, страшная цифра, но настолько ли?

— Дофину? Но при чем тут принц? — удивленно воскликнул учитель, подозрительно на меня посмотрев.

— Ну мы же разговариваем о нем? — осторожно уточнила, совершенно не понимая, куда ушел наш диалог. Или нет? О чем тогда только что говорил мэтр Шарль?

— Ах, о дофине! Простите меня великодушно! — Учитель рассмеялся, откинувшись на спинку стула. Он, казалось, даже выдохнул с облегчением и улыбнулся мне куда дружелюбнее. — Забудьте все, что я сказал.

— А вы о ком? — удивленно спросила, обдумав слова учителя, — кого же «постарше» он имел в виду?

— Не важно. Так, значит, вы влюбились в дофина и теперь хотите

совета, как открыть ему свои чувства?

— Нет. Любовь — это выдумки для наивных студенток, — убежденно и жарко ответила. — Я просто хочу выйти замуж за дофина или одного из его фаворитов.

Лицо учителя вытянулось, будто бы я сказала что-то странное. Он задумчиво на меня посмотрел, постукивая пальцами по столу. Не поверил моим словам? Или тому, что я достаточно взрослая, чтобы принимать здравые решения, не затуманенные розовой, «сладкой» дымкой влюбленности?

— Мэтр Шарль, будем откровенны, — важно и степенно начала я, стараясь выглядеть старше. — Я уже любила несколько раз, и ничего хорошего мне это не принесло. Ни когда мне было восемь и Анри подло выдал меня родителям, хотя я совершенно случайно утопила вазу в озере. Ни уж тем более, когда месье Агюст зачитал мое письмо всему курсу боевиков. Нет уж, ничего хорошего в этой любви нет. Будем подходить к вопросу брака рационально...

— Как-как? — поперхнувшись, переспросил учитель.

— Ра-ци-ональ-но, — повторила я отдельно. Может, мэтр меня плохо слышал? Все-таки он в возрасте, хотя и не выглядит старым. — Дофин или кто-то из его фаворитов весьма удачная партия.

— Неожиданно это слышать именно от вас, — пояснил учитель свое «любопытство» в ответ на мой укоризненный взгляд.

Я же нахмурилась. Неужели он считает меня легкомысленной? Или слишком маленькой?

— Ну, предположим и такой вариант, но зачем в таком случае вы пришли ко мне?

— Вы старше и опытнее, — убежденно кивнула. — Вы вращались при дворе и наблюдали дофина и его фаворитов в их естественной среде. Видели, какие дамы им нравятся, что они любят.

— В естественной среде, — пробормотал мэтр Шарль, думая, видимо, что я его не слышу. — В естественной среде!

— Вы видели двор и саму королеву. Какая она? Что нужно делать, чтобы стать ею? — вдохновенно продолжила, не обращая внимания на шепот учителя.

При упоминании королевы по лицу сэра Шарля пробежала тень. Он закрыл глаза и словно застыл. Неужели мой вопрос такой сложный, что заставляет настолько задуматься. Или просто лично у меня мало шансов?

— Мэтр Шарль? — переспросила, так и не дождавшись ответа.

— Королеву, да... Несчастливая, бедная женщина, запертая в

бесконечных холодных коридорах дворца, — грустно вздохнул учитель, поднимая на меня взгляд. — У этого титула слишком много условностей, мадемуазель Эвон, чтобы к нему стремиться. Фаворитки короля, злые шепотки в спину и одиночество, когда слезы возможны только наедине с подушкой в своей комнате.

— Не может быть! — воскликнула я. — На всех портретах королева улыбается. Да, вероятно, случаются мелкие стычки, но они есть во всех семьях.

— Ни в коем случае не вру, — усмехнулся мэтр Шарль. — Корона на голове и холодная постель — вот и все преимущества статуса королевы.

— Неужели королева не может позвать слуг, чтобы те затопили камин перед сном и нагрели простыни? — удивленно спросила, вызвав у учителя смешок. — Что?

— Королева необыкновенная, мадемуазель Эвон! Добрая, чуткая, ранимая и безмерно одинокая.

— Возможно, она слишком идеализировала брак и ждала любви, а надо было лишь построить крепкую дружбу?

— Она мечтала стать королевой, дитя мое, принести пользу стране и людям. Ей хотелось немного внимания и восхищения в глазах своих подданных, а получила... Впрочем, не важно. Это не ваш путь, мадемуазель, вы зачахнете в пыльных коридорах дворца от одиночества сердца. Сломаетесь под гнетом интриг двора. Подруги выйдут замуж и заведут детей, а вы останетесь один на один со смешками фрейлин и бутылкой вина.

Я нахмурилась, ничего не понимая. Куда могут деться Аврора и Армель? Если они выйдут замуж за фаворитов, а я за дофина, мы всегда будем рядом. И вино. Вино совсем невкусное. Я пробовала. Зачем мне оставаться наедине с ним?

— Может, ей просто стоило завести друга?

— Ах да... А вашего друга могут сослать в какую-нибудь глушь, где он будет топить пачками писем камин и утешаться глупым титулом последнего рыцаря. Смешно? Весьма.

Задумчиво прикусила губу. Разговор шел совсем не в том ключе. Мало того что я совсем ничего не понимала, о чем говорил учитель, так еще и нужного так и не узнала. Мне чудилось, все будет несколько иначе: мэтр Шарль расскажет, какие цвета платьев любит дофин, о его увлечениях или даже раскроет какие-то тайны. А он? Отговаривает меня? Непонятно.

— Мэтр Шарль! Я хотела, чтобы вы помогли мне совсем в ином. К сожалению, выбора у меня нет. У нас упали продажи меди, а основной

доход дают именно рудники, потому нужны денежные вливания. Я — васконка, мэтр Шарль. Я не могу закрыть глаза на то, как страдают мои люди, или не замечать, как дедушка чахнет над бумагами, выискивая средства для уплаты налогов. Откуда взять деньги? Их мог бы дать мой муж, но надо иметь его, и богатого. Так почему не дофин?

— Но не пожалее ли вы потом, мадемуазель? Поймите...

— Я буду жалеть до конца жизни, если старшая ветвь рода потеряет свои позиции. Это будет приговором для будущих поколений. — Я встала, опершись руками на стол.

Учитель вздохнул, словно я сказала что-то неправильное. Минуту он думал над моими словами, а потом кивнул своим мыслям.

— Хорошо, мадемуазель, ваша взяла. Что вы хотели узнать?

Я не сдержалась и захлопала в ладоши. Победа! Вот бы все сдавались так легко. Но тут же немного растерялась. Как сформулировать правильно вопрос?

— Например, какие девушки нравятся дофину?

— Принц всегда был падок на легкомысленных и жизнерадостных особ, но вот долго он общался только с умными девушками. Потому, думаю, вам стоит соблюсти баланс между легкостью и серьезным поведением. Боюсь, если вы будете только сдержанной и спокойной, обратить на себя внимание дофина будет тяжело.

Кивнула. Дельное замечание. Может быть, стоит всюду брать с собой веер? С ним легко быть кокеткой, а вот когда принц со мной заговорит, я сразу начну быть умной.

— Но, боюсь, в случае с отбором вам вряд ли это поможет. Дофин ищет определенную девушку, которая ответит всем требованиям критериев отбора.

— А есть еще, помимо тех, что печатают в любом альманахе?

— Насколько знаю, их больше сотни...

Больше... сотни?

Удивленно моргнула. Для чего? Неужели все дело в том, чтобы подходить королевской семье? Там такой жестокий отсев?

— Мэтр Шарль, помогите мне. Что показать завтра на испытании?

Молитвенно сложила руки, вглядываясь в лицо учителя. Похоже, он немало знает об отборе, либо просто очень внимательный и заметил что-то на прошлом.

— Откуда же мне знать, мадемуазель? У вас есть второй дар?

Кивнула. Видимо, все-таки наличие дополнительного дара важно в отборе, раз даже мэтр Шарль знает. Похоже, мои шансы возросли. Есть ли

способности у остальных девушек?

— Ваше задание при идеальном раскладе должно захватить оба дара и максимально раскрыть основной. Что вы хотели показать?

— Я сильна в книжных иллюзиях, — призналась, смущенно улыбаясь.

Конечно, подобным не хвалятся, но что еще зрелищного есть у «говорящих с книгами»? Не поиском же любовных романов заниматься посреди зала.

— Великолепно! Дофин весьма любил наблюдать за мастерами-иллюзионистами, если мне не изменяет память. Особенно за военными магами, которые предпочитали показывать картинки степи. Вы же знаете, что несколько лет назад закончилась военная кампания против Окрайны?

Кивнула. Отец тоже любил вспоминать степь. И я сама, глядя на воссозданные отцом просторы, хотела туда. Упасть в качающийся хохолками ковыль и смотреть в небо на пробегающие облака.

— Покажите принцу степь. Дополните вторым даром, и, думаю, хорошее впечатление гарантировано.

В очередной раз захлопала в ладоши. А это идея! Осталось найти описание степи, чтобы, зачитав его, воссоздать иллюзию.

— И... прекратите сутулиться, мадемуазель Эвон.

Едва не подпрыгнула от окрика учителя. Легко ли? Да, безусловно, девушек учат держать спину прямо, но дедушка никогда не обращал на это внимания, а в академии уже, наверное, поздно вырабатывать эту привычку. Да и с чего такой резкий переход? Даже голос мэтра Шарля изменился, стал строже и резче. Недоволен? Я действительно так ужасно стою? Попыталась распрямиться. Как любила поговаривать Армель, прямая спина — это фактически «грудь вперед».

— Фу, мадемуазель, какая пошлость. — Мэтр Шарль поморщился. — Посмотрите на меня. Поднимите плечи вот так вверх, как будто вы удивлены, теперь отводите их назад и опускаете. Попробуйте.

Послушно повторила. И правда! Как легко.

— И чем вы тут занимаетесь, мэтр?

Я едва не подскочила от голоса классной дамы. Испуганно обернулась на мадам Тьюри. И давно она тут стоит? Много ли слышала? Умоляюще посмотрела на учителя.

— Мадам! — Мэтр Шарль поклонился. — Ученица пришла ко мне за советом по поводу осанки и реверанса. Отбор же. Можете идти, мадемуазель Эвон, и помните про спину.

— Спасибо, мэтр Шарль. — Присела в реверансе как можно аккуратнее. У мадам Тьюри не должно возникнуть сомнения, что я только

что практиковалась.

Опустив глаза в пол, чтобы мадам не прочла в них досаду, оттого что она появилась так внезапно, вышла из класса. Когда закрывала дверь, услышала ее язвительные слова.

— Вам стоит быть аккуратнее, месье, а то совет попечителей академии может вспомнить ваше триумфальное выдворение из столицы. Вам не хватило пересудов из-за амурных походов?

Что ответил классной даме учитель, я не слышала, — замок щелкнул, и закрытая дверь отгородила меня от звуков в классе. Удивленно вскинула брови. Неужели скандал с участием мэтра Шарля, из-за которого ему пришлось срочно уехать из столицы, связан с любовными делами? Страшно поверить!

Мотнула головой, отгоняя непрошенные мысли. Подумаю об этом потом, после отбора. А пока надо найти книгу с нужным текстом и заодно посмотреть, что свита Атенаис сделала с моими туфлями и платьем, и по возможности исправить до завтрашнего утра, но так, чтобы у них не осталось времени придумать новую каверзу. А еще набросать план мести. Прощать такое нельзя.

Похоже, я прогуляю еще один урок. Конечно, мне бы не хотелось, это же танцы. А скоро бал. Но завтрашнее выступление однозначно важнее. С такими мыслями я свернула в узкий коридор для прислуги. В библиотеку!

ГЛАВА 19

Открыла глаза и прислушалась к окружающим звукам. Интересно, сколько до колокола? Как всегда, перед ответственным испытанием совершенно не хотелось спать. Мысленно повторяла про себя выбранное для выступления стихотворение и вспоминала иллюзии отца. Смогу ли я так же? Хотелось бы верить, что волнение не помешает творчеству. И хотя я обычно легко отключалась от разных мыслей, в диком хаотичном танце иллюзий погружаясь в грезы, но опасалась — вдруг именно сегодня не получится. Или подведет зелье? Мэтр Шарль сказал использовать второй дар, и я буду стараться. Кто бы мог подумать, что я почти алхимик.

Скосила глаза на стол, где лежали две колбочки для зелья, одна из которых была уже пуста. Если бы не месье Ноэль... страшно представить, что меня ждало бы сегодня. Он не только спас меня от козней Атенаис, но и помог со специальным раствором для иллюзии.

Вчера я уснула, едва голова коснулась подушки, слишком много испытаний выпало на мою долю. Не хватило времени даже осмыслить происходящее. Хотя вчера такое было! Зажмурила глаза, вспоминая, что произошло после моего ухода от мэтра Шарля.

Едва я закрыла дверь в кабинет учителя, как твердо решила не возвращаться в классы. Предстояло столько всего сделать! И назойливое внимание одноклассниц никак не вписывалось в мои планы. Только обсудить вечером с подругами прошедшие встречи, и все. Зря я, что ли, уроки прогуливаю, чтобы сейчас взять и наткнуться на очередную Амели или Розетту? Начнутся глупые расспросы, охи, вздохи. Нет уж!

Выглянула из-за угла, украдкой оглядывая коридор. Мне везло, сколько хватало обзора — путь был чист. Я метнулась к переходу между зданиями и с облегчением свернула в проход для прислуги. Конечно, если классная дама узнает, что я не только прогуливаю уроки, да еще и хожу по неположенным местам, мне не поздоровится. Но риск благородное дело, разве нет?

Пока шла до своей комнаты, гадала, какую же гадость могла устроить Атенаис с подругами. Ведь испорченные туфельки я сразу замечу, тогда что? И как обезопасить подруг и себя от нападков местных красавиц. Цветочек пользуется авторитетом в академии, даже про испытание нам ни словом ни одна из девочек не обмолвилась.

Я так погрузилась в свои мысли, что шла, совершенно не замечая

никого, слова мэтра Шарля не могли не заронить сомнений мне в душу. Что, если он прав? Хотя я до сих пор не могу понять, как долг перед своей страной может оказаться «тяжким»? Ведь быть королевой — именно долг.

Неожиданно (надо было по сторонам смотреть!) наткнулась на кого-то и обязательно упала бы, не подхвати меня под локоток жертва моей невнимательности. Сфокусировала взгляд на темно-синем ученическом камзоле и едва не ахнула. Я что, в мужское крыло забрела? Украдкой заозиралась. Непонятно пока, где я: у мальчиков или у нас, в женском общежитии, поднять голову было отчего-то стыдно.

— Вы в порядке, мадемуазель Эвон? — послышался знакомый голос, и я, спохватившись, взглянула на ученика.

Ноэль! Щекам мигом стало жарко, едва я вспомнила поцелуй в туннеле. А уж сейчас мы стояли так близко, что казалось, сделай я крошечное движение вперед, то уткнусь носом в ткань академической формы. Да и руки барона меня вовсю обнимали. Или поддерживали?

Еще раз оглянулась... Мужчина в женском крыле? Это же нарушение правил. Если классные учителя узнают, то наказания не миновать. Представила на мгновение, как мы смотрелись со стороны, и попыталась отпрянуть от некроманта. Я же участвую в отборе, могу ли вести себя подобным образом? Разве это не порочащая честь ситуация?

— Месье Ноэль, — возмущенно зашипела, забившись, как бабочка под сачком, — что вы себе позволяете?

— Осторожнее, мадемуазель Эвон, упадете, — обеспокоенно зашептал Ноэль и, словно назло, притянул меня ближе к себе.

Застыла. Возможно ли, что такое неприличное поведение — лишь забота, чтобы я не упала. Я придумала себе разные ужасы, а Ноэль лишь волнуется о моем состоянии. Несколько успокоенная, я с достоинством отстранилась от него и степенно кивнула.

— Благодарю, месье, вы правы, я едва не упала. — Я на всякий случай умолчала, что причиной моего падения, случись оно, был бы исключительно некромант. — Но что вы делаете в женском крыле?

— Я искал вас, мадемуазель Эвон, — улыбнулся Ноэль, мельком оглядев меня с головы до ног, словно ожидая увидеть другое, не ученическое платье.

— Меня?

Я удивилась. Были ли причины у месье Ноэля настолько веские, чтобы прийти в женское общежитие, рискуя получить наказание, и весьма серьезное?

— Видите ли, мне стало известно, после того как Клод с

алхимического рассказал, что у его друга Поля, который дружит с мадемуазель Атенаис...

Атенаис? На мгновение замерла. Неужели некроманту стало что-то известно?

Дослушать, увы, я не успела. Со стороны коридора, идущего к основному корпусу, слышались голоса. Наверняка классные дамы, студентки вряд ли бы стали прогуливать уроки, тем более что у первого курса сейчас домоведение, а мадам Шато весьма злопамятна к тем, кто относится к ее предмету пренебрежительно. Луиза в прошлом году, к примеру, пропустила всего одно занятие, но экзамен сдавала раз пять или шесть, каких только каверзных вопросов не задавала ей мадам Шато. Но... если это классные дамы, то, боюсь, мне не поздоровится, если меня застанут с мужчиной почти у самых дверей моей комнаты. Тем более щеки до сих пор горят, мало ли что подумают воспитательницы, заметив пунцовую студентку наедине с однокурсником.

— Месье Ноэль, классные дамы! — в панике воскликнула, и взгляд мой заметался по коридору. Что же делать? Скрыться в комнате и оставить барона прямо на пути воспитательниц? Но ведь некромант пришел мне что-то рассказать. Не могу же я так подставить друга.

На секунду замерла. Как бы ужасно ни поступил месье Ноэль, так откровенно целуя мою руку в тайном проходе, но некромант мне точно друг. Вариант спасения пришел в голову моментально, не прошло и секунды, как я, распахнув дверь комнаты, увлекла барона за собой.

Ноэль был так поражен, что даже не стал возражать.

— Мадемуазель Эвон!

— Прошу вас тише, месье! Иначе моя репутация будет погублена.

Он сразу замолчал, за что я была ему благодарна. Прильнула к двери, прислушиваясь к происходящему в коридоре. Смех и голоса приближались, отчего у меня началась паника. А что, если воспитательницы решат зайти ко мне? Куда я дену мужчину из своей комнаты? Ведь классные дамы в жизни не поверят, что Ноэль попал ко мне случайно. Меня снимут с отбора. Обо мне начнут судачить в академии, и шансы на удачный брак упадут совсем до уровня земли. Что я наделала?

Покосилась на барона. Месье Ноэль оглядывался по сторонам, рассматривая убранство комнаты. А мне... мигом стало стыдно.

Личных горничных студенткам не полагалось. Считалось, что это станет лучшим стимулом в изучении бытовой магии, да и положено юным мадемуазелям привыкать к самостоятельности. Я же не далее как утром едва не проспала, а потому собиралась в спешке. Постель не была

заправлена должным образом, лишь покрывало небрежно брошено прямо поверх одеяла. Альманах с продолжением о Персефоресте лежал прямо на полу около кровати. И как будто этого было мало, второй комплект школьной формы висел не в шкафу, а на стуле. С чулками!

Ахнув, подбежала к стулу и, схватив в охапку вещи, поспешно убрала в шкаф. Повезло еще, что комнатки у нас маленькие, а потому большого беспорядка даже при самом плохом раскладе не разведешь. Незаметно подтолкнула брошенные на пол пяльцы с вышивкой под кровать. Во-первых, вышивала я давно, и за это время рисунок не то что успел устареть, но и был забрызган виноградным соком; во-вторых, эти пяльцы были лишь для успокоения классных дам, а не для реального дела, а потому показывать их Ноэлю было стыдно. Это при посещении воспитательниц можно брать вышивку и симулировать бурную деятельность, все равно дамы ни разу не присматривались, что же вышивают ученицы, им важен был лишь факт. Но некромант мигом заметил бы все ужасные пятна, кривые стежки и наспех пришитые ленты.

— Я несколько не ожидала гостей, — промямлила, пряча глаза.

Сейчас барон подумает, что я неряха. Но ведь это совсем не так. Да, у меня бывают приступы лени, но не каждый же день. Подругам совершенно все равно, что творится у меня, тем более мы чаще собираемся у Армель, которая живет ровно посередине между нашими комнатами.

— Так что вы говорили о мадемуазель Атенаис?

Взгляд юноши перестал блуждать по комнате и снова вернулся ко мне.

— Я совершенно случайно узнал, что мадемуазель Атенаис заказала у Поля Плаше с алхимического весьма редкий состав. Мой друг Клод проболтался во время пары, что вот смеху сегодня будет. Девчонки снова выясняют, кто в курятнике главная несушка, а... — Месье Ноэль замолк, осознав, что сболтнул лишнее.

Это про нас сказали «курятник»? Ужасно! Но, наверное, именно так смотрятся женские склоки со стороны. И почему я решила, что наши юноши более благоволят Атенаис? Если бы это было действительно так, то вряд ли бы они так о ней отзывались. Но было неприятно осознавать, что у нас за спинами звучат подобные слова.

Сразу вспомнился случай в прошлом году, когда у Лизетт с последнего курса внезапно потемнели дорогие кружевные перчатки, и никакая стирка не могла вернуть молочно-белого оттенка. Даже магия не спасла. Была ли причина в каком-нибудь зелье? Ведь возможно же такое, что Атенаис делает заказ у алхимиков не впервые.

— А уж когда я услышал, кто должен стать жертвой эксперимента... я

поспешил на ваши поиски, мадемуазель Эвон, но Армель сказала, что не видела вас с того самого момента, как за обедом вы отправились на встречу с дофином и фаворитами. И я решил...

— Ах, месье Ноэль, вы настоящий друг. — Я расчувствовалась и порывисто обняла его.

Ведь некромант не побоялся наказания за появление в женском крыле. Его могли отправить в очередной архив «глотать пыль», а то и на кухню за подобное. Мальчишек даже секли розгами за особо дерзкие проступки. Я однажды видела такое наказание, и это было ужасно.

Месье Ноэль аккуратно обнял меня в ответ и даже опустил подбородок мне на макушку. Мы простояли всего мгновение, но мне было так легко и уютно в его объятиях, что я даже засмушалась. Что подумает обо мне некромант? Что я не просто падшая девушка (после такого-то поцелуя, которым меня наградил барон в том темном коридоре), а еще и сама вешаюсь на шею мужчинам, пусть и друзьям.

Медленно, чтобы не обидеть поспешностью друга, отступила.

— Ну что же. Что за состав ваш друг Клод продал Атенаис?

— Поль, — поправил меня месье Ноль. — А мой друг Клод поделился сплетнями. Состав весьма любопытный, срабатывает на магию. Чем больше ее применяется в непосредственной близости, тем темнее пигмент проявляется.

Умно! Ведь встав с кровати, вряд ли я стала бы колдовать. Ни при умывании, ни за завтраком магия мне не нужна, а вот перед дофином... Хороша я была бы, начни тренироваться перед началом показа дара. Зашла бы к дофину в грязном платье. И разве успела бы переодеться? Нет, конечно.

Ненавижу Атенаис!

Но что делать? Платье испорчено. Не пойду же я на испытание в ученическом? Гардероб учениц весьма скромн, так как правилами академии нам не разрешено никуда выходить. Лишь две смены формы, домашнее и одно нарядное для разного рода мероприятий в стенах учебного заведения.

Молитвенно сложив руки, посмотрела на некроманта. Неужели нет никакого решения?

— Я принес противозелье, мадемуазель, — улыбнулся Ноэль, верно истолковав мой взгляд, и вытащил из кармана мундира бутылочку с бесцветной жидкостью.

Я была искренне благодарна ему. Мог ли кто-либо сделать больше для меня? Не зря говорят, что мужчина — друг, верный союзник. Ведь Ноэль

мог поступить и иначе...

Зазвенел колокол, обозначающий общую побудку, и я, откинув одеяло, решительно открыла глаза и поднялась. Вчера после отбоя мы с девочками договорились встать пораньше, чтобы не дать Атенаис шанса снова испортить нам наряды. Гадкий состав от Поля оказался не только на моем, но и на костюме Армель. Цветочек со своей свитой зашла слишком далеко. Надо будет обязательно их проучить.

На секунду замерла с платьем на вытянутых руках. Вот угораздило же Атенаис испортить именно это: голубое, с рюшами по вырезу-лодочке. Все оно было сделано словно из невесомых оборочек, до самого пола. Пышное. Я в нем как принцесса. Страшно представить, что случилось бы, не приди Ноэль с антидотом. На небесно-голубом материале были бы отчетливо видны темные пятна. Еще раз осмотрев платье в поиске проклятий (мало ли что придет в голову Атенаис!), удовлетворенно кивнула.

Поспешно одевшись, выпорхнула из комнаты. Всего первый колокол, и конечно же пока еще в коридорах пусто. Лишь я и Армель. Хлопнула дверь, и к нам вышла заспанная Аврора. Ее весьма впечатлил мой рассказ о репейнике, и потому на ее голове было покрывало, которое она снимет при представлении.

Аврора собиралась оживлять карту академии. Подруге всегда легко давались артефакты и разная вышивка, потому и карта у нее ожила, хотя на занятиях мы лишь вскользь изучили эту тему. Думаю, у нее будет грандиозное выступление. Тем более холст с окрестностями академии ей помог подобрать преподаватель картографии месье Андрэ из личных запасников. Не удивлюсь, если дофин будет в восторге.

Армель же собиралась устроить «бегство книг». Его мы проходили еще на первом курсе, такая магия не представляла проблем и была весьма зрелищна. Очень красиво выглядит, когда книги на полках меняются местами, выстраиваясь в ту последовательность, которая угодна «библиотекарю». Именно благодаря этому нехитрому заклинанию сотрудники библиотек не тратят много времени на расстановку особенно тяжелых томов. Баронесса пела, а книги «бежали»... причудливо встряхивая корешками, тянулись в разные стороны и, мелькнув яркими обложками, замирали. Армель научилась пением устраивать настоящие цветные танцы, когда переливалась радуга из переплетов.

Девочки спланировали выступление куда лучше меня. Ведь даже стихотворение для выступления мне нашла Аврора, а Армель помогла выучить, даже специальное зелье для выступления достал Ноэль, но вот уж

признаваться в этом я точно не стану.

— Я так волнуюсь! — пролепетала Аврора, комкая в руках платок.

Мне были понятны переживания подруги, у нас не осталось времени на репетиции. Оказывается, все, кроме нас, начали тренироваться еще позавчера.

— У тебя обязательно получится, — убежденно кивнула Авроре. — А вот девочкам пусть будет стыдно после нашего оглушительного триумфа.

Меня возмущало слабование остальных учениц. Ведь они не хотели устранять нас с подругами как конкуренток, умолчав про испытание в день Солнца. Нет! Они просто трусливо сбежали в свои комнаты, едва Атенаис сказала не вмешиваться. И именно это неимоверно меня злило. Разве это достойно будущей королевы? Какие из них получатся жены монархов, если они прячут свой страх за натянутыми улыбками.

Королева должна быть... Ну ладно, предположим, я пока не могла решить, какой именно должна быть жена дофина. Но непременно сильной и храброй в свете тех ужасов, что рассказывал мэтр Шарль. Наш диалог с учителем, кстати, я подругам так и не пересказала. Ни к чему расстраивать девушек. Хотя было в словах «последнего рыцаря» нечто, как мне показалось, во что он вложил совсем иной смысл, чем тот, который поняла я, но... Негоже думать о плохом перед отбором, особенно Авроре.

Нашим общим девичьим собранием было решено на обед не ходить. Вдруг Атенаис добавит нам с девочками какое-нибудь зелье в сок. После такого только в уборную бежать, а не к выступлению готовиться. Нет-нет. Береженого Бог бережет. Ведь верно?

Потому мы отправились в библиотеку.

Конечно, ужасно, что церковь мы сегодня не посетили, но это вроде бы необязательно. Обычно проще сходить, чем потом выслушивать часовую отповедь классной дамы. Даже обидно порой: мужской корпус плевать хотел на проповеди, а нас «загоняли» в храм. Хотя, безусловно, все зависит от того, кто из воспитателей следит за нами в день Солнца. Вот мадемуазель Луиза не верит в высшие силы и разрешает нам не ходить на службы, а сегодня как раз ее дежурство, потому никакого выговора можно не опасаться.

Предстояло скоротать целых два часа до приглашения к испытанию, а где еще, как не в библиотеке? Полистаем альманахи по рукоделию за прошлый год. Как-никак скоро бал предстоит. Выдадут всем одинаковые платья, но кто сказал, что их никак нельзя украсить. Вот и посмотрим идеи в модном журнале. Других примеров все равно нет, к нарядам старших учительниц приглядываться бесполезно, все ходят в одинаковой форме. Да

и до ближайшего города, где можно было бы поглазеть на разных мадам, порядка часа пути. Как ни крути, не выбратся, и вариантов немного. Хотя кому в этом вопросе верить, если не альманаху? Ведь все модные новинки попадают на страницы журнала.

К тому же требуется спокойное место, чтобы хорошенько обдумать, как отомстить Атенаис и ее свите. Цветочек зарвалась в своей безнаказанности, и нужно поставить ее на место. Осталось придумать как. Не то чтобы мне хотелось участвовать в этой разборке, я бы лично высказала все в лицо, но Армель, предложившая дать сдачи, права: прямое столкновение лоб в лоб нам сейчас противопоказано. Как сказала маркиза, «врага нужно бить его же оружием». Может, даже зельем. Не зря второй дар у меня алхимия, ведь верно?

Месье Труа, как ни странно, пропустил всех безропотно, словно не имел ничего против нас. Давно ли? Недоверчиво посмотрела на старика, не веря, что нас так легко оформили.

Поэтому, даже отойдя к стеллажам, подозрительно обернулась, но библиотекарь занимался своими делами, не обращая на нас внимания. Ничего не понимаю. Кто мог так повлиять на него?

— Видели, как лицемерно повели себя остальные девочки? — досадливо бросила Армель, беря с полки журнал. — Ахали и охали, когда объявили, что в день Солнца состоится испытание, как будто слышали в первый раз. А ведь каждая успела потренироваться.

— Если бы мы не знали, что девочки готовились заранее, в жизни бы не поверила, что их удивление было наигранным, — согласилась с подругой.

— Возможно, они действительно не знали и нас ввели в заблуждение, — робко предположила Аврора, заглядывая через плечо Армель в книгу. — Разве можно так сыграть?

— У нас в академии учатся великие актрисы, — фыркнула я, задумчиво постукивая пальцам по краешку книги. — Ноэль сказал, что это все происки Атенаис, я ему верю. Да и своими ушами слышала в коридоре все о коварных планах девочек.

— По-моему, месье Ноэль влюблен в тебя, — лукаво улыбнулась подруга, отрываясь от альманаха. — Оттого и примчался спасать твое платье.

— Глупости! — решительно тряхнула головой, украдкой оглядев свой наряд, все ли капли гадкого зелья мы смогли вывести. — Ноэль просто настоящий друг. Добрый, верный, преданный.

— Разве не бывает дружбы между мужчиной и женщиной? —

поддержала меня Аврора. — Если бы месье Ноэлю нравилась Эвон, он бы попробовал... поцеловать ее, разве нет? — Голос баронессы упал до шепота. — Ведь все мужчины напористы, они только и думают что о поцелуях. А месье Ноэль — образец благовоспитанности.

От слов Авроры на мгновение щекам стало жарко. Я вспомнила коридор и темные глаза барона, блеснувшие из-под длинной челки.

«Хорошо, мадемуазель, я готов вас проводить в обмен... на поцелуй».

А потом... губы некроманта, задевшие пальчики и прильнувшие к ямке на руке. Помотала головой, отгоняя видение. Разве возможно это? Как влюбляются мужчины? И мог ли месье Ноэль влюбиться в меня? Не в воздушную Аврору или прекрасную Армель. Показал ли это некромант хоть раз? Мы, конечно, иногда с ним пересекались, но за это время он ни разу не намекнул своим поведением на чувства. Возможно, Ноэль посчитал меня готовой на все ради отбора? Мигом стало стыдно, неужели я позволила себе думать так.

Похоже, мое смущение не укрылось от Армель. Маркиза заинтересованно на меня посмотрела, но промолчала. И я благодарна была ей за подобную тактичность. Почему-то именно при Авроре не хотелось признаваться в своем грехопадении. Сложила в причудливой фигуре пальцы, показывая, что все потом.

Что-то уж слишком часто у нас проходили разговоры тайком. И кое о чем так и не говорилось. Например, так и неведомо, о чем беседовали девочки с дофином. Слишком много получалось пробелов и замалчиваний о встречах. Понятно, что не было никакой отговорки про Кидан, как для остальных, но и правды... А почему? Не знаю. Сама я тоже не рискнула рассказать все от и до. Было ли это второй проверкой нашей дружбы? Не знаю. Но получалось, что это «испытание» мы проваливаем.

— О! Чуть не забыла! Вчера на занятиях мне сказала Тисса, а ей Луиза, а той Франсуаза, что Жак со второго курса слышал от Мишеля... — начала было Армель, отрываясь от журнала.

— Армель, короче! — взмолилась, так как это грозило затянуться. Есть у маркизы такая неприятная особенность — быть особенно дотошной в пересказе.

— Эвон! Ну вот ты так всегда, и сама никогда ничего не расскажешь, и другим не дашь, — возмутилась подруга, захлопывая альманах.

— Хорошо, — примирительно согласилась. — Так что сказал Мишель?

— С тобой просто невозможно разговаривать. Ну ладно. Мишель видел, что платья нам уже привезли. И бал состоится раньше. О чем нам

тоже, естественно, никто не расскажет.

Раньше? А как же протокол? Или дофин так спешит выбрать невесту, но отчего? Обычно, если верить альманахам, к этому времени уже празднуют помолвку и начинают готовиться к свадьбе. Ведь всем известно, что между помолвкой и свадьбой должно пройти не меньше полугода. Да, безусловно, отбор в этот раз затянулся. Возможно, поэтому и с балом торопятся. Может, на день зимнего солнцестояния будет уже помолвка, как и должно быть по «изначальному» графику.

Но какие же мерзкие девочки учатся с нами. Сплошные интриги и замалчивание. Ни одна не обмолвилась о бале. Каким бы шоком это стало для нас. А я еще пропустила танцы. Ужасно!

— А еще... — Армель запнулась. — Говорят, что Виолет и Иветт с последнего курса скомпрометировали себя, и их снимут с отбора. Такой скандал!

— Как? — ужаснулась Аврора.

— Глупости! Какая девица упустит шанс стать королевой? Это глупые слухи. Даже просто статус участниц отбора говорит о многом, но, если об этом объявят на балу, вряд ли им светят удачные партии. А Виолет и Иветт очень амбициозные, тебе не кажется?

— Я слышала, Эвон, как мадемуазель Лаура говорила с мадам Трикс. Случайно. Скандал попытались замаять, девушки еще числятся в списках, но на балу они объявят о помолвке с Жоффруа и Климентом с ментального. Обеих застали в комнатах с мужчинами при весьма... недвусмысленных ситуациях, когда любые сомнения в их «чистоте» отпадают.

Мы с Авророй дружно ахнули. А баронесса покраснела как рак. Я бы тоже покраснела, представляя себе картину хоть немного четче. Неужели девушки были в исподнем в одной постели с парнями и целовались? Но это же так стыдно! Как можно решиться на такое?

О! Эта сплетня уж очень смахивает на сказку, но если Армель говорит, что слышала, как переговаривались классные дамы... Стали бы лгать воспитательницы? Не думаю... На мгновение я застыла, холодея от ужаса. А ведь я сама могла попасться! Если бы классные дамы заглянули ко мне в комнату и застали там Ноэля, которого я в порыве чувств обняла... Моя репутация была бы погублена. Конечно, это не встреча в одном исподнем, но кто знает, что могли придумать себе женщины? Какие бы шансы были у «Гнезда»? Ни одного! Понятно, что надо вести себя осторожнее, не дай бог узнают о моей встрече с некромантом и о том поцелуе. Тогда хоть кидайся с самой высокой башни — от моего честного имени ничего не останется.

Разве могу я допустить подобное? Нет! Или я не васконка?

Хотя было в этой ситуации что-то нелогичное. Зачем девушкам понадобилось так рано выходить из игры? Ведь ставки очень высокие — лучшие столичные женихи, не чета баронам. И как могло произойти в нашей глуши такое грехопадение? Любая из девочек знает, как много зависит от репутации у нас в провинции. Возможно, в столице это не столь важно, но здесь, на периферии Франкии, потеря чести — позорный приговор. В голове вертелась какая-то аналогичная история, но где бы еще я могла слышать такие смущающие меня подробности? Задумалась, пропуская мимо ушей щебет Армель. Где?

Раздался колокол, возвещающий о конце завтрака.

Я вздрогнула. Как пролетело время за разговорами и разглядыванием картинок. Так и опоздать можно. Подумаю о странной ситуации потом, а пока... Ох!

И если альманах ненадолго отвлек, то сейчас вернулся леденящий душу страх. Как я выступлю? А Атенаис? Поймет ли она, что ее план потерпел крах, и не предпримет ли другого хода. Наверняка у местной «королевы» есть в запасе еще пакости для нас.

— Эвон!

С благодарностью посмотрела на дернувшую меня за руку Армель. Вот у маркизы нервы железные. И меня, и разом окаменевшую Аврору привела в чувство одним движением. И сама подруга... само спокойствие. Глядя на нее, не поверишь, что она совсем недавно узнала об испытании, а будто, как и остальные девочки, готовилась двое суток.

— Пойдемте. Надо быть первыми.

— Не последними? — робко предположила Аврора, едва поспевая за деятельной подругой.

— Вот еще! — Армель дернула плечом. — Дать время Атенаис на новую гадость? Вот уж нет! Да и первое впечатление самое яркое, чтобы потом все поблекли.

— А поблекнут?

— Безусловно! — Армель остановилась на мгновение и посмотрела в глаза баронессы. — Куда им против нас?

Уверенность подруги я не разделяла, а потому молчала. Не получится ли, что наибольшее впечатление произведет именно последнее выступление. Хотя согласна, что идти надо первыми, чтобы у Атенаис не осталось времени на новую попытку испортить нам выступление. Не хочется попасть на испытание в грязном платье. Или с репьем в волосах.

В коридоре перед кабинетом по этикету, где должен был состояться

показ, пока не было ни одной конкурсантки. Завтрак только закончился, а от библиотеки до кабинета, где проходят занятия мэтра Шарля, гораздо ближе, чем от обеденной зоны. И мы, три прогульщицы, стали первыми в очереди. Впрочем, пустым пространство перед дверьми не было, стояли хмурые менталисты, пажи и несколько офицеров стражи. Последние удивленно посмотрели на нашу троицу.

Менталисты... Эх, как бы не выдать мыслей о вчерашнем. Пальцы уже привычно сложились в фигу. Что со мной сделают, если прочтут, страшно представить. Падшая, развратная женщина. Почти такая же, как «вдовушки».

Один из менталистов закашлялся в кулак, вызвав мое сочувствие. Воздух у нас был суше, а температура выше, чем в столице, и многие тяжело привыкали к новому климату, а потому болели. Вот же бедняга. До меня ли им и моих терзаний по поводу поцелуя? Ох! Поцелуй! Некстати вспомнились темные, блеснувшие искоркой глаза Ноэля, склонившегося над моей рукой. Щекам стало жарко. И вот ведь... а дофин не попытался даже поцеловать меня. Подумала и еще больше смутилась.

Прогнала непрошенные мысли прочь.

— Мадемуазель Эвон, мадемуазели, — улыбнулся мне один из менталистов, подходя ближе. — Вы рано.

— Конкурсанткам запрещено заходить в фойе! — сверкнул глазами второй мужчина, появившись рядом с нами, словно ниоткуда.

Армель, разом растеряв весь пыл, испуганно вцепилась мне в руку, не смея возразить. А я лихорадочно обдумывала, что делать, если нас выгонят в коридор. Встречаться со свитой Атенаис, способной на гадости, не хотелось. Получается, тогда все зря? И пропущенный урок, и встреча с Ноэлем, а он так рисковал. Стоп. А вот мысли о некроманте надо гнать куда подальше, уж в присутствии менталистов точно.

— Клод, пусть девочки останутся, пойдут первыми, и дальше будем запускать по три конкурсантки, — услышала я молодого мужчину, который принимал «собеседование» у Авроры.

— Но правила...

— Будущей королеве не повредит пара надежных людей рядом, не так ли, мадемуазель Эвон?

Я мигом поняла, на что намекает менталист, — на мои слова в кабинете месье де Грамона. Неужели «старик» все рассказал подчиненным, и они смеются надо мной. Мигом пропала вся нерешительность и волнение, и я, вздернув подбородок, согласилась.

— Да, надежные люди всегда в цене, — как можно спокойнее сказала

под удивленные взгляды подруг. — Их заслуги не забываются.

Менталисты прятали улыбки, но их глаза не обманывали. Каковы бы ни были причины помочь нам, но для нас было благо, что мы остались в фойе. Оказаться один на один с приспешниками Атенаис не хотелось. Больше всего я переживала за Аврору. Несмотря на покрывало, ей могли испортить прическу или платье, а значит, свести все шансы к нулю. Это я, взрослая и сильная, смогу пережить. А баронесса? Нет и нет! Поэтому я готова вынести любые усмешки от «воронов».

— Присаживайтесь, мадемуазель. Как только подойдет дофин, начнется испытание.

Важно кивнула и села на лавку.

— Стефан, встань снаружи. Девушки скоро начнут подходить, постарайся сдержать их напор.

Один из пажей, метнув в нашу сторону удивленный взгляд, с готовностью поклонился и вышел в коридор.

— О чем они говорили, Эвон? — прошептала Армель, едва менталисты отошли, чтобы отдать последние указания оставшимся пажам.

Я же почти с неудовольствием покосилась на подругу. И где ее запал? Еще пару минут назад маркиза решительно едва ли не втокнула нас в двери, а теперь жалась к моему плечу. Об Авроре и говорить нечего, баронесса была ни жива ни мертва. И как она выступить собралась?

Вздохнула. Это будет тяжелый день.

ГЛАВА 20

Вскочила со стула и начала ходить из угла в угол маленького фойе. Звуки за дверью недвусмысленно указывали на то, что девочки постоянно прибывали. Мне были прекрасно слышны их смешки и неприкрытый флирт с пажом на входе. И, судя по гомону, конкурсанток становилось все больше. Оно и неудивительно, всего пару минут назад дофин прошел в кабинет.

Луи-Батист удивленно осмотрел нас, видимо, не ожидал застать кого-то так рано. Надеюсь, он не посчитает нас особами, которые везде пытаются «пролезть без мыла», как говорит дедушкина повариха в «Гнезде».

Подумала об этом и сразу же сделала фигу, пряча руку за складками платья. Негоже виконтессе выражаться, как простая крестьянка, а менталистам слышать об этом. Накляузничают потом, что я не умею вести себя в приличном обществе. Подозрительно посмотрела на троих молодых «воронов» и вздохнула. По их лицам совсем не понять, о чем они думают. Может, им и дела нет до наших мыслей о фасонах шляпок и рюшах на платьях для бала. Вдруг они думают о пирогах? А что? Чем не тема для раздумий? У нас на кухне пекут знатные пироги с рябиной. Только студентам они не достаются и идут на стол учителям. Мы с Армель, правда, пару раз выменивали у поварят несколько штук на ученические чулки. Потом, правда, пришлось выслушать от классной дамы, что мы портим (кто же признается в обмене) третью пару первоклассных чулок всего за пару месяцев. Справедливости ради стоит отметить, что не такие уж они и хорошие, эти чулки, а на складе в академии их море. Зато пироги были вкусные.

Так почему бы менталистам, вместо того чтобы прислушиваться к нам, не думать на какие-нибудь нейтральные темы? Вряд ли в наших девчачьих головах есть что-то интересное. Вот о чем я думаю? Пирогах, чулках, выступлении, Персефоресте, наших с Армель тайнах, месье де Грамоне и Ноэле... К одной фигуре присоединилась разом вторая — для надежности. Мысли в моей голове никак не выстраиваются в единый поток, разве «воронам» не будет скучно отслеживать их все? Или остальные девочки думают «по-взрослому»?

Я задумчиво посмотрела на Армель и Аврору. Подругам ведь тоже страшно. Но по ним не скажешь, бледность только делает их лица более

похожими на картинки из альманаха. Вот бы мне так! А то, судя по тому, как щекам и ушам жарко, я похожа на перезрелый помидор. Еще и волосы наверняка выбились из прически. Села обратно к девочкам на скамейку и досадливо топнула ножкой. Просто вселенская несправедливость. Почему я не могу быть похожа на подруг? Рассчитывать на то, что дофин, увидев меня на испытании, прижмет руку к сердцу и воскликнет: «Мадемуазель Эвон, я в восхищении! Будьте моей женой!», не стоит.

Со стороны менталистов послышался кашель. Один из них даже покраснел весь от попыток прекратить приступ. Бедные они, несчастные! Сколько их вижу, постоянно дохают. Точно все дело в климате, у нас тут, на границе со Спанией, совсем другая влажность, чем в столице.

— Петер, запускай! — послышался голос месье де Грамона из-за дверей кабинета.

«Старик» даже не удосужился выйти. Просто лениво крикнул. Я едва не задохнулась от возмущения. Разве так поступают воспитанные люди?

Петер, молодой высокий мужчина, уверенно направился к нам. Армель и Аврора, которые словно только сейчас поняли, что значит этот крик месье де Грамона, вжались в спинку скамейки.

— Мадемуазель Эвон, прошу.

Посмотрела на протянутую руку с ужасом. Это сейчас меня поведут на позорище? Почему именно меня? Я уже начала сомневаться в своем выступлении — как оно у меня получится. И быть первой... Что бы ни говорила Армель, но запомнится именно последнее выступление, к концу показа может и забыться маленькая иллюзия одной несчастной Эвон.

— Отчего же я? — слабо пробормотала, пряча взгляд от менталиста.

— Вы же васконка, мадемуазель. Разве васконцы пасуют перед трудностями?

Я резко подняла голову, задетая за живое словами месье Петера, который произнес вслух мои обычные мысли, но в его интонации мне послышалась некая насмешка. Да! Я — васконка. И черт подери Атенаис (ну не меня же, верно?), если я отступлю.

Расправила плечи так, как учил мэтр Шарль: подняла, отвела назад, опустила — и одним движением поднялась со скамейки. Рассчитываете, что я растеряюсь, господа? Не дождетесь! Я — Эвон де Сагон. И если надо войти в самую страшную комнату, я сделаю это, да так, что ни один паж не заподозрит, насколько мне страшно.

Где-то позади испуганно ахнула Армель, а я уже шла впереди, едва касаясь пальцами руки менталиста. Идти было легко, все мысли будто разом испарились из головы, только в животе, словно живой жгут,

поселился страх. Но позволю ли я, чтобы это увидели все? Ни-ког-да! Мне показалось, менталисты одобрительно кивнули, когда я проходила мимо них. Почему-то именно это придало мне уверенности, ведь наверняка они уже читают мои мысли. А я думаю по-взрослому. Так, как приличествует будущей королеве.

— Удачи, мадемуазель, и пусть все старые боги благоволят вам, — шепнул на ухо менталист, останавливаясь около входа в кабинет и отступая в сторону, давая мне сделать последний шаг самостоятельно.

Кивнула и, открыв дверь, решительно ступила вперед.

Часто заморгала, привыкая к полумраку, все шторы в классе были задернуты, не пропуская ни единого лучика света. Парты были сдвинуты к стенам, освободив площадку для выступления. На небольшом возвышении за учительским столом расположился дофин. Он сидел с неестественно прямой спиной, будто готовый к длительному утомительному ритуалу. А ведь ему действительно предстоит долгий день, чтобы просмотреть сорок конкурсанток.

Фавориты примостились прямо на ступеньках, ведущих к возвышению, и перебрасывались какими-то шутками, которые мне было не расслышать с такого расстояния. Месье де Грамон и еще несколько менталистов стояли в тени портьер, прямо за спиной дофина.

— Мадемуазель Эвон! Рад, что первой выступаете именно вы. Безусловно, это хорошее начало дня, — лучезарно улыбнулся принц. — Что покажете?

Пока дофин приветствовал меня, один из фаворитов нашел на столе нужную папку и передал ее Луи-Батисту. Думаю, это то самое «личное дело», куда вносятся разные пометки о конкурсантках.

— Книжная магия, мадемуазель?

— Иллюзия, ваше высочество. — Я сделала реверанс.

— Прекрасно! Обожаю иллюзии, — ободряюще подмигнул принц. — Приступайте и не волнуйтесь.

Кивнула, приказывая себе успокоиться. Волноваться действительно было нельзя. Когда нам объясняли порядок проведения испытания, классные дамы акцентировали наше внимание на том, что каждое выступление должно длиться не более десяти минут. И если беспокоиться, то отпущенного времени может не хватить.

Меня же вопреки собственным мыслям снова охватила легкая паника. Получится ли? Смогу ли? Я ведь замахнулась на небывалое... Ночь — время некромантов, а я совсем не некромант. Но если Тьма будет ко мне хоть немного расположена...

«...Пусть все старые боги благоволят вам».

Я, конечно, слышала, что менталисты, как и некроманты, частенько выбирают себе в покровители старых богов, но сама задумалась об этом впервые. Больше просить о помощи все равно некого, не так ли? Ну же... узнай меня, древняя богиня! Помнишь, я дарила платок Ноэлю? Знаю, что это глупо. Доподлинно неизвестно, существуют ли тотемные символы у некромантов, но... так легче — думать, что она поможет мне как женщине женщине.

Казалось, я услышала легкий смешок и, посчитав это за добрый знак, закрыла глаза, сосредотачиваясь. Будет непросто. Может, зря я это выбрала? Но стихи... почти те самые, что читал папа. У него же получалось. Хотя отец всегда говорил, что есть какой-то секрет, но в чем он был? Не знаю, но пусть моим станет алхимия. Готовясь к большому представлению, растерла в руках капли зелья с ароматами, которые придадут моей иллюзии реалистичность, дополнив ее запахами травы, цветов и густого ночного воздуха.

Принц, заметив приготовления, заинтересованно посмотрел в мою сторону. Догадается ли, что я использую в выступлении второй дар? Хотя не об этом надо думать. Не об этом.

Выдохнула.

Нет дофина и свиты. Нет месье де Грамона. Только я и моя сказка. То чудо, о котором рассказывал отец: высокий ковыль, покачивающий «седыми» хохолками, и простор. Да еще степные бабочки, создаваемые отцом как воспоминание о своей службе, те самые, которых мы с братом ловили по всей библиотеке.

Нет комнаты с десятком людей, нет испытания, дофина и менталистов. Только мой голос, рвущий тишину, и мой мир. Я читала стихи о бескрайней степи, и в моем воображении существовала только она. Найдет ли это отклик в душе дофина? Не знаю... но ничего прекраснее быть не может!

Подняла ресницы, но присутствующих не видела. Лишь преображающееся в дымке пространство, переход от реальности к волшебству. Я говорила, что мой дар ничтожен? Забудьте. Он потрясающ! И только сейчас, почувствовав, как все меняется вокруг меня и даже воздух становится другим, я поняла, что принимаю его весь без остатка.

Медленно, начиная от моих ступней, расцветала иллюзия. Вот из-под подола платья тонкими разломами побежали зеленые нити травы. Они ускорились, причудливыми зигзагами устремляясь к стенам. И каждая нить превращалась в нечто особенное, словно выпуская откуда-то из глубин

изумрудную траву, расцветая неброскими степными цветами. Отец часто показывал нам в травнике картинки, потому мне не составляло труда представить любое из растений.

Казалось, трава и ковыль всюду, куда ни повернись. Сплошной живой ковер. Но менялся не только пол под ногами — в воздухе появились быстрые маленькие птицы, которые ловили на лету шустрых стрекоз. Даже легкий ветерок, стелющийся над самым полом, покачивал нежные бутоны ярких маков.

Со стороны дофина послышался восхищенный вздох. Им уже нравится? Но это только начало! Подняла лицо к потолку и улыбнулась.

Ночная тьма опускалась медленно, точно черную краску разливали по стеклу. Тягучей смолой она ползла по стенам с потолка, там, где еще секунду назад было видно простор степи, теперь лишь одно бархатное марево. Не было больше ни горизонта, ни неба. Чудилось, что еще немного — и темноту можно будет пить, как густой кисель.

Я развела руки в стороны, уж очень тяжело было сдерживать иллюзию. Победно улыбнулась. Не знаю, насколько понравилось дофину, но папа бы мной гордился.

Яркий ночной воздух, пропитанный сладостью степных цветов, обволакивал. Касался кожи.

Сердце замирало от звуков, где-то вдалеке слышался приглушенный вой волков, шуршала трава и пели цикады. Целая симфония звуков! Но сердцем слышала каждый.

Я была степью. Травой, ночными птицами и даже светляками, мерцающими над равниной. Я была здесь и всюду. Дышала ночным воздухом, жадно глотая сладость ароматов, и рассматривала мир сразу со всех сторон.

«Вдалеке», на самой границе с горизонтом, виднелось множество костров. Стоянка людей? Не знаю. Может, то древние боги спустились на землю в такую ночь. Вдрогнула от ощущения ветерка на щеке. Даже я начинаю верить в реальность иллюзии. Но она еще не окончена!

Воображение дорисовало луну и щедро рассыпало звезды по небосклону. Даже одна падающая затесалась — звезда пролетела, оставив яркий росчерк в небе.

Оглянулась. Моих сил не хватило, чтобы вовлечь в волшебство иллюзии дофина, ночная темнота остановилась в полуметре от возвышения, где располагался принц. Тьма жадно лизала воздух недалеко от людей, будто живая. Месье Рауль и месье Гастон были далеко впереди остальных фаворитов. Они с каким-то странным выражением лица

протягивали руки к моей иллюзии, словно боясь коснуться. Видя их благоговейный трепет, я по-настоящему улыбнулась. Да, я могу собой гордиться!

Впрочем, не только некроманты были поражены, дофин тоже стоял с безумными глазами, оглядываясь. Изредка он вдыхал «ночной» воздух, будто не верил своим глазам. Граф де Армарьяк пораженно смотрел на звезды, что-то периодически шепча.

И лишь месье де Грамон смотрел прямо в мои глаза. Не отрываясь. И вот странное дело, я выдержала взгляд. Это было не восхищение, нет. Но признание моего дара, моего таланта. Меня!

За спиной медленно вставало солнце. Вот край моего платья, насколько мне видно, вспыхнул розовым маревом, словно торжествуя над Тьмой. Но я не дала свершиться такому кощунству, ведь древняя богиня явно помогла мне, без нее не обошлось точно. Мой голос затих, и иллюзия, не подкрепленная больше словами, осыпалась, прекращая волшебство. Серебряным дождем падали на пол звезды, стрекозы и трава, стирая воспоминание о магии, которая творилась. Последней, что странно, ушла темнота. Она подобно туману таяла, понемногу растворяясь.

— Это было... — Дофин подался вперед и замолчал, не в силах подобрать слов.

— Восхитительно! — воскликнул месье Рауль, разглядывая меня блестящими глазами.

— Чудесно! — подхватил месье Гастон, незаметно оттесняя друга плечом.

— Такой уровень владения даром! Примите мое восхищение, мадемуазель Эвон, — кивнул граф де Армарьяк, толкая в бок дофина, который так и не закончил мысли.

Широко улыбнулась, мне были приятны похвалы мужчин.

Посмотрела на месье де Грамона. Цепной Пес поклонился. Следом за предводителем склонились остальные менталисты. Не было лишних слов, но... на секунду мне показалось, что это поклон равных. Может, даже поклон будущей королеве.

Присела в реверансе, не сводя взгляда со «старика». И в кои-то веки эта «пытка», установленная этикетом, получилась у меня как надо.

Месье Гай, не участвующий в восхвалениях, задумчиво на меня посмотрел и оглянулся на менталистов. Держу пари, фаворит понял, кому адресован мой реверанс. Под внимательным взглядом этого неприятного мужчины из свиты принца я почувствовала себя неудобно. Ведь мне положено смотреть на дофина, а не на его дядю.

Щекам стало жарко.

— Мадемуазель Эвон, позвольте выразить восхищение еще раз, — справился с волнением дофин, бросая отчего-то короткий взгляд в сторону стола. — Такой дар — редкость!

— Темнота была как живая. Казалось, я слышал голос своей богини, — услышала я от месье Гастона, который выступил вперед, ненавязчиво оттесняя принца. — Позвольте поцеловать вам руку.

Некромант склонился, а я едва не отпрянула. И лишь в последний момент, когда мои пальчики уже дрожали в его широкой ладони, мне удалось взять себя в руки. Даже если это, с моей точки зрения, весьма постыдное занятие, то в столице так принято. Пора привыкать, я ведь всерьез планирую пройти отбор.

Однако «поцелуй» некроманта весьма отличался от того, которым наградил меня Ноэль. Месье Гастон, казалось, лишь коснулся губами воздуха около моей ладони и тут же распрямился, рассматривая меня влажными глазами. Я же испытала... разочарование? Да, ситуация в темном коридоре была из ряда вон выходящей, но как замерло тогда сердце испуганной пташкой, а сейчас? Ничего. Смущенно покосилась на отошедшего некроманта, не заметил ли он моей реакции. Не обиделся ли? Но нет, месье Гастон, как и другие мужчины, был непривычно возбужден и о чем-то перешептывался с остальными фаворитами. С облегчением перевела дух и наткнулась на насмешливый взгляд месье де Грамона.

Цепной Пес, видимо без труда прочитав мои мысли, улыбнулся и приложил палец к губам. Будет молчать? Но какой же надшей женщиной он меня, наверное, считает. Хотя, если верить альманахам, ничего предосудительного я не сделала. А по совести? Разве не положено принимать такие поцелуи только от того, кого любишь? И то... если связала судьба. Вот, например, если я стану королевой, то хоть трижды я симпатизирую Ноэлю, подобные знаки внимания недопустимы. Судя по одобрителю взгляду менталистов, я права.

Украдкой, пока не видели дофин и фавориты, повторила жест месье де Грамона, что порядком развеселило всех менталистов. Широко улыбнулась в ответ. Если дурачатся взрослые мужчины, почему не могу и я. Тем более дофин и не смотрел в мою сторону. Гости переговаривались между собой, начисто забыв обо мне. Особо яркими спорщиками оказались некроманты. У меня не было сил прислушиваться к разговору, кураж после выступления начал пропадать, и я обнаружила, что совершенно вымотана и еле держусь на ногах. Хотя, может, причина в слишком тяжелой иллюзии. Учитель говорил, что «оживление творчества» отнимает много энергии.

— Регламент, мой принц, — послышался голос месье де Грамона, прерывая какое-то жаркое обсуждение фаворитов.

— Что? — Дофин вздрогнул и удивленно посмотрел на дядю. — Регламент? Вы правы... Но мне все равно потребуется время, чтобы отойти от увиденного. Позвольте проводить вас, мадемуазель.

Сделала реверанс и положила ладонь на протянутую руку дофина.

Долго ли идти до дверей кабинета? Пара шагов. Мало? Но у меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло. От Луи-Батиста пахло степью и костром, словно он действительно побывал внутри моей иллюзии. Мгновение — и все закончилось. Дофин собственноручно открыл дверь и так же, как месье Гастон, склонился над моей рукой. Похоже, я становлюсь отъявленной кокеткой, потому что мне начинает это нравиться. И невесомый быстрый поцелуй, и легкое головокружение от собственного смущения. Щекам стало жарко, и я подумала, как глупо выгляжу, наверняка растрепанная и раскрасневшаяся.

— Еще раз благодарю, мадемуазель Эвон, за доставленное удовольствие.

— Это я вас должна благодарить, ваше высочество, — улыбнулась из последних сил, старательно копируя улыбки из альманахов.

— Жак, пригласите следующую конкурсантку через десять минут.

Паж, стоящий слева от двери, коротко поклонился, но едва за дофином закрылась дверь, подозрительно на меня посмотрел. Я же перевела дух. Это было... сложно.

— Эвон!

— Боже мой, боже мой, Эвон! — выпалила на одном дыхании Армель, налетев ураганом. — Это просто подарок свыше, что дофин взял перерыв. Рассказывай!

Подруги были взволнованны. Видимо, те несколько минут моего выступления тяжело им дались — напридумывали всякого. И только сейчас я оценила всю прелесть того, что пошла первой. Я уже закончила, мне не нужно в исступлении кусать губы, думая, как же я выступлю. А не пойдет ли что-то не так? И чем дольше я бы сидела, тем хуже было бы мое выступление. Натянутые нервы никому не помогают. Волнений и так хватило, мне казалось, я не скажу ни словечка.

— Как все прошло? Там есть стеллаж с книгами? Я, конечно, подавала менталистам прошение со списком необходимого, но...

— Есть, — кивнула, вспоминая, что же стояло вдоль стен класса, кроме парт.

Перевела дух. Хотелось столько всего рассказать подругам, но

внезапно поняла, что чем больше думаю о произошедшем, тем сильнее меня начинает бить дрожь. Как же много зависело от этого выступления! А если бы я ошиблась?

— Эвон, Эвон, Эвон! Не молчи! — трясла меня за плечо Армель. — Ну почему ты никогда ничего толком не рассказываешь?

Вместе с усталостью накатило и раздражение. И это я не рассказываю? Возмущенно посмотрела на маркизу. Что за глупости? Это Армель иногда бывает бесцеремонной, частенько спрашивает по сто раз одно и то же, только другими словами, или вовсе не дает никому ответить. Вот и сейчас даже не дала мне немножечко времени, чтобы собраться с мыслями. Открыла было рот, чтобы высказать все, что я думаю о беспардонности подруги, но меня остудили слова Авроры:

— Полно! Посмотри на Эвон, она просто еще под впечатлением. Ее уже почти трясет. Где уж тут слова сразу подобрать? Пойдем, Эвон, присядем.

Аврора... Я говорила, что блондинка глупа? Может, это я была глупа, а баронесса позволяла мне тешить свою гордыню? Ведь сейчас именно она поняла меня, как никто другой. Благодарно посмотрела на подругу. Именно. Что сказать-то? Перед глазами до сих пор стоял класс, а вот слова... Меня мелко трясло от пережитого, и накатывала волной тревога, о которой я благополучно забыла на испытании.

Армель мигом замолчала и взволнованно заглянула мне в глаза. И, видимо, настолько странный был у меня взгляд, что маркиза, тяжело вздохнув, потянула нас к окну. Менталисты, поняв, что нам требуется время, отошли в дальний угол и тихо переговаривались между собой. Даже паж отвернулся, словно ему самому было не интересно послушать.

Послушно опустилась на скамью и перевела дух. Гнала от себя разные мысли и глупо улыбалась. Справилась же!

— Прости меня, Эвон! — прошептала на ухо подруга, обнимая. — Следовало спросить, как ты, а не есть ли там стеллаж.

Аврора прижалась ко мне со спины, обвивая руками за талию. А я... едва не разревелась от счастья. С этим отбором мы так отделились друг от друга. Стали говорить только о дофине и о том, как пройти конкурс ради выигрыша, а надо было о нас, о нашей дружбе, которой целый год! И за это время мы ни разу не ссорились. А тут на тебе! Но ведь трудности сплачивают дружбу, так дед говорил. Почему же мы едва не переругались? Почему Армель было интересно не мое состояние после отбора, а что там произошло. И оттого ценнее было осознание, наступившее сейчас.

Мы просидели, тесно прижавшись друг к другу, несколько минут,

словно прося прощение. Мысли читать мы, конечно, не могли, но тут явно было все понятно и без слов. Ничего. У нас еще весь день впереди. Проведем его и без наблюдений за дофином.

— Мадемуазели, следующая конкурсантка, — мягко напомнил один из менталистов.

Мы с девочками дружно вскинули глаза на «ворона». В глазах мужчины — ни тени насмешки. Только глубокое сочувствие. А ведь он знает, что у нас в головах, видит, какие мы мелочные, как разбрасываемся нашей дружбой. Все самое сокровенное и ужасное. Возможно, Аврора... чистая девушка, а вот я точно злая и плохая. Армель... вот на меня мгновение назад ей было наплевать. Значит, и она не святая. Но почему менталист смотрит с таким пониманием?

Аврора и Армель переглянулись, и маркиза решительно поднялась со скамьи, на прощанье сжав наши руки. Я проводила взглядом подругу и вздохнула. Вот бы Армель выступила хорошо!

— Все еще плохо? — прошептала баронесса, сжимая мои руки.

— Уже нет. Спасибо, — улыбнулась, прислушиваясь к себе.

Мне действительно было лучше, будто бы подруги забрали у меня все волнения. Я же справилась? Все были восхищены моим талантом. Уверена, что мой успех сможет повторить не каждая девушка.

— Мадемуазель Эвон, возьмите.

Все тот же менталист протянул мне стакан молока и улыбнулся.

— Спасибо, — кивнула, принимая напиток, и немного отпила, окончательно успокаиваясь.

— Мадемуазель, может быть, вам тоже молока или воды?

Аврора немного испуганно вскинула глаза на менталиста и помотала головой.

— Благодарю, месье Петер, не надо.

Мужчина с достоинством поклонился и отошел к своему сослуживцу.

— По-моему, менталисты к тебе равнодушны, — прошептала Аврора мне на ухо. — Заметила, как они внимательны?

— Нет-нет, ты ошибаешься, Аврора, — покачала я головой.

Мне вспомнился подслушанный на балконе разговор и слова месье де Грамона. Наверняка Цепной Пес просил следить за мной, чтобы не разболтала лишнего. Но разве я так глупа, чтобы подставить подруг под Абасту?

— Тогда, может быть, конкретно месье Петер влюблен в тебя? Думаешь, он с каждой так приветлив?

Недоверчиво посмотрела на мужчину. Влюблен? Против воли

нахмурилась. Может ли быть такое? Наверное, менталист — выгодная партия: как минимум он дворянин, один из помощников месье де Грамона, сравнительно молод, чтобы мне не было с ним скучно. Я бы смогла полюбить такого, как месье Петер, ведь так? Да и дедушке понравился бы человек, состоящий на королевской службе, но богат ли месье Петер? Конечно, это не так важно было бы в любой другой ситуации... но как быть с «Гнездом»? Помотала головой. Как же сложно найти то, что устроило бы мое сердце и разум: и богатого, и умного, и с деньгами. Да и здоровье у них слабое — вон как он снова зашелся в кашле. Возможно, издержки профессии. Нет, менталист явно не для меня. Еще умрет, его возраст (не ровесник все-таки) и неважное здоровье — плохое сочетание. А быть вдовой...

Вздохнула.

— Волнуешься? — спросила подругу, отгоняя мысли о месье Петере.

— Немного. — Аврора улыбнулась, спокойно посмотрев мне в глаза.

Я была удивлена. Мне казалось, что из нас троих больше всего панике подвержена баронесса, но уж никак не я. Совсем по-новому посмотрела на подругу — железные нервы.

Скрипнула дверь, и из класса вышла довольная Армель. Ее также провожал до дверей его высочество. Маркиза присела в реверансе и что-то сказала дофину, отчего тот улыбнулся. На этот раз дофину, похоже, не требовалось дополнительное время, так как он, посмотрев на нас с баронессой и поцеловав руку Армель, подал знак пажу и менталистам.

— Мадемуазель Аврора, — тихонько пригласил баронессу паж, — пора.

Аврора спокойно поднялась со скамьи и, коротко выдохнув, с решительностью, которой от нее никто не ожидал, направилась к двери. Армель тихонько скользнула в нашу сторону, пропуская подругу мимо себя. Лишь коротенькое рукопожатие выдало эмоции девушек. Я взволнованно следила за прямой спиной баронессы. Напускное ли это спокойствие, чтобы я не переживала за Аврору? Кто знает.

Я же, поставив стакан с молоком на подоконник, протянула руки вперед, и Армель упала в мои объятия, так же, как и я после испытания, полностью обессиленная.

— Как прошло?

— На мой взгляд, хорошо, — улыбнулась маркиза. — Все книги «танцевали» как надо. Правда, с твоим выступлением, Эвон, видимо, тяжело тягаться. Дофин только и делал, что все время смотрел в какой-то медальон.

В голосе подруги слышалось разочарование, и мне даже стало немного стыдно. С другой стороны, это же соревнование. Хотя мне бы точно было обидно, если бы дофин не поднимал глаз от стола, когда я творила иллюзию.

— Мадемуазели, вам потребуется время, чтобы прийти в себя? — любезно поинтересовался подошедший месье Петер, протягивая и для Армель стакан молока.

— Благодарю, — улыбнулась маркиза. — Если вы не против, я бы немного посидела.

— Месье, позвольте нам дождаться нашу подругу. Аврора очень тонкой душевной организации, ей потребуется наша поддержка. — Я молитвенно сложила руки, банально боясь выходить к остальным девочкам.

Молодой менталист переглянулся с коллегой и тяжело вздохнул. Судя по взгляду, второй месье был недоволен таким поворотом дел. Не по правилам? Выражение лица «воронов» не обещало нам ничего хорошего. И ведь неизвестно, кто зайдет вместо нас. Аврора выйдет... а нас нет.

— Хорошо, мадемуазель Эвон, вы можете дождаться подругу. Жак, запусти пока следующую тройку девушек.

Паж с любопытством оглядел нас с Армель и вышел в коридор.

Когда дверь открылась, в проеме мелькнули взволнованные девичьи лица и пестрые платья, а мне мигом стало не по себе. Ведь нам предстоит выйти к жаждущей подробностей толпе.

— Проходите, мадемуазели, — послышался за спиной голос пажа.

Месье Петер скривился, словно он отведал кислого молока, и, откланявшись, отошел к стене. Интересно, что ему так не понравилось? Неужели посчитал слабостью мои мысли?

— Ну, кто бы сомневался, что ваша троица будет первой, — раздался недовольный голос за спиной.

Я едва не застонала, узнав Луизу. Хорошо, что мы не бросили Аврору на растерзание этой... Скорчила недовольное лицо иронично улыбнувшейся Армель и повернулась к однокурсницам.

— Кто рано встает, тому Бог дает, — почти пропела, радуясь, что Атенаис не участвует в отборе.

ГЛАВА 21

Возможно, мне не тягаться с Цветочком, но Луиза не настолько зубаста, как ее подруга. Если я не смогу справиться с ней, то что меня ждет при дворе, где, по словам мэтра Шарля, настоящий серпентарий.

— Ну да... некоторым подачки просто необходимы, — пренебрежительно фыркнула Лу, поводя плечиком.

Свита моей соперницы мерзко захихикала, а я едва не покачулась от неожиданности. О чем это Луиза? Не было ли в ее словах подоплеки. Только вот какой? Ведь не могла же Лу знать о бедственном положении «Гнезда»? Улыбнулась как можно безмятежнее, хотя на душе было тревожно. Отец Луизы был ростовщиком. Не мог же дед так сильно задолжать?

— А кому-то и помощь свыше не поможет, — парировала Армель, вставая со мной рядом, словно солдат, готовясь к обороне.

От слов маркизы Лу растерялась и замолчала. Ее свита, казалось, тоже была сбита с толку. А еще девочки уж больно пристально вглядывались в мое платье. Искали следы грязи? Еще бы... Луиза с подругами прогуляла занятия ради того, чтобы мне насолить, а тут — ничего! Приятно, когда тебя считают главной конкуренткой, еще бы играли честно...

— И как все прошло? — робко поинтересовалась Белла после минутного молчания.

Я же почувствовала себя... странно. Почти вершителем судеб, ведь о том, как происходит отбор, знали только я и Армель. А девочкам, стоящим сейчас перед нами, страшно. Неизвестность — плохой помощник сохранить хладнокровие. А именно ясная голова требуется при испытании. С одной стороны, мне очень хотелось, многозначительно поведя плечом, сказать что-нибудь в стиле Атенаис, особенно после «представления», устроенного пару минут назад. С другой же, казалось кошунственным скрывать произошедшее в классе. Ведь всем страшно! Да, Лу хотела испортить нам сегодняшний день и уничтожить все шансы на мое будущее, но ведь она неплохая.

Помнится, мы даже были когда-то дружны. Род Луизы был древний, но беден как церковная крыса. Из всего богатства — только дворянские корни и герб на покореженном щите, который предок де Классов привез из далекой Валлии. Ни земель, ни родового замка. Они и жили-то в небольшой усадьбе, находящейся в дедушкином виконтстве. Только

батюшке Лу удалось как-то выбиться из вечных долгов, хотя, на мой взгляд, ростовщичество — это сомнительное занятие для дворянина. Сам он жил в столице нашего графства, а Лу была так же, как и я, на попечении своего деда.

Так как дворян в нашей глуши было немного, дед разрешал мне играть с Лу. Баронесса была тихой стеснительной девочкой вроде Авроры. Любила книги, и мы на пару читали запоем альманахи про Мелюзину. А потом... мы приехали в академию.

Первую неделю учебы мы были все так же дружны, и я даже не общалась с Армель или Авророй. Но потом я стала свидетельницей, как подшутили над баронессой. Я встала на защиту Авроры, как и Армель, а Лу... Она испугалась, что сама может стать жертвой розыгрыша Атенаис. Уже на следующий день Луиза сидела на ступеньках около скамейки Цветочка, словно собачонка, и тоненько смеялась.

Но Лу не была плохой. Я точно это помню. Что же могло так изменить девушку? Или все это игра, чтобы Атенаис не заподозрила ничего лишнего.

— А мы обязаны говорить? — вскинула брови Армель, поджав губы.

— Ах вы... — вспыхнула Лу.

— Я прошу соблюдать тишину, мадемуазели, — сердито оборвал нашу перепалку месье Петер, которому надоело слушать, как мы ругаемся.

Лу замолкла буквально на полуслове. Она уже округлила губы, намереваясь сказать какую-то колкость, и подняла плечико, чтобы, видимо, выразить пренебрежение. Бывшая подруга несколько раздраженно посмотрела на менталиста, но промолчала.

Я уже почти люблю месье Петера!

За спиной раздалось покашливание. Судя по всему, опять у кого-то из менталистов приступ. Бедняги! Совсем не подходит им наш климат. Надо будет попросить в лекарском крыле трав и заварить для месье исцеляющий чай в благодарность за помощь.

— А ты не боишься, Лу, что менталист видит все ваши мерзкие мыслишки? — шепотом съехидничала Армель, глядя, как притихли девочки.

— Менталистам запрещено делиться своими наблюдениями с окружающими, — возразила все таким же громким шепотом Белла, боязливо косясь на стоящих недалеко мужчин.

— Но уж дофину-то они точно рассказывают.

У Армель в голосе слышались снисходительные нотки. Впрочем, я думаю, ни для кого это не было открытием. Остается лишь догадываться, что могут рассказать «вороны» дофину. Вот про меня точно море гадостей.

У меня просто ужасные мысли!

— Думаешь, что Эвон святая? Или ты? Или старательно думаешь только о хорошем? Сами только и мечтаете, как бы разделить с принцем постель, — зашипела Лу.

Я даже удивилась такому злому выпадку Луизы. Разве могли мы с Армель считать себя непогрешимыми? И что значит «разделить постель»? Нет, я слышала эту фразу и раньше, но не задумывалась о значении, пока Лу не произнесла ее.

Неужели придется еще и за спальное место сражаться? Я мигом представила, как старательно черчу на кровати линию четко посередине матраса и ругаюсь, едва принц, издевательски хохоча, кладет ногу на мою половину.

Конечно, у меня есть подозрения, что это означает что-то плохое, уж больно злое лицо было у Лу, но понять бы что. Супруги спят вместе, это я точно знаю. Может быть, не каждую ночь, судя по отдельным репликам однокурсниц, но спят. Значит ли это «делить постель»? Но что в этом плохого? В любом случае я просто онемела, не зная, как ответить, чтобы не показаться совсем уж дурочкой. Зато маркиза, которая, видимо, поняла больше моего, возмущенно ахнула. Не знаю, что хотела сказать Армель, но ее прервал звук открывающейся двери. Мы с подругой стремительно развернулись и увидели Аврору. Была баронесса раскрасневшейся и пыталась выдернуть руку из ладони де Армарьяка, который и провожал конкурсантку. Что удивительно, спутником Авроры был не дофин. Но само поведение графа казалось странным. Он наклонился к самому уху блондинки и что-то ей сказал, отчего Аврора покраснела еще сильнее.

Мы с Армель вытянули шеи, разглядывая необычную картину.

Де Армарьяк, оторвавшись наконец от баронессы, с удивлением посмотрел на нашу компанию. Я оглянулась на застывших Луизу и ее подруг и удовлетворенно хмыкнула, проследив, как растерянно переглядываются девочки.

— А почему вы здесь?

— Мы должны были дождаться подругу, месье, — присела в реверансе Армель, не сводя глаз со смущенной Авроры и графа. — Вдруг Авроре захотелось бы теплого молока после выступления.

Я же, догадавшись, что Аврора явно на грани обморока от потрясения, молча протянула ей руку. Она, радостно и благодарно улыбнувшись, ухватилась за нее и порывисто меня обняла. Впрочем, баронесса не прекратила смотреть на де Армарьяка из-под полуопущенных ресниц.

— Или поддержки, — негромко пробормотала я, с некоторой досадой

рассматривая де Армарьяка. Со своим выбором он, похоже, определился, а значит, для меня минус одна выгодная партия. Если буду долго думать, разберут всех, и даже месье Петера.

За спиной послышался смешок, и я запоздало подумала, что, скорее всего, месье менталист без экранирующего амулета и, следовательно, слышит все мои мысли. И если раньше это была лишь догадка, то после смешка она переросла в уверенность. Хотя в моей голове не было ничего плохого, несмотря на слова Лу, я почувствовала себя неловко, и мигом щекам стало жарко. Де Армарьяк, посмотрев на мои заалевшие щеки, заинтересованно покосился за наши спины на менталистов, будто ожидая, что меня разоблачат прямо на месте.

— Мы настолько страшные, что после встречи с нами требуется дружеская поддержка?

— Сколько можно болтать? Какова причина задержки? У нас сорок кандидатов, а ты торчишь в дверях непозволительно долго!

Легонько толкнув поморщившегося де Армарьяка в спину, из комнаты вышел месье де Грамон и оглядел нашу компанию. Лу с подругами за моей спиной разом присели в реверансе и точно оцепенели. Впрочем, не лучше «старик» действовал и на моих подруг. Аврора вцепилась в мое запястье так, что непременно останутся синяки, а Армель тут же растеряла всю свою браваду.

— Мадемуазель Эвон! — протянул менталист, оглядывая меня с головы до ног. — Можно было не сомневаться в причине задержки.

— Я тут решительно ни при чем, месье! — возмущенно воскликнула и тут же осеклась.

— Действительно, — поддержал меня внезапно граф. — Это я...

— Давно должен был пригласить следующую конкурсантку, — отрезал месье де Грамон. — Стефан! Отведи девушек в их комнаты. И, мадемуазель Эвон, настоятельно советую не покидать пределы ваших спален. Ведь я могу прийти и проверить.

Паж, появившийся словно ниоткуда, коротко поклонился нам с подругами и жестом пригласил ко второму выходу из фойе. Я могла и догадаться, что нас не выпустят к общей толпе. Лишь спустя мгновение пришло осознание. Неужели нас разведут по разным комнатам, не дав поделиться впечатлениями. Нет-нет! Месье не может быть столь жесток. Разве можно так поступать с девушками? Ведь столько всего хотелось обсудить! Как прошло выступление, все ли хорошо. А душевные переживания?

Услышав же последние слова менталиста, я на мгновение

представила, как Цепной Пес заходит в мою спальню с присущим ей бардаком и, оглядываясь по сторонам, занимает единственный в комнате стульчик.

Когда я была маленькой, сразу после смерти родителей дед часто приходил ко мне в комнату. Видимо, чтобы я отвлеклась от тяжелых мыслей. Он усаживался за детский столик, с трудом помещаясь на маленьком стуле, и аккуратно брал в руки посуду из игрушечного сервиза. У меня всегда был накрыт стол к завтраку с расписными крошечными чашками и блюдцами. Печенье, к слову, было настоящее.

И вот сейчас «визит» месье де Грамона мне чудился таким же: огромный менталист, сидящий за моим кукольным столиком, с малюсенькой чашкой в руке.

Глаз у менталиста, с которого я не сводила взора, дернулся. Он несколько раздраженно посмотрел куда-то мимо меня.

— Вы что-то хотели сказать, мадемуазель? — процедил сквозь зубы месье де Грамон.

— Можно ли нам с подругами посидеть в моей комнате?

Цепной Пес удивленно замер, и я запоздало поняла, что в первую очередь он имел в виду не нас, а, скорее, Лу или ее подруг.

— Наглость — это, бесспорно, необходимое качество для королевы, мадемуазель Эвон, но...

— Вы хотели сказать «упорство», месье де Грамон? — усмехнулся де Армарьяк.

— А как же стакан теплого молока? — едва не плача пробормотала, осознавая, что нас сейчас разведут по разным комнатам и никак не получится поговорить.

— О маги всемогущие! — раздраженно воскликнул месье де Грамон. — Стефан! Принеси в покои мадемуазель Эвон три стакана молока. Мадемуазель Луиза, на испытание.

Месье де Грамон, нисколько не церемонясь, дернул месье де Армарьяка за руку, увлекая в кабинет. Граф же, дурачась, подмигнул замершей от ужаса Авроре.

А я... почувствовала теплую волну благодарности. Ведь три стакана молока означают, что нам разрешили пересидеть у меня в комнате. Не для меня же одной. Я столько и не выпью.

— Мадемуазель Луиза, — мягко напомнил месье Петер. — Прошу.

Луиза, в глазах которой еще стоял испуг, обойдя нас с подругами по дуге, неуверенно шагнула через порог. Месье Петер тут же захлопнул за ней дверь.

В наступившей тишине раздался слаженный вздох облегчения. Я с удивлением посмотрела на Армель и Аврору. Что же их заставило так переживать? Неужели появление месье де Грамона? Но ведь он совсем не страшный. Строгий, конечно, вредный и немного пугающий, но точно не страшный.

— Присаживайтесь, мадемуазели, — вежливо предложил менталист оставшимся в фойе подругам Лу. — Стакан воды или, может быть, молока?

Девушки слаженно помотали головами и, сев на самый краешек скамьи, уставились на меня, словно кролики на удава. Интересно, чего они ждали? Какого-то пояснения? Я даже немного растерялась, не зная, что делать.

— Мадемуазели? — доброжелательно улыбнулся паж, открывая неприметную дверцу в углу фойе.

Аврора, придя в себя, отпустила наконец мою руку и, сделав несколько шагов в сторону Стефана, неуверенно оглянулась на меня.

— Благодарю вас, месье Петер. — Я присела в реверансе, который и на этот раз получился у меня идеально.

— За что, мадемуазель?

— За участие, — убежденно кивнула, вспоминая тот самый стакан молока, протянутый мне.

Ведь никто не заставлял менталиста помогать нам. Его дело лишь следить за порядком среди конкурсанток, а не узнавать, все ли хорошо с девицами после испытания. Дедушка всегда говорил, что мы незаслуженно обижаем самых простых людей, которые с теплотой относятся к нам. Мне запомнились слова Лу, что не нужно сдерживать свои мысли, ведь менталисты все равно никому не расскажут, но я считала это неверным.

«Спасибо, месье де Грамон», — подумала я, стараясь, чтобы это было как можно громче и Цепной Пес услышал меня даже в соседней комнате.

Я действительно была благодарна «старикуну» за все. В том числе и за незаметный выход после испытания, минуя толпу девчонок. Нас бы с подругами просто растерзали остальные студентки, ожидавшие встречи с дофином, а так идем себе пустынным коридором и молчим. Говорить в присутствии пажа было как-то стеснительно.

— Вы пользуетесь расположением месье де Грамона, мадемуазель Эвон, — вскользь заметил паж, придерживая дверь в галерею, через которую мы намеревались срезать путь до женского крыла. — Прошу, мадемуазели.

Я даже удивилась, как пажи за столь короткий срок успели запомнить все коридоры и переходы. Но еще большие эмоции вызвали слова,

сказанные юношей. Щекам стало жарко, словно меня уличили в чем-то постыдном, но на самом деле мне нравилось, что паж так считает. Будто бы я была этакой хитрой интриганкой и у меня были «свои люди» при дворе, а ведь королеве и надлежит собирать сторонников. Не тот ли это случай?

— Наверное, вам показалось, — улыбнулась как можно снисходительнее, быстро переглянувшись с подругами. Выражение лица Армель было встревоженное, складывалось впечатление, что она испугалась слов юноши.

— Еще вчера строго-настрого было приказано раскидать девчонок по одной, — ехидно заметил паж. — А вы, однако, остались в фойе втроем. Да и после испытания вас не отправили к остальным конкурсанткам.

— А может, дофин определился с выбором и ему уже приглянулась одна из нас.

Паж с сомнением оглядел нашу компанию, словно оценивая, и, похоже, осмотр его не впечатлил.

— Это все месье де Грамон, — убежденно замотал головой паж. — Всем менталистам вы очень нравитесь, мадемуазель.

Мне показалось, что последние слова были произнесены с издевкой. Растерянно покосилась на подруг. И что мне сказать? То, что я просто обязана ответить на столь странный выпад, — очевидно, но все же...

— Говорят, месье менталисту нравятся бедные провинциальные глупышки в определенной плоскости, — зло фыркнул паж, остановившись перед самым женским крылом.

Похоже, мое молчание его только раззадорило. Я часто заморгала, стараясь представить, о какой плоскости говорит паж. Что-то из области математики, ведь верно? У нас она была на первом курсе, но девочкам преподавали факультативно, я, к стыду своему, помню весьма смутно, что нам рассказывал учитель. Ведь тогда на полках нашей библиотеки только-только появились выпуски романа о Персефоресте. До учебы ли мне было?

Но имел ли паж в виду математический термин? Похоже, это оскорбление не лучше, чем то, что он назвал меня провинциальной глупышкой. И вот это точно гадость. Хотя я и не до конца понимаю, о чем речь, но, судя по выражению лица юноши, ничего хорошего не значило.

— Вы не боитесь, что Эвон расскажет о ваших словах месье де Грамону? — внезапно холодно отозвалась молчащая всю дорогу Армель. Подруга сделала шаг вперед, загораживая меня плечом, и впиалась недобрый взглядом в пажа.

— Мадемуазель Эвон? — Стефан вскинул брови. — Думаю,

мадемуазель постыдится жаловаться великому Цепному Псу.

— Зато мне это под силу, — процедила сквозь зубы маркиза.

— Вы? Месье де Грамону?

— Да хоть дофину! — рывкнула Армель, быстро кинув на меня какой-то странный взгляд. — Я никому не позволю обижать близких мне людей!

Паж удовлетворенно улыбнулся, словно только это и мечтал услышать, заставив нас с подругами удивленно замереть. Что за странное поведение? Все столичные гости такие? Сначала обидят, а потом лучатся удовольствием, как будто это составляет смысл их жизни.

— Это великолепные слова, мадемуазель, запомните их. Прошу.

Ошеломленные, мы остановились перед распахнутой дверью в мою комнату. Вся ситуация казалась... странной.

— Ваше молоко принесут чуть позже. Постарайтесь не покидать комнату до вечера. Ужин также принесут к мадемуазель Эвон. Позовите классную даму, если решите разойтись по своим апартаментам.

Коротко поклонившись, Стефан поспешил скрыться, оставив нас удивленно переглядываться. Странная вспышка, право слово! Неужели паж вынуждал Армель вступить в разговор? Но почему? Что ему сделала именно маркиза?

Армель же, тяжело вздохнув, поспешно зашла в комнату и буквально втянула нас следом. Аврора сразу присела за столик и как-то облегченно выдохнула, словно была напряжена все это время. Хотя остается только гадать, насколько тяжело было баронессе.

— Ну что? — преувеличенно бодро спросила я. — Как прошло выступление?

— Я выступила ужасно, — опустила плечи Аврора. — Сначала у меня никак не хотела оживать карта, а потом обвалилась восточная башня. Я чуть сквозь землю не провалилась, и если бы не граф де Армарьяк...

— О да! Мы заметили, что он был очень внимателен к тебе, — рассмеялась я, вызывая легкий румянец на щеках баронессы. — Так и не отпустил твоей руки.

— Я влюбилась, девочки, — внезапно пробормотала Армель, обнимая себя за плечи. — Даже во время нашей прогулки после обеда не было такого. А тут... я взглянула на дофина и пропала. Мне кажется, что умру, если меня не выберут. Точно умру.

Я хихикнула над внезапно вытянувшимся лицом Авроры, а потом и до меня дошел смысл слов маркизы. Кровь разом отхлынула от щек, и стало резко тяжело дышать. Армель влюбилась в дофина? Мне казалось, меня обманули. Я так старалась! У меня было фееричное представление.

Сомневаюсь, что хотя бы одна из иллюзий, которые попробуют сотворить сегодня, будет столь же... живой, но разве могу я претендовать на принца после таких слов подруги.

И что теперь? Граф де Армарьяк определился, Аврора тоже. Уверена, что дофин обязательно оценит лучистые глаза Армель. Если уж маркиза влюбилась, думаю, Луи-Батист обязательно ответит на ее чувства. И что потом? Уедут мои подруги, и я останусь совсем одна перед Атенаис и ее прислужницами. Опять одна.

— Армель, я так рада! — воскликнула Аврора и, подскочив со стула, кинулась к маркизе.

— Я не уверена, но... — Армель смущенно пожала плечами. — Мне кажется, что дофин тоже что-то понял.

Она беспомощно оглянулась на меня и благодарно сжала руки Авроры.

Я же села на кровать. Мне чудилось, что мерзкий червяк зависти в моей душе был задушен еще пару дней назад, но я ошибалась. Я кусала губы, не зная, что ответить, не могла радоваться за подругу. В голове было на удивление пусто, словно все мысли вышибло этим странным признанием Армель. Есть ли смысл теперь делиться переживаниями, если все и так понятно? Армель наверняка будущая королева Франкии, Аврора — графиня де Армарьяк. Одна Эвон... останется в стенах академии. Одинокая и забытая всеми. И дела «Гнезда» будут все хуже.

— Прости меня, Эвон, — расплакалась внезапно Армель. — Я знаю, ты мечтала стать королевой, но ты же его не любишь, а я...

Подруга осела на пол, и Аврора упала вместе с ней, не в силах удержать. Я же сидела и смотрела на самых дорогих мне людей в академии и не знала, что сказать. Весь мой мир рушился. Разве теперь дофин выберет меня? А его решение отберет у меня всю жизнь. Смогу ли я даже существовать в стенах академии одна? Нет, конечно! Я умру. Вот так лягу и умру без своих подруг. Решительно встала и сделала несколько шагов к девочкам.

— Я не хотела, Эвон! Правда, не хотела, мне казалось, что я никогда не перейду тебе дорогу, но стоило мне встретиться с ним глазами, как я... — Армель вытирала тыльной стороной руки слезы, пока Аврора обнимала ее за талию и утешающе гладила по спине.

А я все так же возвышалась над ними и молчала. Почему-то у меня не оставалось сомнений, что дофин не устоит перед подругой. И вопрос явно решенный — Армель станет королевой Франкии. Мигом вспомнился подслушанный разговор на балконе. Значит ли это, что Армель грозит опасность?

— Ты же должна понять, Эвон. Пожалуйста, не ненавидь меня!

Встрепенулась. Неужели Армель считает, что я ее осуждаю и даже ненавижу. У меня настолько страшное лицо? Мне мигом стало стыдно своих мерзких мыслей. Как я могу думать о себе в такой момент? Маркизе угрожает реальная опасность, а я переживаю, что мне будет не с кем ходить по коридорам. Передо мной моя будущая королева. Помотала головой, нет, прежде всего, Армель моя подруга. Лучшая в мире подруга.

— Что ты, Армель, разве я могу? — опустилась на колени перед девочками и попыталась обнять сразу обеих.

Маркиза разрыдалась еще сильнее, и я испугалась, что сделала только хуже. Даже Аврора, поддавшись настроению, начала всхлипывать. Боюсь, мы представляли жалкое зрелище: три девицы, размазывающие сопли по лицу, сидели на полу и предавались жалости к самим себе. Но мне было все равно, что о нас подумали бы окружающие. У меня было чувство, что я прощаюсь с подругами. Именно здесь и сейчас, потому что это последний момент, когда мы можем побыть настоящими. Себе я не позволю слез в присутствии посторонних.

— А что отбор? — спросила, когда эмоции немного утикли.

— Не знаю, что теперь мне делать. Смогу ли я выиграть? — тихо произнесла Армель.

— А вы хоть поговорили? Может, вспыхнувшее чувство взаимно? Ему понравилось твое выступление?

— Знаете, когда я хотела показать, как книги будут «танцевать», то шар на столе перед его высочеством загорелся ослепительным светом. Тогда я посмотрела на принца и... пропала. Он стоял в этом ореоле света такой прекрасный, а потом он поклонился... Девочки!

Армель, казалось, захлебывалась словами и воспоминаниями. Девушка делала много пауз, и мне чудилось, что она, прикрыв глаза, видит лицо дофина. Мне даже стало завидно, но я понимала, что во мне таких эмоций дофин не вызывает. И как удалось Армель так долго скрываться? Ни разу не сказала, что ей нравится дофин. Наоборот, старательно внедряла мне мысль, что я могу завоевать внимание дофина, или это действительно под действием момента? Но, встретившись глазами с объектом своей любви, она словно ожила. И теперь я видела совсем другую Армель. Нежную, влюбленную, трепетную! Совсем как в романах, что мы читали вместе.

— Какой? — с замиранием сердца спросила Аврора.

— Лучший! — уверенно кивнула Армель.

— Мадемуазели, позвольте? Ваше молоко.

Встрепенулась и обернулась на дверь. Мы еще успеем поговорить, а пока надо успокоить Армель, молоко — лучшее для этого средство.

— Иду, месье!

ГЛАВА 22

Я во все глаза смотрела на месье де Грамона, держащего под руку мадемуазель Лауру. Классная дама явно опасалась менталиста, то и дело нервно косилась на него. И чего боится мадемуазель Лаура? Месье де Грамон на самом деле замечательный. Несмотря на недобрую славу, он не раз выручал меня. Разве может быть такой человек плохим? Безусловно, нет.

— Это большое счастье, что месье де Грамон согласился продемонстрировать нам модный нынче бранль, — кисло сообщил откуда-то сбоку мэтр Шарль.

По голосу учителя этикета было понятно, что лично он никакой радости не испытывает от такого неожиданного подарка судьбы, но что поделать? Не выставишь же менталиста за дверь. Почему-то я была уверена, что «старик» поставил преподавателя перед фактом, что будет присутствовать на занятии. Интересно, что же такого произошло? Дело государственной важности или же менталист присматривается к будущей королеве?

С момента испытания в день Солнца прошло уже почти пять дней, и за это время были одни сплошные уроки по этикету, словесности и даже геральдике. Директриса вдруг вспомнила, что девочкам толком не преподавали язык «гербов и цветов», а потому мы в ускоренном темпе изучали, что же значит медведь на щите герцогства и какие цвета пристало носить принцам во время траура. Сдается мне, все дело в приближающемся бале, куда должны были приехать король со свитой.

Дофина мы, увы, не видели все те же несколько дней. Сразу после испытаний он и фавориты куда-то пропали. Заодно и часть менталистов. Словно и не было их никогда в стенах нашей академии. Даже появились версии, что его высочество в поиске достойной девицы уехал в столицу еще раз попытать счастья в королевском университете. Лично мне подобные шепотки слышать было обидно, хотя я и понимала возможную правдивость этих слов.

В пользу данного слуха говорил как минимум факт, что в день Солнца пять девочек не смогли выступить, от нервного потрясения они просто потеряли магию. Говорят, такое бывает. Сколько займет процесс восстановления, не знал никто, как и то, смогут ли они вообще продолжить участие в отборе. Наши ряды стремительно редели, начиная с Мариин-

Элены и тех двух девушек, о которых подслушала Армель. С одной стороны, мне бы радоваться, ведь конкуренток становится все меньше, с другой — не решит ли дофин, что раз уж в нашей академии оказалось пять малахольных девиц, то и остальные недалеко от них ушли.

Некоторых конкурсанток так и не пригласили на встречу с дофином, вся академия перешептывалась за их спинами. Ходили упорные слухи, что невеста уже выбрана. Как ни странно, многие ставили на меня, что не могло мне не льстить и... невероятно расстраивало Армель. Нет, она не высказала ни слова недовольства, это же маркиза. Не в ее характере завидовать в отличие от меня, но я видела, как плохо моей подруге от подобных шепотков, и не знала, что делать. Мои надежды, что подруга просто ослеплена светом некоего артефакта, не подтвердились. Не умолкая, Армель говорила о том, какой принц чудесный, и она обязательно умрет, если его высочество не вернется в академию. Я опасений маркизы не разделяла. Дядя дофина, вот же он! Стоит с непроницаемым лицом и разглядывает потолок, будто нет большего счастья. Мог бы и намекнуть вредный «старик», куда уехал дофин.

На мгновение мне показалось, что месье де Грамон быстро посмотрел на меня, но я тут же отогнала мысль. Амулет, защищающий владельца от чужих мыслей, висит прямо поверх камзола «старика». Последний факт, безусловно, позволил смелее вздохнуть всем присутствующим на занятии.

— Этот танец пришел к нам из Шампани и в народе имеет название «бранль прачек»,^[5] однако, как вы понимаете, для высшего света были внесены некоторые поправки. Несмотря на то что это фактически хоровод, танцуется бранль парами.

Девочки зашептались. Танец «прачек», похоже, не вдохновил наших студенток. Еще бы! Нас и так воспринимают простушками, а теперь еще исполнять что-то из развлечений черни? Мне же было все равно. Если месье де Грамон скажет, что ради блага Франкии нужно разуться и пробежаться по всему двору, я без раздумий скину обувь.

— Становимся по местам, мадемуазели! И вспоминаем шаг, который мы с вами учили вчера.

— Мэтр Шарль, я думаю, будет лучше, если я возьму партнершу из студенток. Так количество пар, понимающих, что надо делать в танце, возрастет.

Со стороны мадемуазель Лауры послышался едва слышный вздох облегчения.

Я же, услышав слова менталиста, в отличие от скривившегося учителя, расправила плечи и заулыбалась. Безусловно, месье де Грамон выберет

меня. У нас даже есть общая тайна! Да и слова Армель и Авроры после испытания натолкнули меня на мысль, что, возможно, «старик» благоволит мне. А там уж я явно смогу воспользоваться своим природным очарованием, чтобы тихонечко узнать, где же дофин и фавориты. С некоторых пор я начала верить в собственную неотразимость. Не зря же все менталисты, а это — на минуточку — взрослые состоятельные мужчины, со мной учтивы и весьма любезны. И Стефан на это внимание обратил, а уж от цепкого взгляда придворного пажа ничто не ускользнет. Совершенно точно, что менталисты поддались на мои женские чары. А умная женщина всегда найдет способ добыть информацию. Тем более мы с Армель, вдоволь натренировавшись, научились стрелять глазками поверх вееров. Не хуже, чем Атенаис, я вам скажу!

— Пожалуй, вы правы, месье, — нехотя кивнул учитель. — Я не возражаю.

Месье де Грамон внимательно осмотрел наш девичий строй. Слева от меня задрожала Аврора, которая испытывала перед менталистом безотчетный страх. Сколько я ни убеждала подругу, что «старик» совершенно нестрашный, а очень даже хороший, это не помогало.

— Мадемуазель Луиза, надеюсь, вы составите мне компанию?

А вот этих слов я не ожидала... С нескрываемым удивлением посмотрела на расплывшуюся в улыбке однокурсницу и от досады притопнула ногой. Почему? Лу с вызовом наблюдала за мной. Остальные девочки начали шептаться. Да, в академии то и дело говорят, что я пользуюсь расположением менталистов. У нашего трио даже появилось неожиданно много «подруг», которые надеялись преуспеть в отборе или узнать что-то «секретное». Приходилось разочаровывать девочек, объясняя, что мы с Армель и Авророй не знаем, где сейчас дофин. Хотела бы я сама знать. Ходили, конечно, сплетни, что дофин отправился к отцу Марии-Элены, к самой границе, но зачем и отчего тогда без дяди? Месье де Грамон никуда не делся. Вот он, вместе с нами. Короче говоря, в подобное мне слабо верилось.

— Слышишь, Эвон? Фьють! Это ветер перемен. Больше месье де Грамон не будет таскать за собой незадачливую страшилку, — почти пропела шепотом Изабелла за моей спиной, касаясь губами уха.

Я ощущала дыхание баронессы. Белла даже не попыталась скрыть от остальных девочек своего злорадства, и оттого было еще обиднее. Наклонилась у всех на виду.

— Смотри, как бы вас этим ветром не снесло, Иза! — фыркнула Армель, не оборачиваясь, и чувствительно толкнула локтем однокурсницу.

— Мадемуазели, соблюдайте тишину! — строго сказал мэтр Шарль, недобро посмотрев в мою сторону.

А что я? Я стояла с неестественно прямой спиной, гордо подняв подбородок, чтобы не дать себе расслабиться и не показать окружающим, насколько я расстроилась от слов Беллы. Да, мне нравилась заинтересованность со стороны «старика». Я была в центре внимания академии. Главная звезда. Разве это плохо — хотеть немного восторженных взглядов? Да, дедушка, конечно, осудил бы, но... не плохо ведь? А теперь девочки поймут, что вся помощь мне со стороны месье де Грамона не более чем стечение обстоятельств. Не то чтобы я очень переживала по этому поводу, но купаться во всеобщей любви, пусть и фальшивой, весьма приятно.

Расстраиваться нельзя. Сейчас на меня смотрели не только сокурсницы, но и приглашенные мальчишки с разных факультетов. Здесь были и Жан-Клод, и Ноэль, и некоторые другие знакомые лица. Интересно, что сподвигло ребят прийти на занятие? Не любовь же к бранлям. И меньше всего хотелось становиться в пару с Ноэлем. Нам нельзя пересекаться, ведь он мигом все поймет. За прошедший год некромант стал мне другом, поддерживая буквально во всем. Ноэль был совсем не похож на других мальчишек, избалованных и глупых. Да что там говорить! Это единственный мужчина в нашей школе, от которого я не ждала подлости. Если не считать, конечно, тот поцелуй в переходе.

Послушно встала во внешний круг танцующих и наблюдала за суетой сквозь полуопущенные ресницы. Парни, стоя спиной друг к другу, то и дело толкались и шипели на соседа, вызывая у меня некоторое раздражение, — зачем приходите на урок танцев и так вести себя. Относительно спокойно было только в ближайшем окружении месье де Грамона. Менталист и улыбающаяся, вертящаяся во все стороны Лу стали точкой отсчета для круга.

— Мадемуазель Лаура, встаньте, пожалуйста, к остальным девушкам.

Молчащая до сих пор классная дама кивнула и встала между мной и Армель. Словно намеренно разлучив нас. Я же оказалась сдвинута на одного юношу относительно своего партнера напротив и оказалась лицом к лицу с Ноэлем. Впрочем, это не так уж плохо, когда знаешь того, с кем танцуешь в паре, пусть даже он и заметит, что мне не по себе. Ноэль явно лучше Поля. Можно хотя бы немного расслабиться.

— Кавалер делает правой ногой два шаркающих удара об пол, шаг вправо, приставить и с левой ноги в левую сторону на четыре счета поворот, — командовал нестройным мальчишеским строем мэтр Шарль, а

его слова наглядно демонстрировал месье де Грамон.

Как хорошо, что не приходилось держать за руки партнера. Впрочем, месье Ноэль был отстранен и, казалось, поглощен своими личными переживаниями. На меня он, по крайней мере, даже не посмотрел. Возможно, мысли моего друга были сосредоточены на танце. Я слышала, у некромантов с приездом дофина и фаворитов прибавилось интересных внеклассных занятий. Месье Гай и месье Гастон были некромантами и проводили для наших студентов необычные практикумы. Хотя что могло быть интересным для некроманта, мне представлялось с трудом и даже вызывало некий страх.

Однако меня это несколько задевало. Неужели Ноэль так быстро забыл, как мы до ночи оттирали кубки в архиве. И как я делилась рогаляком, припрятанным в кармане, после тяжелого труда. Мы сидели, все в пыли с ног до головы, и рассказывали друг другу байки факультетов. Или как Ноэль позвал меня, чтобы опустить в тайник жутко секретную книгу по некромантии, которую ребята стащили из кабинета учителя. Щель между кладкой здания была такой узкой, что только моя рука пролезла внутрь. Аврора и Армель тогда так испугались, что даже не пошли за мной, а я была в восторге от ночного приключения. Я куталась в плащ, как мадемуазель из тайной канцелярии, и кралась вдоль стены, чтобы меня не было видно в лунном свете. Даже делала голос ниже, чтобы уж точно мальчишки не узнали, кого привел месье Ноэль. Какого бы они были обо мне мнения, знай, что я участвую в таких авантюрах. И что теперь? Ноэль даже не смотрит на меня. Разве трудно ему немного ободряюще мне улыбнуться? Ничего, месье Ноэль, я припомню вам это пренебрежение. И потребую за это два, нет, три пирога с кухни — мне и подругам. И это будет ваш подвиг — украсть выпечку на кухне, которую охраняют похлеще библиотеки. И без пирогов пусть даже не возвращается.

Удовлетворенно улыбнулась и повела плечом, отгоняя посторонние мысли и сосредотачиваясь на танце. Наша девичья шеренга зеркально повторила притоптывания мужчин и... сменила партнеров, сместившись на одного кавалера правее, слава всем силам, в противоположную от месье Грамона сторону. Сейчас я была слишком раздосадована, чтобы посмотреть в глаза «старика». Круг танца закончится, когда мы вернемся к своему партнеру, и я вновь пересекусь с менталистом. Мне казалось, он поступил со мной несправедливо. Он просто должен был пригласить меня. А не вредную Лу.

— Неплохо! — удовлетворенно раздалось за нашими спинами, когда до месье де Грамона оставалась всего «пара притоптываний».

Все танцующие разом остановились, и я испытала чувство досады. Почему сегодня все идет наперекосяк? Мне уже даже страшно идти в библиотеку, а то вдруг окажется, что новый выпуск с продолжением истории о Персефоресте привезли, но перед самым моим носом забрали последний экземпляр. И как жить дальше?

— Мадемуазели, я хочу вас обрадовать, что на этой неделе в день Солнца состоится большой бал дебютанток, на котором объявят имя невесты дофина, и одна из вас отправится в столицу вместе с нами на следующий день, — сказал месье де Грамон.

Девушки испуганно ахнули и разом побледнели. Особенно Армель.

Но ведь по правилам объявление должно было прозвучать на балу, приуроченному к дню излома зимы. К чему такая спешка?

Отчего-то вспомнились слова фаворитов, подслушанные мной на балконе: «Время первой крови приближается, а претендентки как не было, так и нет». Возможно ли, что магию на испытании девушки потеряли не просто так? И теперь месье де Грамон хочет обезопасить ту, которую удалось выбрать.

— Платья для вас уже доставили, и к каждой мадемуазель придет портниха, чтобы подогнать по фигуре, — продолжал между тем менталист. — Поэтому советую не покидать после ужина комнат, чтобы не заставлять мастериц ждать. При желании вы можете собраться группами не более трех человек.

«О! Благодарю, месье де Грамон!» — мысленно воззвала я, радуясь, что до дня Солнца не останусь одна вечерами. Хотя я больше переживала за Армель. Что будет теперь с подругой? Она бледна, словно холст. Разве можно так влюбиться за пару дней? Я даже позавидовала маркизе, ведь таких чувств у меня просто не было. Ко многим я ощущаю привязанность — к Авроре, к Армель, дедушке и брату, даже к Ноэлю и месье де Грамону. Но любовь?

— Смотри, Эвон, месье де Грамон не зря выделил Луизу, — прошептала за моей спиной Белла. — Наверное, она и есть наша королева.

Я вздрогнула от близкого дыхания Изабеллы. Неужели она права? Я быстро покосилась на Армель, которая стояла рядом, и вздохнула с облегчением. Все-таки не слышала. Что будет с маркизой от подобного известия — страшно представить.

Очевидно, стоит попросить у месье де Грамона объяснений. Что бы значило это поведение с его стороны?

Взволнованно покосилась в сторону «старика». Приглашение Луизы, да еще вдруг такое объявление. И почему именно сейчас? Может быть,

Армель успокоилась бы, случись финальная стадия отбора позже. Или, наоборот, именно так и лучше, пока любовь подруги не расцвела во всей красе?

Лу торжествующе на меня посмотрела. Так и хотелось возмутиться: «Я-то тут при чем?» Мне, похоже, не светит ни дофин, ни фавориты, ни даже менталисты. И, казалось бы, месье де Армарьяк и месье Гастон были во мне заинтересованы. Неужели они решили, что темноволосая дурнушка не стоит их внимания? Гадко!

А я уже представила, как нас с графом венчают и я выхожу из храма, сверкая фамильными драгоценностями де Армарьяков. Не то чтобы я их видела, но у всех старых родов они должны же быть? Даже в «Гнезде» есть шкатулка с матушкиными украшениями, которые достались от королевской семьи. И вот иду я вся такая красивая в блеске изумрудов, а навстречу мне Луиза под руку с толстеньким бароном аж на пять, нет, десять лет старше ее. Естественно, баронесса приседает в низком реверансе, как и положено на свадьбах, и поздравляет меня с замужеством. А я, весьма снисходительно посмотрев сверху вниз (в кои-то веки) на бывшую соперницу, грациозно повожу плечиком и, расплываясь в улыбке, говорю:

— Спасибо, моя дорогая, вижу, и тебе повезло.

Только, видимо, в фамильных украшениях де Армарьяков будет щеголять Аврора. Мне же... похоже, именно мне придется выходить замуж за толстенького, но богатого барона, который получит родовитую жену с толикой королевской крови, а я — долгожданную поддержку для «Гнезда». Вроде бы все правильно, но как-то печально. И почему я не так красива, как Аврора или Армель? Слишком похожа на отца, ничегошеньки не досталось от белокожей и златокудрой матери.

На мгновение встретилась глазами с месье де Грамоном, и уже стал не важен торжествующий шепот Изабеллы за спиной и ехидные шепотки других девочек.

«Вы вредина!» — мысленно возмутилась, отправляя посыл менталисту. Конечно, на нем висит амулет, так что, скорее всего, он меня не услышит, но очень уж я была возмущена сложившейся ситуацией.

Внезапно «старик» широко улыбнулся, и его взгляд, прикованный ко мне, не оставлял сомнений, кому адресована улыбка. И всем было видно, что Луиза буквально висла на руке месье де Грамона, пытаясь отвоевать немного внимания, но вот эта улыбка...

Девочки разом прекратили шептаться, не зная, кто нынче в фаворе. Казалось бы, Луиза, ну не зря же ее выделил месье де Грамон, пригласив на танец, а следом сразу последовало вот такое объявление о фактическом

завершении отбора. Но, с другой стороны, меня вроде как тоже не следовало сбрасывать со счетов. Я усмехнулась. Какие же они мерзкие. Я бы ни за что не стала лебезить перед Лу, будь она хоть трижды будущая королева, разве это правильно? Говорить гадости за спиной и щебетать о своем расположении в лицо? Никогда! Не будь я васконка!

Мне разом стали неприятны доброжелательные улыбки остальных девочек. Безусловно, внимание льстило, но на деле оно было притворным. Подняла подбородок выше, показывая тем самым свое отношение к происходящему. Это вредный менталист внес смуту. Если бы не он, я бы еще долго могла наслаждаться пусть и фальшивым, но расположением толпы, а теперь противно. Внимание, может, и есть, но... как теперь его воспринимать?

Демонстративно отвернулась от месье де Грамона. Пусть не думает, что мои мысли только вокруг него и крутятся. Ведь не крутятся же? Впрочем, надеялась я на раскаяние и душевные терзания со стороны менталиста зря, стоило мне на мгновение отвлечься, как «старик» мигом ретировался из зала. Это я поняла, когда украдкой обернулась посмотреть, возымел ли эффект мой «протест», и лишь обвела глазами полупустое помещение. Луиза ушла следом за месье де Грамоном, а девочки дружной стайкой увязались за ней. Еще бы! Несмотря на улыбку, адресованную мне, менталист танцевал-то с Лу. Остались лишь Аврора, Армель и несколько мальчишек, которые о чем-то переговаривались с мэтром Шарлем.

Я же тяжело вздохнула. Наверное, не стоило строить из себя обиженную. Глядишь, и удалось бы поговорить с месье де Грамоном. Не ради возвращения былой популярности, нет, но для успокоения собственных эмоций. Да и Армель стало бы легче. Глянула на нее и покачала головой, подруга стояла ни жива ни мертва и едва не плакала. Конечно, внешне маркиза держалась с достоинством, но я-то знаю, отчего у подруги так дрожат губы.

Хотела подойти к Армель и Авроре, которые, пока я терзалась своими мыслями, успели отойти к окну, давая мне тем самым время поиграть в оскорбленную невинность, но путь мне перегородил Ноэль.

— Мадемуазель Эвон, могу ли я с вами поговорить?

Я удивленно заморгала. Все занятие некромант не обращал на меня внимания, а теперь, значит, ему нужно поговорить. Украдкой посмотрела на разом ожившую Армель, которая умудрилась сложить пальцы в причудливую фигуру — не иначе как намекает на любовное признание. От кого? Месье Ноэля? Но некромант мой самый лучший друг. Почти как брат. Разве может он любить меня? Мы участвовали в стольких проказах, Ноэль

видел меня даже грязной, в паутине с ног до головы. Нельзя в такую влюбиться. Настоящие чувства испытывают к нежным, трепетным барышням. А месье Ноэль наблюдал, как я ела сочные пирожки с мясом, сок от которых тек по рукам. Какие уж тут романтические чувства?

Кивнув, позволила проводить себя к дальней стене, к одному из панорамных окон. Может быть, месье Ноэль решил извиниться?

— Вам нужно отказаться от отбора, мадемуазель Эвон! — горячо зашептал Ноэль, едва мы остановились.

— Опять вы за свое, месье! Отчего же?

— Это опасно! Вы просто не понимаете, не знаете, насколько это все мерзко. И дофин, и свита могут попытаться давить на вас, но у них нет никакого права на это.

Я пожалала плечами, не зная, что ответить. Мерзко? Почему мерзко? И ведь никакой конкретики!

— Вас кинут на алтарь Франкии и забудут как о ненужной игрушке.

— Жизнь во славу Франкии не такая уж большая цена для васконки! — отчеканила я, услышав знакомые фразы. Мне дедушка повторял их с детства, и я действительно так считала. Или привыкла считать. Не знаю.

— Только не так, — покачал головой некромант. — И только не вы.

— Не я?

— Вы, мадемуазель Эвон, можете отказаться. Ваше решение должно быть добровольным.

— Я добровольно подписалась на участие, — терпеливо напомнила некроманту, не понимая, к чему этот разговор.

— Нет, вас вынудили обстоятельства, — веско припечатал Ноэль после секундной заминки. — Деньги, я знаю. Вопрос всегда в деньгах. А ваше решение должно быть добровольным. Только на такой брак даст разрешение она.

— Она? — удивленно переспросила. — Кто?

— Вас нельзя принудить. Как и вашу матушку в свое время. Ей потому и разрешили брак с нищим васконцем...

Я с силой сжала зубы, так что заходили желваки. С... нищим васконцем? Да что себе позволяет месье Ноэль? Действительно, семья отца никогда не была богата, как и большинство его предков. Мы были родовиты и могли проследить свои корни едва ли не до основателя династии, но денег в карманах горцев особо никогда не водилось. Однако кто дал право кому-либо обсуждать мою семью? Родители любили друг друга. И это все, что требуется знать в данной ситуации. Плохо ли это? Я

считаю — прекрасно! А слова месье Ноэля напоминали мне горячечный бред. Кто такая она? И почему кто-то должен давать разрешение. Королева?

— Если все дело в деньгах, то я богат, мадемуазель. Мой отец всего лишь барон, но моя мать — я имею в виду *настоящую* мать, а не ту бедняжку, которую считают ею, — она баснословно богата. И будет рада, если я соглашусь с ней разговаривать. Она даст много денег, мадемуазель Эвон.

Голос некроманта то затихал до шепота, так что я едва могла уловить, о чем говорит юноша, то поднимался, и тогда не было нужды наклоняться к собеседнику.

Я удивленно смотрела на друга. Да и к чему эти уговоры, меня-то явно не выберут. Такое чувство, что он решил, будто это я будущая королева. Смешно. Или юноша что-то знает? В прошлый раз месье Ноэль проявил чудеса осведомленности, неужели и теперь? Против воли сердце часто забилося. Неужели выбор пал все-таки на меня? Я — королева Франкии? Не Атенаис, не Лу, не Белла... не Армель. Ох, как будет неудобно перед подругой. Потом до меня дошел и иной смысл слов некроманта. Неужели барон предлагал мне обручальный браслет?

Я удивленно посмотрела на Ноэля. Он шутит? Стоило сфокусировать на нем взгляд, как я отметила нездоровый румянец на его щеках. Ноэлю стыдно от собственных слов?

— С вами все в порядке, месье Ноэль?

Протянула ладонь, коснувшись его лба, и ощутила горячую сухую кожу.

— Вы не понимаете, мадемуазель, — простонал Ноэль, касаясь моей руки.

— Мэтр Шарль! У месье Ноэля жар! — крикнула, немного успокаиваясь. Безусловно, виной всему была температура.

Со стороны, наверное, наш разговор смотрелся очень интимно. Армель изо всех сил сигнализировала мне о «романтике». Учитель же ничего не видел до моего крика, он был поглощен разговором с мальчишками. Зато теперь, обернувшись, мэтр Шарль удивленно вскинул брови — я то ли глажу по щеке некроманта, то ли пытаюсь вырваться из его цепких рук.

Спутники Ноэля уже спешили к нам. На лице одного из юношей читалась неприкрытая досада, видимо, не зря они увлекли мэтра Шарля разговором.

— Эвон, не соглашайтесь. Прошу, — поспешно сказал некромант, отпуская мою руку и делая шаг назад. — Не соглашайтесь, что бы ни

предложил тебе этот старый лис.

— Кто?

— Пообещай!

— Хорошо, месье Ноэль, — улыбнулась как можно спокойнее. Все же знают, что с больными нельзя спорить.

— Они думают, что вы не знаете о своем праве, но вы должны...

— Так и знал, что тебе не станет лучше, друг! — обвиняюще воскликнул подошедший некромант, подхватывая Ноэля под локоть. — Не стоило идти на танцы в таком состоянии. Прошу прощения, мадемуазель, если Ноэль вам нагрбил. Горячка.

Мне мигом стало неудобно, словно я невольно послужила причиной того, что барону стало только хуже. Ведь не желай юноша поговорить со мной, он, наверное, остался бы в своей комнате, попивал малиновый чай, рекомендованный при простуде, а не стоял тут передо мной.

— Ничего страшного, — пробормотала в спину уже удаляющимся юношам.

Ноэль в руках друзей разом обмяк, будто разговор вытянул из него последние силы. Я же переживала за друга. Не знаю, от чего он пытается предостеречь меня, но это просто горячечный бред больного человека. Впрочем, и такая забота приятна, даже если ужасы надуманы в таком состоянии.

— И что он хотел? — возбужденно поинтересовалась подошедшая Армель, разом забыв о своих переживаниях насчет дофина. Еще бы! Тут назревало нечто более интересное — признание! Боюсь, именно так подруги оценили ситуацию.

— Сама не могу понять, — пожала плечами. — Он болен. У него жар. Вы же слышали, я звала мэтра Шарля.

— Не томи, Эвон! В любви признавался?

— Тебя послушать, Армель, так все вокруг только и делают, что влюбляются. А Ноэль мой друг.

— А как жить без любви? — возмутилась Армель. — Когда душа поет?

— Вот так и жить. С трезвым умом, — парировала я, отмахиваясь от воспоминаний о странном разговоре.

— Что, вот даже на чуточку ни в кого не влюблена?

— Нет! И хватит с меня этих влюбленностей. Одни проблемы от этих чувств, — твердо сказала под смехок подруг.

ГЛАВА 23

Подобрав юбки, забралась с ногами на кровать. Маркиза неодобрительно на меня посмотрела, но промолчала, о моей любви полежать и полениться она давно знала. Обычно после таких приступов лени платье было мятое, за что меня неизменно ругали классные дамы. Но что я могла с собой поделать? Кровать манила меня вожделенным отдыхом. Потому и сейчас, хоть Армель и была недовольна тем, что я легла прямо на идеально заправленное покрывало, но спорить не стала.

Вопреки обычаю чаепития в моей комнате, сегодня мы собрались у маркизы, у нее, не в пример мне, было чище. У меня девочки с трудом находили себе место, чтобы присесть, вот и решили, что примерка платьев будет проходить в комнатах Армель. Я не протестовала, мне самой нравилась аккуратненькая спальня подруги, потому мы, предупредив пажей о месте нашего пребывания, отправились к маркизе.

Удивляло, что нам ни разу не запрещали наши посиделки. Сопровождающие внезапно становились глухи и слепы, когда дело касалось нас. Остальным девочкам приходилось хуже, всех в обязательном порядке разводили по комнатам, и поговорить им удавалось, только открыв дверь и высунув голову. И то исключительно с соседкой.

Хотя, справедливости ради, Лу сегодня тоже разрешили остаться вдвоем с Беллой. Луиза мигом надулась от гордости, будто дофин уже объявил ее своей невестой.

Многие наши однокурсницы мигом оценили перемену настроения пажей и поглядывали на меня уже с сомнением. Еще недавно я была фавориткой, почти затмившей в академии даже Атенаис, а сегодня все окружающие сомневались в моем статусе. Не то чтобы я переживала по этому поводу, но это оставляло привкус досады, да и порядком отвлекало.

— Аврора, помоги пододвинуть столик. От Эвон не дождешься помощи, ведь она так устала.

Я услышала в голосе Армель нотки раздражения, но лишь пожала плечами. Такие способы пристыдить на меня не действовали.

Баронесса вздохнула и уперлась руками в край столешницы.

— У Эвон был сегодня тяжелый день. Одна сцена, устроенная месье Ноэлем, чего стоит.

— Между прочим, Ноэль болен, — возмутилась я. Аврора говорила таким тоном, будто бы некромант специально вел себя так.

— И между тем он мужчина и должен был предусмотреть, что произошло бы, заметь та же Лу, как он хватает тебя за руки.

Упрямо поджала губы. Авроре не нравился некромант, впрочем, как и любой другой мужчина в нашей академии. Разве что месье директора девушка считала достойным внимания. Хотела было возразить, что Ноэль специально дождался, когда все покинут зал, еще и подговорил друзей отвлечь учителя, но, скосив глаза на баронессу, передумала. Явно не найду понимания у Авроры.

Откинулась на кровать и, раскинув руки, стала обзирать потолок. Вроде бы мне полагалось думать о дофине и отборе, но мысли, против всех доводов разума, были заняты месье де Грамоном и Ноэлем.

Отчего «старик» пригласил все-таки Лу? Ну не будущая же королева Луиза. Возможно, он заинтересовался девушкой сам по себе, но от этой мысли тоже было неприятно. Чем могла привлечь баронесса? Разве она умна? Или интересный собеседник? У нас с месье де Грамоном хотя бы общая тайна есть. Да и мог бы менталист заинтересоваться Лу... как женщиной? Он же не совсем старый, уж точно не такой, как дедушка. Интересно, сколько все-таки лет Цепному Псу? Кто-то говорил, но я не запомнила.

Даже у дедушки есть возлюбленная. Я узнала об этом случайно, но тем не менее не считала это чем-то страшным. Тем более женщина подходила деду — наша повариха. Стало понятнее, отчего у нас такие вкусные пироги. Для любимых готовят по-особенному. Так всегда говорила мама. Значит, мужчина может иметь любимую даже в таком почтенном возрасте.

Так все-таки... Лу — будущая мадам де Грамон? Как представлю, глаз сразу дергается. Мне чудилось, что светские пикировки с менталистом — это моя прерогатива. Хотя замуж за «старика» я, естественно, не собираюсь. Вот он скоро умрет, и что я буду делать, овдовев? Носить пять лет траурный наряд? Мне черный не идет. Цепной Пес на опасной работе, так что велика вероятность, что скоро умрет. Нет, конечно, мне бы не хотелось такого, но надо думать объективно и оценивать любые варианты.

Заложив руки за голову, закрыла глаза. Странно все. Никак мне не понять этого хода менталиста.

— Я слышала, девочки будут украшать платья, — взволнованно сказала Армель, наверняка крутясь перед зеркалом. — Боюсь ничего не успеть. Да и что придумать, пока не знаю. Видели, как дофин тогда смотрел на наши воротники? А пажи? Тыкали пальцами и хихикали. Думаю, это не такая уж хорошая идея — вязать что-то. Хотя и взята из альманаха, но...

Пришлось сесть, чтобы видеть подруг, судя по бессвязной речи маркизы, та в высшей точке волнения.

Армель, то и дело поглядывая в журнал, репетировала кокетливый взгляд, хотя, на мой вкус, мы уже довели этот «фокус» до совершенства. Даже за соседним столом мальчишки затихали, пока гадали, кому послан такой пламенный взор.

Аврора же сидела на банкетке и задумчиво накручивала на палец локон. Последние несколько дней баронесса была на удивление тише обычного.

— А если иллюзию? Эвон? Какую-нибудь прекрасную иллюзию, чтобы дофин не мог отвести от меня глаз.

Похоже, маркизу совсем не смущало, что я вроде как тоже боролась за внимание принца. Мне оставалось только тяжело вздохнуть. Конечно, «Гнездо» важнее всего, но здесь и сейчас ссориться с Армелю не хотелось. Тем более это обычно моя «привилегия» не думать о чувствах других. Есть за мной такой грех. Иногда полезно и уступать другим.

— Какую?

— Естественно, красивую!

Естественно! Как будто это так легко — придумать другому красивую иллюзию. Впрочем, если это утешит и успокоит маркизу, то почему бы и нет.

Секунду рассматривала подругу, прикидывая в уме, что бы ей пошло.

Я никогда не жаловалась на фантазию, для меня это было сродни маленькому чуду, словно придумывание своего нового волшебного мира. Дар был частью меня, и сейчас эта часть будто пела, прислушиваясь к музыке, царившей повсюду. Грезилось, тронь воздух, и он, как струна, издаст протяжный звук. Перебери, сплетая из потоков новую реальность, — заиграет мелодия. Надо лишь услышать ее, выбрать один тон. Флейта? Да, пожалуй, в моей голове тоненько играла флейта, преображая подругу.

Но ведь, кроме внутренней музыки, нужны еще слова, красивое описание образа подруги. И я начала фантазировать.

Пространство вокруг Армелю стало преображаться. Сначала простая коса словно расплелась по прядям, чтобы затем собраться в высокую прическу, обнажающую шею, и лишь пара локонов, словно выиграв сражение с заколками, спустилась до ключиц. Нежные завитки около лица и появившаяся ниоткуда крошечная диадема.

Вот подернулась дымкой синева ученического платья, и из-под ключев сизого тумана стала проступать тяжелая парчовая ткань. По

подолу, точно живые, были вышиты алые маки; тронь — и осыпятся лепестки.

Вспыхнули языки пламени в камине, отражаясь во множестве жемчужин, появившихся на корсаже и бедрах, превращая юбку Армель в искрящуюся гладь воды.

Маркиза замороженно уставилась в зеркало, едва не пропустив момент, когда ее пригласил мой иллюзорный фантом. Не так важно, что лицо «мужчины» было спрятано под маской. Люди в полный рост у меня получались пока плохо. Или это я не могла определиться, кто все-таки должен пригласить Армель? Дофин? Граф де Армарьяк? «Старик»? Ноэль? И Армель ли или меня? Последняя мысль настолько меня поразила, что я потеряла контроль и над иллюзорным мужчиной, и над платьем.

Иллюзия осыпалась, словно первая роса, а я растерялась. Неужели это зависть к подруге? Мне казалось, эти недобрые чувства я задушила на корню. Смущенно посмотрела на маркизу. Увидела ли она?

Армель разочарованно вздохнула:

— Красиво.

— Я не могу фантазировать вслух бесконечно, — будто оправдываясь, начала я извиняться.

— Жаль, — резюмировала маркиза, снова взглянув в зеркало. — Что тогда придумать?

— Можно собрать живые цветы, — предложила я.

— Видеть бы вначале платья! — всплеснула руками маркиза, которая вроде не слышала моих слов. — Ну где же портнихи? И наряды уже должны были доставить в комнаты.

— Может, они в покоях Эвон? — предположила Аврора, сбрасывая оцепенение. Что удивительно, баронессу не тронула моя иллюзия. И чем заняты ее мысли? — Ведь мы обычно собирались у нее.

Мы с маркизой слаженно ахнули. А ведь и правда! Успел ли паж предупредить портних.

— Как мы могли забыть? — воскликнула Армель, заламывая руки.

Она начала мерить комнату шагами, не зная, что предпринять. Найти сейчас пажа? Невозможно! Где уж тут, в этой суматохе.

Я наблюдала за нервной и чрезвычайно возбужденной Армель немного удивленно. Неужели влюбленность так меняет людей? Но это же глупо! Не помню такого поведения в период своих нежных чувств, или, может, это особенность маркизы? Или это приходит с взрослением? Тогда я не хочу так влюбляться.

Армель умудрилась забыть обо всем, даже... обо мне! Как иначе

объяснить эти ее восторженные возгласы про дофина? Дофин то, дофин се! Совсем не заботится о моих чувствах. Ведь я тоже борюсь в отборе, а что делает Армель? Я нахмурилась и дернула плечом. Не то чтобы меня задевало стремление Армель стать королевой, нет, из нее получилась бы прекрасная правительница. Скорее, то, с какой легкостью Армель не стало дела до нас — меня и Авроры.

Внезапно маркиза остановилась и поделилась пришедшей ей в голову мыслью:

— Знаете, я так волнуюсь! А вдруг принц на самом деле отправился в столицу вновь поискать там кандидатов? Решил, что общество деревенских девушек недостойно его персоны.

Такие слухи ходили по академии, но я сомневалась, что им можно верить. Не нашли же дофину невесту в столичном отборе. Кого теперь искать, если все кандидатки были забракованы?

— Он отправился к границе, — рассеянно поправила подругу Аврора, разглаживая руками юбку ученического платья, — к семье Марии-Элены. Думаю, их поместье всего в полудне пути.

Мы с Армель с одинаковым удивлением уставились на баронессу. Что она только что сказала?

— Месье де Армарьяк говорил, что поездка не займет много времени и уже через пару дней...

Вдруг Аврора замолкла и уставилась на нас с откровенным ужасом на лице.

— Граф сказал тебе? Когда?

— Вы так близки?

Наши с Армель восклицания слились в одно, заставив Аврору залиться краской. Маркиза, подобно урагану, подбежала к смущенной девушке и схватила ее за руки. Слова Авроры так меня поразили, что я не подскочила на месте лишь потому, что могла только удивленно моргать.

— Он признался тебе, да? Аврора, не молчи! — трясла подругу за плечи маркиза.

Аврора растерялась от нашего жадного внимания и, зажмурившись что есть силы, дважды коротко кивнула, вызвав у меня и Армель бурю эмоций.

Но если Армель прыгала и хлопала в ладоши, после чего начала радостно ахать, то я растерянно смотрела на девочек. Аврора? Но мне казалось, что граф более благоволил мне, а не скромной баронессе. Вот как... если Армель все удастся, а Аврора согласится, то я останусь совсем одна в академии. Мигом представила, как брожу одна по знакомым

коридорам, с завистью оборачиваюсь вслед стайкам девочек. С кем поделиться переживаниями, впечатлениями от книг в день Солнца? Больше не ворвусь в комнату к Армель и не кинусь к ней на кровать, маркиза больше не воскликнет возмущенно: «Эвон, обувь!»

Нет, зависти не было. Только грусть. Остатки обиды я без сожаления затолкала на задворки сознания. Что Аврора, что Армель потрясающие красавицы, естественно, не мне тягаться с ними. Чего удивляться? Тут хоть завидуй, хоть не завидуй, но не исправишь ситуации. Остается только, как говорит бабушка, уступить «красиво». Улыбнулась. Спокойно и безмятежно встретила напуганный взгляд баронессы.

— Когда? — задала правильный вопрос Армель. — Бог мой, когда вы могли остаться наедине?

Я охотно поддержала подругу. Неужели Аврора тайно встречалась с графом? Это как-то не укладывалось в моей голове. Пожалуй, подобного безрассудства я могла ожидать от Армель или от себя, но никак не от Авроры. Хотя если хорошенько задуматься, я могу себе представить эту сцену: кутающаяся в шаль баронесса, закат и граф, едва касающийся пальчиков подруги. О чем они могли бы говорить? Нежная Аврора и фаворит дофина. Вот тут мое воображение пасовало.

— На испытании, — призналась наконец баронесса, поколебавшись мгновение.

— И ты молчала?

— Так давно?

И снова наши голоса с Армель слились в один. Я не могла поверить, что Аврора так долго хранила в тайне такую новость.

— Мне надо было подумать, — ответила Аврора. — Прислушаться к своим чувствам. Месье де Армарьяк сказал, что мое решение должно быть добровольным и я должна озвучить его сама. Я, увы, не подойду на роль королевы, но графу по душе...

Голос Авроры сорвался, и она внезапно замолкла, затравленно посмотрев на меня.

Так неужели причина молчания баронессы — это я? Армель несколько удивленно перевела взгляд с меня на подругу.

— Прости, Эвон, — покаялась Аврора. — Я не хотела, прямо так и сказала месье де Армарьяку. Но он...

— Что он? — спросила мгновенно одеревеневшими губами.

Неужели граф сказал какую-то гадость? Мне было неприятно от этой мысли. Может быть, что я слишком глупа? Или когда он принес мне «приглашение», я оказалась слишком... раскрепощенной, и фавориты

решили, что столь развратной особе нет места среди их избранниц. Действительно, я вела себя ужасно. Узнай дед, отходил бы меня хворостиной. Похоже, я окончательно опозорила род.

— Сказал, что ты, Эвон, уже занята и он не хочет становиться в очередь претендентов, потому что невеста нужна не только одному ему, — вздохнула Аврора, опуская глаза. — И что граф не видит смысла цепляться за мечту, когда реальность рядом.

Аврора по мере разговора опускала голову все ниже и ниже, а ее речь становилась все тише.

У меня же слова Авроры вызвали смятение. Я занята? Вереница претендентов? Это точно обо мне?

— По-моему, граф влюблен в Эвон, — едва слышно прошептала Аврора. — А я как замена, потому что он не надеется выиграть в схватке за ее сердце. Это... неприятно быть заменой.

Я же поняла, что чувствовала Аврора. Как ужасно понимать, что, сложишь обстоятельства иначе, на тебя бы не обратили внимания. И то, что сказал граф, по-настоящему ужасно!

— Я думаю, ты не так поняла, — убежденно возразила Армель. — У месье де Армарьяка специфическое чувство юмора. Наверняка он смешался и не знал, что сказать. Ведь уверять тебя в своей любви ему могло помешать стеснение.

Аврора недоверчиво посмотрела на подругу.

— Все стесняются, — убежденно тряхнула волосами Армель. — И я, и граф. Вот он и отшутился. Будь иначе, разве позвал бы он тебя? Ведь полно претенденток, бери не хочу, а признался он тебе.

— Я тоже так думаю, — кивнула я, успокаивающе погладив подругу по плечу. — Ну где ты видела вокруг меня вереницу поклонников, с кем бы не мог справиться месье де Армарьяк?

С моей точки зрения, да, таких претендентов и не могло быть. Граф был богат. Думаю, его бы семья даже не заметила, попроси я немного золота для «Гнезда». А еще он молод и хорош собой. Кто бы еще мог оказаться более привлекательным в моих глазах?

— Ты скоро станешь графиней! — радостно взвизгнула Армель, запрыгав на месте и моментально забыв о переживаниях подруги.

Аврора неуверенно кивнула, сама свыкаясь, похоже, с этой мыслью.

— И мы будем вместе в столице! — Армель сжала руки баронессы, радостно улыбаясь. Маркизу совсем не смущало, что предложение о браке получила пока только одна Аврора. Армель совсем не думала о том, что дофин может выбрать другую девушку.

«Вместе». Радость подруги больно царапнула меня по сердцу. Они. А я?

Я усилием воли сохранила доброжелательное выражение лица. Было ли мне неприятно? Самую малость. Радость Армель я понимала, скажи граф или один из фаворитов о своем решении выбрать меня в спутницы жизни, я бы сама сейчас прыгала от радости до потолка. А уж узнай, что одна из подруг поехала бы со мной... В общем, эмоции Армель не вызвали во мне возмущения, только тихую грусть.

Впрочем, до маркизы достаточно быстро дошло, что в этом «мы» не было одного человека — меня.

Армель застыла на месте, словно ее приморозили хорошенькой порцией льда.

— Эвон, — простонала маркиза, окончательно осознав ситуацию, — но как же так... Эвон...

— А что я? — как можно равнодушнее пожала плечами. — Останусь в академии, доучусь. После отбора у меня неплохие шансы найти удачную партию. Выйду замуж... как все...

Голос дрогнул, и я едва сдержалась, чтобы не заплакать.

— Остальным фаворитам все еще нужны невесты, — глубокомысленно заключила Армель. — Возможно, если ты понравишься кому-нибудь из них на балу...

«Остальным»... Граф тоже так сказал. Мне некстати вспомнился подслушанный на балконе разговор. Помнится, тогда что-то говорили об обряде, «времени первой крови» и невестах для фаворитов. Мигом стало не по себе. Стоит ли рассказать подругам?

Последние несколько дней выдались насыщенными на события, я и думать забыла об этих странных словах, но теперь... Еще и слова месье Ноэля, слухи о девушках из отбора, которые уже не девушки. Возможно, все гораздо более мрачно, чем мне казалось раньше? Связывала ли я прежде все это воедино? Нет. А надо ли теперь?

— Знаете, я...

— Мадемуазели, к вам можно?

Меня прервал стук в дверь, может, наконец и до нас дошли портнихи. Армель, даже не дав мне продолжить, метнулась открывать. И только перед тем как выйти к гостям, проверила свой внешний вид, мельком взглянув в зеркало.

Я же прикусила губу. Видимо, не судьба. Вздохнула, поднимаясь с кровати, и поправила юбку. Плохо появляться перед столичными гостями неопрятной.

Дверь распахнулась, и перед нашим взором предстали три уставшие женщины.

— Прошу, проходите, — улыбнулась Армель.

Но не успели портнихи зайти в комнату, как в коридоре раздался истошный визг:

— Помогите! Лу! Ей плохо! Помогите!

Женщины, разом забыв про усталость, кинулись вон из комнаты. Мы с подругами тоже было подались вместе с ними, однако путь нам преградил появившийся ниоткуда паж.

— Мадемуазели, вам лучше вернуться в свои покои.

ГЛАВА 24

Отбросив книжку в сторону, чего со мной давно не случилось (ведь роман о короле Персефоресте самое прекрасное, что я читала), я подошла к двери. Интересно, паж еще там?

Приоткрыла крохотную щелку и выглянула в коридор, уткнувшись носом в спину «охранника».

— Вы что-то хотели, мадемуазель? — сухо поинтересовался паж, оборачиваясь.

Глаза у него, что ли, на затылке? Я же тихонько-тихонько!

— Да, месье, книгу, — «смиренно» пробормотала, косясь по сторонам.

Картина была точно такая же, как и вчерашним вечером: у дверей претенденток стояли пажи, а по коридору прогуливались менталисты. Как в карцере! Именно так я представляла себе тюрьмы, читая новые истории о рыцарях. Только в этот раз в каземат угораздило попасть мне, а не бравому Персефоресту.

— Предыдущая вам тоже не понравилась?

— Нет, месье, — покорно отозвалась, стараясь рассмотреть как можно больше, пока есть возможность. Я уже трижды выглядывала и просила принести мне книги, но ситуация в коридоре никак не менялась.

— А вот, по словам месье Труа, вы брали ее чаще остальных. Можно сказать, этот роман ваш «фаворит».

Естественно! Ведь это же самая интересная часть о короле Персефоресте. Там он целует мадемуазель Лиру и отправляется в таинственный лес. Разве можно не зачитывать до дыр такое описание нежных чувств, как в этой главе? Но не в такой же ситуации, когда лично у меня нервы на пределе. Понять бы еще, что происходит, а то сижу тут как... голубь на жердочке в своей голубятне. Жду какой-то весточки, но безрезультатно.

Все претендентки под домашним арестом. Даже занятия для нас отменены. А я бы обрадовалась даже библиотековедению. Неизвестность давила на нервы, заставляя придумывать всякие ужасы. И не только мне, я уже слышала, как плакала через стенку Анжелика, напуганная произошедшим. Ведь мы ничего не знали.

Мне удалось услышать вчера, что с Лу что-то не так, и это, похоже, действие яда, но известие так поразило меня, что я даже не успела ни

словом перемолвиться с девочками, сразу после шума в коридоре нас начали разводить по комнатам. Аврора пыталась еще цепляться за меня, и ее, испуганную и отчаянно кричавшую, утаскивал один из пажей, прижимая к себе за талию. Паника творилась такая, будто бы... кого-то убили.

А теперь снаружи охрана, и выйти никому нельзя. Даже в туалет под конвоем. Это унижительно, в конце концов!

— И воды, — решительно шагнула вперед, почти выходя в коридор. — Я хочу воды.

— Вернитесь в комнату, мадемуазель, — снова перегородил мне дорогу паж. — Это для вашей же безопасности.

Я до последнего не хотела верить, что на Лу было совершено покушение, но если сложить воедино все кусочки мозаики: услышанное на балконе, внезапный арест Марии-Элены, слова пажа и крики о противоядии... Неужели Лу отравили из-за танца с месье де Грамоном, посчитав, что она главная претендентка на место невесты дофина? Господи, а если бы на месте Лу была я?

От подобных мыслей я вздрогнула и покорно отступила назад в комнату, захлопнув дверь. Даже пить расхотелось. Видимо, это действительно нападение на будущую королеву, ведь в столице делали так же, лишь бы помешать отбору. Но для чего убивать невесту дофина? Гораздо логичнее было бы убить принца. У Луи-Батиста и охраны-то толком нет. И кто мог напасть на Лу? Не Белла же! Они были в комнате вдвоем... а сейчас даже охраны перед дверьми Беллы и Лу нет. Понятно, что баронесса в лазарете, а вот где Изабелла? Не в допросной, я надеюсь. Тряхнула головой, отгоняя лишние мысли: так можно додуматься до чего угодно.

Получается, наше заточение — наше спасение. Правда, от этого не легче. Поежилась, вспоминая ледяной голос пажа. Похоже, сделай я хотя бы шаг — меня бы остановили в самой жесткой форме. Как тогда уводили Аврору.

Неужели нас продержат взаперти до завтра? Я ужаснулась этой мысли. Танцы не отрепетированы, платье едва подогнало по фигуре. Волнующаяся не меньше меня портниха исколола мне все бока под немигающим взглядом менталиста. На мне, конечно, была еще камиза, но казалось, что я голая. И хотя менталист даже не смотрел в мою сторону, я готова была провалиться сквозь землю. Стоять в одном исподнем под взглядом взрослого мужчины было унижительно, но меня поставили перед выбором: либо примерка проходит под надзором, либо я отправлюсь на бал в том,

какое есть. Хорошо хоть это не месье Петер, а совсем незнакомый мужчина. Было чуть меньше стыдно, чем могло бы быть. Но вся ситуация... Что бы сказал дедушка, видя такую картину?

В дверь постучали, и я против воли испуганно сжалась, но тут же выдохнула, если бы это был таинственный отравитель Лу, то, перешагнув через труп пажа, вряд ли бы стал стучаться. Да и в коридоре полно охраны. Никакому злоумышленнику не удалось бы пробиться через такой заслон. А я не слышала ни звука.

— Мадемуазель Эвон?

Услышав голос месье Петера, я вздохнула с облегчением и поспешила к двери, распахнув ее настежь. Мне хотелось задать кучу вопросов менталисту. Отчего-то мне казалось, что уж месье Петер обязательно ответит, разогнав все мои страхи.

— Эвон! — радостно пискнула Аврора, кидаясь ко мне.

В коридоре вместе с Петером была баронесса.

Обняла подругу, едва не разревевшись. Неужели наш «арест» отменен? Мне стало значительно легче в присутствии Авроры, хотя она и была страшной трусихой. Если уж подругу привели ко мне, то точно скоро все встанет на свои места.

— Поспешите, мадемуазель. — Менталист коснулся моего плеча. — И соблюдайте тишину. Тэд, это та самая мадемуазель Эвон.

Непонимающе оглянулась по сторонам и едва не вскрикнула, заметив около двери юношу в платье. Наше темно-синее ученическое платье было явно мало парню, что создавало комичную картину. Удивленно уставилась на странно одетого Тэда. Я была так поглощена встречей с Авророй, что даже не заметила постороннего. И, судя по тому, что Аврору совсем не смутил юноша в дамском туалете, ситуация была ей знакома. Но зачем тут странный Тэд?

— Ты помнишь, что делать, Тэд? — спросил шепотом месье Петер, проигнорировав мои округлившиеся в немом вопросе губы.

Вместо ответа юноша взял в руки массивный амулет, спускающийся на тонкой цепочке до самой груди, и зажмурился, быстро что-то зашептав.

По лицу Тэда пошла рябь. Сначала изменился овал: скулы стали выше и более ярко выраженные, на щеках заиграл лихорадочный румянец, полностью преображая человека передо мной. Я замороженно уставилась на юношу, начисто забыв о приличиях. На моих глазах творилась магия! Словно талантливый художник рисовал на холсте совершенно другого человека. Широкими уверенными мазками неизвестный лепил лицо и тело юноши заново: сразу стали уже плечи, а в воротах расстегнутого, вдруг

свободного платья показалась нежная кожа и очертания ключицы. Волосы молодого человека разом отросли и потемнели до цвета воронова крыла. Пряди, словно живые, взметнулись в воздух, переплетаясь в сложную косу, оставив только несколько локонов-кудряшек около лица. Вспорхнули птицами брови вразлет, распахнулись в удивлении глаза, губы растянулись в озорной улыбке. Тэд так стремительно менял свой внешний вид, что я не сразу поняла — я вижу девушку. Более того, это была я! Тэд стал мной, повторив все мелочи моего внешнего вида, даже испачканные чернилами пальцы.

— Это иллюзия, мадемуазель Эвон, — улыбнулся Тэд, шепотом пояснив свое преображение. — Книжная магия.

Я удивленно обошла «себя» со всех сторон. Иллюзия? Нам никто не рассказывал, что она может быть вот такой. Нет, я догадываюсь, что закрепить внешний вид помогает амулет на груди лже-Эвон. Некогда зеленый камень в серебряной оправе стал ярко-белым и переливался грозowymi разрядами, словно живой. Выходит, мои сокурсники могут рассчитывать на службу в тайной канцелярии? То, что я сейчас видела, не вызывало сомнений. Ведь месье Петер так спокойно смотрел на преображение своего коллеги.

— Нам надо спешить, мадемуазель Эвон! — поторопил меня менталист, едва Тэд скрылся в моей комнате, захлопнув дверь.

Посмотрела по сторонам в поисках похожих сцен для других претенденток, но коридор был пуст. Только месье Петер и Аврора.

— Мадемуазель Армель и мадемуазель Полин уже на конюшне, пойдемте, — верно истолковал мое поведение менталист.

Полин? Армель? На конюшне? Я ничего не понимала, но дедушка всегда говорил, что есть ситуации, когда женщине надо помолчать и делать, что велят мужчины. Сейчас однозначно была именно такая. Что бы ни значило это представление, вопросы следует задавать потом. Покорно опустила голову и, сжав руку Авроры, поспешила следом за месье Петером.

Оглянулась. Картина в коридоре совсем не отличалась от той, что была пару часов назад, пажи все так же стояли около дверей, будто ничего и не произошло. Даже «мой» паж оставался на месте, словно я по-прежнему была в своей комнате.

Спешка месье Петера оказалась заразной, я дрожала от нетерпения, ожидая какой-то опасности. Однако я не забывала тянуть следом Аврору, вцепившуюся в меня, словно клещ. Вот уж нет! Я не дам подруге погибнуть. Лучше уж самой.

— Мадемуазели! — прошептал месье Петер, подгоняя нас.

Он остановился около туалетных комнат и долго шарил по стене рукой, будто что-то ища. Я была как натянутая стрела, опасаясь всего подряд. А что, если неведомый отравитель Лу покажется из-за поворота? Вздрогнула, когда в стене открылся пахнувший влажным воздухом и плесенью проход. Было жутко. Когда-то, читая романы о мадемуазель Котти, которая служила в тайной канцелярии и перемещалась по всяким потайным ходам, мне тоже хотелось быть такой же... но наш побег отдавал чем-то жутким. Словно... нам грозила опасность, а в свете покушения на Луизу я чувствовала себя скорее жертвой, чем храброй шпионкой.

Менталист помог нам преодолеть порожек потайного хода и тут же захлопнул «дверь». Нас окутала непроглядная темнота.

— Куда мы идем, месье Петер? — дрожащим голосом спросила Аврора, вцепившись в мое предплечье.

Мне было страшно не меньше баронессы, но установка дедушки, что страх парализует разум, заставляла если не быть спокойной, то хотя бы казаться ей. Да и в какую панику впадет Аврора, если я поддамся эмоциям? Месье Петер чиркнул огнивом, и коридор осветился тусклым светом факела. Мне показалось, он одобрительно на меня посмотрел, на мгновение замер и, будто прислушиваясь к происходящему, уверенно шагнул вперед, потянув меня за руку.

— К сожалению, мы вынуждены эвакуировать некоторых претендентов.

— Некоторых? — быстро переспросила я, чувствуя смущение. Месье Петер обхватил меня за запястье поверх ткани платья, но вся обстановка была... столь интимна, что я даже терялась, можно ли назвать эту ситуацию компрометирующей или нет? И как бы отреагировала классная дама, узнай, что мы с Авророй в темном коридоре наедине с взрослым мужчиной. Нет, я понимала, что такие мысли в ситуации, когда мы спасаемся бегством, более чем глупые, но мне было так страшно, что никаких других в голове не было.

— Вам все объяснят, мадемуазель Эвон, не теряйте времени.

Мы с подругой переглянулись. Баронесса держалась из последних сил. Не будь здесь меня, думаю, Аврора бы упала в обморок. Я всегда была для нее своеобразной опорой, несмотря на то что лучше к Авроре относилась Армель. Не потому ли нас уводят вместе? Хотя слова «эвакуируем» и «некоторых», услышанные от менталиста, меня смутили. Для чего понадобилось уводить нас из комнат? Опасность? Может быть, меня спасают, потому что я будущая невеста дофина? Ох, как будет неудобно

перед Армель. Возможно, я смогу убедить дофина, что маркиза любит его больше. «Гнезду», конечно, нужна помощь, но я могу выйти и за богатого наследника запечатанных родов, а вот Армель выбор дофина разобьет сердце.

Правда, в эту теорию пока не вписывалось, зачем рядом со мной Аврора. Не потому ли, что она невеста де Армарьяка?

Неожиданно месье Петер остановился и крепко сжал мою руку.

— Забудьте, мадемуазели, — одними губами прошептал менталист, напряженно прислушиваясь к происходящему в коридоре снаружи.

Мы с Авророй замерли, тесно прижавшись друг к другу, боясь даже дышать.

С той стороны стены явно доносились шаги и приглушенные голоса. До меня запоздало дошло: если уж мы слышим тех, кто идет обычными коридорами академии, то и наше присутствие можно заметить. В свете происходящего становилось совсем жутко.

— Мне страшно, Эвон, — прошептала Аврора, судорожно цепляясь за меня и пряча лицо в моих волосах.

Голос подруги прозвучал для меня набатом в звенящей тишине. Я едва не ударила баронессу, неужели так трудно было затаиться на мгновение. Быстро посмотрела на менталиста и поняла, что дело плохо, его лоб покрылся испариной, он с досадой смотрел на дрожащую Аврору.

— Ты слышал? — отчетливо донесся до меня голос с той стороны стены. — Здесь будто кто-то есть.

— Где? По-моему, тишина...

— Да нет же...

Облизала внезапно пересохшие губы и, закрыв глаза, четко представила себе коридор. Было страшно, а оттого никак не получалось создать в голове образ. Закрывает глаза, чтобы сосредоточиться. Творя очередную иллюзию, беззвучно начала шептать: «Котенок возится с клубком...»

Послушный моей воле воздух сгустился, создавая тельце простого рыжего котенка. Я не видела того, что получалось, но хотела надеяться, что моя иллюзия достаточно реалистична. Жаль, не могу добавить звук, никто не способен создавать «живые иллюзии», только мэтры, а я... совсем не мэтр. Будем надеяться, что неожиданные гости поверят и выгнувшему спину котенку, показавшемуся из-за поворота. Рыжик, «увидев» людей, испуганно кинулся назад. Хоть бы мужчины не решили проследить за ним. Ведь контроль над котенком я потеряла, едва дошептав последнюю строчку детского стихотворения.

— Да это кошка, друг!

— Мне казалось...

Мужчины пошли дальше по коридору, по крайней мере, их шаги очень скоро затихли, и я пришла в себя. Посмотрела на менталиста, стараясь успокоить бешено стучащее сердце. Оставалось удивляться, как его не слышали чужаки.

— Поспешим, мадемуазели, — прошептал месье Петер, вытирая лоб рукавом.

У меня даже не было сил, чтобы сморщить нос и сказать, что это очень неприлично и у меня есть платок. Поскорее бы выбраться из этого потайного хода. Сжав локоть до сих пор дрожавшей Авроры, потянула ее за собой. Следовало уходить отсюда как можно скорее.

— Эвон... — зашептала Аврора, но я жестом остановила любые разговоры. Мне совсем не хотелось снова оказаться на волосок от гибели.

— Аккуратно, мадемуазели, тут спуск. Поспешите, мы и так задержались.

Коридор плавно начал уходить вниз. Я передвигалась вперед маленькими шажками, не хватало только упасть. Судя по всему, пол был насыпной, и я испачкаю платье. Не то чтобы я переживала, но вот Аврора непременно расстроится, если упадет следом за мной.

А вот месье Петер bravо сбежал вниз, мелькнув огоньком факела, и терпеливо поджидал нас в конце спуска. Я бы тоже поспешила вниз, но приходилось поддерживать Аврору. Не могла отделаться от мысли, что отвечаю за баронессу. Нам с подругой потребовалось несколько минут, чтобы подойти к менталисту.

— Пришли, — с облегчением выдал месье Петер, нажимая на невидимый рычаг и открывая проход.

На мгновение я ослепла, отчего часто заморгала, пытаюсь выправить ситуацию. И едва зрение вернулось ко мне, тут же спрятала испуганную Аврору за спину. Неужели это ловушка? Снаружи стояло не меньше дюжины воинов, ощерившихся оружием. Лица мужчин не были дружелюбными. А я... поняла, как глупо повелась на речи месье Петера. И если уж умирать, пусть я буду первой, а там, глядишь, нас кто-то хватится. Особенно если я подниму шум. Набрала в грудь воздуха, намереваясь закричать и переполошить половину академии. Кричать я умею громко — в замке услышат все, незамеченной не останусь.

— Ох! Эвон! — донеслось из-за спин солдат, и ко мне вырвалась Армель.

Она была взволнованна как никогда, и даже, расчувствовавшись,

поцеловала меня несколько раз в обе щеки. Маркиза обнимала нас с Авророй разом, плакала и что-то причитала. Меня уже не так пугали мужчины вокруг, хотя коленки дрожали. Если Армель так спокойна, то это друзья. Нервное напряжение от путешествия по тайному коридору постепенно отступало, а приступ ужаса, наоборот, начал накатывать. И еще было мучительно стыдно перед месье Петером. Я ведь уже почти считала его предателем. Наверное, ему было жутко неприятно, он вытаскивал нас с Авророй из замка, а я веду себя так... как Атенаис.

— Это и есть та мадемуазель, без которой просто невозможно было уехать? — неприязненно поинтересовался между тем один из мужчин, пряча меч в ножны.

— Эвон — моя подруга, и я никуда без нее не поеду! — тут же возмутилась Армель, поворачиваясь к охране.

На мне скрестилось множество взглядов. Понять бы причину недовольства стольких месье. Стараясь скрыть смущение от подобного внимания, я отвела глаза и с удивлением осмотрела Армель с головы до ног.

Маркиза была в странном наряде. Бог мой, подумать только! В мужских штанах. Это был охотничий костюм из альманаха, модный в прошлом сезоне. Не хватало только широкой юбки-солнца. На картинках мадемуазели залихватски заправляли ее широкий кончик за ремень, что смотрелось очень необычно и провокационно. По крайней мере, классная дама тот журнал у нас с девочками отобрала со словами, что изображения в нем неприличные. Но что бы сказала мадам сейчас, глядя на Армель? На подруге-то как раз не было широкой юбки. Аврора за моей спиной, так же с любопытством рассматривающая Армель, приглушенно ахнула. Вот уж точно — смело!

— Ваша мадемуазель на месте. Мы можем выдвигаться? — сухо осведомился мужчина.

— Да, месье Агюст, безусловно, — тут же покорно согласилась Армель, не отпуская моей руки.

— Мадемуазелям предстоит переодеться, и мы выезжаем. Операция по перехвату должна начаться, когда вас не будет в замке. Мы не можем рисковать, — проворчал месье Агюст.

— В мужской костюм? — удивленно пискнула из-за моей спины Аврора, снова украдкой оглядев костюм маркизы.

— Нам придется отступить поспешно, мадемуазель, — вежливо пояснил месье. — И женских седел у нас нет. Боюсь, вам придется...

— Я не умею ездить верхом, — виновато призналась Аврора, цепляясь

за мою руку.

У мужчин это вызвало минутный ступор. Казалось, такого они не могли предположить. Месье Агюст на мгновение задумался, после чего, посмотрев с сомнением на месье Петера, внезапно кивнул.

— Вы поедете с Адрианом, мадемуазель. Адриан — опытный наездник, и его лошадь гораздо сильнее остальных. Прошу, в дальнем деннике вы можете переодеться.

Упомянутый месье Агюстом Адриан протянул нам с подругой две стопки одежды.

Я отказывалась что-либо понимать. Кто все эти люди? Почему мы здесь? И о какой операции перехвата шла речь? Нет, я, конечно, уже слышала о заговорщиках, но верить в подобное не хотелось. Может быть, сейчас месье Агюст развернется и скажет, что это все была большая шутка?

Быстро посмотрела по сторонам. Маленькая площадка перед конюшней, о которой говорил месье Агюст, была заполнена людьми и животными. Тут было не меньше дюжины рослых мужчин, которые то и дело поглядывали по сторонам. Если я правильно понимаю, мы сейчас у дальней, запасной конюшни академии. Рядом располагались и пастбища для лошадей, куда водили животных на выпас. Академические тут бывали редко, разве что в случае наказания. А главное достоинство данного места — расположение за основной стеной замка. Так сюда ведет потайной ход? Украдкой оглянулась, чтобы убедиться в своих предположениях.

— Мадемуазели, поспешите, — с нажимом повторил месье, глядя на нас.

Пришлось, приняв вещи из рук военного, пройти вперед в прохладу конюшни к дальнему стойлу. Оглянулась на ходу и едва не споткнулась, месье Агюст что-то выговаривал Армель. Она просяще сложила руки и что-то лепетала. Неужели подругу ругают? Из-за меня? Пожалуй, не стоит гневить мужчину и поскорее переодеться, чтобы у месье было как можно меньше поводов ругаться. Решительно тряхнув головой, потянула замешкавшуюся Аврору к деннику.

В самом конце конюшни уже было приготовлено все для туалета: табурет, таз с водой и посеребрившие полотенца. На соломе лежали платья Армель и Полин. Сама Полин сидела на лавочке в углу денника, зябко обнимая себя за плечи. Мне кажется, ей было страшно и неудобно, хотя лично мне наше утреннее приключение далось легко. Словно я перестала удивляться происходящему. Но, возможно, Полин требуется побыть наедине с самой собой? Я подумала, что, пожалуй, стоит сменить место для переодевания, как она радостно вскочила и кинулась к нам. Наш с

Авророй приход, казалось, только обрадовал Полин.

— Девочки! Вам помочь?

Мы с Авророй, согласно переглянувшись, кивнули. Переодеваться, похоже, надо быстро, а значит, помощь не повредит.

— Кто эти люди, Полин? — шепотом спросила, расплетая завязки на лифе платья. Хорошо, что в академии не были приняты слуги, одеваться и раздеваться приходилось самим, потому и шнуровка располагалась спереди.

— Личная гвардия его величества Луи, — так же едва слышно ответила Полин, держа наготове рубашку из тонкого полотна.

Я на мгновение так и застыла с вытянутой рукой. Личная гвардия короля?

— В академии заговорщики. Они планируют захватить невест дофина и фаворитов и шантажировать короля, — продолжала Полин. — По крайней мере, нам сказали так. Потому нас и вывели из замка, а наше место заняли сотрудники тайной канцелярии.

— Ты не обманываешь? — удивленно прошептала я, косясь на шокированную Аврору.

— Нет. — Полин поджала губы и боязливо покосилась в сторону выхода из стойла. — Я подслушала, что нас увезут, а потом заговорщиков схватят, и, если потребуется, замок возьмут штурмом.

Штурмом? Я задумалась. Но как же остальные девочки? Натянув рубашку через голову, задумалась. Неужели жизнь остальных девочек ничего не стоит? Мне не хотелось верить, что месье де Грамон отдал такой приказ или, хуже того, это санкционировано самим королем. Не может же он не любить своих подданных.

— Как же заговорщиков пропустили менталисты? — удивилась Аврора.

— Я тоже задала такой вопрос, но, со слов месье Агюста, заговорщики проникли в замок совсем недавно. До этого они нанимали людей для разных диверсий. Вы слышали, вчера попытались отравить Луизу! — Полин покачала головой.

— Не может быть! — пораженно воскликнула я.

Так все-таки это какая-то спланированная акция. У меня еще теплилась надежда, что все это была большая ошибка, но теперь...

— Они хотели уезжать еще час назад, но Армель сказала, что без тебя никуда не поедет. — Полин поднесла рубашку и Авроре. — Сначала военные долго спорили, но потом и месье Петер сказал, что не сможет провести без тебя Авроры, и было решено возвращаться за вами. Теперь

они очень спешат.

Я натянута улыбнулась. Значит, меня не планировали увозить. Но Полин говорила о невесте дофина и фаворитов. Получается, я уж точно не отношусь ни к одной категории. Тогда Полин и Армель? Хотя, наверное, можно предположить по сцене перед конюшней, что...

— Я невеста месье Базиля, — смущенно призналась девушка, верно истолковав мой взгляд.

Армель! Она таки... Я удивленно моргнула. Может быть, она тоже успела поговорить с дофином на испытании, как и Аврора, но не стала с нами делиться, так как знала об опасности. Но разве мы не лучшие подруги? Хотела обиженно надуть губы, но потом передумала. Армель рискует собой и даже будущим страны, чтобы вытащить и меня. Разве могу я сомневаться в подруге?

— Держи, Эвон, там тесемочки.

Я послушно взяла штаны из рук Полин. Но разве могла Армель принимать подобного рода решения, оттягивая отъезд на целый час. Не думаю, что остальным претенденткам, кроме Армель, грозит реальная опасность. Мне не хотелось верить, что король Франкии так легко использовал меня и остальных в академии в игре против заговорщиков. Разве это правильно? Разве жизни остальных ценнее наших? Мне гораздо легче было принять, что таинственные заговорщики просто шли ва-банк, рискуя всем.

— А кто здесь?

— Только гвардейцы короля и месье Петер, — отозвалась Полин, аккуратно складывая все наши вещи в углу и пряча их под соломой. — Но они такие жуткие, не хочу даже подходить к ним.

Удивленно пожала плечами. Мне гвардейцы не показались такими уж страшными.

— У вас все хорошо, девочки? — впрорхнула в денник Армель. — Полин, ты в порядке?

— Мне не дали даже время на сборы, — пояснила Полин. — Вывели из замка, не до конца объяснив, что происходит. Я немного... нервничала.

— Немного? — Армель хихикнула. — Да Полин, едва ее опустили на землю и развернули одеяло, в которое укутали, заехала месье Адриану пяткой в колено, а потом еще и кулаком в живот.

Полин смущенно зарделась.

— Мой отец военный и...

— Эвон, я так волновалась! — воскликнула Армель, не дослушав Полин. — Когда месье Агюст сказал, что я невеста дофина по результатам

отбора и нам нужно спешно отступать, так как, по подозрениям, в академии шпионы Испании, я сразу представила, что ты там останешься одна.

Я же чуть не выронила из рук жакет. Шпионы Испании! Спанцы были нашими закоренелыми врагами на протяжении многих веков, еще до великой смуты. Франкия граничила со Испанией на юге. Если подумать, наша академия располагалась на самой границе. Всего пару десятков лье — и вот уже река, отделяющая нас от Испании. Благо границы под надежной охраной защитного купола, который установил король Луи Первый. И неужели здесь и сейчас в центре заговора спанцы?

— Но как сюда могли проникнуть спанцы? — удивленно спросила Аврора, споро переплетая себе косу.

— Земли, где стоит академия, были дарованы Анори лет пятьдесят назад, — пояснила Полин. — А сама семья Анори присягнула Франкии всего двести лет назад, уже после великой смуты. Может, остались какие-то лазейки для одиночек.

А я стояла и сжимала-разжимала кулаки. Васконь и Испания не очень-то ладили, когда-то мои соотечественники здорово потрепали испанские войска. Говорят, у врага до сих пор есть королевский приказ о награде золотом за голову любого васконского воина. И что бы сотворили со мной спанцы, попадись я им... Не знаю. Я, конечно, не воин, но слишком уж у меня типичная внешность. Судя по слухам, это было бы что-то страшное, после чего только в омут с головой. Нет. Мне не хотелось умирать. По крайней мере, не так.

— Мадемуазели, прошу вас, поторопитесь, — послышался приглушенный голос месье Агюста. — Мы и так задержались. Боюсь, заговорщики начнут действовать и раскроют наш обман.

— Давай помогу тебе, Аврора, — вздохнула Армель, подтягивая завязки рубашки. — Я так волновалась за вас, девочки. Даже когда месье Агюст сказал, что я невеста дофина. — Щеки Армель порозовели, и она кинула быстрый взгляд на меня. — И нужно уезжать, я и слышать не хотела. Все знают, что спанцы не любят васконцев, а Эвон...

Подошла и благодарно сжала пальчики подруги. Голос Армель сорвался, и она виновато потупила голову.

— Прости меня, Эвон, я была так ослеплена своими эмоциями и не могла подумать о том, что раню твои чувства, но слова месье Агюста... Они вернули мне разум, — покаянно прошептала Армель. — И я поняла, я...

Аврора, уже не скрываясь, ревела, и я была недалеко от этого. Даже

Полин в своем углу хлюпала носом.

— Мадемуазели! — возмущенно прошипел со стороны выхода гвардеец короля.

— Идем, месье Агюст, идем! — крикнула Армель, вытирая ладонью слезы.

Окончательно забросав платья соломой так, чтобы не видно было со стороны, поспешно вышли во двор. Становиться причиной недовольства гвардейцев не хотелось. Большая часть мужчин уже были верхом. Гвардейцы придерживали нетерпеливых лошадей и недовольно поглядывали в нашу сторону. Мне и девочкам помогли сесть в седла.

— Выезжаем! — коротко скомандовал месье Агюст.

Мельком глянула на Аврору, которую прижимал к себе рослый военный. Думаю, баронессе не очень комфортно в таком наряде, да еще и притиснутой к незнакомому мужчине. Улыбнулась как можно более ободряюще. Сидеть в мужском седле было непривычно, но намного удобнее, чем в женском.

Тронула бока лошади, стараясь держаться с общей массой гвардейцев. Меня не охраняли, и это было слишком заметно. Все мужчины, так или иначе, были сосредоточены вокруг Армель, не прекращая, однако, поглядывать и на Полин. А я... Ну что ж, мне грех жаловаться.

— Через лье устроим первый привал и заодно пересечемся с дофином и его свитой, — объявил месье Агюст. — Не отставайте, мадемуазель Эвон.

Привстала в стременах, пообещав себе самой ни в коем случае не отстать.

Мне было очень стыдно. Получается, мы бежали от опасности, оставив в беде всех учениц академии. Что придумают заговорщики? Я не могла поверить, что месье де Грамон... Отогнала непрошенные мысли. Нет-нет, я должна верить Цепному Псу. Он не станет подставлять под удар мирное население, ведь не станет?

Все мужчины были напряжены, и лишь едва мы въехали в небольшой лесок, надежно скрывающий нас от любого внимания со стороны академии, гвардейцы слегка расслабились.

— Стойте, Агюст!

Вздрогнула и еле смогла успокоить лошадь, когда наперерез нам выехали месье де Грамон и дофин.

Взгляд Армель разом изменился. Она влюбленно уставилась на принца, вызвав у меня возглас недоумения. Сам Луи-Батист, впрочем, особо внимания на невесту не обращал. Подозрительно покосилась на

подругу. Разве это в ее характере? Как будто присутствие дофина начисто лишает девушку мозгов.

— Вам нужно сворачивать и через дальний перевал ехать в столицу. Петер, ты мне нужен.

— Мы потеряем сутки, Пес, ты с ума сошел? — раздраженно бросил месье Агюст, удерживая разгоряченную лошадь на месте.

— Анори присягнул на верность Испании буквально час назад. Еще пара часов — и тут будет все войско врага, прямо у вас на пути.

Месье Агюст выругался так, что у остальных девушек покраснели щеки. А я оцепенела. Войско Испании?

— Спанцы не знают, что маркизы в замке больше нет, но и заложников — отпрысков трети дворянских родов — хватит для шантажа. Мои люди отправились готовить спешную эвакуацию академии, но нам нужно время. Кто-то должен оттянуть внимание войска на себя.

— Кто-то должен сдохнуть, чтобы пара сотен избалованных деток имели шанс на спасение? Даже если у нас получится... — резко выдал месье Агюст и тут же осекся, увидев наши с девочками лица.

Казалось, что руки свело, так побелели костяшки. Мне были неприятны слова гвардейца, но я молчала. Дедушка всегда говорил, что не стоит вмешиваться в мужские разговоры. Я и не стану. То, что мужчины не хотят умирать, ввязываясь в противостояние со Испанией, в котором не было ни единого шанса, конечно, понятно. Но ведь... там все наши девочки! И мальчишки! И классные дамы. Разве войско не обязано защищать мирное население?

— Я тебя и не прошу, но предлагаю, — раздраженно обрубил месье де Грамон, посмотрев на гвардейца с пренебрежением. — Мои бойцы соберут старшекурсников, кто согласится.

— Его величество поручил мне доставить избранницу в столицу, до этой академии мне дела нет. Пара сотен детей или опасность для целой страны? — зло возразил месье Агюст. — Разворачиваемся. На дальний перевал!

Месье де Грамон плюнул вслед двинувшимся гвардейцам и повернул лошадь к реке.

— Мадемуазель, если вы не собираетесь рисковать собой, советую вам поторопиться, — окликнул замешкавшуюся меня месье Агюст.

Я, вздрогнув, покорно двинулась вслед за маленькой процессией. И лишь проскакав вместе со всеми какое-то время, спешно удаляясь от места, где уже скоро должны развернуться боевые действия, остановилась.

Васконцы так не поступают. Да. Мне страшно. Страшно так, что ноги

и руки словно парализованы, но я же васконка! Вскинула голову. Я обязана.

Притормозила лошадь и сухими глазами смотрела на облачко пыли, в котором исчезала Армель. Так правильно. Будущая королева, которую нашли с таким трудом, не должна погибнуть. А я... совсем не невеста дофина.

Пока не знаю, что я буду делать, но должна помочь.

— Кья! — крикнула, пришпорив лошадь и поворачивая к реке.

Я васконка!

ГЛАВА 25

Мне потребовалось чуть больше часа, чтобы доехать до реки. Я справедливо рассудила, что спанцы будут перебираться вброд, а он единственный на много лье вперед. Бросив лошадь у подножия холма, я легко взбежала на вершину, чтобы осмотреть окрестности.

Пара минут, и упала на землю, прячась в высокой траве. Я не ошиблась, внизу расположился небольшой лагерь наших. Не знаю, почему спряталась, но в первое мгновение мне показалось, что месье де Грамон отправит меня обратно, а потом... мне просто стало страшно.

Я с ужасом смотрела на постепенно разворачивающееся внизу холма действо. Враги приближались, и их было много. И даже то, что к гарнизону местной сторожевой башни присоединился старший курс академии, не могло сравниться с преимуществом спанцев. наших же просто... перебьют! Это будет не сражение, а бойня! Понимали ли это стоящие внизу? Думаю, да, но продолжали готовиться к бою, чтобы дать шанс остальным уйти.

Остаться или бежать? Меня затрясло. Страшно! Я уже почти пожалела о своем побеге от Армель и гвардейцев. Тряхнула головой, отгоняя позорные мысли, но, приказав себе подняться, встать я так и не смогла. Ноги дрожали.

Бессильно схватилась за траву, пропуская редкие побеги сквозь пальцы. Вот сейчас их всех убьют, а все, что я смогу сделать, — наблюдать с вершины холма, как будет гибнуть свита принца, месье де Грамон, ребята из академии. Ноэль! От несправедливости буквально зацепало в глазах, и я несколько раз моргнула, прогоняя подступившие слезы.

Наши девочки-целительницы, кто не испугался и не уехал из академии, старались создать и растянуть щит. У волнующихся студенток явно не получалось. До меня донесся полный безысходности вскрик Ирмы. Им тоже было страшно.

Я прикрыла глаза. Девочки боялись, но ни одна из них не отступила. А я? Но я же всего лишь «говорящая с книгами». Разве мне доступны такие силы, чтобы помочь нашим войскам. Что делаю я? Сижу наверху холма, ожидая, когда убьют моих друзей и соотечественников, упиваясь своим бессилием. Тем, что мои силы нигде не пригодятся. Да я смогу хоть перекачивать магию в щит!

Решительно поднялась с земли и хотела было сделать шаг вперед, но

остановилась как громом пораженная, внизу забили барабаны. Глухой бас перестука, казалось, шел из-под земли. Вибрирующий звук проникал сквозь обувь и с кровью поднимался к самому горлу. Стало трудно дышать. Неужели...

Зазвучал низкий трубный звук горна, войско врага пришло в движение. Они пошли вперед могучей лавиной, темной уродливой кляксой растекаясь по земле. Казалось, что это не люди, слишком уж жутко выглядели их доспехи. Может, это демоны, призванные уничтожить Франкию? Попыталась сделать шаг и не смогла, страх сковал все тело, но как должно быть страшно тем, кто внизу.

Барабан на мгновение замер и зачастил с новой силой. Войско противника никуда не спешило, зная о своем многократном преимуществе. Поднялись штандарты кавалерийских полков, словно призывая воинов идти вперед. Безобразные полотнища флагов качнулись в такт горну.

До границы двух королевств — реки — врагам оставалось меньше четверти лье. Скоро они переберутся через водную гладь и...

В отчаянии перевела взгляд к подножию холма. Наши мальчишки сделали шаг назад. Им страшно! Еще шаг — и, мне показалось, небольшой отряд сопротивления дрогнет. Но не дал месье де Грамон. Он что-то крикнул и подтолкнул в спину одного из пятящихся боевиков. Цепной Пес спешно отдавал последние указания, некроманты перемещались за спины боевиков, выстраиваясь полукругом. Старшекурсники спешно чертили на земле пентаграммы, стараясь успеть сделать хоть что-то. У целительниц наконец получился щит — слабое розоватое марево окутало первые ряды обороняющихся.

Есть ли шансы у месье де Грамона? Хотя бы один.

Мне надо было выбирать: спускаться или же отходить, но ноги не слушались, а взгляд был прикован к происходящему внизу. Менталист с группой ребят-добровольцев давали шанс уйти всем, кто был в академии. И у меня еще была возможность спастись. Но я... не могла. Мой взгляд блуждал по лицам смертников, я с ужасом понимала, что вижу их в последний раз.

Принц! Я едва не задохнулась, увидев рядом с Цепным Псом месье Луи-Батиста. Разве его гибель не конец всего? Отчего тогда он тут? Месье де Грамон тоже, судя по всему, не был счастлив видеть дофина. Он сжимал плечо племянника, что-то ожесточенно ему высказывая. Слов я не слышала, но, казалось, отчетливо видела выражение лица менталиста. Наконец де Грамон уступил, махнув рукой, и принц встал позади некромантов, плечом к плечу с фаворитами. Они начали колдовать что-то

сложное, аккуратно делая пассы. Но что? Настолько ли это сильная магия, чтобы сдержать врага.

Нападающие были все ближе, они входили уже в реку, высоко поднимая оружие над водой. Барабан звучал все отчетливее, как и рог, который гнал обезумевшее войско, с каждым мгновением набирающее ход, к берегу Франкии.

И некроманты ударили. Разом, слаженно, снося первую волну спанцев. Но врагов было так много, что они, казалось, даже не обратили внимания на потери. Войско неумолимо приближалось.

Нашим не выжить. Ни дофину, ни фаворитам, ни язвительным, высокомерным старшекурсницам, которые тоже только что, похоже, осознали это. Высокая статная Ирма шагнула вперед и наотмашь ударила по береговой линии заклинанием, поднимая высокую изгородь из терновника. Остановит ли спанцев преграда? Конечно нет, но задержит. Может, некроманты успеют дочертить пентаграммы?

В рядах обороняющихся больше не было суеты. Каждый дрался с мрачным ощущением неотвратимости гибели и намеревался подороже продать свою жизнь. Судя по тому, что многие девочки подключились к сокурсникам, помогая чертить и посыпать контур солью, враг подойдет на расстояние рукопашного боя раньше, чем маги смогут придумать что-то глобальное для защиты. Горстка наших добровольцев обречена. А я? Что я, книжный червь, могу? Сюда бы отряд васконцев. Элитный королевский полк, где служат мои соотечественники. Враги даже не рискнули бы приблизиться к границам, зная, что здесь встретят их васконцы. Они не отступают, сражаются до последнего вдоха, разрывая противника, если надо, голыми руками. И даже магия им не помеха. Что значит колдовство против мощи рожденных для битвы?

Но где это войско, а где мы? Если бы я могла...

Перед глазами встало лицо месье Гастона. «Ваша иллюзия — это нечто, мадемуазель Эвон. Темнота была как живая. Мне казалось, я чувствовал ночной воздух и даже ветер в волосах. Вы удивительная!» А что, если?..

Я застыла. Получится ли? Или это за гранью моих сил? Широко расставила ноги и вздохнула, закрыв глаза. Ведь книги и стихи не обязательны для магии иллюзии, верно? Они просто задают нам вектор, помогают настроиться на нужный лад, но, по большому счету, слова не нужны: важно лишь воображение «читающего». Я же видела это! Тогда месье Тэд...

Войска... элитный полк васконцев. Я представляла всех и каждого.

Смешливых, горячих юнцов, сосредоточенных вояк с лицами, покрытыми шрамами, даже себя, словно преображенную в пажа-оруженосца, держащего флаг с гербом моего рода, на котором барсук угрожающе щерился, обещая беспощадную битву всем, кто пойдет против него. Казалось, я почувствовала тяжесть древка в своих руках. Если здесь и сейчас я умру, то пусть хотя бы запомнят Эвон де Сагон.

Старательно рисовала в воображении каждую черточку: лилии на пуговицах, эфесы шпаг и погоны. Лица, сеточки морщин в уголках глаз. Жесткие губы. Я видела всех и каждого. Я знала этих воинов! Ощущала себя этими людьми: веселым дамским угодником Жуи, степенным, немного набожным месье Полем, любителем выпить Андрэ. Я была войском пехотинцев.

Открыла глаза и оглянулась. Везде, насколько хватало обзора, стояли васконцы. Не узнать их было невозможно: характерные крупные носы, темные шевелюры, даже мундиры — точь-в-точь как я запомнила из рассказов деда. Это было... жутко красиво. Но хватит ли такого «подкрепления», чтобы испугать врага?

Перевела взгляд вниз и застыла в ужасе. Пока я «вырисовывала» своих воинов, враг успел перейти вброд реку, и началось сражение. Вот в обмороке, а может, от бессилия оказалась лежащей на земле Ирма, а следом еще три девочки-целительницы. Там спанцы прорвали наш левый фланг и врезались в отряд боевиков. Вскрикнул старшекурсник, магводник, первый дуэлянт академии. На груди юноши алело расплывающееся пятно крови. Возможно, на нашей стороне и было преимущество магов, но нападающих оказалось слишком много.

Мальчишки. Наши мальчишки! Они не были серьезной преградой войску. Всего лишь спасительные минуты, которые давали гонцу, чтобы добраться до ближайшего гарнизона и предупредить... или часы? Но каждый сражался, чтобы дать возможность спастись всем, кого эвакуировали из академии. За кого билась Ирма? Или Жан-Клод? Насколько велика их любовь к тем, ради кого они были готовы умереть?

А я? Мои фантомы стояли. Разве смогу я заставить их сдвинуться с места? Оглянулась и поняла — нет. Они пойдут только вместе со мной. Сглотнула. Мне страшно! Страшно, черт возьми! Но я не смею думать, что не справлюсь, и не позволю жалости к самой себе взять верх, оправдывая свою трусость. Вспомнила слова дедушки: «Ты слишком много думаешь, Эвон, о том, что ты слаба. У тебя нет на это права, Эвон!» Слезы душили меня, а руки судорожно сжимали древко флага.

Дедушка. Какие слова скажет он, если узнает, что я струсил. Простит

ли? Мигом представила его глаза и сделала шаг вперед.

«Умирать легко, Эвон. Надо всего лишь сделать шаг и заслонить собой монарха».

Ноги словно вязли в киселе, каждое движение отдавалось болью в груди. Слишком тяжелая иллюзия — их слишком много! Я... Сжала зубы, вычерпывая себя до дна. Я смогу! Я же васконка! Разве могу я предать дофина? Нет! Только не я! Эвон де Сагон никто не обвинит в трусости.

Следующий шаг дался значительно легче, а от осознания того, что я «могу», за спиной словно выросли крылья.

— За короля! — изо всех сил крикнула, отталкиваясь носком от земли, и побежала вниз.

— За короля! — вторило несколько тысяч глоток за моей спиной, отчего я едва не оглохла. Они не могли говорить! Не могли! Иллюзии безмолвны, только у мэтров из легенд... Но думать было некогда.

Иллюзорная армия будто ожила, повторяя мой маневр. Войско шло, набирая ход вместе со мной, быстрым маршем спускаясь вниз с холма. Бежать становилось все легче, меня, точно пушинку, несло к воде. И я видела врагов все ближе: вороненые доспехи, уродливые шлемы, напоминающие демонические маски, которыми у нас пугали на ярмарках детей.

— За Франкию! За Васконь! — вцепившись изо всех сил в «древко» флага, выкрикнула, срывая голос.

Слышали ли нас? Безусловно!

— За Васконь! — послушно проорало мое воинство, потрясая оружием на бегу.

Сражающиеся внизу остановились и повернули головы в сторону холма. Враги с ужасом смотрели на мою рать. И я понимала их чувства, слава воинов-васконцев гремела далеко за пределами Франкии. И поток «людей», спускающихся к реке, не прекращался. Даже не тысячи — десятки тысяч! Моя «армия» ничуть не уступала спанской.

— За короля! — дружно поддержали мой клич некроманты, воодушевившись подмогой.

Боль в груди разливалась и становилась с каждой секундой сильнее. Мой дар протестовал, требуя прекратить издевательство. Как же жжет, мамочки! Казалось, еще шаг — и я упаду, а вместе со мной и все мое войско. Но разве могу я упасть сейчас? Нет-нет!

«Умирать легко, Эвон. Надо всего лишь сделать шаг...»

— Ура! — упрямо закричала, продолжая бежать, хотя голос дал петуха. Я же васконка! Моя родина Франкия! Моя честь! Никто не сможет это

отнять у меня, пока сама не решусь «отдать». И я почти совершила эту ошибку, но... больше не отступлю.

— До победы! — прокричало мое войско боевой клич васконцев, потрясая в воздухе клинками.

Не было сил даже подумать о том, что эти слова «соотечественники» не могли выкрикнуть. Мне казалось, что я оглохла и ослепла. От перенапряжения, от бряцания оружия и тяжелого дыхания за своей спиной. Я была на пределе — но я не остановлюсь. Противник должен отступить, он должен поверить! Потому что представить себе не могу, что будет, если мы столкнемся в бою... Это же иллюзия!

И враг... дрогнул. Медленно останавливалась вражеская армия, начисто игнорируя трубящий горн, словно не слыша барабанов. Мгновение, другое, показавшееся мне вечностью, — и войско спанцев развернулось, несмотря на окрики своих командиров. Люди бежали, побросав шпаги, спотыкаясь и падая. Никто и не думал поднимать упавших, отступающие давили своих же. Это было жутко...

Месье де Грамон, перестроив свой отряд, ударил в спину бегущим спанцам. В рядах противника началась паника.

В груди горело, чувства натянулись, как струна, и надо было отпустить иллюзию, но я запретила себе об этом думать. Я отдавалась ей без остатка. Последнее, что помню перед спасительной темнотой, — как мое воинство все-таки влетело в перепуганных спанцев. Но... разве это возможно?

«Умирать легко, Эвон...»

Да, дедушка, умирать легко. Надо всего лишь выбросить все мысли из головы и сделать шаг вперед. Ты будешь гордиться мной, ведь верно?

В груди все еще нестерпимо жгло, казалось, я выпила что-то очень горячее. Даже дышать было больно. Я... жива? Не спешила открывать глаза. Вдруг там все-таки рай? Или ад? Сильно ли я грешила? Постаралась вспомнить, так ли плохо я поступала в своей жизни. Получалось, что не очень. Значит, и котлов с кострами быть не должно?

— Никогда не слышал о таком, думал, это легенды.

Узнала месье де Грамона и с облегчением улыбнулась. Что ж, по крайней мере, я пока еще в этом бренном мире.

— Вот тебе и «говорящая с книгами», — послышался обескураженный голос незнакомого месье.

— Одно слово — васконка. Они сделают невозможное для своего короля.

О! Незнакомцев трое! И как минимум один из них мой

соотечественник, не узнать акцент просто невозможно. Я мысленно согласилась. Именно! В последнюю очередь я девушка или «говорящая с книгами», самое главное — я была, есть и буду васконкой. И демон меня задери, как говорил дед, думая, что я его не слышу, честь для меня гораздо важнее жизни.

— Да-да, — кисло отозвался первый незнакомый мне месье. — Я слышу это уже в седьмой раз. Давайте без лишнего пафоса. Желания умереть за корону я не видел ни у одного из вашего полка, Жюст. Это ленивые, довольные жизнью простые франкийцы, а не гордые сыновья Васкони, какими они были лет пятьдесят назад.

— Но...

— Она из рода де Сагон, и этим все сказано, — перебил месье Жюста месье де Грамон. — Ты ожидал от нее другого?

— Виконт почти так же дорожит своей честью, как и ты, старый друг.

— Не такой уж я и старый, — недовольно отозвался месье де Грамон.

— Уж не намекаешь ли ты, что имеешь виды... — Месье Жюст неприлично захохотал.

— Я ни на что не намекаю, это лишь ваши фантазии, — оборвал васконца менталист.

— А был бы неплохой вариант...

— Я прошу перестать, ваше величество!

Я испуганно ахнула. Ваше величество? Рядом король! Рука сама собой метнулась к волосам. Что с прической? А лицо? Неужели король увидит меня страшной, больной? Конечно, в фаворитки Луи я не набивалась, он же совсем старый. Но это не повод предстать чучелом перед монаршей особой. И никакого зеркала. Как так можно?

Судя по ощущениям, на голове у меня было гнездо. И там уже вывели потомство стрижи. А как бы смотрелась я на кровати с аристократической бледностью, распущенными гладкими волнами волос поверх одеяла!

— И, по-моему, наша подопечная проснулась, — прозвучал голос месье де Грамона, а потом послышались шаги.

— Опять жульничаешь? Без амулета? — съехидничал месье Жюст.

Гулкие шаги приближались, хотя, предполагаю, идти было всего ничего. И верно, отодвинув штору, которая в больничном крыле отделяла одну кровать от другой, к моему ложу подошли трое.

— Нет, с амулетом, — усмехнулся «старик», разглядывая меня. — Просто у кого-то эмоций больше, чем птиц в стае.

Я покраснела от такого сравнения. Неужели меня слышно даже сквозь специальный артефакт? И разве не мог месье де Грамон промолчать?

— Ваше величество, позвольте выразить...

Я попыталась встать, дабы приветствовать подошедшего короля как должно, но, увы, переоценила свои силы. Руки, казалось, не держали мой вес. Я с трудом приподнялась и обессиленно рухнула на перину, робко улыбаясь. Это же непростительно! Не по этикету.

— Оставьте, деточка, героиням сражений необязательно следовать правилам, — усмехнулся Жюст.

Героиням сражений! Щекам мигом стало жарко. Так все-таки получилось! А я так боялась, что с моим падением войска спанцев развернутся снова. Я так боялась за принца, фаворитов, месье де Грамона.

— И конечно же вы заслужили награду, — мягко кивнул его величество.

Я могла хорошенько рассмотреть короля. Высокий, такой же рыжий, как и дофин. Они вообще поразительно походили друг на друга, словно копии. Только его величество был несколько шире... в талии. И тут до меня дошел смысл слов короля. Награду? Но...

— Я лишь сделала то, что мне велела честь, месье, — сухо возразила, поражаясь своей дерзости, — я посмела перебить его величество. Но разве не понимал король, что я делала это не ради денег или титула? Неужели он так может оскорбить меня? Да, «Гнезду» не помешали бы денежные вливания, но разве можно опозлить мой поступок подачкой? Никогда!

— Слова истинной васконки! — гордо надулся мой соотечественник, будто мое высказывание — это его личная заслуга.

— Я и не ожидал другого, мадемуазель, — мягко улыбнулся король, поглядев почему-то при этом на месье де Грамона. — Но вы согласны со мной, что хорошие дела должны вознаграждаться?

— Да, — неуверенно кивнула.

Мне было неудобно. Король стоял около моей кровати, как будто я была выше его по положению. Но награда! Я мигом представила, как отдаю деду орден. Я буду первой из женщин де Сагон, которая заслужила его. А как это скажется на моем статусе? Наверняка же я смогу заключить более выгодную партию.

Ох, Эвон! Какая же ты меркантильная! Думаешь о деньгах, как какая-нибудь торгашка! Разве это благородно?

— Поэтому я настаиваю, мадемуазель, ваш поступок должен быть вознагражден. Вы согласны?

— Согласна, ваше величество, — серьезно кивнула я.

Со мной говорили на равных. Так с дедом общались его друзья. Получается, меня не воспринимали как юную мадемуазель, а скорее как

молодого солдата, представленного к награде. Щекам мигом стало жарко.

— На днях подготовят приказ о вручении регалий, а пока я хотел бы предложить вам перейти в столичную академию. Сами понимаете, мы должны обеспечить безопасность избранницы дофина, а без вас мадемуазель Армель будет скучать, да и такая подруга, на мой взгляд, поможет уберечь маркизу от недобрых людей.

Ошеломленно уставилась на короля. Мне предлагают учиться в столичной академии? Неужели?

То, о чем Эвон слышать не могла

— И ты... спустя почти три года решил-таки внять моим словам насчет обучения в столице?

Ноэль, прищурившись, посмотрел на сидящего за столом месье де Грамона.

— Помнится, вы говорили, что я всегда могу воспользоваться *вашим* предложением, месье.

— Ну я-то, предположим, говорил, а вот почему ты передумал? — Месье де Грамон, отложив в сторону бумаги, откинулся на спинку стула.

Ответ менталисту не требовался. К чему? Даже амулет снимать не было нужды, чтобы понять мотивы Ноэля. Женщина. Всегда женщина. И даже выбор некроманта его не удивлял, но вот решимость в глазах юноши... То, что не удалось ему, Цепному Псу короля, легко стало возможным благодаря маленькой васконке.

— Разве это важно? Я буду под вашим приглядом и с головой уйду в работу над проектом.

— Надеешься, у тебя есть шансы?

— Вы сами рекомендовали меня в команду по контролю над разумом нежити, — пожал плечами Ноэль.

Юноша не любил афишировать, что имел слабый дар менталиста. Впрочем, никто в здравом уме не заставил бы его вступить в стан «воронов», слишком велико благословение богини. Ноэль как никто другой, отмеченный поцелуем Тьмы, был способен контролировать нежить. И хотя его устраивала студенческая жизнь в провинции, сам месье де Грамон не раз звал его в столичную академию, а оттуда и в университет.

— На девушку с даром некромантии, первую за последние лет тридцать, слетятся все, стараясь завоевать ее расположение. Даже жаль, что она не подходит для договорного брака, не так ли?

— Вам-то какое дело? Эвон же вам неинтересна.

— Удивительно чистое создание, — невозмутимо заметил месье де Грамон, внимательно рассматривая юношу. — И такие светлые мысли, бальзам на мою израненную душу.

— Вы же не станете... иначе...

— Угрожаешь мне?

— Предупреждаю, дядя...

— Намечается интересная игра, не так ли, *племянник?*

---

notes

Примечания

1

День Солнца — воскресенье.

2

День Сатурна — суббота.

3

Локоть — старинная мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.

Павана — торжественный медленный танец, распространенный в Европе в XVI веке.

5

В действительности Эвон будет танцевать «конский бранль».